

НАЗИР ТЮРЯКУЛОВ

Таир
Мансуров

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Многогранная дипломатическая деятельность Назира Тюрякулова — полпреда СССР в Королевстве Саудовская Аравия в 1928–1936 годах — оставалась долгие годы малоизвестной для широкой общественности.

Книга доктора политических наук Т. А. Мансурова на основе богатого историко-документального материала раскрывает многие интересные факты борьбы Советского Союза за укрепление своих позиций на Аравийском полуострове в 20-30-е годы XX столетия и яркую роль в ней советского полпреда Тюрякулова — талантливого государственного деятеля, публициста и дипломата, вся жизнь которого была посвящена благородному служению своему народу.

Автор на протяжении многих лет подробно изучал деятельность Назира Тюрякулова, используя документы Архива внешней политики РФ и других центральных архивов в Москве. Данное повествование рассчитано на всех, кто интересуется отечественной историей и историей дипломатии в особенности.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Таир Мансуров](#)
    -
    -
    - [К ЧИТАТЕЛЮ](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)

- [INFO](#)

ЖИЗНЬ® ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

1096

---

(896)

Таир Мансуров

**ПОЛПРЕД
НАЗИР ТЮРЯКУЛОВ**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Автор выражает признательность Архиву внешней политики РФ, Российскому государственному архиву социально-политической истории, Российскому государственному архиву и Центральному архиву ФСБ РФ за помощь в сборе материала для этой книги.

© Мансуров Т. А., 2004

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004

Перед нашими глазами стоит великий исторический пример служения национальным интересам со стороны целой плеяды выдающихся исторических деятелей, государственников в истинном смысле этого слова — тех, кто уже в начале двадцатого столетия сформулировал цели развития казахской государственности, Об истории необходимо судить не только, а в нашем веке и не столько, по завоеваниям, сколько по порывам национального духа.

Нурсултан Назарбаев. В потоке истории

К ЧИТАТЕЛЮ

Внешняя политика любого государства наиболее эффективна, если она опирается на опыт прошлого, использует приемы и методы созданной целыми поколениями собственной дипломатической школы. И совершенно неоправданным в этом плане представляется предание забвению важнейших событий не такого уж и далекого прошлого, как это имело место, например, с историей возникновения отношений Советского Союза и Саудовской Аравии. Как известно, эти отношения после долгих десятилетий «заморозки» были восстановлены в полном объеме в 1990 году. Между тем в течение почти десяти лет, в далекие 20—30-е годы, они переживали бурный подъем, были по-настоящему партнерскими.

Политический курс в отношении какого-либо государства во многом зависит от того, кто и как проводит его на месте. В этом смысле выдающаяся роль Назира Тюрякулова — полпреда СССР в Саудовской Аравии — неоспорима. Надо отдать должное и кадровой политике тогдашнего руководства, сознательно избравшего на должность своего представителя на земле ислама человека, разбирающегося во всех религиозных тонкостях, с одной стороны, и светского, образованного, преданного делу революции государственного деятеля — с другой. Выбор этот был полностью оправдан. Н. Тюрякулов достойно представлял свою страну в Саудовском королевстве на протяжении целых восьми лет (1928—1936) — рекордный по тем временам срок.

В предлагаемой читателю книге доктора политических наук Т. А. Мансурова подробно повествуется об этом первом советском полпреде-казахе, дается широкая панорама становления и развития советско-саудовских отношений в тот далекий период. На основе архивного материала автор раскрывает доселе малоизвестные факты борьбы Советского Союза за влияние на Аравийском полуострове и прямого участия в ней умного и энергичного полпреда.

Поражает работоспособность Н. Тюрякулова, смелость мышления, умение находить общий язык не только с местными шейхами, но и «антагонистами» — дипломатами из Англии и других западноевропейских стран. Неформальные теплые отношения полпред установил с королем и его сыновьями. Готовность браться за самые трудноосуществимые дела и поистине государственный подход к решению возникающих проблем дают все основания судить о Назире Тюрякулове как об одном из ярких

советских дипломатов «первой волны».

И главная заслуга в том, что не только эта фигура возвратилась из небытия, но и был поднят целый пласт истории дипломатии СССР на Ближнем Востоке, принадлежит автору этой книги. При этом хочу заметить, что свою плодотворную деятельность на должности посла Казахстана в Москве Таир Мансуров успешно сочетал с научной работой, наглядным свидетельством чего является данное исследование одной из интереснейших страниц ранней советской дипломатии на Аравийском полуострове.

Академик Е. М. Примаков

A handwritten signature in black ink, reading "Е. М. Примаков". The signature is written in a cursive, flowing style with a long horizontal stroke at the end.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы шагнули в новое тысячелетие, но корни нашего настоящего и будущего остались в ушедшем XX веке.

История страны в советский период со всеми ее неоднозначными как героическими, так и трагическими страницами сегодня подвергается переосмыслению. Время рано или поздно все расставит на свои места, но уже сейчас наш долг — восстановить в глазах благодарных потомков добрые имена подлинных героев, беззаветно служивших Родине на самых сложных и ответственных участках борьбы за интересы своего государства.

Назир Тюрякулов — полпред СССР в Саудовской Аравии (1928–1936), главный персонаж этой книги — с полным основанием может быть причислен к творцам советской истории, во всяком случае — истории советской дипломатии. Мне довелось прикоснуться к архивным источникам, в которых запечатлелась жизнь этого выдающегося представителя казахского народа: государственного деятеля, дипломата и гражданина. Действительно, порой только архивные документы могут дать подлинное представление о той или иной незаурядной личности, основных этапах ее профессиональной деятельности.

В свое время мне удалось опубликовать материалы из Архива внешней политики РФ и других центральных российских архивов в двух сборниках — «Назир Тюрякулов — полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия» и «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова». Эти работы по большому счету были адресованы профессиональным дипломатам и научной общественности, и я пришел к выводу, что за их обложкой осталась значительная часть повседневной жизни Н. Тюрякулова, его устремления и переживания, безусловные победы и редкие неудачи. Мне захотелось представить в виде документального повествования читателю то, что было до сего времени скрыто за сухими строчками отчетов и записок, отправлявшихся полпредом в Центр, за протокольными фразами речей и официальных посланий саудовского монарха, за документами НКВД — бесстрастными свидетельствами репрессий 30-х годов, ордером на арест дипломата, справками о его расстреле и последующей реабилитации.

Эту книгу я готовил с особым пиететом к дипломатическому наследию полпреда Назира Тюрякулова. И мне, проработавшему послом Казахстана в России на протяжении восьми лет, более чем понятны все нюансы этого

специфического ремесла, по которому мы с ним оказались коллегами. Смею надеяться, что впечатляющая деятельность советского полпреда в Саудовской Аравии еще долгие годы будет оставаться достойным примером для новых поколений дипломатов, а история его короткой, но яркой жизни, столь созвучной событиям первой половины XX века, окажется интересна широкому кругу читателей.

Глава I

ПОЗНАНИЕ ЖИЗНИ

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

А. С. Пушкин

Назир Тюрякулов был личностью талантливой и многогранной, наделенной неуемной энергией, жаждой познания и неиссякаемым трудолюбием. Благодаря целеустремленности и опыту, приобретенному на разных поприщах его деятельности, за свою сравнительно короткую жизнь он сделал много полезного для своего народа и Отечества. Плодотворные идеи, созидательные дела и творческие устремления красной нитью пронизали его жизнь, отданную служению Родине.

Формирование личности Назира Тюрякулова происходило под влиянием великого наследия Абая и Чокана Валиханова, в духовном общении с выдающимися представителями казахской элиты — Алиханом Бокейхановым, Шакаримом Кудайбердиевым, Ахметом Байтурсыновым, Мыржакыпом Дулатовым, Магжаном Жумабаевым, Жусупбеком Аймауытовым и другими. Его родной край, являвшийся в прошлом гигантским полем битвы за национальную государственность, где соприкасались восточная и европейская культуры, стал своеобразным плацдармом для старта общественно-политической деятельности пытливого юноши.

По свидетельству современников, Назир с его проницательным спокойным взглядом, открытым живым лицом, умением слушать, четкой речью, незаурядными ораторскими способностями и одновременно мощным темпераментом и волевым характером являл собою пример человека, которого сейчас принято называть харизматическим лидером. Он проявил себя и в качестве государственного деятеля, и народным трибуном, не боявшимся брать на свои плечи тяжелый груз колоссальной ответственности за судьбы людей.

Формирование Н. Тюрякулова как политика пришлось на 20—30-е

годы начала XX века — сложное, даже экстремальное время, когда на одной шестой части суши происходил грандиозный социальный эксперимент — строительство нового общества. В этот тяжелый, судьбоносный для населения Центральной Азии период Н. Тюрякулов находился в Туркестане на высших государственных и партийных должностях. Именно здесь впервые проявились его качества как организатора и пропагандиста, никогда не изменявшего своим принципам. Он не приспособлялся, а жил и работал, порой изнуряя себя, с верой в светлое будущее, в торжество справедливости.

Поистине неоценим его вклад в сплочение народов Туркестана. Будучи в близких отношениях с Акмалом Икрамовым, Абдуллой Рахимбаевым, Кайгисызом Атабаевым и другими лидерами Туркестанского края, Назир мог оказывать и оказывал реальное влияние на объединительные процессы в регионе.

Мощный интеллект и высокая образованность поставили Назира Тюрякулова у истоков нового массового просвещения народов родного края. По сути дела именно он, приняв непосредственное участие в организации в Ташкенте Казахского института просвещения, преобразованного затем в Высший педагогический институт — один из первых казахских вузов, заложил основы современной высшей школы в Казахстане.

Лишь выдающиеся личности оставляют после себя заметный след в истории. Поэтому столь велики и заслуги Назира Тюрякулова перед страной на самых разных поприщах. Но наша главная задача — рассказать о том огромном вкладе, который этот замечательный человек и гражданин внес в успехи и завоевания отечественной дипломатии.

Предки Н. Тюрякулова были выходцами из Южного Казахстана. Будущий советский дипломат родился в 1892 году в Коканде в состоятельной семье торговца хлопком. Отец Назира по соображениям коммерческой выгоды в свое время перебрался в Самарканд, а затем — в Коканд. По сохранившимся сведениям, к началу Первой мировой войны он сколотил состояние в 60 тыс. рублей, владел семью десятинами хлопковой пашни и тремя домами. Помимо коммиссионерства, которое было источником его дохода только во время хлопкового сезона, и сдачи в аренду домов, он занимался своеобразной юридической практикой: оказывал «стряпчие» услуги местному населению — писал заявления в суды, жалобы и прошения в другие местные и царские инстанции.

Мать Назира — уроженка Ташкентской области, была женщиной набожной. По собственным словам Назира, именно под ее руководством он

получил в детстве «весьма и весьма» религиозное образование. Позже, в своей автобиографии он писал, что в старой Бухаре на могиле «известного в мусульманском мире святого Бехоуддина» шейхами над ним, еще 12-летним мальчиком, был произведен обряд зачисления в духовный патронат этого «святого».

Начальное образование Назир получил в светской по своему статусу, но глубоко религиозной по сути кокандской «новоме-тодной» школе «Джадид». Учеников в таких школах было не более 10–15 человек. Что касается программы обучения, то она ограничивалась освоением арабского алфавита, чтением и письмом, заучиванием наизусть молитв, правил их совершения и некоторых выдержек из Корана. Светским предметом в этой школе была разве что география. В компенсацию же за исповедование учения о шарообразности земли учителя принуждали детей регулярно посещать мечеть, хором распевать религиозные гимны («салаваты»), усердно изучать схоластику Средневековья и историю пророков ислама. За неповиновение следовала порка. Муллы каждую пятницу получали от учеников «жумалык» (пятничный) — недельный подарок. Родители учащихся нередко делали мулле более солидные приношения. В такой школе прошли первые ученические годы Назира (1900–1902).

В отличие от набожной матери, отец Назира больше тяготел к светской культуре, читал газеты на русском языке и мечтал, чтобы сыновья (у Назира был родной брат Кадыр) стали людьми широкого кругозора, пошли по его стопам и занялись торговлей. Для этого требовалось иное, более светское образование.

Между тем в это время в азиатской части Российской империи уже шел процесс реализации распоряжения Министерства народного просвещения «об образовании инородцев». Разумеется, в задачи царских чиновников от просвещения не входило сохранение национальных особенностей, напротив, «целью образования всех инородцев, имеющих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом», — гласило распоряжение. Но именно благодаря этому решению царского правительства появились так называемые инородческие, или русско-туземные школы. Обязательным для этих учебных заведений стало обучение русскому языку и ряду других светских дисциплин. Пожеланию отца в такой школе и продолжил обучение Назир. Окончив ее в 1905 году, он поступил в восьмилетнее Кокандское коммерческое училище, основанное местным русским купечеством и торгово-промышленными компаниями.

Отзвуки революции 1905–1907 годов докатились и до Туркестана. В

Коканде появились листовки с революционными призывами, проводились летучие митинги против самодержавия, звучали революционные песни демонстрантов. Последние, шагая под красными флагами по улицам города, пели: «Отречемся от старого мира!»

Революционный дух проник и в стены коммерческого училища. Его директор Е. В. Корчиц и некоторые из преподавателей, как выяснилось впоследствии, были участниками революционного движения тех лет. Один из них — преподаватель математики — член партии социал-революционеров Андроников, даже был арестован в 1906 году и приговорен к каторжным работам, многим другим удалось скрыться. Очевидно, что не только знания, высокий уровень педагогики и столь отличное от школы «Джадид» гуманное («отсутствие битья») отношение к ученикам, но и последующий арест некоторых преподавателей за их прогрессивные воззрения — все это, как выразился сам Назир, «бросило в его настроения первые семена сомнения».

Особенно заметные следы протеста в душе Назира оставили расправы полицейских с демонстрантами и чрезвычайно жестокое столкновение царских воинских подразделений и жандармов с рабочими кокандского депо. Выступления масс порождали в нем свободолюбивые мысли, но в то время цели и задачи революционной борьбы виделись ему еще весьма смутно. Не так просто было Назиру изжить в себе влияние «джадидизма», тем более что молодой человек еще продолжал по инерции поддерживать связи с объединениями этого религиозного движения, а значит, все еще находился под его влиянием.

Возвращаясь в воспоминаниях к данному периоду своей жизни, Н. Тюрякулов отмечает, что в те годы его идеология не была отчеканена, и он блуждал в поисках общественно-политического пути.

Между тем веяния первой русской революции привели к возникновению в Туркестане в среде учащихся и предпринимателей, названных самим Н. Тюрякуловым «либеральной мусульманской буржуазией», ряда кружков и объединений. Сначала они создавались для обновленного толкования религии, а затем и изучения истории французской революции и русского революционного движения. И именно когда Назир стал активно посещать собрания кокандского кружка социал-демократов, в его взглядах наметился не только отход от религиозных догм, но и резкий поворот в сторону социал-демократических идей, определивший его дальнейшую политическую судьбу.

Новые революционные веяния находили все больший отклик в душе Назира, даже несмотря на неприемлемое для него «славянофильство»

руководителя кружка — члена РСДРП К. П. Молдавского. Впрочем, в своей автобиографии он пишет о том, что в равной мере его отталкивали «своей узостью, ограниченностью и тупостью» и значительно расцветшие в те годы в городах Туркестана пантюркизм и местный национализм. Очевидно, что именно в этот период были заложены основы взглядов будущего политика, журналиста и дипломата, которые сам он называл «народническим мировоззрением». Здесь же формировался круг его будущих соратников, многие из которых впоследствии занимали руководящие должности в партийных и советских органах Туркестана.

В 1913 году, успешно закончив выпускной восьмой класс Кокандского коммерческого училища, Н. Тюрякулов поступает в Московский коммерческий институт. Здесь для целеустремленного молодого человека открываются новые возможности не только изучать экономические дисциплины, но и вплотную заняться иностранными языками, интерес и необычайные способности к которым у него обнаружили с самого детства. Прекрасно владея русским и турецким языками, говоря на французском и немецком, сам Назир был довольно скромнен в оценке своих знаний, в анкетах обозначал их как средние и не уставал совершенствоваться в языковых навыках всю свою жизнь. Кроме того, он владел прекрасным слогом, переводил и редактировал. Надо заметить, что в те времена весьма распространено было самообразование, что позволило Н. Тюрякулову впоследствии, когда он находился на аравийской земле, не только выучить, но и довести до совершенства арабский язык.

Между тем накал революционной борьбы в регионе нарастал, а в 1916 году здесь вспыхнуло грандиозное восстание. Дело в том, что в годы Первой мировой войны первостепенное значение для Центральной Азии приобрел вопрос о привлечении мусульман к воинской службе. Военное ведомство выступало за призыв их в армию, а Министерство внутренних дел было категорически против. «Компромиссным» решением, подготовленным правительственным кабинетом, возглавляемым Б. В. Штюрмером, стал указ от 25 июня 1916 года о принудительном привлечении ранее не служивших «инородцев» к тыловым работам в прифронтовых районах.

Указ словно намеренно пришелся на время рамазана, и, разумеется, был воспринят мусульманами не просто как третиrowание религиозных чувств, к чему они, в общем, привыкли, а намеренным святотатством. В подобных случаях Коран предписывал свергнуть любого правителя, даже мусульманина. Массовое недовольство «правоверных» подогрело русское население, распространявшее слухи, что на фронте инородцев используют

в качестве живого щита. Не дожидаясь окончания священного поста, мусульмане обрушили свой гнев сначала на местных представителей власти, затем на все русское население края. Нет нужды говорить, что восстание было жестоко подавлено властями.

Назир Тюрякулов оказывается в гуще событий. В 1916 году, когда царское правительство издало указ о мобилизации коренного населения Туркестана на военно-тыловые работы, он поступает на службу в Зсмсоюз (в комитет Западного фронта Минского района и района Барановичей) в качестве инструктора. Н. Тюрякуловым движет стремление «оказать помощь рабочим-туземцам, мобилизованным на тыловые работы», поэтому он оставляет институт после трех лет учебы и остается на этой должности вплоть до окончания демобилизации рабочих.

Тяжелая судьба, несправедливость властей и жизненные невзгоды соотечественников волновали Тюрякулова и раньше. Еще живя в Коканде, он наблюдал, как к его отцу из кишлаков часто приезжали бедняки и батраки с просьбами оформить жалобу высокому начальству о произволе, чинимом баями, ростовщиками и кулаками. Неравнодушный к чужим бедам, Назир нередко расспрашивал приезжих об их обидах, возмущался беспорядками. Ему часто приходилось наблюдать, как жалобщики, пройдя через унижения и оскорбления, но так и не добившись справедливого решения своих проблем, разъезжались по домам.

Мрачные картины тяжелой участи тружеников кишлаков дополнились не менее угнетающими впечатлениями от суровой жизни рабочих-тыловиков. В своих воззрениях Н. Тюрякулов все больше приходил к убеждению, что только свержение царизма откроет путь к освобождению народов Туркестана. Зрела его уверенность и в том, что борьба за это правое дело должна вестись в тесном союзе с русскими рабочими.

Именно в этот период у Н. Тюрякулова формируется идея об оказании конкретной помощи своему народу, положившая начало его активной политической деятельности. В Минске он создает тайную организацию — общество «Еркин дала» («Вольная степь»), объединявшее революционно настроенных студентов и учителей и призванное содействовать национально-освободительной борьбе народов Туркестана.

Вполне вероятно, что это общество могло бы стать основой для мощной политической организации социал-демократического толка, не помешавшей развертыванию его деятельности Февральская революция. Вскоре после февральских событий началась демобилизация тыловиков, они стали возвращаться в Туркестан. Вслед за соотечественниками, в помощи которым он видел смысл своей службы, Н. Тюрякулов уволился с работы в

Земсоюзе и также выехал на родину.

По пути домой он на некоторое время задерживается в Оренбурге, где редактирует газету областного ревкома и параллельно ищет пути оказания действенной помощи соотечественникам на местах. Для этого вместе с товарищами, работавшими с ним в тыловом управлении, он решает пойти по уже знакомому ему пути и организовать земство среди казахского населения. Свой план Назир предполагает осуществить в Тургайской степи, куда и направляется в феврале 1917 года. В это же время Н. Тюрякулов вступает в ряды левых эсеров, чьи взгляды на том этапе казались ему наиболее созвучными собственным мыслям и устремлениям.

К сожалению, земским планам Назира не дано было осуществиться. Когда на выборах на должность инструктора была выставлена его кандидатура, против молодого эсера активно выступила местная казахская «консервативная» аристократия, захватившая земство в свои руки. В результате сговора противников Н. Тюрякулова его кандидатура была отвергнута.

Весть о победе Октябрьской революции окрылила молодого человека и возродила в нем уверенность в собственных силах. Уже имевший к тому времени определенный опыт классовой борьбы, Назир глубоко задумался о своем месте и роли в сложившейся новой обстановке.

Может быть, тогда он еще не совсем ясно представлял себе масштаб происходящих исторических перемен и особенностей наступившей новой эры, но всей своей душой чувствовал, что из Туркестана, как и из далеких Тургайских степей, безвозвратно уходит колониализм.

Революционный процесс не обошел стороной южную окраину Российской империи. Уже 15 ноября 1917 года в Ташкенте открылся III краевой съезд Советов, провозгласивший Советскую власть в Туркестане и избравший Совнарком Туркестанского края. В Туркестане революционные события и гражданская война были результатом классового противостояния преимущественно в русской среде, но и местное население постепенно втягивалось в революционный процесс.

Новая власть установилась в Туркестане достаточно быстро — в ноябре-декабре 1917 года, а в феврале-марте 1918 года — и в Казахстане. Поэтому летом 1918 года, когда Туркестанская Советская Республика оказалась отрезана от центральной России, а в самом Туркестане начались контрреволюционные мятежи, Советская власть устояла. Устояла потому, что большевики смогли завоевать доверие местного населения — казахов, туркмен, таджиков, узбеков и киргизов. Но британские спецслужбы

смогли подготовить мятеж в Закаспии. 11–12 июня власть в западной Туркмении захватило коалиционное правительство во главе с эсером Фунтиковым, затем туда открыто вошли английские войска. В это время на севере, со стороны Актюбинска и Оренбурга, наступали отряды атамана Дутова. На востоке, в Семиречье, в Киргизии разгорались кулацкие мятежи. В Фергане действовали отряды басмачей. В этих условиях руководство Туркестана сумело сосредоточить все имеющиеся силы и подготовить наступление в Закаспии. Вражеские войска там были разбиты и откатились на запад, почти до Ашхабада. Англичане, потерпев поражение, летом и осенью 1918 года вынуждены были вывести свои войска из Туркмении.

В это сложное время Назир возвращается в Ферганскую долину, преисполненный решимости воплотить свои революционные идеалы в жизнь. Он прибыл в родной Коканд, где застал обосновавшуюся в «старом городе» контрреволюционную «Кокандскую автономию».

Хотя в Кокандское правительство формально и входили представители основных тюркских народов края и национальных меньшинств, их политические воззрения были далеки от чаяний простого народа и не находили поддержки в массах. Возможно, дело обстояло бы иначе, поставь правительство только задачу объединить мусульман. Но оно стремилось восстановить Кокандское ханство и устранить Советскую власть в Туркестане, что к тому времени уже не встречало явного противодействия со стороны большинства населения.

Кроме того, руководство автономного Туркестана раздирали серьезные внутренние противоречия, а разные внешние ориентации — российская, германская, турецкая и др. — не могли не внести дополнительного раскола. Поэтому неудивительно, что когда в январе 1918 года Кокандское правительство известило о намерении созвать 20 марта 1918 года свой парламент, до осуществления этой идеи дело так и не дошло. Вот здесь и проявили себя политические слабости местных элит. Решение центра об упразднении Кокандского правительства стало логичным выходом из кризиса власти в регионе. Самопровозглашенное правительство пало под ударами красногвардейских отрядов, действовавших совместно с рабочими Коканда. Среди красных дружинников находился и Н. Тюрякулов.

Разгром Кокандской автономии ускорил победное шествие революции в Центральной Азии и благотворно повлиял на судьбу других мусульманских государств в составе России. Вместе с тем очевидно, что Советская власть была принята далеко не всеми слоями местного населения. В ответ на революционное движение народных масс возникло

вооруженное сопротивление в форме басмаческого движения, участниками которого стали крупные землевладельцы, местные фабриканты, мусульманское духовенство, вовлекшие в борьбу и часть крестьянства. К басмачам присоединялись отдельные белогвардейские отряды и представители местного русского чиновничества.

Движение басмачества проходило под лозунгами панисламизма с оттенком пантюркизма в сочетании с ярко выраженными антирусскими настроениями. Своей целью басмачество ставило ликвидацию Советской власти и создание объединенного исламского государства. Хотя различные социальные и политические сегменты этого движения преследовали собственные цели, их объединяло острое неприятие новых идей, ненависть к Советской России и ее сторонникам в Туркестане.

После провозглашения Туркестанской республики власть в Ташкенте перешла в руки местного Совета народных комиссаров. Новое правительство сразу же столкнулось с движением басмачей в Ферганской долине, где против большевиков объединились «мусульманская армия» местного басмаческого лидера Мадамин-бека и «народная крестьянская армия» полковника царской армии Монстрова, поддерживавшего связь с «сибирским правительством» адмирала А. Колчака. Удар басмачей пришелся и по семье Назира Тюрякулова: в 1918 году от их рук погиб его отец.

После изгнания «автономистов» Назир работал секретарем Совета рабочих, солдатских и мусульманских депутатов и комиссаром просвещения в Коканде, членом Президиума областного ревкома города Скобелево (Туркестан) и заведующим Отделом народного образования (июль — октябрь 1918 года). В тот период он все еще находился в рядах левых эсеров, являясь заместителем председателя местной организации этой партии.

Наряду с событиями в Коканде и участием в вооруженной борьбе с басмачами самое прямое воздействие на формирование идеологических взглядов Н. Тюрякулова оказала совместная работа с большевиками в Кокандском Совдепе, а также личность возглавлявшего этот Совет легендарного революционера Е. Бабушкина. В октябре 1918 года Назир примкнул к большевикам. Став членом РКП(б), он вступил добровольцем в Красную армию и был назначен начальником политуправления Конной армии в Туркестане.

С этого момента начался стремительный взлет его революционной и партийной карьеры. Тем более что под влиянием революционного порыва в этот период расцвел и талант Тюрякулова-публициста и организатора

культурно-массовой и просветительской работы. Работая в Кокандском Совдепе, он принимает самое активное участие в создании его печатного органа «Халк газетаси» («Народная газета»), организует выпуск первого номера органа ЦК Компартии Туркестана — журнала «Инкилоб» («Революция»). Н. Тюрякулов в качестве члена редколлегии этих и других изданий не только много редактирует и контролирует качество перевода, но и сам регулярно публикуется на их страницах. Уже тогда его материалы были отмечены глубиной понимания проблемы, склонностью к анализу и превосходным стилем.

Следует особо отметить, что благодаря творческому энтузиазму Назира местная журналистика тогда сделала стремительный и качественный рывок вперед... Такие журналы, как упомянутый уже «Инкилоб» («Революция»), «Хакикат» («Истина»), «Билим очагы» («Очаг знания»), «Туркмен-Эли» («Туркменский народ») и др. уже к 1923 году распространялись далеко за пределами Туркестана (Кашгар, Кульджа, Поволжье, Бухара, Хива и т. д.). Почти каждый крупный город к тому времени уже имел по несколько газет, выходивших на русском, казахском и узбекском языках. Масштабность перемен в общественной жизни и культуре во многом связана с эрудицией, трудолюбием и политической смелостью таких энтузиастов, как Н. Тюрякулов.

Это тем более важно, что создание новых нарождающихся общественно-политических и литературно-художественных журналов на местных языках проходило в то время в условиях упорного сопротивления их выходу в свет со стороны «буржуазных националистов». Классовая борьба не прекращалась и на идеологическом фронте. С присущим ему чувством ответственности, как инициатор организации редакций для этих изданий, Назир берет на себя персональную заботу о подборе журналистских кадров.

Занимая ответственные руководящие посты, Н. Тюрякулов не пренебрегал мнением окружающих, ему было чуждо чванство и заносчивость. Как журналист он часто советовался со своими коллегами. Бывало и так: прежде чем отправить какую-либо свою статью в печать, он собирал отзывы о ней от своих товарищей по редакции.

Вдумчивый подход к делу, высокая образованность и великолепный слог открывали перед Назиром широкое поле деятельности в сфере печати и издательского дела. Так, в октябре 1919 года при краевом комитете Мусульманского бюро для осуществления контроля за качеством перевода и редактирования была создана редколлегия, председателем которой назначили Н. Тюрякулова. В том же году под его редакцией были изданы

Устав и Программа комсомола на узбекском языке. Будучи членом центральной комиссии по латинизации письменности народов СССР, Назир как лингвист провел огромную работу по составлению учебников узбекского языка.

Еще одним направлением многосторонней деятельности Н. Тюрякулова в тот ответственный для Туркестана период, когда проявился его ораторский талант и дар убеждения, стало чтение лекций. В качестве пропагандиста и агитатора он выступает перед слушателями на политкурсах Политуправления Туркестанского фронта в Ташкенте.

Новая власть отлично понимала, что для привлечения на свою сторону большинства населения, в основном запуганного и безграмотного, живущего в кишлаках, нужны были не просто неординарные, но выдающиеся личности, способные «глаголом жечь сердца людей». Потенциал Назира в этом плане был поистине огромен.

В 1919 году — в разгар вооруженной борьбы с басмачеством Назира Тюрякулова выдвинули в состав Облревкома. Ревком тогда работал без устали и на самых разных направлениях. Уже в то время стоял вопрос об устройстве будущей мирной жизни, для чего требовались инициативные и преданные революции люди. Полностью отвечавший этим требованиям, Назир был задействован на этом поприще. Спустя некоторое время его назначают на ответственный пост комиссара просвещения. Ведя кропотливую и напряженную работу по советизации школ, организации первых школ ликвидации неграмотности, Н. Тюрякулов много занимался и «агиткультом». В частности, понимая, что театр является действенным средством пропаганды новой жизни, молодой комиссар активно помогает повышению художественного уровня театральных постановок и созданию кружков художественной самодеятельности.

Его пропагандистская деятельность была поистине многогранной. Помимо публикации статей на актуальные политические темы, он участвовал в выпуске листовок и плакатов, писал фельетоны и заметки, разоблачавшие контрреволюционную сущность басмачества.

Вообще, разгром басмачей был одним из актуальнейших вопросов, от которого зависела дальнейшая жизнь республики. Он требовал сконцентрированного внимания, неотложных мероприятий как военно-политического, так и социально-экономического и организационного характера. В тот период особенно остро стоял вопрос о новых принципах национальной политики и государственного строительства.

Борьба с басмачеством в Фергане в этот период составляла один из важнейших предметов забот Назира Тюрякулова. Он неоднократно бывал в

кишлаках Ферганской долины, принимал участие в решении военных вопросов, поддерживал тесный контакт с Реввоенсоветом Туркфронта. В июне 1920 года до созыва съезда был образован состоявший из 9 человек Временный Центральный комитет компартии Туркестана. В его состав вошел и Тюрякулов, избранный секретарем ЦК КП Туркестана. Своей энергичной деятельностью, умом и немалыми организаторскими способностями Назир снискал авторитет не только у соратников из своей среды, но и у направленных на работу в Среднюю Азию большевизаторов-руководителей. «Выдающийся самородок — марксистски мыслящий человек!» — такую характеристику дал в свое время Н. Тюрякулову В. Куйбышев.

О признании Назира Тюрякулова политическим деятелем государственного масштаба говорит хотя бы тот факт, что VI съезд Компартии Туркестана (1921) принял резолюцию, составленную на основе сделанного им доклада, озаглавленного «Ферганский вопрос». В резолюции басмачество было заклеено как «контрреволюционное антисоветское движение, направленное исключительно на защиту классовых и сословных привилегий мусульманского байства». На тот момент это было наиболее правильное во всех отношениях определение сущности басмачества, имевшего контрреволюционно-бандитскую направленность.

Признавая политическое и, в еще большей степени, экономическое значение Ферганы не только для Туркестанской республики, но и для всей Советской Федерации (Ферганская долина поставляла 40–45 процентов потреблявшегося Российской империей хлопка-сырца), съезд наметил неотложные меры по ликвидации басмаческих бандитских формирований.

После разгрома основных сил басмачества их главарь предстал перед судом. Были организованы показательные судебные процессы, имевшие важное политическое значение, поскольку на них особая роль принадлежала общественным обвинителям. В качестве таких обвинителей выступали не только простые дехкане, но и ответственные лица республики с определенным опытом политической работы.

Подобным общественным обвинителем на процессе над главарем басмачей Муэтдином выступил и секретарь ЦК КПТ Н. Тюрякулов. Суд стал важнейшим политическим и пропагандистским событием в жизни Туркестана. На него ехали и шли дехкане из ближних и самых дальних кишлаков. Это уже был не обычный суд, а массовая демонстрация ненависти к басмачам. Свидетели были также не совсем обычные. В доказательство зверств басмачей они демонстрировали отрубленные руки,

перебитые ноги и отрезанные уши.

Ход процесса широко освещался в печати. Из материалов газет видно, что общественный обвинитель не только как политический деятель четко понимал свои задачи и помог суду раскрыть контрреволюционную и бандитскую сущность басмачества, но и проявил при этом личное мужество. Свою речь он произнес с политическим пафосом, насытил ее яркими эпизодами и фактами, ясными обобщениями и выводами. Надо сказать, что все публичные выступления Назира, на каком бы языке он ни говорил — русском, казахском или узбекском, а то и на арабском в далекой Саудовской Аравии, отличались всегда особым красноречием и убедительностью.

Один из присутствовавших на упомянутом процессе, ставший впоследствии генерал-лейтенантом Советской армии, Я. Д. Чанышев вспоминал: «...секретарь ЦК КПТ Н. Т. Тюрякулов произнес замечательную речь, восхитившую всех своей ясностью, правдой и непреклонной решимостью». (За Советский Туркестан. Сборник воспоминаний. Ташкент, 1963.)

Не оставлял Н. Тюрякулов тему социальных корней и неизбежного падения басмаческого движения в Туркестане и в своей последующей публицистической деятельности. Вот отрывок из его аналитической брошюры «Туркестанская Автономная Республика», составленной в середине 1922 года:

«...Неурожай и гололедица 1917 года и потом колоссальный голод, вырвавший в некоторых районах до 60 % населения (Сыр-Дар. обл.); Оренбургский и Закаспийский фронты; авантюра туземной буржуазии с ее кукольным «Автономным Правительством Туркестана» в Коканде; январская контрреволюция (1919) в Ташкенте во главе с предателем Осиповым, выступление Бухарского эмира — вот краткий перечень событий, из которых каждое подрывало и без того подорванное народное хозяйство Туркестана. К тому же следствием контрреволюционных выступлений буржуазии и кулачества в России и Туркестане (Дутов, Колчак) явился механический отрыв Туркестана от России, что в свою очередь нанесло сильнейший удар народному хозяйству, в особенности хлопководству. Интенсивное хлопковое хозяйство оказалось разрушенным. Экстенсивная злаковая культура, к которой перешло народное хозяйство, не могла и не может прокормить все население. Часть населения оказалась выброшенной из хозяйственной жизни страны и составила тот горючий материал, который немедленно был использован белогвардейцами различных мастей. Так возникло басмаческое движение в Туркестане.

Ошибки и промахи Советской власти первого периода (вооружение дашнаков и т. п.) придали одно время басмачеству окраску чисто белогвардейского движения, связанного с общероссийской контрреволюцией (известный главарь басмачества Мадамин-Бек в чине полковника был зачислен Колчаком в состав его армии) и Антантой (Каштар).

Однако на пороге шестого года Советской власти в Туркестане можно констатировать, что басмачество — эта язва на теле народного хозяйства всей федерации — переживает свои последние дни. Крестьянская масса отвернулась от басмачества, выявившего полностью свою бандитскую физиономию, а новая экономическая политика почти окончательно его доконала».

Восхождение к вершинам власти Назира Тюрякулова, надо признать, было поистине стремительным. Весной 1918 года он был еще секретарем Ревкома Кокандского Совдепа, а через три года находился уже на самой верхней ступени партийной и государственной иерархии, став после очередного съезда Советов в мае 1921 года председателем ТуркЦИКа, членом Среднеазиатского ЦК РКП (б) и членом РВС Туркфронта. За это время он успел побывать, как уже отмечалось ранее, и членом Президиума областного ревкома города Скобелево, и начальником политуправления Конной армии в Туркестане, и комиссаром просвещения Туркестана, и ответсекретарем ЦК КПТ, редактором ряда журналов и газет, в том числе «Вестника просвещения и коммунистической культуры».

Став, по сути дела, руководителем Туркестана, Н. Тюрякулов сумел проявить себя истинным лидером и квалифицированным администратором. Он часто выезжал в различные области республики, на месте стараясь вникнуть в суть проблем, возникающих перед новой властью, выступал на различного рода съездах, встречался с рабочими, красноармейцами и дехканами на собраниях и митингах. Причем он с самого начала усвоил для себя, что одним из важнейших качеств народного руководителя является умение прислушиваться к голосу масс, быть внимательным к каждому человеку. Всюду, где ему приходилось работать, он особое значение придавал приему посетителей, дорожил своими обещаниями. Его спокойный тон, отсутствие каких-либо признаков надменности, врожденная интеллигентность создавали такую обстановку, которая позволяла посетителям в буквальном смысле излить свою душу.

Назир прекрасно осознавал, что новое общество строится на новой основе, по законам, разработанным классиками коммунистической доктрины. Разъяснение широким народным массам ее основных

постулатов становилось важнейшей пропагандистской задачей. Поэтому при составлении тезисов докладов, проектов резолюций, указов или декретов, планов разного рода мероприятий — всего того, что составляло предмет ежедневных забот главы республики — он старался подводить под них четкую политическую базу. Для этого ему приходилось заниматься самообразованием, углубленно изучать марксизм и теорию революционного движения, что помогало ему в пропагандистских публичных выступлениях, в разоблачении контрреволюционной сущности как шовинистов, так и «буржуазных националистов».

Его жизнь была заполнена напряженной работой, но в любую свободную минуту он с особым увлечением читал философскую и историческую литературу, русскую и европейскую классическую прозу и поэзию, лириков и мыслителей Востока.

Развитие и укрепление советской государственности в Туркестане продолжалось. Бывший Туркестанский край стал Туркестанской Социалистической Советской Республикой, вошедшей в состав РСФСР в качестве автономной единицы. После разгрома басмачества на передний план вышли вопросы мирного строительства, неразрывно связанные с правильным решением национального вопроса. В то время компартия Туркестана вела упорную борьбу с так называемым национал-уклонизмом и великодержавным шовинизмом. И опять на переднем крае борьбы с этими реакционными проявлениями оказывается Назир Тюрякулов.

В своем очерке «Туркестанская Автономная Республика» Н. Тюрякулов прямо обвиняет шовинистически настроенную часть местной интеллигенции, выставлявшую себя патриотами, в стремлении ради своих политических амбиций басмаческими руками совершенно разорить экономику страны.

Для этих обвинений были все основания. По сути дела, речь шла об уничтожении экономической базы региона — хлопководства. Весьма красноречивы цифры, которые приводит Назир в одном из своих докладов: «...хлопковых посевов в 1915 году было 19 % общей поливной площади, в 1917 году — 13 %, в 1920 году — 9 %, а в 1922 году — еще меньше».

Отражая падение хлопководства для большей наглядности в абсолютных цифрах, Н. Тюрякулов утверждает, что если в 1915 году было 600 тысяч десятин хлопковой площади, то в 1922 году эти размеры сократились до 45 тысяч десятин.

Разумеется, такое положение было нетерпимо не только для сельского хозяйства Туркестана, но и с точки зрения интересов текстильной промышленности всей Советской Федерации. В центре на эту проблему не

могли не обратить внимание. Были приняты соответствующие решения, которые потребовали от руководства республики активных действий. Немало сил Тюрякулов отдал претворению в жизнь указаний ЦК РКП (б) по восстановлению хлопкового хозяйства Ферганы, проведению земельно-водной реформы. В качестве фактического руководителя республики он предпринимает все меры для планомерного возрождения хозяйства, для чего организывает в Туркестане сельскохозяйственный банк и сеть мелких кредитных товариществ, добивается переброски в Туркестан из центра 2 млн. пудов хлеба.

Болея душой за воссоздание национальной экономики, Назир видел в качестве основы ее возрождения и процветания развитие не только сельскохозяйственного производства, но и местной промышленности. Вместе с ответственным за экономику республики В. Любимовым он разрабатывает новую хозяйственную программу, краеугольным камнем которой явился принцип приближения промышленности к источникам сырья с целью «преодоления прежнего колонизаторства» и организации текстильной промышленности на месте. Работы был непочатый край. Из 274 национализированных Советской властью хлопкоочистительных заводов в 1921 году в эксплуатации находился лишь 21. Маслобойная промышленность, развивавшаяся параллельно с хлопковой, также пришла в упадок — осталось всего два завода.

Несомненное падение наблюдалось и в скотоводстве. Прежде кочевникам принадлежало 90 % всего скота Туркестана, а к 1920 году — только 58 %. В общем же поголовье скота с 1917 года по 1920 год замечено было увеличение доли крупного рогатого скота с 12 % до 17 % и уменьшение количества овец с 61 % до 49 %. Это свидетельствовало об усилении стойлового содержания животных. Среди кочевого населения шел быстрый процесс разложения родового быта и «оседания на землю».

В отношении столь судьбоносного вопроса, как земельная реформа, Назир Тюрякулов на X съезде Советов Туркестанской Республики в отчете ЦИК с присущей ему твердой убежденностью говорил:

«...В осуществлении этих задач ЦИК Туркестана под руководством ЦК КПТ в первую голову была намечена земельная реформа, о которой много писали в печати Туркестана, о которой много было разговоров на различного рода съездах. Эта земельная реформа, поставленная в первую очередь, как задача первоударная, само собой разумеется, проделанная в ударном порядке, была поставлена и проведена в таком быстром темпе не потому, что в данном случае ТуркЦИК, ЦК и Совнарком исходили из особого рода соображений, а потому, что ЦК нашей партии и ЦИК

Туркестана ясно сознавали, что до тех пор, пока не будет в Туркестане проведена земельная реформа, до тех пор, пока не будут раскрепощены туземные полупролетарские массы от кулацкого засилья и от кулацкого террора, — до тех пор нельзя говорить о привлечении этих масс к советскому строительству.

Мысль о земельной реформе, утверждаю, взята не с потолка, она вытекает из самой туркестанской действительности и самой революции, которая, выдвигая эту задачу, как первоударную, заставила ТуркЦИК проводить ее в чрезвычайном порядке. Подробно о ней будем говорить в специальном на эту тему докладе Народного комиссара земледелия. Моя же задача заключается в том, чтобы произвести общеполитическую и экономическую оценку того, что проделано, и сделать соответствующие выводы».

Немало надежд Назир связывал и с планировавшимся с весны 1923 года строительством Семиреченской железной дороги — шаг, приближающий молодую республику к разрешению хлебной проблемы Туркестана.

Работа Н. Тюрякулова на высших государственных и партийных постах в постреволюционном Туркестане была многогранной и охватывала самые разные сферы деятельности. И все же главной своей задачей он считал идеологическую, пропагандистскую и просветительскую работу, поэтому в этот период он запомнился прежде всего как идейно-теоретический лидер.

Особое значение он придавал вопросам строительства советской культуры на земле Туркестана, генезису образования и просвещения, был истинным реформатором в этих областях. Дело просвещения масс в Туркестане, как и на всем остальном Востоке, находилось в руках клерикалов. В упомянутой брошюре «Туркестанская Автономная Республика» Н. Тюрякулов подчеркивает реакционную роль мусульманского духовенства, пользовавшегося в своей борьбе против «прогрессивной части туземного общества», с одной стороны, поддержкой «культуртрегерского» правительства царя, проводившего политику русификации страны через своих миссионеров (например Остроумов в Ташкенте), и с другой — насаждавших схоластику и фанатизм, расцветшие на основе отсталых феодально-патриархальных отношений. «Бухара — (Бухара и Шериф) выполняла роль очага мракобесия на протяжении всей Средней Азии и Поволжья». «В эпоху электричества целое поколение среднеазиатских жителей изучало в своих высших школах космографию по Птолемею (Батлимус), и каждый вольнодумец-мусульманин свободно мог

оказаться в положении Галилея в средневековой Европе».

В октябре 1922 года Назир был отозван в Москву в распоряжение ЦК РКП(б) и назначен председателем правления Центрального издательства народов СССР (Центроиздат при ЦИК СССР), которым руководил до середины 1928 года. Именно здесь наиболее ярко проявился его талант организатора и журналиста. Он редактировал множество книг на русском языке и тюркских языках народов СССР. Отдельные издания выпускались с его предисловиями. Книга известного таджикского писателя Садриддина Айни «Бухара инкилобчилари», посвященная истории Бухарской революции, вышла с объемным предисловием Н. Тюрякулова, где он с глубоким знанием вопроса дал историческую и политическую оценку событиям в Бухаре.

Будучи человеком постоянно стремящимся к знаниям, Назир не мог обойти своим вниманием вопросы школьного образования. В период его работы на руководящих должностях данная проблема занимала одно из центральных мест в политике правительства республики. Это было обусловлено рядом объективных факторов, главным из которых было то, что первые годы Советской власти ознаменовались небывалым подъемом школьной инициативы низов. Республиканские и местные органы власти практически не успевали удовлетворять запросы населения в начальном обучении, обеспечивать вновь открываемые школы кадрами специалистов, финансовыми средствами и учебно-материальными условиями функционирования учебных заведений. Все эти проблемы нашли зеркальное отражение в принятой по докладу Тюрякулова «Национальный вопрос и школа» резолюции состоявшегося в 1925 году I Всесоюзного учительского съезда. Вот ее главные положения:

«...1. Закрепить существующую сеть национальных культурно-просветительных учреждений и постепенно расширять ее за счет общегосударственного бюджета.

2. Поставить на очередь вопрос о строительстве зданий для национальных школ в районах, наиболее остро ощущающих эту потребность.

3. Обратить серьезное внимание на развитие женского образования в тех национальных республиках и областях, где женщина, благодаря бытовым перегородкам, не может обучаться в общих школах (Среднеазиатские республики, Азербайджан).

4. Широко использовать через местные органы Соввласти наблюдающуюся уже сейчас тягу широких масс населения к образованию, путем организации всякого рода обществ содействия национальной школе

при самом деятельном участии в этом деле национального учителя.

5. Обратить самое серьезное внимание на развитие специальных профтехнических и сельскохозяйственных школ, имеющих колоссальное значение в деле хозяйственного подъема национальных республик, областей и нацменьшинств.

6. Призвать все национальное учительство СССР, наряду с русским, принять активное участие в общественной жизни деревни (ликбезы, общества по ликвидации неграмотности, кооперативы и т. д. и т. д.).

7. Наряду с общей работой национальных педагогических техникумов и учительских институтов по подготовке кадров нового учительства, ежегодно и систематически организовывать курсы для переподготовки существующих кадров учителей, не только по линии общественно-политического воспитания, но и педагогической.

8. Принять все меры к систематическому выдвижению лучших национальных и нацменьшинских школ и учителей; в местной прессе придать делу просвещения национальностей характер злободневного вопроса современной советской общественности.

9. Обратить самое серьезное внимание на усиление издательской работы в центре и на местах и принять все меры к более полному снабжению национальной школы учебниками, книгами, учебными пособиями, специальными изданиями для руководства учителей, используя и поощряя, наряду с государственными, инициативу и деятельность всякого рода национальных кооперативных издательств и организаций».

Следует отметить, что, будучи последовательным приверженцем марксистского мировоззрения, Назир Тюрякулов в то же время в отличие от большинства руководителей, которые после установления Советской власти косо поглядывали на вопросы религии, всегда по-особому осмысливал воздействие ислама на историю человечества. В годы своей службы на посту председателя ТуркЦИКа он проделал титанический труд по достижению разумного компромисса во взаимодействии новой власти и религии. Одно только его решение подписать постановление о переносе во всех организациях республики выходного дня с воскресенья на пятницу — мера, свидетельствующая о его гражданской смелости и прозорливости.

Вот как об этом говорит известный казахский ученый Р. Бердыбаев: «...Интеллектуальность, высокая гражданственность Назира намного выше, чем у местных князьков, заучивших наизусть «Религия — опиум для народа», хуже всякого врага из кожи вон лезущих, чтобы лишить народ свободы, веры и чести... В начале двадцатых годов Назир издал указ, объявив три дня курбан айт — почитаемого мусульманского праздника —

выходными. Это опять же показывает его духовную высоту... В своей статье «К вопросу об антирелигиозной пропаганде на Востоке» (журнал «Коммунистическая революция», 1925 год, № 20) Назир подвергает критике активистов, малосведущих в основах религии. В частности, приводя в качестве примера работу Е. Федорова «О религиозном направлении Средней Азии», где великое множество взятых с воздуха, поверхностно исследованных, не раскрывающих сути проблем заключений, он осмеивает тех, кто, даже не исследовав историю ислама, начинает бить себя в грудь с видом всезнающего знатока. И в этой же статье его слова: «...само собой понятно, что в отсталых странах Востока прогрессивно настроенные муллы играют положительную, порой даже революционную роль в развитии этих стран»».

Как просветителя и публициста Н. Тюрякулова не могла не волновать судьба национально-языкового строительства в Туркестане. Он с воодушевлением воспринял придание государственного статуса языку коренного этноса, перевод делопроизводства на язык местного населения, рост числа национальных школ, книжной продукции, средств массовой информации. Как председатель Комиссии по новотюркскому алфавиту активно обосновывал необходимость перехода от арабского алфавита к латинице. В отстаивании своих принципов по данному вопросу вступал в жаркие дискуссии с А. Байтурсиновым, тюркологами Чобан-заде и Агамали-оглы. В то же время не настаивал на административно-командном решении этой проблемы. Зная, что латинизация затрагивает все этносы тюркского происхождения, их национальные чувства, письменную культуру, первоочередной задачей подготовительного периода считал уделение максимального внимания делу агитации, укрепления местных организаций, содействующих латинизации, с одной стороны, и обеспечение научных основ перехода к новотюркскому алфавиту — с другой.

На I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку в марте 1926 года Назир Тюрякулов отмечал: «...Прежде всего, я хотел бы констатировать, что Тюркологический съезд в этом отношении явился чрезвычайно прогрессивным революционизирующим фактом для всего тюркского мира в том смысле, что на этом съезде не нашлось ни одного голоса в пользу старого арабского письма и, очевидно, если все эти ораторы и докладчики молча обходили этот вопрос, то нужно это было понимать в том смысле, что старое арабское письмо, старая арабская грамота осуждены историей и отвергаются раз и навсегда.

...Дальше я хочу перейти к современному состоянию этого вопроса. На сцене конкурируют лишь два алфавита, это новоарабский

реформированный алфавит и латинский алфавит. Сущность той реформы, которая была произведена, или, вернее, той хирургической операции, которая была произведена над арабским алфавитом, сводится к тому, что недостающие для турецких фонем знаки были заполнены искусственным образом посредством прибавления туда надстрочных и подстрочных знаков, но эту реформу и до сего времени нельзя еще считать законченной. Во всех этих тюркских республиках и областях существует, в сущности говоря не одна графика, не один алфавит и не одна система письма. В Татарской республике стараются провести одну систему алфавита или графики, в Казахской республике другую, в Туркменской республике третью и т. д. В Казани, как передо мною выступавший оратор довольно подробно обрисовал, стараются остановиться на так называемой системе «Баш-харф», на системе букв начальной формы. Нужно констатировать, что система, которая была декретирована правительством Татарской Республики, потерпела на деле поражение».

Занимаясь на практике вопросами обновления письменности народов Советского Востока, Н. Тюрякулов в специальной статье «Новые задачи» в январе 1928 года особо отмечает:

«...Наряду с этим, нельзя пройти мимо и такого важного вопроса, как отношение широких масс и передовой общественности Советского Востока к делу введения новотюркского алфавита.

Характерно отметить, что тот вопль, который подымался, начиная еще с I Всесоюзного Тюркологического съезда, казанскими арабистами и их «друзьями» за границей (выступление татарской белой эмиграции в Турции), теперь притих. Противники латинизации притихли не потому, что ими вдруг овладели сомнение и тревога, и, конечно, не потому, что они сами убедились в необходимости и своевременности реформ письменности. Отнюдь нет. Слепота и упрямство составляли и составляют не последние их качества. Они притихли просто потому, что все их смешные доводы и пророчества насчет фанатичности масс и «исторических корней исламской культуры и коранского алфавита» оказались блефом и сплошной клеветой на массы.

Массы Советского Востока, которые должны были, по мнению арабистов, в ярости наброситься и растерзать всех и вся при первой попытке реформы, оказались глухи к крикам казанских «пророков». Небо не обрушилось, земля не разверзлась, а новотюркский алфавит проводится в жизнь во все усиливающимся темпе. Алфавитом, вполне «национальным по духу», обладающим всеми требуемыми «историческими корнями», оказался не коранский, а новотюркский (в основе своей латинизации)

алфавит, дающий возможность построить новую письменность на вполне современных, культурных и технических основаниях. Знание и технику Запада народам Востока — вот лозунг современной общественности Советского Востока, вот тот стержень, который направил нашу мысль к необходимости коренной ломки старой письменности. Жажда знаний и техники ощущается массами. Характерно, например, что изучение русского языка, дающего возможность восточнику приобщиться к культуре XX века, выдвигается везде и всюду в национальных республиках и областях, как одна из самых жгучих потребностей времени. А давно ли было иное отношение, давно ли изучение русского языка, доступное лишь привилегированным и ненавистным народным массам угнетательским верхушкам этих народов, трактовалось в низах как «отход от своих», как «предательство»? И понятно, старая русская государственность, старая русская культура помещиков и капиталистов, несла гнет и эксплуатацию, насилие и произвол, была достаточно «популярна» в народных массах Востока. Между тем сейчас, без всякого принуждения со стороны, растет в массах стремление к изучению русского языка, ибо он дает изучившему его восточнику возможность приобщиться к современной культуре, к современной общественности.

...Предрассудки, с которыми было связано все русское (изучение языка, ношение «русской» одежды и т. д. и т. п.), становятся теперь доисторическим явлением.

...С общим подъемом культуры и хозяйства нашего Союза усиливается связь и трудовое сотрудничество между всеми населяющими его народами. Это положение верно и по отношению к тюрко-татарам СССР, культурное сотрудничество между которыми следует всячески приветствовать, а не тормозить. Хозяйственная и культурная связь между тюрко-татарами СССР (речь идет о тех, которые связаны друг с другом, благодаря территориальной близости и общности рынка; таковы, например, татары и башкиры, узбеки, казахи и киргизы и пр.) требовала и требует от нас создания такой гибкой системы письменности, которая позволила бы им, ОСТАВАЯСЬ НА ПОЧВЕ СВОИХ ДИАЛЕКТОВ (ЯЗЫКОВ), БЕЗ ПОМОЩИ «ЕДИНОГО ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА» общаться друг с другом. Между тем, к сожалению, этот вопрос пока что не разрешила и новая наша письменность. Ново-тюркские алфавиты тюрко-татар не согласованы еще между собой на такой научно разработанной основе, которая дала бы удовлетворительное разрешение этой жизненной проблемы. Правда, I пленум Всесоюзного Центрального Комитета новотюркского алфавита, проходивший в июле 1927 года в Баку, прошел под знаком унификации этих

алфавитов. Но фактически эту унификацию следует признать скорее графической, технической унификацией, чем унификацией по существу».

Назир Тюрякулов прекрасно понимал значение своей работы на посту председателя правления Центроиздата при ЦИК СССР для развития национальных культур в новом советском государстве. На юбилейном заседании, посвященном пятилетию Центроиздата в июне 1928 года, его бессменный руководитель не без гордости отмечал: «...Центроиздат положил начало приобщению многомиллионных масс различных национальностей Союза к советской культуре, и за короткий срок своего существования создал базу для книжной продукции, которую совершенно не знают другие страны. За пять лет им выпущено 59 959 713 оттисков учебной, научно-популярной, общественно-политической, художественной, сельскохозяйственной и др. литературы на языках свыше 50 национальностей. Наряду с созданием, укреплением и развитием неперидической печати, Центроиздат уделяет серьезное внимание вопросам создания, улучшения и распространения нацперидики. Достаточно сказать, что в настоящее время им издается 21 перидическое издание на 12 языках.

Не менее важная роль сыграна им в деле создания особой учебной вспомогательной базы для народностей Союза — изготовление на национальных языках огромного количества наглядных пособий, т. е. всего того материала, значение которого особенно велико в качестве наиболее живого и непосредственного пути к приобщению отсталых масс к культуре. Наибольший процент во всей книжной продукции Центроиздата занимает учебная литература, и в этой области ему пришлось прокладывать новую дорогу в смысле создания специальной литературы для различных народов Союза ввиду неприспособленности многих царских учебников для националов. Огромную роль сыграл Центроиздат и в деле внедрения в широкие массы нового тюркского (латинизированного) алфавита. Им была проведена большая работа по изданию букварей, учебников и др. литературы на тюрко-татарских языках на латинской основе, а также по линии латинизации татарских газет и журналов, издаваемых Центроиздатом».

Оглядываясь на недолгий, но насыщенный жизненный путь Назира Тюрякулова, следует признать, что еще в юные годы в нем проявились задатки политического лидера, незаурядного ученого и публициста, талантливого дипломата. Его юность, пришедшаяся на бурное революционное время, не была легкой и безоблачной. В сложившихся исторических условиях от молодого человека требовались мужество и

хладнокровие, честность и порядочность, идейная принципиальность и религиозная терпимость, даже готовность к самопожертвованию. Эти качества были заложены и достойным воспитанием в отчем доме, и учебой в Коканде, и в коммерческом институте в Москве. На заре сознательной жизни на пути будущего дипломата встретились люди, преданные своему делу и готовые служить интересам страны и народа. Опыт политической борьбы, приобретенный в суровые годы Первой мировой и Гражданской войн, а также в период становления Советской власти в Туркестане, — все это, безусловно, явилось бесценным багажом для дальнейшей жизни и будущих больших дел, когда судьба вознесла его на высокие государственные посты и затем уже и на дипломатическую стезю.

В основе будущей успешной и эффективной дипломатической работы Назира Тюрякулова на Ближнем Востоке лежит вся его предшествующая деятельность как в Средней Азии, так и в Москве. В своей многогранной работе замечательный сын казахского народа проявил себя подлинным интернационалистом, вооруженным глубокими знаниями и широтой взглядов. Познание жизни во всех ее проявлениях закалило молодого человека, дало ему уверенность в собственных силах, воспитало в нем чувство ответственности и готовность служить интересам своего Отечества.

Глава II

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА АРАВИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

Почти во всех делах самое трудное — начало.

Ж.-Ж. Руссо

Несколько десятилетий в конце XIX — начале XX века Ближний и Средний Восток представлял собой обширный театр международного соперничества, освободительной борьбы, религиозного и политического противостояния. Лишь к 1927 году многочисленные местные, европейские и заокеанские участники этих процессов смогли достичь некоторого согласия. Между национальными силами Ближнего и Среднего Востока и Западом сложилось временное хрупкое равновесие. Великобритания, Франция и Германия согласились на формальную независимость Персии и Афганистана и самоуправление для арабских государств, возникших после распада Османской империи, выговорив себе гарантии стратегических, экономических и культурных интересов Запада. Правительство США удовлетворилось гарантиями безопасности американских граждан и учреждений, а также тем, что европейцы уступили своим американским партнерам 23,75 % акций «Ирак петролеум компани». Сходные компромиссы были достигнуты в вопросах добычи нефти в Кувейте и других нефтеносных странах. В Саудовской Аравии американцам даже удалось переиграть британских конкурентов и получить монопольную концессию, важные политические и экономические последствия которой в полной мере проявили себя уже после Второй мировой войны.

Благодаря относительно затишью, наступившему на Ближнем и Среднем Востоке в 1927 году и сохранявшемуся до 1935 года, этот регион в то время не был в числе главных источников международной напряженности. Разве что в Палестине, где борьба между еврейским и местным арабским национальным движением привела к вспышке насилия в 1929 году, обстановка оставалась недостаточно стабильной. Однако именно в этом регионе столкнулись политические и экономические интересы не только западных участников событий, но и молодого советского государства. Борьба не затухала, она лишь перенеслась с

просторов Аравийской пустыни на мраморные и паркетные полы дворцов, место военных заняли «штатские»: коммерсанты, дипломаты, разведчики... Новые условия требовали не просто иных знаний и навыков, но и новых людей. Именно в этот период приступил к работе в Королевстве Хиджаз, Неджд и присоединенные области, как ранее именовалась Саудовская Аравия, полпред Советского Союза казах Назир Тюрякулов.

Возглавляя Центроиздат, Назир параллельно вел преподавательскую работу в качестве заместителя ректора Института народов Востока. Примечательно, что уже в это время в высшем партийном руководстве активно обсуждался вопрос о целесообразности использования знаний и опыта Н. Тюрякулова на дипломатическом поприще.

После перевода в Москву он находился в резерве НКВД. Поэтому, когда его предшественник на посту полпреда в Саудовском государстве К. Хакимов ушел в отпуск «по болезни», обратившись одновременно с просьбой освободить его от занимаемой должности и возвратить в СССР, замена ему была практически готова. Вопрос о назначении на его место Н. Тюрякулова, как «хорошо знакомого с мусульманским миром» и, по мнению НКВД, «подготовленного к этой работе», не вызвал возражений ни в ЦК ВКП(б), ни в ЦИК СССР.

Его назначение обсуждалось на самом верху. О том, с какой настойчивостью руководство НКВД отстаивало кандидатуру Н. Тюрякулова, свидетельствует следующая служебная записка:

«16-го ноября 1927 года.

Тов. СТАЛИНУ,

Генеральному Секретарю ЦК ВКП (б)

Уважаемый Товарищ,

Прошло больше года с тех пор, как т. Чичериным был возбужден перед Центральным Комитетом вопрос о назначении нового Полпреда в Геджас, вместо т. Хакимова, который, проработав в тяжелых климатических условиях Геджаса около 3-х лет, поднял вопрос о своем отозвании из Геджаса. Коллегия НКВД наметила в Геджас кандидатуру тов. Тюрякулова, являющегося одним из крупных знатоков мусульманского мира и мирозерцания и вполне приспособленного к проведению той сложной и тонкой политики, которая требуется от наших представителей в Геджасе. Тов. Тюрякулов сам неоднократно выражал свое желание принять этот пост, который дает возможность обозревать весь мусульманский мир от Марокко до Индонезии. К сожалению, оформление этого вопроса крайне затянулось и только недавно Учраспред ЦК сообщил нам, что не

представляется возможным освободить тов. Тюрякулова от той работы, которую он ведет в Москве. В ожидании разрешения вопроса о тов. Тюрякулове, нам пришлось задержать тов. Хакимова в Геджасе еще на несколько месяцев. Учитывая, однако, состояние здоровья тов. Хакимова, нам пришлось согласиться на предоставление ему отпуска для лечения, и с июля этого года мы фактически лишены руководящего работника в нашем Представительстве в Геджасе. Временно заменяющий Полпреда Секретарь Представительства тов. Туйметов не в состоянии справиться с той сложнейшей работой, которая, в настоящей обстановке английского нажима, падает на долю нашего единственного Представительства на Арабском Востоке. Несмотря на все наши усилия, мы до сего времени не смогли оформить в ЦК выделение руководящего работника для Геджаса. Предложенный Учраспредом тов. Умар Алиев, работающий на Северном Кавказе, несмотря на техническую подготовленность (он хорошо знает арабский язык) едва ли сможет справиться с работой, которая требует предварительного и более глубокого знакомства с вопросами междумусульманских отношений и английской политики на Востоке. Затруднительность положения заключается в том, что мы имеем в Геджасе целый ряд вопросов, требующих быстрого и неотложного разрешения. Благодаря этому мы не можем назначить в Геджас товарища, которому, как это имеет место в отношении тов. Алиева, нужно было бы длительно изучать положение на месте прежде чем приступить к практической работе. К тому же обстановка повсюду на Востоке и, в особенности, в Аравии такова, что возможны всякого рода неожиданности и провокации, которые могут поставить в тупик и более подготовленных работников, чем тов. Алиев.

Поскольку всякого рода неудачи и ляпсусы в Геджасе неизбежно самым отрицательным образом будут отражаться на нашей восточной политике и влиять в смысле повышения престижа наших антагонистов, Наркоминдел просит Вас уделить этому вопросу внимание. Наиболее целесообразным выходом из создавшегося положения было бы срочное оформление кандидатуры тов. Тюрякулова с тем, чтобы последний без замедления мог выехать в Геджас. Тов. Алиев мог бы быть использован нами для работы по линии Геджаса, но только после некоторого предварительного стажа в качестве Советника Полпредства.

Последние сообщения из Геджаса говорят о том, что отсутствие руководящего работника в нашем Полпредстве отрицательно отзывается на нашем положении в Геджасе. Одновременно мы замечаем усиление английского нажима в Геджасе, что значительно усложняет работу нашего

Полпредства и может привести к нежелательным неожиданностям. Все это говорит за необходимость скорейшего разрешения вопроса о новом Полпреде для Геджаса.

ЗАМНАРКОМИНДЕЛ Карахан»

По прямому указанию И. Сталина, вопрос о назначении Н. Тюрякулова полпредом СССР в Хиджазе был рассмотрен и решен на Секретариате, Оргбюро (22. 11. 1927), а затем и на Политбюро ЦК ВКП(б) (24. 11. 1927). И только после этого Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 декабря 1927 года он был назначен полпредом в Геджасе.

К месту назначения Назир отбыл лишь спустя восемь месяцев, продолжая руководить Центроиздатом и готовясь к отъезду за рубеж. После поступления агремана руководство Отдела Ближнего Востока обращается в Управление делами НКВД с просьбой немедленно распорядиться «о срочном оформлении на выезд т. Тюрякулова. Рангт. Тюрякулова, указываемый в дип-паспорте: «Дипломатический агент и генеральный консул СССР в королевстве Геджас, Неджд и присоединенных областях». По оформлении т. Тюрякулова на выезд прошу не отказать незамедлительно нас об этом уведомить, дабы мы подготовили заготовление для т. Тюрякулова грамот».

Дело не ограничивалось необходимой бюрократической рутинной, дежурной процедурой оформления верительных грамот и т. п. Назир был впервые назначен для работы по дипломатической линии и не имел соответствующей экипировки, главным образом — парадных костюмов. В Управление делами была срочно направлена служебная записка с просьбой «распорядиться о пошивке т. Тюрякулову соответствующих парадных костюмов за счет НКВД». Это были те годы, о которых напоминает одна интересная деталь. На старой, 1924 года, фотографии здания НКВД на Кузнецком Мосту видна вывеска на фасаде: «И. К. Журкевич». Это было имя известного портного, специалиста по пошиву официальной одежды, оставшегося после революции без клиентуры. Но волна международного признания Советского Союза и расширение сети советских представительств за рубежом вновь обеспечили работой старого мастера. Он даже попал на страницы знаменитого романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Над городом стоял крик лихачей, и в большом доме Наркоминдела портной Журкевич день и ночь строчил фраки для отбывающих за границу советских дипломатов».

Наконец 26 июля 1928 года «после почти 2-недельной отсидки в Одессе» вновь назначенный полпред СССР в Королевстве Хиджаз, Неджд

и присоединенные области с супругой отбыл на теплоходе «Ленин» из Одессы в Стамбул. Ему не терпелось приступить к работе, и, не успев еще ступить на аравийскую землю, он уже с головой уходит в дела представительства. С дороги он шлет свою первую служебную записку руководству НКВД: «Завтра уезжаю с «Лениным». Маршрут, намеченный в Москве, пока остается без изменения. В Ангору заеду лишь при необходимости. Если т. Сурина встречу в Константинополе, то передам ему все пожелания и указания отдела и вместе с ним постараюсь наметить конкретные пути нашего с Ангорой контакта. Пользуюсь случаем напомнить Вам о т. Парпибаеве Джумабай-Хаджи, которого я предполагал взять с собой. Покорнейше прошу ускорить решение этого вопроса. Это тем более необходимо, что сейчас в Джеддинеком генконсульстве народу остается мало. Способ решения этой задачи согласован с тов. Лудушвейтом, который своею расторопностью и силой логики легко может преодолеть медлительность нашего учраспреда. Было бы весьма хорошо, если бы тов. Парпибаев мог догнать меня в Константинополе».

Пересев в Неаполе на пароход «Франческо Криспи», 29 сентября Тюрякулов благополучно добрался до Джидды. На аравийской земле он был встречен с подчеркнутой дружественностью и уже 3 октября вручил в Мекке верительные грамоты сыну короля принцу Фейсалу. Сам Абдель Азиз альСауд в послании М. Калинину в весьма лестных выражениях прореагировал на назначение Назира Тюрякулова: «Одной из причин нашей радости явилось получение нами Вашего письма от 9 июля 1928 года, в котором Вы сообщаете, что желание Вашего великого правительства укрепить дружественные связи, существующие между нашими странами, побудило его к назначению его превосходительства Назира Тюрякулова дипломатическим Агентом и Генконсулом при нас. Ввиду нашего отсутствия из Геджаса и пребывания в столице страны нашей Неджда Ваш агент был надлежащим образом встречен сыном нашим Фейсалом, являющимся нашим наместником в Геджасе. Заверяем Вас, что он встретит от нас и членов нашего правительства уважение и наилучшее отношение для укрепления существующих между обеими странами дружественных связей. Мы радуемся также и тому, что можем воспользоваться этим случаем для выражений наших пожеланий полного благополучия и счастья для Вас и народа Вашего Великого Правительства».

Заверения альСауда в том, что новый глава советской миссии встретит со стороны саудовского правительства и короля лично «уважение и наилучшее отношение», оказались не просто данью протоколу — на протяжении 8 лет своего пребывания в Хиджазе Назир Тюрякулов

действительно пользовался особым расположением со стороны короля и его окружения. Уже за официальными фразами речей, произнесенных советским дипломатом и принцем Фейсалом при вручении верительных грамот, четко просматривалась готовность сторон к конструктивному диалогу и развитию тех положительных тенденций, которые наметились в отношениях между двумя странами в 20-е годы. В своей речи Тюрякулов подчеркнул: «...я буду всемерно стремиться к развитию тех дружественных отношений, которые так счастливо установились между королевством Геджас, Неджд и присоединенные области, с одной стороны, и СССР — с другой. При выполнении моих обязанностей, возложенных на меня моим правительством, я буду рассчитывать на сочувствие и поддержку Его Королевского Величества. Я надеюсь пользоваться тем же доверием, каким пользовался мой предшественник. Позвольте выразить уверенность, что связи и отношения будут развиваться в интересах обеих стран».

Ответная речь принца Фейсала, который объявил, что «в качестве наместника Его Королевского Величества я счастлив приветствовать Ваше Превосходительство и пожелать Вам благополучного пребывания и успеха в Ваших трудах, а равно я счастлив заверить Вас в том, что вы встретите со стороны правительства Его Величества полное содействие для укрепления дружественных отношений, которые связывают наши страны», давала вновь прибывшему полпреду все основания для подобной уверенности. Во многом это объяснялось политической ситуацией на Аравийском полуострове, связанной с ней необходимостью для молодого саудовского режима остерегаться происков могущественного в ту пору Лондона и временами искать противовес ему в лице Москвы. Роль СССР для альСауда была особенно ценна также в связи с тем, что именно советское правительство первым признало его главой вновь провозглашенного государства.

Первоначально официальные отношения были установлены еще в 1924 году с правившим тогда в Хиджазе хашемитским шерифом Хусейном. После взаимного признания стороны обменялись представителями — в Джидду был направлен К. Хакимов, а в Москву прибыл эмир Лютфулла. Приблизительно в это же время начался поход альСауда на Хиджаз, который привел к отречению от престола и бегству шерифа Хусейна, кратковременному пребыванию в осажденной Джидде его сына Али и, наконец, капитуляции хашемитов и установлению в конце 1925 года власти недждийцев-ваххабитов в лице их лидера альСауда. Советская миссия оставалась в Джидде во время осады и с приходом альСауда была аккредитована при нем, после того как К. Хакимов нотой от 15.02.1926 года

информировал о признании его правительством СССР в качестве короля Хиджаза, султана Неджда и присоединенных областей. В ноте также указывалось, что советская сторона считает себя в состоянии нормальных дипломатических отношений с правительством альСауда. Последний, в свою очередь, незамедлительно выразил готовность развивать дружественные отношения с СССР. В апреле 1927 года он принял титул короля Хиджаза, Неджда и присоединенных областей, превратив тем самым султанат Неджд в королевство.

Этому событию предшествовали два бурных столетия. По сути дела, история государства Саудитов начинается с 1744 года, когда был заключен религиозно-политический союз между дальновидным и честлюбивым эмиром Мухаммедом ибн Саудом и исламским лидером Абдель Ваххабом, условия которого усердно выполнялись целыми поколениями. Согласно этому союзу религиозная власть сохранялась за Абдель Ваххабом и его потомками, а политическая — за Мухаммедом Ибн Саудом и последующими поколениями. Этим союзом открывается первая глава истории Саудовской Аравии, и именно он определил многие характерные черты ее развития, и именно его в определенном смысле можно считать конституционным столпом этого государства, естественно, после Корана. Желание вероучителя, заинтересованного в военной поддержке, и эмира, нуждающегося в религиозной опоре, объединить усилия оказалось взаимным, и, таким образом, Ибн Сауд стал не просто одним из эмиров Неджда, а лидером, несшим идею «истинного ислама». К военной силе прибавилась сила духа.

В результате многочисленных военных походов было создано обширное исламское государство. Дважды его существование оказывалось под угрозой: в 1818 году, когда войска эмира потерпели поражение от более современной египетской армии, и в 1865 году в результате междоусобной борьбы. Однако в 1901 году потомок Мухаммеда ибн Сауда Абдель Азиз альСауд сумел с горсткой смельчаков овладеть Эр-Риядом, положив начало возрождению государства Саудитов.

Надо сказать, что включение в границы государства Хиджаза — области более развитой и открытой миру — потребовало идеологической и политической адаптации к реалиям XX века. Как ответ на вызов времени возникла новая доктрина, согласно которой всякие нововведения допустимы, если они не противоречат духу ислама. Тем самым открывался путь не только к использованию достижений современной цивилизации, ее технических средств, но и к обновленным формам государственного строительства. Вместе с тем во вновь созданном государстве «с

управляемой религией» продолжал действовать так называемый оппозиционный ислам, выступавший против всякого государственного контроля. Подобное развитие нашло свое отражение в жестком противостоянии между саудовским лидером Абдель Азизом и племенными группами воинствующих ваххабитов, так называемых «ихванов», которые придерживались старых исламских традиций и отчаянно сопротивлялись строящемуся саудовскому государству вплоть до 1929 года, когда верные саудовскому королю войска окончательно разгромили их воинские формирования. В стране, похоже, было достигнуто относительное равновесие сил и наконец наступило внутривнутриполитическое затишье.

В первой четверти XX века Англия стремилась удержать европейские державы, прежде всего Францию, Германию и Россию, от сближения с Ближним Востоком из-за опасений потерять контроль над Египтом и своими коммуникациями с Индией. Наиболее ярким классическим примером деятельности британских подданных в Саудовской Аравии времен Первой мировой войны считается многолетняя работа там профессионального военного разведчика — полковника Лоуренса Аравийского.

Неизбежное порождение своей эпохи, он был необходим Англии в ее колониальной политике. Лоуренс, «друг арабов», стал незаменимым человеком в свите шерифа Хусейна, а затем вторым «я» одного из его сыновей — Фейсала, под властью которого находились многие племена. Удачно и вовремя брошенный призыв к объединению арабов для борьбы с Турцией позволил беспрецедентному дуэту Фейсал — Лоуренс поднять восстание среди местного населения, сплотить его воедино и создать вполне боеспособную армию, действовавшую в интересах Великобритании на Ближнем Востоке. Лоуренс принимал активное участие в интригах, нацеленных на то, чтобы посадить на трон в Ираке проанглийски настроенного эмира Фейсала, а также свергнуть с престола афганского эмира Аманулла. По сути дела, это означало сохранение преемственности британского влияния в регионе сколь угодно долго.

Однако насущные интересы молодой монархии требовали значительно большей внешнеполитической независимости. Дело в том, что в надежде, что Османская империя неизбежно распадется, европейские державы заранее стремились разделить ее владения между собой. Наибольшую активность проявляли Франция и Германия. Немецкие инженеры строили железную дорогу Берлин — Багдад для мусульман, совершавших паломничество к святым местам в Мекке и Медине. Такое сообщение между Берлином и Босфором, без сомнения, противоречило британским

интересам, поскольку создавало опасную близость немцев к Египту и Индии. В то же время, разумеется, столкновение интересов западных держав на Аравийском полуострове было на руку аль-Сауду и его сторонникам, поскольку позволяло ему маневрировать для достижения своих военных и политических целей.

Серьезные последствия для арабского восстания на полуострове имели и события в Петрограде осенью 1917 года. После октябрьского переворота Россия немедленно вышла из войны к большому удовлетворению Германии и Турции. Чтобы раскрыть потенциальным союзникам глаза на деятельность бывших союзников, новые власти России опубликовали тексты наиболее деликатных секретных договоров, к которым было причастно царское правительство. Детали соглашения Сайкса — Пико — Сазонова в декабре 1917 года появились в «Известиях» и были немедленно переведены на арабский язык и перепечатаны турками. Шериф Хусейн, разумеется, возмутился явной двойственностью позиции британского правительства. Проблему решали приемами самой изощренной дипломатии. Доверчивый шериф принял британские объяснения, будто данное соглашение никогда не было ратифицировано и турки использовали его как психологическое оружие для подрыва британо-арабских отношений.

Неудивительно, что основным моментом, которым характеризовалась ситуация в Хиджазе-Неджде на момент прибытия туда Назира Тюрякулова, оказалось обострение отношений королевства с Англией. Их главной причиной, разумеется, оставалось недовольство Лондона свержением его хашемитского ставленника. Однако противоречия еще больше усугублялись тем, что англичане не оставляли настойчивых усилий укрепить примыкающие к Неджду границы подвластного им Ирака путем постройки системы блокгаузов, а также имели планы строительства железнодорожного пути Багдад — Хайфа, часть которого должна была также захватить территорию того же Неджда. В ноябре 1927 года отряды недждийских бедуинов проникли на сопредельную иракскую территорию и разрушили одно из строящихся там укреплений. В качестве ответной меры англичане подвергли бомбардировке недждийские города и сконцентрировали в Персидском заливе внушительную армаду своих ВМС.

Эскалация напряженности достигла такой степени, что временами широкомасштабные военные действия казались неизбежными. Дважды, в мае и августе 1928 года, англичане направляли в Джидду на переговоры генерала Клейтона, миссия которого оказалась безуспешной в целом из-за непреклонности саудовской стороны, настаивавшей на неправомерности

постройки Ираком блокгаузов на территории, которая, по предыдущим соглашениям, должна была оставаться неукрепленной. Конфронтация с Англией вынуждала альСауда искать союзников на внешней арене, среди которых наибольшим предпочтением пользовался СССР.

Тому способствовали и крепнущие торгово-экономические связи с Хиджазом. Отправленная весной 1928 года крупная партия советских товаров была реализована весьма успешно. Поэтому местное купечество с нетерпением ожидало новых партий, которые предполагалось отправить из СССР в самом ближайшем времени. По интенсивности и уровню взаимодействия торговые связи существенно опережали межгосударственные политические отношения. На желание правительства СССР закрепить дружественные отношения с Хиджазом-Недждом подписанием договора, а также повысить статус советского представителя, сделав его посланником, альСауд отвечал, что в «настоящем положении, когда он находится в состоянии фактической войны с Англией, заключение договора с СССР может означать только прямой вызов англичанам и толкнуть последних на такие меры в отношении Геджаса-Неджда, последствия которых трудно предвидеть». Аль-Сауд вместе с тем считал необходимым особо подчеркнуть, что хотя он считает свои отношения с СССР самыми дружественными, но ввиду вышеуказанных соображений заключение договора и перемену ранга представителя видит преждевременными.

Прибывшему к месту службы новому полпреду было ясно, что именно нежелание спровоцировать Англию на неадекватные действия, а не пренебрежение отношениями с СССР (как, по крайней мере, явствует из высказываний альСауда в беседах с Н. Тюрякуловым) вынуждало саудовского монарха уходить от заключения политического договора с СССР. Во многом по тем же причинам вплоть до конца 1929 года он не соглашался на преобразование советского дипагентства и генконсульства в дипмиссию, что означало бы, выражаясь современным языком, наличие между двумя странами полноправных дипломатических отношений на уровне посольств. Задачи, связанные с заключением договора, преобразованием миссии и активизацией торговли между двумя странами, как раз и предстояло решать вновь прибывшему советскому полпреду.

Назир довольно быстро освоился в новой роли, установив доверительные связи в местном политическом истеблишменте и купечестве. Появление любого нового лица в немногочисленном по тем временам джиддинском дипкорпусе всегда становилось заметным событием, а то, что Тюрякулов представлял «большевистский режим», тем

более способствовало повышенному интересу к нему со стороны иностранных дипломатов и представителей разного рода спецслужб. Одним из них был Джон Филби — отец небезызвестного Кима Филби. Филби был исследователем Аравии, принял ислам (а с ним и имя Абдулла) и стал советником альСауда. Выступавший в роли крупного коммерсанта, проживший на Востоке не один десяток лет, хорошо знакомый с местными традициями и обычаями, он умело применял полученные знания в разведывательной деятельности. Использовал он в интересах Англии и свое влияние на короля, а особенно на его сына Фейсала, об отношениях которых между собой в одном из своих трудов писал как о «вечном споре мудрости и молодости» (*Philby H. ST. J. B. Arabian Days, an autobiography. London, R. Hale, 1948*).

Описывая в одном из первых донесений в Центр визит к нему англичанина, Назир характеризует того, как «интересную и хитрую» личность, у которого, однако, «некоторые вещи сшиты белыми нитками»: «Торговли у него почти нет, и он не может покрывать свои расходы. Между тем продолжает работать как торговец». Еще резче он характеризует Филби в одном из более поздних донесений в Москву, где уже без тени сомнения сообщает, что «...последний является агентом *Committee of National Defense* и сорит деньгами. Фактическая его деятельность идет вразрез с его словами. Имеются документы, доказывающие это. Сейчас собираются документы, показывающие подлинное лицо Филби, для представления королю». О том же, в подтверждение своих ранних донесений, Назир сообщает в Москву после выхода в свет одного из основных трудов Дж. Филби. «Вы, по всей вероятности, уже знаете о книге шейха Абдуллы Филби «Аравия» (1930), в которой он довольно откровенно раскрывает свои карты». Между тем сам объект столь пристального интереса со стороны советского полпреда продолжал «обрабатывать» саудовских лидеров, «беспрерывно сидит в Мекке, при короле. Слухи: он добивается у короля концессии на постройку электростанции и, якобы, в Лондоне устраивает для короля заем в 800 тыс. фунтов».

Разумеется, получить информацию такого рода было возможно лишь при наличии достоверных источников во всех кругах Джидды и Мекки. Постоянно растет число знакомств нового полпреда. Весьма интенсивное общение позволило ему довольно быстро разобраться во внутренней обстановке и внешнеполитических делах страны пребывания. Адекватно оценивать текущие моменты и перспективы отношений саудовского режима с СССР позволяли регулярные его беседы с и. о. министра иностранных дел Фуадом Хамзой. Что касается самого короля и его

сыновей — принцев Сауда и Фейсала, то общение с ними затруднялось тем, что королевская резиденция располагалась в Эр-Рияде и Мекке, в то время как дипкорпус находился в Джидде. Тем не менее в случае надобности Тюрякулов выезжал в Мекку либо старался воспользоваться приездами короля и коронованных особ в Джидду, чтобы напрямую встретиться с ними. Высокопоставленные сановники, включая различного рода министров, военные чины и даже шеф местной тайной полиции, являлись частыми гостями у полпреда, обмениваясь с ним необходимой информацией. В дипкорпусе наиболее тесные отношения сложились с турком Сени-беем. Этому помимо знания Н. Тюрякуловым турецкого языка способствовала царившая тогда дружба между СССР и кемалистской Турцией.

Особую деликатность следовало соблюдать при подношениях местной знати различного рода сувениров и подарков. Пользовавшийся вполне обоснованно репутацией «правоверного», Назир подчеркивал, что «не может дарить револьверы и угощать спиртными напитками, как это делают иные европейцы», а посему просил снабдить его подарочным фондом в виде «перочинных ножей, часиков, тканей «на рубашки детям» и т. п.».

Обосновывая свою просьбу прислать фарфоровый чайный сервиз, который знатный джиддинский вельможа Мухаммед Насыф просил «выписать за его счет», Тюрякулов поясняет, что «продавать я не могу. Более полезным я считал бы подарить ему от своего имени. Если есть в НКВД возможность — то очень прошу Вас устроить мне это дело. Конкретно, речь идет о 12 чайных чашечках с блюдечками к ним среднего размера и средней ценности, поизящнее и «покрасивше». У Насыфа хлебосольный дом, где останавливаются все знаменитости страны от короля (последний раз прием корпуса происходил в этом доме), Неджд, духовенства и нотаблей до влиятельных хаджей из Алжира. Поэтому подбор чашек должен быть произведен в учете на их демонстрационное значение».

Тот же Мухаммед Насыф просил советского полпреда — а тот обещал ему выписать из Москвы — книгу на арабском языке. При этом он прекрасно представлял, где в СССР это издание можно найти. «Эту книгу легко достать через аппарат Государственного Политического Управления (т.т. Петерс — Ахмед Алмаев). Искать ее надо в Москве, Казани, Уфе (Центральное Духовное Управление) и Самарканде, где имеются конфискованные мусульманские библиотеки. Впрочем, это дело А. Алмаев знает лучше меня. Кроме того, очень желательно заполучить эти вещи (книгу и чашки) с ближайшим пароходом через дипкурьера».

В письмах в Москву Н. Тюрякулов был деликатен, но настойчив: «Простите, что беспокою Вас пустяками. Но этими пустяками я мог бы укрепить свои «личные» связи. Нужна мне 1 дюжина чашек с блюдечками. Образец прилагается при сем. Стоимость будет оплачена. Нужно устроить так, чтобы я сию штуку получил с «Коммунистом». Я передам эти штуки отцу «амру биль-мааруф». Второе: пришлите слуховую трубку, которую имею в виду подарить губернатору (каймакаму) г. Джидды (он глух). Желательно было бы и эту штуку получить с «Коммунистом», отплывающим во второй половине декабря из Одессы в Красное море». Порой местные чиновники прямо обращались к полпреду с конкретными просьбами и пожеланиями, и тому приходилось писать по этим поводам в Москву: «Фуад Хамза обратился ко мне с просьбой выписать для него из СССР несколько кусков тонкого бельевого полотна за его счет. Повидимому, он говорит о счете только из скромности. Я ему ответил, что по известным ему обстоятельствам наши пароходы редко заходят в Джидду и что поэтому очень трудно бывает и нам самим выписать из СССР необходимые вещи. Передаю этот вопрос на ваше усмотрение».

С такого рода просьбами-рекомендациями полпред обращался в Центр довольно часто, давая понять, что не столь уж дорогие, но соответствующие случаю и обычаям подарки не могут не способствовать укреплению личных контактов. Тем более что «связи установил хорошие. Постепенно думаю сделать многое. Трудно, но ничего невозможного нет и не бывает. Для успеха борьбы нужны средства в широком смысле. В этом отношении не так хорошо у меня», — пишет он своему руководству, объясняя обращения с просьбами о «подарках». «Наши личные связи растут и ширятся. Я стараюсь расширять их, чтобы быть в курсе местной обществ, жизни, изучить страну и научиться лучше говорить по-арабски. Сейчас у меня есть знакомства и связи с купцами, членами городск. самоуправл. (Мекка, Бахра, Джедда), муллами, бедуинскими шейхами и начальниками, прочими неджезцами и т. д. и т. п. С некоторыми из них, в особенности степняками, свои знакомства я должен закреплять некоторыми маленькими подарками, как того требуют обычаи всех степняков. Дарить револьверы или угощать спиртными напитками, как делают иные европейцы, я не могу и считаю недопустимым с точки зрения нашей репутации и интересов.

В то же время, имея под рукой небольшой вещевой фонд, я мог бы в нужных случаях дарить интересным и полезным знакомым незначительные подарки, вроде часиков, перочинных ножей, простой материи «на рубашки и детям» и т. п. Кстати, в период пребывания короля в Геджасе меня часто

навещал его личный курьер (курьер — это лицо, которому король доверяет многое) Шейх-Саид, простой неджиец из племени Otibe. Он рассказал мне о том, что шейх Абдул-Керим (т. е. т. Хакимов) обещал подарить ему бинокль и компас. Так вот, поднимая этот вопрос, я имел в виду лишь такие знакомства, которые не могут обойтись без вещественного подкрепления. Отделу Ближнего Востока достаточно известна традиционная необходимость этого порядка и поэтому обосновывать ее считаю без надобности. Ставя этот вопрос перед отделом, я учитывал, что он может быть решен лишь при наличии возможностей (о бинокле обещал написать Хакимову, который будто бы и должен был подарить Саиду)».

Удивительно, насколько быстро, практически на уровне интуиции Назир почувствовал нюансы взаимоотношений и субординации в местной среде. Это становится особенно ясно, когда читаешь об аналогичных случаях у признанного авторитета и знатока региона — Лоуренса Аравийского. В своей известной книге «Семь столпов мудрости» он описывает случай, как один из сподвижников Фейсала — Ауда — камнем разбил свои вставные зубы только потому, что получил их в свое время от ставшего врагом Джемаль-паши, турецкого министра, руководившего карательными рейдами на аравийских землях. Англичане, чтобы привлечь Ауда на свою сторону, специально пригласили к нему «дантиста из Египта, чтобы тот сделал тому зубы из материала его союзников».

Не менее поразительным является тот факт, что никогда до сих пор не изучавший арабский Н. Тюрякулов в сжатые сроки осваивает его настолько, что может самостоятельно, без посредников вести беседы на любые темы. В Москву он не без гордости сообщает, что начал сносно «болтать по-арабски. Через 3–4 месяца думаю освободиться от услуг переводчика. А то говоришь одно, переводят другое, теряется «соль». Как свидетельствовал секретарь полпредства Туйметов и другие сотрудники, познания Назира Тюрякулова в арабском языке окрепли настолько, что в повседневных беседах он полностью обходился без переводчика. А вскоре «в присутствии т. Туйметова, например, беседовал с Мохаммед Насифом о современном уровне мусульманства, о философии Ибн Теймие (основоположник ваххабизма), о сапе (в этом году в Мекке и Таифе свирепствовал сап) и лечении его».

В конце концов он овладел местным языком до такой степени, что мог полемизировать с улемами на теологические темы, не говоря уже о том, что выступал на нем от лица дипкорпуса перед королем и его окружением во время торжественных церемоний. Знание арабского выгодно отличало его от многих европейцев и не могло не быть по достоинству оценено его

арабскими собеседниками. В то время как глава британской миссии Бонд, произносивший свои речи исключительно на английском, похоже, пренебрегал далеко не глупыми советами своего уже упоминавшегося выше знаменитого соотечественника. А ведь по результатам многолетней работы в Аравии Лоуренс Аравийский составил даже специальную инструкцию по достижению расположенности и успеха в работе с бедуинскими племенами. «Находясь в племени, изучайте все, что можете, о бедуинах: их семьи, кланы, друзей и врагов, поля, холмы и пути. Делайте все это, слушая и одновременно наблюдая. Не задавайте вопросы бедуинам. Постарайтесь говорить на их диалекте, но не на вашем. Пока вы не будете понимать их мимику, вы не поймете бедуинов».

Первые шаги на аравийской земле продемонстрировали, что Назир Тюрякулов в полной мере обладал необходимыми качествами для работы в специфических условиях саудовского общества того времени. Определенного рода харизма, способность располагать к себе собеседников и вызывать их на откровенность, не говоря уже о чувствах личной симпатии, которые испытывали к советскому полпреду Абдель Азиз альСауд, его сыновья, министры и разного рода влиятельные сановники и придворные, наряду с огромной работоспособностью способствовали его успешному дебюту на дипломатическом поприще.

Глава III

БОРЬБА ЗА ДОВЕРИЕ КОРОЛЯ

Строить свои отношения с хиджазскими арабами — целое искусство, а не наука с исключениями и очевидными правилами. Тем самым мы добиваемся больших успехов: доверия со стороны шерифа (правителя), который предоставлял нам соответствующие условия (для работы нашему правительству), чего добивались германцы в Турции. Если мы тактичны и внимательны, то можем добиться доброй воли и расположения шерифа и достичь успехов в работе. Но для этого необходимо проявить весь интерес и мастерство, которым мы обладаем.

Т. Э. Лоуренс (Аравийский)

Приступая в Джидде к исполнению своих обязанностей, Назир Тюрякулов прекрасно понимал, что эффективность его работы во многом будет определяться степенью его близости к королевской власти. Было необходимо достичь высокого уровня доверия и расположения альСауда и других членов королевской семьи к себе лично, а следовательно, и к Советскому государству. Очевидно, что на первых порах не приходилось рассчитывать на то, что прямое общение с королем будет выходить за рамки протокола, поэтому главной задачей становилось тесное общение с лицами, к нему приближенными.

Одной из наиболее влиятельных фигур в окружении альСауда, от которого король, можно сказать, находился в определенной материальной зависимости, был министр финансов — недждиец Абдулла Сулейман. Поначалу он мало интересовался отношениями с молодым Советским государством. Повидимому, этим обусловлено то, что к введению его предшественником на посту министра финансов Абдуллой Дамлюджи в начале 1929 года дискриминационного режима в отношении советских товаров он отнесся довольно безразлично. Между тем было совершенно ясно, что принятое правительством Хиджаза решение, потребовавшее

приостановить работу советских торговых организаций до заключения торгового и политического договора под тем предлогом, что они якобы дезорганизуют местный рынок, крайне негативно сказывалось на развитии торгово-экономических отношений между двумя странами. Хиджазское правительство недвусмысленно давало понять, что «в целях защиты интересов своих граждан вынуждено облагать советские товары более высокими пошлинами, чем практикуется обычно».

Помимо «исключительного режима» еще одной и весьма жесткой мерой протекционизма Хиджаза-Неджда служило то обстоятельство, что согласно требованию саудовской стороны советская дипломатическая миссия в Джидде не имела права заниматься коммерцией, в связи с чем в качестве агента советских организаций был нанят глава торгового дома итальянец Лазарини.

Постепенно входя в курс дела, Н. Тюрякулов сообщает своему руководству о результатах деятельности последнего и перспективах дальнейшего развития советско-хиджазских торгово-экономических отношений при содействии и участии Лазарини. «Руководитель местного отделения «Лазарини и Ко» (*Lazzarini et Co*) гражданин Кантес, обслуживающий пароходы Совторгфлота, недавно вернулся из своей поездки в Суэц, где имеет местопребывание глава этого дома, и передал мне следующее предложение *Lazzarini*. *Lazzarini* готов, если наши торговые организации согласны, взять на себя реализацию в Геджасе наших нефтепродуктов от своего имени. Лазарини представит солидные банковские гарантии. Нефтепродукты могут и должны доставляться в Джедду на советских пароходах. Основываясь на результатах своего зондажа среди местного купечества, Кантес выражает уверенность в успехе. Между прочим, Кантес сообщил, что к делу он может привлечь одного из местных воротил Али Аммари (специальный финансовый инспектор короля в Джедде, подчиненный непосредственно министру финансов Абдулле Сулейману), и что при участии Али Аммари возможно будет захватить правительственные поставки, а также деловые связи тех купцов, которые зависят от Аммари».

К сказанному Кантесом Н. Тюрякулов добавил в отчете своему руководству результаты собственных наблюдений. Он успел выяснить, что Лазарини торгует в Саудовской Аравии некоторыми итальянскими товарами, а также перепродает чехословацкий сахар. Итальянец был достаточно хорошо известен в местных торговых кругах, имел солидную репутацию. Именно поэтому в беседе с Кантесом, которая состоялась у помощника Н. Тюрякулова Туйметова, тому дали понять, что «в

предложении Лазарини нет ничего неосуществимого, и что Лазарини с его предложением следует обратиться к генеральному представителю Ближневосторгта на Красном море тов. Хакимову».

Анализируя возрастающую заинтересованность Лазарини к расширению своих деловых связей с Советским Союзом, Назир предлагает Центру выбрать сбалансированный подход: извлечь максимальную выгоду из посредничества Лазарини, не отпугнув в то же время коммерсантов-саудовцев. «Предложение Лазарини может быть решено лишь в учете наших общих интересов в Геджасе. Тов. Хакимов уже давно поставлен мною в известность о положении наших дел в Геджасе... легко представит себе все выгоды и недостатки предложения Лазарини. Главный недостаток его заключается в том, конечно, что мы будем тогда расчищать путь для своей торговли не арабскими руками, оттолкнув шерифа Тевфика и его круги от нас. В такой постановке я склонен рассматривать предложение Лазари ни как ход, которым следует воспользоваться, но после того как выяснится, что Тевфик не в состоянии пробить брешь. Это мы можем выяснить после возвращения Короля из Неджда и Тевфика из Дамаска (Режеб-Шаабан). До того времени тов. Хакимов должен заняться выяснением деловой части предложения Лазарини с тем, чтобы в нужный момент остановиться на том или ином варианте. Такое решение мне представляется более осторожным, имея в виду возможность крупных административных пертурбаций в Геджасе после возвращения короля». Такова была оценка Н. Тюрякулова положения дел в торговле.

Полпред старался довести до сведения руководства всю довольно сложную схему торговых операций, посредством которых Лазарини собирался осуществлять поставки советских товаров. «По указанию Кантеса, Лазарини обратится с письменным предложением к тов. Хакимову, который, в свою очередь, представит Вам свои предложения. Далее Кантес сообщил, что Лазарини все еще ведет переговоры с Совторгфлотом о передаче ему, Лазарини, агентства СТФ в Суэце. СТФ выразил на это готовность, но разрешение этого вопроса поставил в связь со сменой своего агента в Порт-Саиде, который СТФ недоволен. Лазарини вступает в связи с этим в переговоры с Джулио де Кастро и К⁰ в Порт-Саиде, с которым Лазарини имеет деловой контакт и связь и который (де Кастро) является также солидной фирмой, обслуживающей все итальянские пароходства, как Лазарини, в другом конце канала. Кантес сообщил все это нам с целью поставить нас в известность о ходе переговоров Лазарини с СТФ, рассчитывая при этом, конечно, на наше содействие в этом деле».

Детальное изложение сложных механизмов торговли, его дельные предложения, высказанные в этом сообщении, дают представление о профессиональных познаниях Назира Тюрякулова, его глубоком понимании не только политической ситуации, но и экономических вопросов. Тональность же письма свидетельствует о том, что для полпреда уже стали очевидными те реальные потери, которые несет советская сторона, ведя экономический диалог с Джиддой через посредников. Именно ликвидация этого режима с самого начала продолжала оставаться на протяжении ряда лет одним из основных предметов забот полпредства. Одной из ключевых фигур, через которую действовал Тюрякулов на этом направлении, оказался как раз министр финансов. В первые месяцы его работы в Саудовской Аравии имя А. Сулеймана становится одним из наиболее часто упоминающихся в отчетах и записках полпреда.

Любые встречи и беседы использовались для получения информации и поиска подходов к могущественному министру. Так было и во время встречи с одним из наиболее осведомленных представителей Запада в Джидде — Асадуллой-эфенди («в миру» — корреспондентом «Кельнише цайтунг» Леопольдом Вейсом). Н. Тюрякулов сообщает в Москву что «Леопольд Вейс, между прочим, сам посетил меня», и что тот не скрывал своей близости с министром финансов, равно как и заинтересованности в торговых отношениях с СССР. Он даже изложил свой проект, предполагающий реализацию советских товаров на комиссионных началах.

Однако значительно больший интерес для советской стороны представляла информация о расстановке сил у трона. Получить ее также удалось от Вейса, который сообщил, что «Абдулла Сулейман сейчас в ссоре с эмиром Фейсалом по мотивам личного характера. Охлаждение между ними довольно серьезное и разрешимо лишь по возвращении самого короля. Эмир Фейсал сейчас окружен сирийцами, которым он симпатизирует. Фейсал серьезно мечтает о сирийском троне, что поддерживается сирийцами. Абдулла Сулейман не ладит с сирийцами и порвал свои отношения с Филби. Последний является агентом *Commitee of National Defence* и сорит деньгами. Фактическая его деятельность идет вразрез с его словами. Имеются документы, доказывающие это. Сейчас собираются эти документы, показывающие подлинное лицо Филби, для представления королю». Последнее, по мнению Назира, означало, что у саудовской монархии наметились значительные противоречия с традиционными партнерами — англичанами, и могущественный министр хиджазского правительства мог оказаться более открытым для диалога с советской стороной.

Ограничения, наложенные королевским правительством на торговую работу Ближвостгосторга, означали, по сути дела, «политическое оформление того бойкота, которому официально придавался характер частной инициативы». Расшифровывая последнее, Н. Тюрякулов пояснил, что имеется в виду усилившееся давление на саудовское правительство со стороны местного купечества, не слишком заинтересованного в проникновении советских товаров на рынок. Дело в том, что резкое сокращение паломничества из большинства мусульманских стран в 1929 году снижало потребительский спрос. Росли и товарные запасы, рыночная конъюнктура становилась все более неблагоприятной, и лишний игрок на узком торговом поле многим не был нужен. Саудовские коммерсанты даже организовали своему правительству, постоянно испытывавшему нужду в средствах, внутренний заем в 100 тыс. фунтов стерлингов. Однако в качестве основного условия выдвинули «недопущение наших торговых организаций на геджасский рынок». В результате этих действий и установился «специальный» режим для советской торговли.

Детали, цели и характер этого режима Назиру Тюрякулову разъяснил и. о. министра иностранных дел Фуад Хамза, еще один весьма влиятельный член правительства, с которым полпред вел непрекращающийся диалог на протяжении всех восьми лет своего пребывания в Джидде. Хамза заявил, что саудовское правительство «не запрещало и не запрещает советскую торговлю, ибо в стране торговля свободна. Но правительство СССР, придающее своей торговле в Геджасе исключительно политическое значение, не учитывает ущерб, который наносится населению в результате дезорганизации рынка».

Полпред понимал, что советская торговля в Хиджазе «тесно связана с нашим политическим положением», и безоглядное подписание договора было бы неоправданным. Тем не менее он справедливо полагал, что не следует ждать у моря погоды. «Уже сейчас допустимо поставить практические вопросы. Сейчас невозможно учесть обстановку следующего торгового сезона. В связи с этим большое значение приобретает для нас вопрос о смешанном советско-турецком обществе. В зависимости от ситуации эта организация могла бы быть использована для поддержания фактических наших торговых связей с Геджасом. Это второй вопрос, о движении которого Агентство просит поставить его в известность».

Саудовское правительство столь явно рассчитывало на «политические и моральные эквиваленты, которые предлагаются правительством СССР в обмен на право и выгоды своей торговли в Геджасе», что практически сразу высказало готовность заключить торговый, а если необходимо, то и

политический договор с СССР. Правда, интересы Хиджаза при этом должны были быть полностью защищены, поэтому до подписания соглашений саудовское правительство предложило советской стороне добровольно приостановить работу своих торговых организаций. В противном случае саудовская сторона «в целях защиты интересов своих граждан вынуждена облагать советские товары более высокими пошлинами, чем практикуется обычно».

Назир Тюрякулов немедленно включился в борьбу против столь дискриминационного условия. Он попытался действовать и через других высокопоставленных лиц, старался «пробить брешь» путем переговоров и возможной сделки с заместителем председателя Маджлиса аш-Шура и советником наместника короля в Хиджазе Абдуллой Фадлем. В то время эти попытки окончились неудачей: Абдулла Фадль, столкнувшись с противодействием объединившегося купечества, был бессилён предпринять хоть что-нибудь. Хотя собственного интереса к сотрудничеству с СССР он при этом не считал необходимым скрывать. Даже сделку на поставку нефтепродуктов Фадль собирался заключить на себя, предлагал свои услуги в качестве представителя Нефтесиндиката в Хиджазе, намекая на то, что он может быть полезен советской стороне в её торговой деятельности. Правильно оценив перспективы сотрудничества, Н. Тюрякулов посчитал разумным поддерживать связи с Фадлем, полагая, что в будущем с ним, быть может, ещё придется иметь дело.

В ходе встреч и бесед советскому дипломату удалось выяснить, что за спиной ещё одного «агента влияния» — Шерифа Тевфика — стоит все тот же могущественный министр финансов и генеральный инспектор короля по Хиджазу Абдулла Сулейман. В то время в его руках были сосредоточены все более-менее крупные правительственные поставки. Полпреду стало ясно, что выход из сложившейся обстановки следовало искать с помощью лиц, имевших в той или иной степени влияние на короля. Не случайно он сообщает в Москву, что Тевфик «считает необходимым по всем этим вопросам ждать короля, с приездом которого он связывает благоприятные перемены в политике геджасского правительства. В своих торговых планах он рассчитывает на свою близость к королю и его старшему сыну — Сауду».

Принимая во внимание тот политический и экономический вес, который министр финансов имел в Хиджазе, понятны усилия, которые прилагал Назир, чтобы добиться постепенной трансформации его взглядов, превращения А. Сулеймана из нейтрального наблюдателя в сторонника торговли с СССР. Следует отметить, что подобной трансформации

способствовал и ряд обстоятельств как политического, так и торгово-экономического свойства. Именно «недждийские элементы», возглавляемые министром финансов, противостояли англичанам и проводникам их линии — Ф. Хамзе и А. Филби. Постепенно, в результате настойчивой работы с А. Сулейманом Н. Тюрякулову удалось убедить его, что появление на хиджазском рынке дешевых по сравнению с английскими советских товаров принесет значительную выгоду правительству и местному населению.

Начало 1929 года оказалось для полпреда весьма богатым на встречи с местными «нотаблями», с которыми он обсуждал широкий круг внутренних и международных экономических и политических вопросов. В Москву регулярно направлялись записи бесед и аналитические справки по итогам встреч.

Так, в состоявшейся в феврале беседе с Тевфиком Шерифом речь шла о международном положении и ситуации в Европе. Собеседник Н. Тюрякулова утверждал, что политика европейских держав ведет к новой войне, в результате которой Европа неминуемо переживет «большие социальные потрясения, как, подчеркиваю, социальную революцию».

Зашел разговор и об афганских событиях, которые в силу существования общей границы не могли не беспокоить Москву. В лице Тевфика Шерифа Назир надеялся найти надежный источник информации по Афганистану. Действительно, тот сказал, что «реформы Амануллы не могли быть поняты отсталым афганским народом. Кроме того, Аманулла поторопился, желая осуществить все реформы сразу. Это восстановило реакционное духовенство». Указывая на распространение слухов, клеймящих Аманулла, советский полпред поинтересовался, действительно ли саудовское правительство рассматривает события в Афганистане в подобном ключе. Тевфик Шериф это отрицал, ссылаясь на то, что сведения о действительном ходе событий в этой стране очень скудны.

Весьма любопытными оказались суждения Тевфика Шерифа о Йемене, о котором он отозвался как о «государстве очень маленьком и потому не имеющем особого значения». Касаясь советско-йеменского договора, высказал следующее: «Образ правления этой страной исключает положительное к ней отношение. Имам Яхья представляет собой самого отрицательного и беспринципного типа из правителей Аравии. Имеется много фактов, подтверждающих это. В поисках какой-либо опоры против англичан он заключает договор с итальянцами, обязуясь с помощью итальянских специалистов провести ряд мероприятий экономического характера. Но по истечении некоторого времени имам Яхья поссорился с

этими итальянцами. Поведение имама Яхья и в вопросе девяти областей вызывает лишь удивление. Теперь имам Яхья с появлением Ваших представителей поторопился заключить этот договор. Нет сомнения, что при этом имам Яхья исходил из желания таким путем приобрести известный козырь против англичан. Но в то же время он не способен подумать над тем, что этот договор ничего реального ему не даст, ибо, если этого захотят англичане, ни один самбук, а не только помощь из-за Суэцкого канала, в Йемен не попадет».

Примечательна заключительная часть беседы, в которой Тюрякулов ступает на почву, казавшуюся зыбкой для большинства дипломатов. «Я счел нужным отметить, что не каждый международный договор предполагает военно-политический союз. Я, как свое личное мнение, отметил, что заключение договора с Йеменом диктуется нами торговыми интересами. Я поинтересовался фактами, которые отрицательно характеризуют имама. Тевфик ответил, что он сейчас не может изложить эти факты». Только человек информированный, имеющий основательные знания о внутривнутриполитических процессах в стране и разбирающийся в тонкостях региональной политики, с такой готовностью мог возражать собеседнику и даже провоцировать его, чтобы получить важную информацию из первых рук.

Многие вопросы, интересовавшие советского полпреда, на первый взгляд казались весьма далекими от политической сферы. Встречаясь с министром здравоохранения Махмудом Хамди, он обсуждает ход развития санитарного дела в стране. «В Бахра, в пол пути от Джидды в Мекку, строится больница. Проектируется постройка под Меккой больницы клинического характера, состоящей из 8—10 зданий», — сообщает ему собеседник. Соответствующая информация немедленно уходит в Москву. Ведь и эта сфера также могла бы стать одним из перспективных направлений двустороннего сотрудничества.

С Абдуллой-эфенди, министром почты и телеграфа, он обсуждает волнующие того проблемы. Видя заинтересованность полпреда, Абдулла откровенно делится с Н. Тюрякуловым информацией, явно не предназначенной для широкого обсуждения с иностранцами. Он рассказывает, что ввиду ограничения в средствах так и не смог осуществить свои предложения насчет улучшения и развития почтово-телеграфного дела. Ему удалось лишь проложить телеграфную линию между Меккой и Ат-Таи-фом и предпринять некоторые шаги к постройке радиостанции в Эр-Рияде. Особое огорчение министра вызвал тот факт, что «доходы почты и телеграфа поглощаются расходами государственных

учреждений и поэтому постоянно приходится обращаться за дотациями. Ввиду этого он внес в Меджлис Шуро предложение об установлении порядка оплаты, по примеру других государств, почтово-телеграфных услуг государственными учреждениями».

Посетив члена Маджлис аш-Шура Абдул Вахаба, Назир сообщает своему руководству, что «Шуро функционирует по-прежнему, рассматривает и утверждает сметы государственных учреждений и положения о государственных учреждениях. Так, недавно было утверждено положение о почтово-телеграфном ведомстве». Москву работа почтово-телеграфного ведомства также интересует, поэтому в беседе поднимаются самые разнообразные, даже технические вопросы. В том числе и об оплате государственными учреждениями услуг почты и телеграфа, «которые пока отклоняются, но разрабатываются особые правила, которые имеют в виду ограничение работ почтово-телеграфного ведомства и экономию средств».

Ценность информации, получаемой Назиром Тюрякуловым из неофициальных источников, была неоспорима. В беседе с Леопольдом Вейсом полпред получает важнейшие сведения о состоянии саудовско-британских отношений. Он сообщает в Москву о том, что «король в Рияде, во время съезда нотаблей, имел закрытое совещание с вождями племен. На этом совещании было достигнуто соглашение по вопросу о пограничном положении. Согласно этому соглашению, король должен попытаться добиться успеха дипломатическим путем. По возвращении короля в Геджас состоится новое свидание с Клейтоном. Король должен отказаться от каких-либо уступок. В случае неудачи переговоров с Клейтоном, племена получают право решать пограничные вопросы угодным им способом».

На основе полученных сведений Н. Тюрякулов приходит к выводу, что цели и требования англичан сводятся к следующему: «а) Постройка железной дороги Хайфа — Багдад — Басра. Но этот вариант их не удовлетворяет ввиду удлинения пути и непригодности Басры, как военного порта, б) Постройка железной дороги Хайфа — Кувейт, через эль-Джоф. Этот путь короче и больше отвечает интересам Англии ввиду возможности постройки в Кувейте военно-морской базы».

Параллельно со вторым вариантом железной дороги у англичан существовал также план прокладки нефтепровода. Укрепления, воздвигаемые на иракской границе, должны были стать защитой этой железной дороги и нефтепровода. Однако их возведение натолкнулось на жесткое противодействие недждийских племен Мутаир, Аджман и др., поскольку преграждало путь к пастбищам и отнимало водные источники. Н. Тюрякулов полагал, что осуществить этот проект англичанам будет

непросто, так как альСауд вряд ли пойдет на серьезный конфликт с племенами, которые из-за «прекращения доступа... на пастбища должны будут хлынуть на юг Неджда». Еще одним неприемлемым для Эр-Рияда требованием Лондона было предоставление концессии на постройку порта в Рабуге с последующим соединением его железной дорогой через Медину — Амман с Хайфой. Акабский залив не отвечал целям военно-морской базы, зато Рабуг представлял собой единственный на всем красноморском побережье Аравии глубоководный порт, пригодный для ее постройки. Было и четвертое требование, которое англичане предъявили аль-Сауду, но «о котором он сейчас не может говорить».

В письмах руководству НКВД полпред останавливался на подобных вопросах неоднократно и особенно подробно, поскольку полагал, что отказ альСауда от выполнения британских условий или его согласие могли бы стать той лакмусовой бумажкой, по которой определялась степень лояльности саудовской монархии своим традиционным союзникам. Сведения о контактах саудовцев с британцами и степень зависимости монарха и его окружения от Лондона были крайне важны для Москвы. Поэтому Н. Тюрякулов при любой возможности старался затронуть эту тему в разговорах как с саудовцами, так и со своими собеседниками из других стран.

Вопрос о саудовско-английских отношениях поднимался во время беседы Назира Тюрякулова с одним из наиболее влиятельных лиц в стране, советником короля Юсуфом Ясином. Опытный политик и царедворец, Ясин прекрасно понимал, что руководство Советского Союза, продемонстрировавшее самые дружеские чувства, признав независимость саудовского государства, отнюдь не в восторге от продолжающихся тесных контактов монархии с британцами.

Действительно, не стоит забывать, что именно СССР был первым государством, признавшим альСауда. Нотой от 15 февраля 1926 года было сообщено о признании Правительством СССР альСауда в качестве короля Хиджаза, султана Неджда и присоединенных областей. В ноте указывалось, что Правительство СССР «считает себя в состоянии нормальных дипломатических отношений» с Правительством альСауда. Король в ответ на это выразил «полную готовность к отношениям с Правительством СССР и его гражданами, присущим дружественным им державам». В апреле 1927 года альСауд принял титул «короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей» и, таким образом, султанат Неджд был провозглашен королевством. Эта перемена названия соответствовала стремлению монарха подчеркнуть независимость своего государства. Однако на

практике прежние связи разрывать никто не собирался, и интенсивные контакты саудовской монархии с британцами продолжились.

Неудивительно, что Ясин, понимавший ту важность, которую для государства имело сохранение баланса в отношениях с двумя мощными державами — СССР и Великобританией, счел нужным разъяснить некоторую двусмысленность политики альСауда, заявив одновременно, что саудовской стороне известен «антиимпериалистический характер советской политики. Мы на протяжении лет видели и видим, как советское правительство дружески относится к восточным странам. Зная политику моего короля, я могу Вас заверить, что все имевшие место отрицательные явления имеют временный характер и скоро все вопросы наших отношений будут урегулированы к удовлетворению сторон.

Вместе с тем я должен ознакомить вас с нашим положением. Дело в том, что с СССР мы не имеем общей границы. СССР находится от нас далеко. Мы здесь окружены со всех сторон владениями и силами Англии. При этих условиях и в этой стране королю приходится вести очень тяжелую работу. Король учитывает все эти обстоятельства и принимает некоторые шаги, диктуемые благополучием этой страны. С вашей трактовкой вопроса об эквивалентах я согласен. В заключение я еще раз заверяю Вас в искренности короля и его высокой оценке советской политики. Я категорически заявляю, что ваши вопросы скоро получат разрешение».

Влияние англичан на короля и его окружение все восемь лет пребывания Н. Тюрякулова на посту полпреда оставалось объектом его пристального внимания. Эти вопросы часто затрагивались в его записках в Центр. Так, например, на основе полученных сведений у Н. Тюрякулова сложилось мнение, что ситуацию в советско-саудовских отношениях в начале 1930 года «нельзя считать неблагоприятной», если не принимать во внимание возможность «английского нажима, который мог иметь место в период последних встреч Ибн Сауда с верховным комиссаром Англии в Багдаде».

В действительности это «если» существенно тормозило решение вопроса об отмене ограничений на советскую торговлю, поскольку при английском силовом давлении, сдобренном обещаниями финансовой поддержки, саудовское правительство продолжало настаивать на неприемлемых для СССР условиях нормализации экономических отношений. Во всяком случае, саудовские власти официально заявили, что советская торговля может осуществляться в этой стране в рамках следующих условий:

«1. Не разрешается Полпредству или Консульству или их сотрудникам или связанным с ними производить сделки по продаже и купле, заключать договоры, заниматься делами российской торговли.

2. Представитель общества, которое занимается российской торговлей, не может пользоваться какими-либо дипломатическими, консульскими или торговыми привилегиями.

3. Это лицо (представитель. — *Прим. перев.*) должно быть частным лицом, подчиняющимся сам и подчиняющий все свои действия законам страны.

4. Ни в коем случае таможенные пошлины, которыми будут облагаться русские товары, не могут быть ниже таковых же, налагаемых на другие товары.

5. Советское правительство обязывается уплатить правительству Е. К. В. доходы с вакуфов, и посвященных Мекке и Медине, а также ежегодно в будущем передавать таковые.

6. Советское правительство соглашается облегчить проезд как своим паломникам, так и транзитным, если только между советским правительством и соседними ему странами нет ничего такого, что влечет за собой разрыв дипломатических отношений.

7. Оба правительства соглашаются оказать необходимое содействие гражданам обеих стран в их въезде из одной страны в другую страну с соблюдением местных законов.

col1_0 надеется получить от Советского правительства соответствующее заверение о его согласии на эти меры с тем, чтобы оно, правительство Е. К. В., после этого могло бы отдать необходимые распоряжения».

Условия были крайне жесткими, и Н. Тюрякулов справедливо полагал, что подобная постановка вопроса означала «наше возвращение к исходной точке и совершенно опрокидывала переговоры». С другой стороны, такой подход был расценен полпредом как новый поворот во внешнеполитической линии альСауда, возникшей после его встречи с верховным комиссаром Англии в Ираке, и, как следствие, улучшение англо-саудовских отношений, а также как срыв советско-саудовских переговоров влиятельной англо-саудовской группировкой, которую Н. Тюрякулов именовал «компанией Риана — Филби — Хамза».

Руководству НКВД он пишет, что отношения между двумя странами в тот период «нужно характеризовать следующим образом: официальные

переговоры с геджасским правительством фактически прерваны. Путь альтернативной постановки вопросов говорит об отсутствии у геджасского правительства желания сблизиться с нами и установить прочные договорные отношения. Группа Хамзы, пользуясь общим сдвигом в англо-саудовских отношениях и опираясь, может быть, на прямую поддержку Англии и местных антагонистов, всячески пытается окончательно сорвать наши переговоры. Весьма возможно, что... во время свидания Ибн Сауда с верховным комиссаром в Ираке вопрос о советско-геджасском договоре фигурировал в качестве одного из объектов происшедших тогда между обеими странами политических торгов. Этим весьма правдоподобным предположением объясняю тот крутой поворот, который обозначился в июле с. г. в форме известных условий».

Очевидно, что этот раунд борьбы за влияние на монарха был советской стороной проигран. Н. Тюрякулов признает, что возложенная на него руководством НКВД «основная задача — оформление советско-геджасских отношений в форме дружественного и торгового договора — нами не выполнена. Официальные переговоры, продолжавшиеся около года, пока не дали никаких конкретных результатов и зашли в тупик». Кроме того, развитие внешнеполитических связей альСауда явно уходило в сторону от того «русла, которое было бы желательно с точки зрения наших интересов. Наряду с Англией, ставившей до сих пор всякие рогатки на нашем пути в Аравии, начали обозначаться контуры Франции, которая, не менее, чем первая, будет пытаться не допускать нас в Геджас».

Основным противником Назира на тот момент оказался Фуад Хамза, который был инициатором выдвижения жестких условий, а также той силой, которая смогла повлиять на более мягкую позицию саудовского монарха и вынудить его отказаться от данного ранее обещания. Последнее содержалось в заявлении его министра иностранных дел от 14 декабря 1929 года, в котором от имени главы государства официально объявлялось о ликвидации «исключительного режима». У советского руководства возникал целый ряд вопросов: чем вызвана задержка, чем объясняется такая постановка вопроса, при которой советско-саудовские переговоры становятся невозможными, продолжал ли король считать в тот период желательным для себя заключение с СССР политического и торгового договора.

Направляя в Москву свои рекомендации по дальнейшему ведению переговоров, полпред предполагал, что постановка непосредственно перед аль-Саудом этих острых вопросов «неизбежно приводит нас к необходимости открыто объяснить королю всю подоплеку поведения

Хамзы». Н. Тюрякулов не исключал, что при таком подходе, выгораживая своего ближайшего соратника, саудовский монарх будет жаловаться на затруднительное положение его страны, и тогда «само собой может стать перед нами вопрос о временном закрытии переговоров. Возможность же такого ответа со стороны короля весьма вероятна, если учесть действительное затруднение, испытываемое страной и правительством».

Советско-британское соперничество на аравийской земле распространялось не только на пространство возле трона, но и на чисто протокольно-дипломатическую сферу. И здесь победа в состязании, которое сам полпред назвал «историческим спором с англичанами из-за старшинства в дипкорпусе», осталась за Н. Тюрякуловым. Он сообщает в центр, что все закончилось «в нашу пользу. Как Вы знаете, до последнего времени мы не «виделись» с англичанами (Бонд). Англичане не хотели сделать нам визиты первыми. С приездом английского посланника сэра Андрю Риана вопрос разрешился: последний нанес нам визит (я был на хадже), и между нами и англичанами установились теперь вполне нормальные отношения. На официальных торжествах я занимаю первое место, а Риан второе... Риан держится по отношению ко мне весьма корректно, обращаясь ко мне в некоторых случаях, как к старшине».

С назначением в Джидду «старого опытного интригана сэра Андрю Риана» в аравийской политике Англии наметились некоторые сдвиги. Почувствовав в лице Советского Союза серьезного конкурента, способного вытеснить его с, казалось бы, устойчивых позиций, Лондон был вынужден пойти на некоторое смягчение своего курса в регионе. Причем предпринятые британцами шаги — выдача Девиша, преобразование английского консульства в Джидде в миссию, прекращение антисаудовской кампании в англо-арабской прессе и т. д. — были призваны продемонстрировать новую, «мирную» тактику проникновения в Аравию.

Анализируя новые моменты в саудовско-британских отношениях, Назир Тюрякулов отмечал как некоторое ослабление английского влияния на альСауда, так и смену Лондоном своей тактики. Постепенно открывался смысл назначения Райяна как искусного дипломата со стажем: он должен был склонить альСауда «к капитуляции мирным способом, поскольку методы провокации провалились и Ибн Сауд сумел хотя бы и с большим напряжением сил ликвидировать Девиша. Фактически было бы правильнее сказать, что Риан пожинает плоды прежней, агрессивной политики: утомленный борьбой Ибн Сауд в целях передышки вынужден идти на компромиссы. Отсюда понятно, почему Ибн Сауд продолжает пользоваться услугами и советами группы Фуада-Хамзы-Филби. Отказ от услуг этой

клики, в которую, судя по некоторым признакам, втянут стоящий раньше особняком королевский советник сириец Юсуф Ясин, означал бы в этих условиях нежелание Ибн Сауда урегулировать свои отношения и попытаться договориться с Англией».

Особая роль «Абдуллы» Филби при королевском дворе, а также предпринимаемые им шаги по форсированию английских попыток легально обосноваться в тех районах страны, которые могли бы стать чрезвычайно важными объектами игры в будущем, вынуждали советского полпреда постоянно держать британца в поле зрения. К попыткам такого рода Н. Тюрякулов относил «стремление шейха Абдуллы Филби добиться для себя концессии на природные богатства Дуба, эль-Ведже и других районов. Надо полагать, что принятие им ислама находится в тесной связи... с концессионными планами, осуществление которых приняло бы весьма одиозный характер и значительно скомпрометировало бы Ибн Сауда без предварительной подготовки общественного мнения. В какой мере удастся им осуществить эти свои планы, сейчас трудно судить. Несмотря на наличие ряда обстоятельств, благоприятствующих безраздельному укреплению английского влияния при дворе Ибн Сауда, в последнее время мы наблюдаем ряд симптоматичных фактов, которые сигнализируют о появлении нового партнера в англо-саудовской игре, и нежелание этого партнера допускать дальнейшее усиление английского влияния. Я имею в виду Францию».

С появлением новых иностранных игроков на экономическом и политическом поле саудовского королевства полпред Н. Тюрякулов получил дополнительные возможности для маневра. До начала 1930 года Франция на полуострове вела себя пассивно. Вся роль французского консульства в Джидде, которое представлял секретарь консульства — молодой чиновник Го, сводилась к регистрации паломников из французских колоний, наблюдению за сирийскими эмигрантами и т. п. Однако с приходом к власти в Англии лейбористов англо-французские отношения в Хиджазе-Неджде заметно обострились. Тюрякулов считал, что они приблизились «к взаимному соперничеству».

С другой стороны, активизация французов в регионе привела к значительному улучшению франко-саудовских отношений, что даже сделало возможным выдвижение Парижем «своих» людей на правительственные посты в саудовском королевстве. Одним из таких фактов явилось назначение королем энергичного и способного триполитанского деятеля, яркого италофоба Халида Каркани на пост помощника королевского наместника в Хиджазе, а также назначение

профранцузски настроенного сирийца Наби аль-Удма главой вновь созданного управления регулярной армии. По этому поводу Назир сообщает в Москву: «Особо отмечу, что Халид бин Каркани, имеющий представительство от французских фирм, после нескольких удачных выступлений заметно выдвинулся и занял весьма важный пост помощника Наместника». Далее полпред отмечает, что данное обстоятельство давало возможность в известной мере контролировать, а иногда и нейтрализовывать значительное влияние группы Хамза — Филби на принца Фейсала.

Все эти факты, вместе взятые, несомненно свидетельствовали о существенных сдвигах в аравийской политике Франции. Державшееся до этого пассивно, французское дипломатическое представительство в Джидде активизировало свою работу, очевидно, не желая и далее оставаться в королевстве в роли безучастного зрителя. В свою очередь и альСауд, учитывая новые тенденции во французской политике, по словам советского дипломата, был «не прочь прощупать серьезность и солидность французской позиции, а иногда и использовать ее в своих интересах, как это имело место в холерном вопросе». Особое удовлетворение у полпреда вызвал тот факт, что внедрение французов в *политические процессы* королевства происходило явно за счет британцев.

Новые люди в окружении альСауда стали заметным противовесом группировке Хамза — Филби. Их появление не могло не способствовать консолидации тех немногих сил, которые раньше безуспешно боролись против доминирующего положения этой группировки. Противодействовавший ей министр финансов Абдулла Сулейман, разумеется, получил поддержку новых сил, благодаря чему смог добиться сосредоточения всех правительственных поставок в своих руках. Если бы это сообщение соответствовало действительности, то, по утверждению Н. Тюрякулова, означало бы лишение «альянса Хамза-Филби одного из крупных источников их незаконных доходов».

Поскольку голландцы далеко не во всех вопросах оставались «английским подголоском», полпреду удалось наладить нормальные отношения и с ними. Так, например, материалы работавшего при советском диппредставительстве доктора Мошковского свидетельствуют о том, что «по карантинным делам голландцы не всегда солидаризируются с англичанами». Голландское консульство в Джидде, так же как и большинство других, было преобразовано в дипломатическую миссию с назначением бывшего консула Ван Мюллена поверенным в делах. Однако это не очень расшевелило голландцев. Как и прежде, они не проявляли ни

особой политической активности, ни заметного интереса к общественно-политической жизни страны. «Вся их работа состоит в развитии деятельности своих торговых организаций и полицейско-охранному наблюдению за индонезийцами», — пишет Н. Тюрякулов, отмечая при этом, что «личная и культурная связь между нами и голландской миссией вполне удовлетворительна».

В начале 1930 года все саудовские дела фактически вершила «тройка», состоявшая из принца Фейсала и имевших на него определенное влияние сирийца Фуада Хамзы и англичанина Абдуллы Филби. «В настоящее время мы наблюдаем определенное падение авторитета Филби и некоторую атмосферу недовольства короля и недждийцев против Фуада Хамзы», — сообщает полпред. Вместе с тем из посланий Назира руководству НКВД становится ясен новый расклад сил в королевстве. Можно с уверенностью сказать, что к концу того же 1930 года там оформились две группы, объединявшие как иностранцев, так и саудовцев, и обладавшие примерно равными возможностями влияния на политику альСауда и его правительства, но стоявшие на диаметрально противоположных позициях.

Шел процесс постепенного вытеснения пробритански настроенных лиц из королевского окружения. Даже в целях получения займа в качестве финансового советника альСауд пригласил голландского банковского специалиста. В то же время король продемонстрировал нежелание брать деньги у Англии, которая, повидимому, Хиджазу в них не отказывала. Ведь ценой займа Лондон получал возможность затребовать целый ряд территориальных и стратегических уступок. Британцы явно впадали в немилость.

Особенно ясно эта тенденция проявилась при формировании первого в истории саудовского государства кабинета министров. Председателем Совета министров стал принц Фейсал, который одновременно занял также посты министра и иностранных, и внутренних дел. Кроме него в кабинет входили еще только два члена — министр финансов и председатель Государственного совета. Назир Тюрякулов полагал, что «практически эта мера как будто бы ставит под больший контроль Фейсала наиболее зависимого до сего времени и наиболее одиозного для купечества и иностранных кругов министра финансов Абдуллы Сулеймана. С другой стороны, она исключает из совета фактически руководящего иностранными делами сирийца англофила Фуада Хамзу, который числится помощником министра иностранных дел. В самое последнее время в кабинет введен в качестве полноправного члена брат и единомышленник Абдуллы Сулеймана, занимающий пост директора финансовых установлений. Таким

образом, в кабинете создается довольно сильное, если учесть влияние Абдуллы Сулеймана на короля, недждийское крыло». Это не могло не радовать полпреда СССР, поскольку именно его стараниями с недждийской группой и, в частности, Абдуллой Сулейманом у него установились самые добрые отношения.

Между тем в 1931 году англо-саудовские отношения продолжали обостряться, на сей раз на почве усилившегося английского натиска на северной границе, где на трансйорданской территории англичане приступили к постройке укреплений для защиты железной дороги Хайфа — Багдад. Тем самым была подготовлена почва для отторжения от Хиджаза эль-Джофа. Обострению способствовало также поведение английских фирм, которые вели себя так, будто имели монопольное право торговли в Хиджазе. Финансовый кризис и попытки использовать тяжелое экономическое положение для того, чтобы навязать саудовскому режиму кабальный заем, также не могли не вызвать резкое недовольство в королевстве.

Английская миссия с помощью голландцев всячески пыталась внушить саудовцам, что единственным выходом является подчинение требованиям Лондона. Однако к тому времени положение неофициального проводника английской политики — Филби — значительно пошатнулось. Негативно были восприняты и английские планы образования Арабской федерации. Все это привело к дальнейшему обострению борьбы между полностью стоящей на стороне англичан «сирийской» группировкой в правительстве и группой недждийских деятелей, возглавляемой министром финансов Абдуллой Сулейманом. Последние решили искать выход из положения на путях сотрудничества с советскими торговыми организациями и, несмотря на резкое противодействие и запугивание со стороны «британской группировки», заключили контракт о нефтяных поставках с Союзнефтеэкспортом.

Фактически это был бунт против изжившего себя влияния Лондона, который на волне мирового финансово-экономического кризиса попытался вновь полностью и бесповоротно подчинить себе Хиджаз. Назир Тюрякулов не стал брать на себя смелость уточнять, «насколько прочный характер имеют эти изменения в данный момент». Однако вскоре он полностью убедился, что «основное решающее значение во всех делах имеет мнение самого короля Ибн Сауда, который начинает как будто становиться несколько независимей и смелей в своей политике в отношении СССР». Это было тем более важно, поскольку с королевской семьей у советского полпреда постепенно начинали складываться по-

настоящему теплые, дружеские отношения.

Глава IV

БУДНИ ПОЛПРЕДА ДУАЙЕН ДИПКОРПУСА

*Соединяет посол, и он же разъединяет
соединенное. В деле, что делает посол, благо всего
народа.*

Тантракхьяика

(индийская «Книга назидательных рассказов»)

Аравия издавна привлекала внимание россиян. Статьи о происходящих на Аравийском полуострове событиях публиковались еще в XIX веке в пушкинском журнале «Современник». Россия уже тогда была озабочена защитой интересов своего мусульманского населения, совершавшего паломничество к святым местам ислама. Однако подлинное начало двусторонним отношениям было положено в середине 20-х годов XX века.

Работа Назира Тюрякулова в качестве полпреда СССР пришлась на первоначальный период становления советской дипломатии. Проведение внешней политики потребовало образования специальных государственных органов. В качестве такового декретом II Всероссийского съезда Советов был образован Наркомат по иностранным делам во главе с Л. Троцким. Налаживать свою деятельность НКИД пришлось в условиях полной дипломатической изоляции: правительства европейских стран не только отказывались признать Советскую власть, но и требовали от России продолжать войну. Перед наркоматом стояли три основные задачи: создать собственный аппарат, добиться прекращения войны, сохранить и использовать архивы МИД царской России.

В аппарате НКИД были созданы два территориальных отдела (Востока и Запада) и оперативные отделы (виз, денежных ссуд, печати, дипломатических курьеров, экономико-правовой, бюро по делам военнопленных, а несколько позднее — политический архив, протокольное и другие подразделения). В мае 1918 года издан декрет об упразднении всех дипломатических рангов (посол, посланник и т. п.) и введении ранга

полномочный представитель. За ним в октябре 1918 года последовал также декрет об учреждении консульств, личный состав которых назначался Наркоминделом. Полномочный представитель (полпред) РСФСР являлся единственным представителем Российской республики: он имел право от имени правительства РСФСР осуществлять контакты с правительством страны пребывания. Кроме того, в его обязанности входил контроль за деятельностью других организаций Советского государства на территории иностранных держав.

К 1922 году за границей действовали уже И полпредов РСФСР. В ряде случаев советское правительство назначало на консульскую работу граждан той страны, в которой находилось его консульство. Так, в Англии внештатным консулом был назначен известный профсоюзный лидер Джон Маклин, Стокгольме — Стрем, США — Джон Рид. В эти годы в наркомате работали Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, А. М. Коллонтай, В. В. Воровский, Л. Б. Красин, Ф. Ф. Раскольников, П. М. Керженцев и другие видные дипломаты. Деятельность НКВД СССР на международной арене в 20-30-е годы протекала в условиях так называемого «крестового похода» против СССР, эмбарго и даже явных провокаций: в 1923 году в Лозанне был убит полпред В. В. Воровский, в 1926 году — дипкурьер Т. И. Нетте, в 1927 году в Варшаве — полпред П. Л. Войков. В 1926 году Англия прервала дипломатические отношения с СССР (восстановлены в 1929 году).

Вместе с тем 1924–1925 годы ознаменовались полосой широкого признания Советского государства, завершившей многолетние непрекращающиеся усилия советской дипломатии в этом направлении. Газета «Известия» опубликовала карикатуру, изображавшую Г. В. Чичерина, с которого градом льется пот: обессиленный, он принимает ноты о признании у осаждающей его толпы иностранных дипломатов. В течение двух лет СССР признали Великобритания, Франция, Италия, Япония, Китай, Мексика, Швеция, Норвегия, Австрия, Дания, Греция. В здании на Кузнецком проходили официальные встречи руководства НКВД с первыми послами этих стран. Всего за несколько лет деятельность советских дипломатов стала приносить ощутимые результаты: во второй половине 20-х — начале 30-х годов правительство СССР заключило ряд договоров о нейтралитете и ненападении — с Турцией, Персией, Афганистаном, Финляндией, Германией, Францией и Италией.

После образования СССР полномочия объединившихся республик в области внешней политики были переданы Союзному центру, республиканские НКВД были упразднены, а 6 июля 1923 года образован

Наркомат иностранных дел СССР. В адресованной иностранным государствам ноте от 21 июля 1923 года нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин объявил о создании Союза ССР, изменениях в государственном устройстве страны и о том, что все международные связи отныне будут осуществляться через НКВД СССР. На наркомат возлагалось осуществление дипломатических сношений СССР с иностранными государствами, защита политических и экономических интересов страны и прав находившихся за границей граждан СССР, руководство проведением в жизнь заключенных с иностранными государствами договоров и соглашений. Заграничными органами НКВД СССР являлись полпредства и консульства. В 1926 году был утвержден Консульский устав СССР, на основании которого консульские учреждения в зависимости от их значения и правового положения делились на генеральные консульства, консульские отделы полномочных представительств, консульства, вице-консульства и консульские агентства.

Расширение деятельности советского внешнеполитического ведомства требовало новых кадров. Уже тогда в руководстве страны понимали, что знание страны пребывания, языка и обычаев должно стать главным требованием к кандидатам на дипломатическую службу. Поэтому особое внимание было уделено поиску людей, обладающих подобными качествами и одновременно верных идеалам революции, всесторонне образованных и имеющих опыт партийной и руководящей работы. Именно таким оказался полпред СССР в Саудовской Аравии Н. Тюрякулов.

Повествуя о дипломатической работе Назира Тюрякулова в Джидде, нельзя не сказать несколько слов о его предшественнике — Кариме Хакимове. Это поможет не только получить более полное представление о советско-саудовских отношениях и обстановке в королевстве, когда на должность полпреда там заступил Н. Тюрякулов, но и о том прагматичном и в то же время деликатном стиле работы, который не только снискал обоим дипломатам уважение в стране пребывания, но и оказался наиболее эффективным в плане обеспечения интересов Советского Союза.

Назначению К. Хакимова предшествовал период первых советско-саудовских контактов и достижения договоренности об установлении дипломатических отношений, что не может не заинтересовать любознательных исследователей истории дипломатии. Кроме того, при всей разнице в происхождении и уровне материального благополучия, поражает удивительное сходство некоторых моментов их жизненного пути до службы в НКВД, а также дипломатической карьеры и последующей трагической судьбы двух советских дипломатов-ровесников.

Карим Хакимов родился в 1892 году в небольшой деревне на границе Башкирии с Оренбургской губернией. С 12 лет стал работать батраком в хозяйстве соседнего бая. Почти всю свою юность Карим провел в скитаниях и поисках средств к существованию — был и дворником, и половым у купца, и рабочим-путейцем, и забойщиком на каменноугольной шахте, испробовал свои силы и во множестве других профессий. Вместе с тем он всегда проявлял склонность к учебе и самообразованию. Несмотря на тяжелое материальное положение семьи, в детстве Карим был отдан отцом в деревенскую школу, где обучался арабской письменности, читал Коран и другие мусульманские книги. В 1908–1910 годах обучался в медресе в Оренбурге и Уфе, где помимо религиозных преподавали и общеобразовательные дисциплины, а также русский язык. В те годы Хакимов и предположить не мог, что скоро его знание жизни, быта, традиций и обычаев мусульманских народов царской России и весьма основательное религиозное образование помогут ему в освоении профессии дипломата, способного достойно представлять в странах арабского Востока интересы молодого советского государства. Как и Н. Тюрякулов, К. Хакимов прошел через горнило Гражданской войны и партийно-государственной работы.

Свою дипломатическую деятельность он начал в 1920 году, когда стал заместителем полпреда РСФСР в Бухарской народной советской республике. Работал генконсулом в Мешхеде и Реште (Персия), входил в состав советско-персидской смешанной комиссии. В 1924 году получил новое назначение — стал первым дипагентом и генконсулом в Королевстве Хиджаз на Аравийском полуострове.

Еще в декабре 1922 года в ходе Лозаннской конференции состоялась встреча наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина с представителем шерифа Хиджаза Лютфуллой. О содержании их беседы нарком сообщил в письме своему заместителю М. М. Литвинову: «...Я говорил о желательности создания снова Российского консульства в Джедде. Он [Лотфалла] также очень на этом настаивал. Я действительно нахожу, что нам крайне важно иметь в Джедде консула. Джедда находится рядом с Меккой; в Мекке христианам жить нельзя, Джедда же есть столица королевства Геджас; наш консул в Джедде будет в самом центре мусульманского мира, ибо все паломники там проходят, и таким образом очень многие совершающиеся в мусульманстве политические движения, которые теперь от нас ускользают, будут происходить перед глазами нашего консула. При нашей мусульманской политике нам, по-моему, необходимо иметь человека в самом центре мусульманского мира».

Переговоры об установлении официальных отношений между СССР и Хиджазом велись урывками около двух лет. Прямые регулярные контакты наладились только в конце 1923 года. Тогда Лютфулла в качестве посланника Хиджаза в Италии прибыл в Рим, где находилось полпредство СССР. 3 апреля 1924 года Г. Чичерин в письме полпреду СССР в Италии К. Юреневу сообщил о принятом в Москве решении назначить генеральным консулом СССР в Хиджазе К. Хакимова. Г. Чичерин писал по этому поводу: «Решение о вступлении в дипломатические сношения с Геджасом было принято авторитетнейшим учреждением [Политбюро партии большевиков] еще в бытность мою в Лозанне... Это постановление было выполнено... В Геджасе СССР, так же как все другие государства, будет иметь генерального консула, а Геджас будет иметь в Москве посланника... Для нас в высшей степени важно попасть в Мекку. Мы именно потому назначаем генеральным консулом мусульманина, чтобы он мог находиться в Мекке. Между тем, кроме т. Хакимова, других подходящих мусульман не оказалось, хотя мы искали очень долго. Некоторые дефекты у т. Хакимова есть, но у других возможных кандидатов дефекты несравненно более значительны. Тов. Хакимов уже привык к нашей политике, так как много лет занимал у нас посты. Мы решили, что в ближайшем будущем т. Хакимов выедет отсюда в Геджас».

В телеграмме министра иностранных дел Хиджаза, полученной в Москве 24 апреля 1924 года, говорилось, что переписка между СССР и Хиджазом через хиджазского посланника в Риме доказала «огромное желание» Хиджаза установить официальные отношения с СССР. «Мы ожидаем прибытия Вашего представителя, назначенного по Вашему усмотрению», — писал хиджазский министр. В тот же день М. И. Калинин подписал верительные грамоты, назначавшие К. Хакимова дипломатическим агентом и генеральным консулом СССР в Хиджазе.

В июне 1924 года первый советский представитель в Аравии выехал из Москвы в Хиджаз, и в конце июля Хакимов вместе с семьей и работниками генконсульства прибыл в Джидду. Советскому представителю как мусульманину было разрешено вручить свои верительные грамоты шерифу Хиджаза Хусейну в Мекке, что он и сделал 9 августа 1924 года. Миссия СССР в Джидде стала первым официальным представительством Советского Союза в арабских странах. К. Хакимов проработал в Хиджазе четыре года.

Новый дипломатический агент и генеральный консул СССР Назир Тюрякулов сменил его на этом посту в сентябре 1928 года, когда тот был назначен представителем Ближвостокинторга СССР в Йемене. Очевидно,

что в тот ответственный период на должность полпреда в Саудовском королевстве должен был быть назначен человек, способный не только упрочить достигнутые там успехи, но и в кратчайшие сроки зарекомендовать себя в стране пребывания с наилучшей стороны. Восемь лет работы Н. Тюрякулова на посту полпреда в Саудовской Аравии показали, что он более чем успешно выполнил возложенную на него миссию.

Но обратимся к той обстановке, в которой Назир приступал к исполнению своих обязанностей. На Аравийском полуострове разворачивались важные события: энергичный и волевой правитель султаната Неджд Абдель Азиз альСауд сверг правителя Хиджаза шерифа Хусейна с целью объединения большей части Аравии под своей властью. В этой связи руководство НКВД ставило задачу «...сохраняя дружественные отношения с Геджасом... не упускать случая войти в контакт с новой силой Аравии — Ибн Саудом», поскольку в интересах СССР было объединение арабских земель в единое государственное целое. «Если Ибн Сауд будет вести политику объединения арабов — это будет соответствовать нашим интересам, и мы должны будем так же попытаться сблизиться с ним, как мы это сделали по отношению к Хусейну, который старался объединить Аравию».

В эти годы арабский мир по соглашению «Сайкс-Пико» был поделен на сферы влияния между Англией и Францией. Единственными де-факто независимыми среди арабских государств были лишь Йемен да Хиджаз-Неджд. Поэтому не случайно, что именно в этих двух странах Советский Союз обозначил свое дипломатическое и торгово-экономическое присутствие. В январе 1926 года сорокачетырехлетний Абдель Азиз альСауд был провозглашен королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей. Наследник древнего бедуинского рода, он выполнил свою историческую миссию, объединив различные части огромного Аравийского полуострова в единое государство. Однако альСауд попал в сложное положение, поскольку его королевство не имело солидной внешней опоры. Великобритания выступала против объединенной Аравии, Германия еще не оправилась от разгрома, а США в то время не испытывали никакого интереса к пустынному королевству.

В этот непростой для саудовского государства период ему было чрезвычайно важно приобрести мощного «союзника» в мире, поэтому протянутая Советским Союзом «рука помощи» оказалась весьма своевременной. 16 февраля 1926 года СССР первым в мире признал новое государство на Аравийском полуострове. В этот день аль-Сауду была

вручена официальная нота, в которой говорилось: «Правительство СССР, исходя из принципа самоопределения народов... признает Вас королем Геджаса, султаном Неджда и присоединенных областей. В силу этого Советское правительство считает себя в состоянии нормальных дипломатических отношений с Правительством Вашего Величества». В ответной ноте альСауд выразил свою «полную готовность к отношениям с правительством СССР и его гражданами, какие присущи дружественным державам».

Позиция правительства СССР, первым признавшего государство альСауда, имела важное значение для укрепления международного положения саудовского королевства. По сути дела, советское признание побудило к его признанию Англию и другие державы, хотя, учитывая поражение британских ставленников во власти Хиджаза, их действия явно носили вынужденный характер.

Очевидно, что решение советского правительства о признании нового государства на Аравийском полуострове было серьезным шагом со стороны одной из влиятельных держав мира и дорогого стоило. Аль-Сауд высоко оценил действия Москвы. Так было положено начало отношениям между двумя государствами.

Однако исторически ситуация складывалась таким образом, что положение, в котором находился король, предписывало ему все еще продолжать оглядываться на Лондон. Великобритания удерживала прочные позиции на Аравийском полуострове и не желала отказываться от своего десятилетиями завоевываемого влияния в регионе. Об этом, не без гордости за свою нацию, писал Лоуренс Аравийский. Он уверял, что британцы, служившие на Арабском Востоке, обладали «счастливым сочетанием... знаний местных условий с опытностью и проницательностью». Это производило настолько сильное впечатление, например, на шерифа Абдаллу [второго сына Хусейна, великого шерифа Мекки], что этот «крайне недоверчивый человек принимал их сдержанное вмешательство как достаточную гарантию для того, чтобы начать восстание против Турции. Он сохранял веру в британский авторитет в течение всей войны, которая изобиловала сомнительными и рискованными положениями».

В какой-то степени эту безоглядную веру в Британию в период борьбы с Турцией «унаследовал» и новый правитель Хиджаза. Поэтому Н. Тюрякулову пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться повышения статуса как советского представительства, так и своего собственного в дипломатическом сообществе в Джидде. Похоже, в конце

1929 — начале 1930 года эти проблемы широко обсуждаются во дворце, хиджазском правительстве и в дипломатических кругах. Поэтому в этот период вопросы о статусе представительства Назир Тюрякулов ставит в своих посланиях в Москву особенно часто.

В Управлении иностранными делами хиджазского правительства в то время подумывали как об учреждении за границей собственных дипломатических представительств, так и о повышении рангов иностранных представителей, аккредитованных при короле. По словам и. о. министра иностранных дел Фуада Хамзы, предполагалось назначение одного представителя для Англии и Голландии, одного для Франции и Швейцарии (или Германии), одного для СССР и Турции. Такой порядок был вызван отсутствием кадров и соображениями экономии. Решение вопроса о саудовских представительствах за рубежом влекло за собой вопрос о повышении рангов представителей иностранных государств в Джидде и в первую очередь английского — Бонда, который в то время пребывал в ранге поверенного в делах.

Назир, разумеется, не мог знать наверняка, в какую форму выльются эти предположения. Будут ли все уравнены в рангах или английский представитель будет выше остальных. Можно отметить лишь то обстоятельство, что Фуад Хамза, будучи явно настроен пробритански, стремился к выгодному для англичан решению этого вопроса. Неизвестной оставалась позиция Франции, Голландии, Италии и Турции. Что касается СССР, то вопрос о советском посольстве поднимался еще при Хакимове. Теперь положение изменилось. «Насколько понимаю, — пишет в НКИД Н. Тюрякулов, — инициатива на этот раз будет исходить от гепра (хиджазского правительства. — *Авт.*). Таким образом в этой новой обстановке возникает вопрос о том — какой позиции и тактики мы должны придерживаться. Это во-первых. Во-вторых, возникает для нас вопрос о консульской части нашего агентства. По квалификации НКИД у нас имеется консульская часть, руководство которой и по положению, и по традиции возложено на тов. Туйметова. Исходя из того соображения, что необходимо начинать готовиться к возможному изменению нашего положения, прошу оформить руководство Туйметова консульской частью с тем, чтобы в надлежащий момент я мог бы провести оформление этого положения здесь».

Следует отметить, что руководство в Москве также было не чуждо соображениям экономии и далеко не всегда безоглядно отвечало на предложения своего полпреда. Так, по вопросу о выделении консульских функций от Н. Тюрякулова НКИД потребовал прислать конкретные

предложения. «Пока что мы считаем возможным, чтобы выполнение консульских функций было возложено Вами на одного из сотрудников, тем более что и объем этих функций в Геджасе незначителен. Для Вашего сведения сообщаем, что выделение консульских функций в дипломатических миссиях не обязательно проводится в порядке организации отдельного консульства или даже консульской части. Для примера укажем на персидское посольство в Москве, которое, при чрезвычайно большом объеме консульской работы, не имеет формально ни одного консульского работника, причем выполнение консульских функций поручается второму секретарю Посольства».

Первенство СССР в признании независимого саудовского государства и неоднократно выражаемая королевским двором и правительством благодарность за это давали немало оснований надеяться на то, что советский полпред может претендовать на лидирующие позиции в местной дипломатической иерархии. В записках Н. Тюрякулова руководству этот вопрос возникает постоянно, но особенно остро он встает к концу 1929 года. Полпред подчеркивает, «что мы здесь давно, еще со времен т. Хакимова ведем спор о старшинстве в дипломатическом корпусе. Последний своими средствами не мог и не может разрешить этот вопрос. Наша тактика заключалась в выдвижении турка. Но турок, к сожалению, постоянно гадил, уступая уже как бы от себя это первенство англичанину. Они двое стали пытаться создавать потихоньку традицию английского первенства. Последний раз эту попытку они сделали 14 июля в день Бастилии во французском консульстве. Несмотря на то, что Сени-бей был предупрежден мной через т. Туйметова о пашей точке зрения на первенство в дипломатическом корпусе и желательности выступления его у французов от имени всех нас».

Каково же было удивление Назира и его спутников, когда принявший сначала это предложение турецкий представитель вдруг выступил в совершенно иной роли. «Мы были свидетелями такой возмутительной картины: вместо того, чтобы согласно уговору с нами выступить в качестве старшины, в присутствии консулов и местных представителей он выступил в качестве простого переводчика речи англичанина на арабский язык. «Английский представитель мосье Бон изволят говорить...» — начал он свой перевод. Таким способом контрабандой англичанин хотел протащить свое решение, хотя бы в форме прецедента. В ответ на это я привлек перса и в день 6 годовщины Турецкой Республики, опередив англичанина, выступил с приветствием от имени всего корпуса на арабском языке.

После этого случая, воспринятого всеми как наше нежелание уступать

наше право, министр иностранных дел в беседе со мной коснулся вопроса о порядке, которого будут придерживаться гепра в отношении корпуса. Он заявил, что, по мнению гепра, первое место с точки зрения гепра будет занимать Сени-бей, второе — я, третье — мосье Бонд и четвертое — мосье Мегре (француз). Ф. (Фуад Хамза. — *Авт.*) спросил мое мнение об этом. Я заявил, что против этого порядка не имею ничего возразить. На этом основании везде и повсюду я стал занимать (ввиду отсутствия турка) первое место и косвенно закрепил тем самым свое старшинство перед англичанином. На банкете, устроенном губернатором в честь эмира, мне было отведено место справа от Фейсала, что не вызвало возражений со стороны других. Таким образом, за Сени-беем закреплено то, от чего он отказывался в пользу англичанина. Сейчас здесь циркулируют слухи о том, что Сени-бей больше не приедет, что на его место предполагается назначить секретаря турецкого посольства в Египте (молодой человек лет 35–36, из свиты Мухиддин-Паши). Если Сени-бей действительно не приедет, то тем самым старшинство будет закреплено за нами». Вместе с тем Н. Тюрякулов понимал сам и пытался довести до сведения руководства НКВД, что речь пока не идет о признании его лидерства в самом дипломатическом корпусе, а лишь о признании его первенства саудовским правительством.

Между тем авторитет и влияние Назира Тюрякулова среди иностранных дипломатов постоянно возрастали. Тому в немалой степени способствовали его эрудиция, знание языка, умение балансировать между интересами сразу нескольких сторон, а также тесные контакты с местной администрацией. Тот факт, что Н. Тюрякулов становится дуайеном дипломатического корпуса, явилось логическим следствием его высокопрофессиональной работы.

В своем письме наркому иностранных дел М. Литвинову от 16 апреля 1930 года Назир пишет, что «исторический спор с англичанами из-за старшинства в дипкорпусе считается законченным в нашу пользу. Как Вы знаете, до последнего времени мы не «виделись» с англичанами (Бонд). Англичане не хотели сделать нам визиты первыми. Вопрос разрешился с приездом английского посланника сэра Анджо Риана: последний нанес визит (я был на хадже) и между нами и англичанами установились теперь вполне нормальные отношения. На официальных торжествах я занимаю первое место, а Риан второе, французский поверенный в делах — м-сье Мегре — третье, Айноль-Мольк — четвертое. Отмечу, что Риан держится по отношению ко мне весьма корректно, обращаясь ко мне в некоторых случаях, как к старшине». Оставалось неясным положение турка Сени-бея

— «соперника» в борьбе за пост дуайена. Однако никаких распоряжений насчет него из Анкары не поступало, поэтому недовольный своим теперешним положением Сени-бей уклонялся от посещения торжеств, чтобы «не сидеть на задворках».

Новое положение советского полпреда было довольно скоро признано его иностранными коллегами. Уже 9 января 1930 года на коронационных торжествах в Вади Фатима Н. Тюрякулов выступил в качестве «старшины» с приветственной речью от имени дипкорпуса. Именно к нему стали обращаться в случае возникновения споров и недоразумений как в дипломатическом сообществе, так и во всей иностранной колонии. Так случилось, например, когда в среде англичан возникла идея организовать европейский клуб. «Возглавляет дело Бонд, английский «шарже д'аффер». Филби в оппозиции. Он требует участия в этом деле всех европейцев и обвиняет Бонда в форсировании вопроса, несмотря на то, что тот должен скоро покинуть Джедду». Филби считал необходимым даже прислать Н. Тюрякулову копию своей переписки с Бондом по этому поводу, причем с припиской «как дуайену дипкорпуса». Со своей стороны организаторы клуба прислали в полпредство выработанный ими устав клуба. Со всей возможной дипломатичностью Назир ответил Филби по поводу клуба, что «не может взять на себя обсуждение вопроса, касающегося узкой группы европейцев».

Одним из основных вопросов, который беспокоил Н. Тюрякулова, был статус представительства, являющегося, по сути дела, лицом страны. Тем более что в то время в международном сообществе этим на первый взгляд формальным вопросам придавалось огромное значение. Об этом Назир постоянно пишет в Москву: «Переходя к вопросу о рангах, я могу сообщить Вам следующее: во время последней беседы с Ф. я спросил его о его предположениях насчет рангов и посылки дипломатических представителей за границу. Он повторил свои старые жалобы на необходимость для гепра соблюдения экономии и отсутствие подходящих людей. При этом он добавил, что гепра хотело бы видеть меня, англичанина, турка, француза в одном ранге, например в ранге послов, что в настоящее время мосье Мегре, француз (также представил свои бумаги в качестве «шарже д'аффер» до сего времени он считался консулом). На мой вопрос о времени и сроках Фуад Хамза ответил, что он меня заранее предупредит. Легко догадаться, что геджасцы сначала хотят узнать мнение Лондона о ранге английского представителя в Джедде. Если Вы одобрите, я хотел бы в соответствующий момент заявить о нашем принципиальном взгляде на этот вопрос — равенство сторон и отсутствие с нашей точки

зрения «больших» и «малых» государств. Я буду ждать Ваших указаний».

Ответ из Москвы не заставил себя долго ждать. «С этой почтой мы посылаем Вам верительные грамоты в качестве полпреда (на правах чрезвычайного посланника и полномочного министра). Для оформления этого нам нужно будет иметь формальное постановление ЦИКа, о чем мы Вас уведомим дополнительно по телеграфу. Мы надеемся, что Вам удастся провести переформирование Генконсульства в миссию в должном порядке и не отставая от других иностранцев».

Однако реализовать установки НКВД в полной мере Назиру Тюрякулову все же не удалось. Но в том не было его вины. Слишком велика была еще у некоторых представителей саудовских властей инерция во всех более или менее серьезных вопросах действовать с оглядкой на Лондон. Неудивительно, что правительство Хиджаза дало согласие на преобразование советского представительства в дипмиссию только после того, как в декабре 1929 года Форин Офис пошел на повышение статуса своего представительства в Джидде.

Тем не менее уже в первых числах нового, 1930 года произошел обмен письмами между хиджазским правительством и советским полпредом по переформированию дипагентства. В послании Фуаду Хамзе Н. Тюрякулов пишет: «В связи с заявлением В. Превосходительства от 14 декабря с. г., настоящим имею честь от имени моего правительства заявить следующее: Заявление Вашего Превосходительства о согласии Его Величества Короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей на переформирование Дипломатического Агентства и Генерального Консульства СССР в Джде в Дипломатическую Миссию встречено с полным удовлетворением. Добавлю, что учреждение Дипломатической Миссии соответствует желаниям и стремлениям моего Правительства, о чем оно в свое время заявляло. Настоящим имею честь уведомить В. Пр. о переформировании дипломатического Агентства и Ген. Консульства СССР в Джде в Дипломатическую Миссию и в связи с этим выражаю великую надежду, что это послужит еще большему укреплению и расширению в будущем дружественных отношений, существующих между обеими нашими Правительствами».

Фуад Хамза ответил: «Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 1 января 1930 г. (1-8-1348 г.), в котором уведомляете меня о решении Правительства СССР переформировать свое Дипломатическое Агентство в Джде в Дипломатическую Миссию, начиная с даты вышеуказанного Вашего письма. В связи с этим приношу Вам свои поздравления и выражаю пожелание, чтобы это изменение послужило

началом новой эпохи в отношениях обеих стран».

26.02.1930 г. в Мекке Н. Тюрякулов вручил принцу Фейсалу верительные грамоты, аккредитуящие его уже в качестве Чрезвычайного и Полномочного посланника (высшая на тот момент в СССР дипломатическая должность. — *Авт.*). Любопытно описание Н. Тюрякуловым в своем дневнике обстоятельств, в которых происходило вручение им верительных грамот: «26 февраля 1930 г. Опять в Мекке. В 10 часов вечера (такой поздний час объясняется рамаданом) с соблюдением всех пунктов объявленного по корпусу порядка я в сопровождении т. Туйметова и адъютанта эмира Халид-бея приехал в «Хамидие» (напротив Каабы). Почетный караул. Толпа любопытных. После 3–4 мин. ожидания в приемной был принят эмиром Фейсалом в присутствии чиновников министерства иностранных дел. Обмен речами и вручение грамот. В порядке особой по отношению к нам любезности и внимания вручение моих грамот было приурочено именно к этому вечеру «Лейлатуль-кадр» (Ночь судьбы). По воззрениям мусульман, сегодняшняя ночь является наиболее почитаемой. Посмотрим, что готовит нам судьба в Мекке». Таким образом, в Мекке Назир вручил верительные грамоты наместнику короля в Хиджазе уже в новом качестве. При этом стороны обменялись следующими речами:

Речь Полпреда.

«Ваше Высочество,

Центральный Исполнительный Комитет оказал мне честь и возложил на меня ответственную миссию назначением меня Полномочным Министром и Чрезвычайным Посланником при особе Его Величества Короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей — Абдул Азизе Ибн Абдурахмане Аль-Фейсале Аль-сауде.

Целью настоящего назначения является укрепление и усиление дружественных отношений установленных к взаимному удовлетворению обеих сторон между двумя странами.

Я приложу все свои силы для осуществления этой задачи, опираясь на высокие симпатии и благосклонные отношения, которых я удостоился со стороны Его Королевского Величества, со стороны Вашего Высочества, а также государственных деятелей со времени моего прибытия в эту страну. Я надеюсь, что встречу те же симпатии и то же отношение в своей новой деятельности.

Я прошу Ваше Высочество сообразоволять передать Его Королевскому Величеству мои симпатии и добрые пожелания Его Величеству, членам

королевского дома и стране.

Я прошу Ваше Высочество передать Его Величеству и его благородному народу добрые пожелания Председателя ЦИК СССР.

Позвольте представить Вашему Высочеству мои верительные грамоты, которыми я назначен с новой миссией, и просить Ваше Высочество принять выражение моего глубокого к Вам уважения».

Ответная речь эмира Фейсала.

«Господин Полномочный Министр и Чрезвычайный Посланник, я рад принять именем Его Величества Ваши верительные грамоты, которые сообразовали (прислать) господин Председатель ЦИК СССР и которыми Вы назначены Полномочным Министром и Чрезвычайным Посланником при особе Его Величества Короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей.

Те благородные симпатии, на которые Вы изволили указать, и те добрые пожелания, которыми Вы выразили стремление к продолжению дружественных и лучших отношений и укреплению их, являются для нас общими чувствами.

Я не сомневаюсь, что сегодня Мы открываем новую эпоху в отношениях наших стран и этим закладывается прочный фундамент дружбы между ними.

Я уверен, что при выполнении возложенной на Вас задачи Вы будете встречать со стороны Его Королевского Величества благосклонное отношение и всяческое содействие, а со стороны моей и государственных деятелей — действительное желание помочь Вам во всем, что способствует укреплению дружественных отношений между обеими странами.

С этими чувствами принимаю от имени Его Величества, моего Великого отца, Ваши верительные грамоты и прошу Вас сообразовалить передать высокие приветствия и добрые пожелания Его Превосходительству господину Председателю ЦИК СССР и его благородной нации от имени Его Королевского Величества и его народа.

Я желаю Вам успеха в Вашей деятельности».

Комментируя это событие, «Известия» от 03.06.1930 г. напомнили, что название «агентство и генконсульство» обычно применялось к представительствам в странах, которые «не обладают полным суверенитетом». «Упрочение фактической и формальной независимости государства Ибн Сауда привело к уничтожению этой архаической формы иностранных представительств». Тем самым, благодаря усилиям Назира

Тюрякулова был окончательно определен не только достойный статус советского представительства в Джидде, но и еще раз подтвержден авторитет СССР на международной арене. Это было незамедлительно отмечено иностранными дипломатами. Как только о состоявшемся переформировании советского представительства в дипмиссию и назначении Н. Тюрякулова полпредом был извещен весь дипломатический корпус, французский и английский «шарже д'аффер» (хотя последний так и не известил советское представительство о состоявшемся переформировании своего представительства в дипмиссию) и итальянский консул направили Тюрякулову письменные поздравления с новым званием. Остальные нанесли ему визиты.

Обо всем процессе переформирования советского дипломатического представительства в дипломатическую миссию, о восприятии этого события иностранными дипломатами и местной элитой, а также о своем «карьерном росте» до дуайена Назир со всеми подробностями и не без юмора информирует Москву. В записках по этому поводу заметна его внимательность, на первый взгляд, к мелким, но на самом деле весьма существенным для дальнейшей работы деталям. «Сообщение представителям дружественных стран о переформировании нашего учреждения сделаю после вручения грамот. Переформирование английского консульства в миссию состоялось 22 декабря. В своем циркулярном сообщении, разосланном им всем за исключением нас, он сообщает также о своем назначении в качестве поверенного в делах. Продолжая старый спор о старшинстве в дипкорпусе, он не сделал до сих пор ко мне визита, хотя на всяких торжествах и банкетах гепра мне постоянно отводит первое место (справа от эмира), а ему — второе. После его выступления в французском консульстве (14 июля 29 [года]) в качестве «старшины» при переводчике Сени-бее (?) я выступил в качестве старшины от имени корпуса на арабском языке в день национального праздника Турецкой республики. Он тогда на это ответил выступлением от своего имени на французском языке. После него с такими же приветствиями выступили мсье Мегре и синьор Солаццо. После этого случая Бонд больше не выступает первым, хотя всячески старается подчеркнуть, что он не признает меня в качестве старшины».

«8–9 января 1930 года в 2 верстах от Джедды, в Кандара проходили коронационные торжества, а вечером был устроен банкет на средства нашего антагониста Джеддинского губернатора. Присутствовал эмир. Справа от него сидел я, слева — Ахмед Зекки-паша. Справа от меня губернатор, за ним — Бонд. Хамза выступил с большой речью, в которой

охарактеризовал личность короля, его борьбу за независимость страны еще «в те дни, когда Аравия стонала под игом иноземцев». Затем подробно остановился на внутреннем и внешнем положении страны, отметив в качестве достижения факт переформирования 4 консульств в миссии (Англия, СССР, Франция и Персия)... Он отметил достижения Ибн Сауда в отношении установления в стране порядка и культурной работы. Затем по традиции выступали представители различных организаций с речами и стихами.

Я решил свое выступление перенести на другой банкет, который должен был состояться на другой день в долине Вади Фатима (между Меккой и Джеддой). Этот банкет устраивался на средства городов Мекки и Джедды и носил более народный характер. Другие члены корпуса также не выступали. Хамза потом объяснился со мной — он, оказывается, ожидал моего ответного выступления. Я указал ему, что в подобных случаях он обязан предварительно договариваться».

В ходе празднеств Назир Тюрякулов продолжал работать и не забывал отслеживать взаимоотношения между представителями саудовской власти, что помогало ему адекватно оценивать расстановку политических сил в стране и информировать о ней руководство НКВД. «Выяснилось одно интересное обстоятельство: Хамза в качестве главного распорядителя не допустил выступления на этом торжестве «представителя Джедды». Произошел между Хамзой и губернатором конфликт, который на другой день улаживал эмир. Губернатор отказался участвовать на торжествах в Вади Фатима. Эмиру удал ось уломать старика. Примирял их. Не дождавшись окончания торжеств, Хамза уехал в Мекку. На этот раз на торжествах присутствовали представители и Мекки и Джедды. Места были распределены в том же порядке.

В соответствующий момент я выступил с речью на арабском языке. После меня выступил Бонд (на английском языке), за ним — Мегре (на французском языке). Отношение арабов к моей речи было явно сочувственное. В то время как моя речь была поддержана дружными возгласами присутствующих, речи Бонда и Мегре были выслушаны без признаков какого-либо реагирования. Помимо египетских журналистов присутствовало много сирийцев, ковейцев, а также много бедуинских лидеров. Выступление Бонда, несмотря на то, что я говорил от имени корпуса, преследовало одну цель: показать, что он продолжает стоять на прежней позиции непризнания моего старшинства, и, кроме того, поддержать престиж английского имени перед колониальными жителями. Все это показывает, что Бонд решил оставаться на своей позиции, пока не

приедет новый английский посланник, который должен будет сделать визит в качестве новоприехавшего и урегулировать наши отношения. Арабы с любопытством наблюдают за нашими «личными» отношениями».

Повышение статуса дипломатического представительства СССР, «вступление в должность дуайена» — эти события можно считать праздниками на фоне насыщенной тяжелой рутинной работы советского полпреда. Но не это было самым сложным: Назир любил свою работу, отдавался ей самозабвенно и увлеченно, воистину служил не за страх, а за совесть. И при этом далеко не всегда встречал понимание со стороны своего руководства в том, что такая самоотдача требует большой затраты сил, а значит, и отдыха. В письме в НКВД он даже вынужден обратиться с довольно-таки редкой личной просьбой: «Прошу отдел и лично Вас по моему вопросу. Предоставленный мне в январе отпуск является просто издевательством. Не имея теплых вещей и нуждаясь в ремонте здоровья и отдыхе, я вынужден просить реализацию моего отпуска перенести на лето». Но дело не только в удобстве и комфорте. Тюрякулов не считает для себя возможным использовать предоставленный ему отпуск в январе месяце еще и потому, что зимой перед хаджем общественно-политическая жизнь страны оживлялась, и его присутствие там в это время года было необходимым. «...Возвращаться зимой в СССР для отдыха и лечения бессмысленно». Поэтому свой отпуск Назир откладывает до лета, когда «жизнь в стране замирает (даже войны в это время прекращаются) и имеется возможность в СССР как отдохнуть, так и пройти известный курс лечения».

Внутренняя жизнь и повседневная работа представительства также требовали его пристального внимания. Одной из основных забот Н. Тюрякулова на протяжении всех лет его работы в Джидде оставалась проблема кадров: переводчики, дипломаты, врачи...

Уже в одном из первых подробных писем в НКВД, адресованном Пастухову, новый полпред ставит «вопрос о переводчике», от которого, по утверждению Тюрякулова, будет во многом зависеть успех его миссии. «Тов. Хикмет Бекинин умер в ночь с 19 на 20 июля (пятница/суббота) в три часа утра. Из донесения доктора Абдуль-Фаттаха (из голландского консульства) Вы увидите причину и обстоятельства смерти Бекинина. По констатировании врачом смерти Бекинина, его тело в тот же день было похоронено на кладбище Уммуль-Хава (кладбище Евы) с соблюдением всех мусульманских обрядов. Вскрытие не было произведено и поэтому ход болезни и ее финал представлены лишь теоретически на основании диагноза.

Обстоятельства же, при которых Бекинин заболел бациллярной (?) дизентерией, приблизительно таковы: утром того дня, когда он слег в постель, покойный спрашивал нас о признаках дизентерии. Его интерес к симптомам этой болезни вызывался, очевидно, начинавшейся болезнью. На второй день (болезнь длилась всего около 9—10 дней) Нина Александровна Тюрякулова расспрашивала больного и установила, что за день или два до своего заболевания он выпил на базаре воду (конечно, не кипяченую!), после которой почувствовал себя плохо. Начитавшись кое-какой научно-популярной литературы и проработав некоторое время с доктором Бабаджаном в качестве переводчика, покойный по-дилетантски самоуверенно относился к вопросам здоровья и лечения. В первый же день своей болезни он съел 10 яиц (вместе с желтком), что усугубило его положение. Характерно то, что вымывая свою посуду дома с мылом, в то же время он мог на базаре и в частных домах пить сырую воду и есть овощи. В первый же день болезни обнаружилась тенденция мании и психического расстройства. На 3—4 день он уже стал страдать от призраков. Рвал на себе белье, пытался выброситься из окна 3-его этажа и постепенно перестал узнавать людей и вещи. Возможно было, что имело место довольно редкое явление метастаза в мозг.

По местным обычаям тело покойника более 1 дня невозможно держать дома. К тому же и климат не допускал этого. Пароход до сего времени не прибыл. При таких обстоятельствах мы вынуждены были похоронить его немедленно с соблюдением неизбежных при наших условиях обрядов».

Проявляя сочувствие, по-человечески жалея покойного, Н. Тюрякулов и в этих скорбных обстоятельствах не забывает о возложенных на него обязанностях. Он шлет в Москву отчет обо всех присутствовавших на похоронах представителях местных властей, а также информирует НКВД о тех возможностях, которые открываются перед советским представительством благодаря четкому следованию на похоронах местным обычаям. Такой подход не выглядел циничным, поскольку ничто не было сделано искусственно, вопреки верованиям Бекинина или из желания произвести благоприятное впечатление.

«На похоронах были Сени-бей, турецкий пр. и сын Лари эфенди (Персидский кон.). Участвовала вся наша местная колония. С выражением соболезнования явились: *Taha* — помощник губернатора, начальник полиции, секретарь мининдела, Хамди-бей — исп. об. француза (Мегре в Бейруте, Го во Франции), Хасан-бей — его представ., купцы, знакомые и друзья покойного. Сегодня с той же целью явился известный Мухаммед Насиф.

Резюме: наше право на мусульманском кладбище, т. е. наше право на поездку к Мекку, этой смертью как бы закреплено в мнении правительства и общественных кругов. Репутация же Бекинина как религиозного человека лишь подкрепляет это положение. Все это для вас может звучать странно, но эго гак. С другой стороны, мы соблюли ваххабитский идеал могил и похорон: никакой помпезности и никаких отличительных знаков на могиле! Таким образом, покойный будет продолжать служить нам, а его семья будет иметь право на некоторую помощь со стороны государства».

Между тем со смертью Бекинина вопрос о переводчике встал особенно остро. Разумеется, сам Н. Тюрякулов, владея иностранными языками, испытывал минимальные трудности. «В сношениях с Хамза (мининдел) пока обхожусь и могу обойтись без переводчика». Однако в деятельности полпредства существовало немало направлений, например, работа с местной прессой, где требовались услуги квалифицированного арабиста. «Теперь о живых. Нам нужен переводчик. Судя по телеграмме т. Аркадьева (вместо Моргунова?), имеется кандидат на место переводчика. Кто он — мы не знаем. Поэтому я условно рекомендовал т. Билялова (Билалов), работавшего в Информ, отд. Наркомторга по арабской прессе. Его знаю по Цизу, где он занимался переводом на башкирский язык. Его знает и Башкирское представительство в Москве. Характеристика: молод, работающий, молчалив. Беспартийный. Холост. Если нет никаких особых препятствий к принятию т. Билялова, то просим внимательно отнестись к нашему кандидату, т. к. мы заинтересованы получить опытного человека. Другое: мы просим ускорить решение этого вопроса во избежание ослабления нашей информационной работы по печати».

Когда в начале 1931 года решался вопрос об отъезде в апреле в отпуск ближайшего помощника Назира — Туйметова, а летом — и самого полпреда, последнего крайне беспокоила ситуация, что в представительстве не остается хорошо знающих языки сотрудников. «...Матюшкин остается один. Он еще не владеет ни европейскими языками и ни арабским языком в мере необходимости. Очевидно, что он может оставаться один только в том случае, если его вы согласитесь оставить на лето здесь в качестве лишь управляющего полпредством, не возлагая на него ни работы по представительству ни по своим, ни по связи с местным обществом. Если на это НКВД не пойдет, то он должен озаботиться прислать своевременно товарища соответствующей квалификации со знанием языков хотя бы французского и турецкого. Я так говорю, имея в виду, что вы, может быть, возьмете кого-либо из Турции на время. Попутно скажу, что Матюшкин оказался работником более способным и восприимчивым, чем Катышев и

чем мы ожидали. Надеюсь, что он скоро войдет в курс туйметовской работы. Что касается языков, надо думать, что начнет говорить не раньше чем через год. После того как обжигаясь на одном, начинаешь дуть и на другое. Ведь Катышев не владел и русским языком. Большое значение имеет и культурный уровень человека. Я с большой надеждой отношусь к Матюшкину, придираюсь к его произношению, заставляю произносить по нескольку раз каждое слово и ввожу в арабский язык. Он пока что не огорчается и не всегда удачно, но и всегда старательно выводит «анны», «дады» и т. п. Одновременно помогаем по части французского языка. Дай бог не ошибиться. Аль мустакбаль кешшаф».

После приезда Матюшкина в миссии произошло перераспределение обязанностей, которое, с одной стороны, должно было облегчить жизнь, но с другой, добавило новых хлопот. «Туйметов постепенно вводит т. Матюшкина в курс своей работы, подготавливая его к полному охвату всех его функций, которые он нес (консульские функции, счетоводство, хозчасть и пр.)... Матюшкин назначен секретарем полпредства с окладом переводчика, поскольку наши местные возможности не позволяют нам решить этот вопрос иначе. Туйметов предполагает выехать в апреле месяце исходя из того, что, во-первых, он не может после долгого пребывания в жаркой стране зимой вернуться в СССР и, во-вторых, потому, что полпредство в настоящее время в нем нуждается. Поэтому мы решили перевести т. Матюшкина на оклад секретаря после отъезда т. Туйметова. Нот. Матюшкин сейчас выдвигает требование о назначении ему оклада секретаря, основываясь на приказе о его зачислении и назначении по управлению делами. Прошу рассмотреть этот вопрос и дать нам твердые указания. Просьба подтвердить согласие НКВД. В связи с этим НКВД надлежит озаботиться о присылке нового соответствующего сотрудника к апрелю месяцу, чтобы отъезд Туйметова и Тюрякулова не оголил полпредство».

Тяжелая ситуация с профессионально подготовленными кадрами вынуждала Назира Тюрякулова заниматься не только своими прямыми обязанностями, но и поиском потенциальных работников и подготовкой смены. «Имея в виду незначительность кадров арабистов в Москве, я считал бы в интересах нашего дела необходимым практикование системы стажерства. Один арабист из окончивших Восточный институт или старшекурсников мог бы один год использоваться для практической стажерской работы в Джедде, подготавливаясь к своей будущей работе в агентствах и представительствах. Этим способом мы обеспечили бы себя небольшим кадром людей, владеющих арабским языком не только

теоретически, а и практически.

На языке Корана здесь невозможно на базаре купить себе и коробку спичек. Между тем в наших учебных заведениях, выражаясь фигурально, готовят не арабистов, а коранистов, могущих объясняться лишь с мертвецами и ангелами. Кроме того, стажерство стимулировало бы интерес к арабскому сектору со стороны учащихся в смысле обеспечения их в будущем работой при условии их работоспособности. Количество мест в арабском секторе наших институтов должно быть при этом сужено до рамок потребности во избежание «перепроизводства»».

Есть ведь и такие арабисты: как, например, Акчурин, которые кончают институт им. Нариманова и работают в Наркомторге по другой специальности после блестящего окончания арабского сектора. Между прочим, представляю Вашему вниманию и этого товарища в качестве кандидата на место переводчика. Наряду с хорошими познаниями по арабскому языку он подготовлен и для работы по экономической линии и безукоризненно владеет русским языком, что дает ему преимущества перед Биляловым. Покойный Бекинин не только не знал русского языка, но не хотел развивать и углублять свои познания в этой области, в результате чего нам приходилось заниматься переводом с русского языка Бекинина на общерусский литературный язык. Это обстоятельство отнимало много времени при подготовке для Москвы информационных материалов».

Однако бывали в работе представительства ситуации, когда отъезд «ценного переводческого кадра» воспринимался как дар божий. Так случилось с переводчиком Катышевым, после отбытия которого на родину Н. Тюрякулов с огромным облегчением пишет в Москву: «...доволен тем, что мы все после отъезда Катышевых и по приезде тихих людей обрели покой и избавились от скандалов, которые являются типичными для народных судов Москвы. Мы молчали. Ке фер! Я ведь не мог даже замечания делать им. Первое и последнее мое замечание т. Катышеву о неудобстве танцев в утренние часы и стука над потолком... когда там сидят гости (так оно и случилось), вызвало обвинение меня со стороны обоих Катышевых в бюрократизме и т. д. вплоть до разговоров со слезами, которые выжимались в любой момент. Я вынужден был молчать и тогда, когда Катышев избивал свою жену, и последняя кричала о помощи. После этого начинаешь относиться с недоверчивостью ко всем новым людям. Я обо всем этом рассказал Вам исключительно для того, чтобы отметить всю важность тщательного подбора работников во всех отношениях».

Непростое положение сложилось в представительстве и с медицинским обслуживанием. На первых порах по любому поводу

приходилось прибегать к услугам любых доступных специалистов. Или выручала Нина Александровна Тюрякулова, врач по образованию. Однако поскольку это не входило в круг ее прямых обязанностей, требовался кадровый специалист из Москвы. Случилось так, что именно смерть Бекинина явилась тем печальным «примером, который иллюстрирует наше «сиротское» положение. Я лично не собираюсь болеть, но наличие врача в консульстве для оказания помощи сотрудникам и нашей местной колонии в первую очередь считаю необходимым и полезным. Требования, которые я мог бы предъявить по этому вопросу, сводятся к тому, чтобы врач (или доктор) был опытен по своей специальности, мужчина лет 35–45. Желательно, чтобы был мусульманин, если его жена тоже будет заниматься врачеванием, то тоже неплохо. Сейчас нас пользует женщина-врач (гречанка) *Petridis* и голландский доктор яваец Абдуль-Фаттах (последний лечил Бекинина). Это очень и очень неудобно. Кроме того, население спрашивается о том — будет ли у нас врач. Хотя т. Туйметов считает во избежание «разговоров», имевших место в прошлом, что лучше прекратить амбулаторный прием больных, я полагал бы возможным и полезным для наших общих интересов продолжить амбулаторный прием нашего советского населения, не ограничивая круг деятельности врача стенами консульства. Пока же мы в порядке местного найма предлагаем пригласить жену д-ра Бабаджана, которая скоро должна приехать на «Лусе» и которая, по сведениям т. Хакимова, согласна работать у нас. На это дело мы имеем телеграфное согласие т. Аркадьева. Вообще же предпочитал бы иметь здесь в агентстве лишнюю женщину, хотя бы в качестве врача. Если в этом отношении перегну палку в сторону излишней осторожности, то мы не пострадаем. Это я говорю в учёте культурного уровня местного населения и местных традиций».

Учитывая местные традиции, а вовсе не по причинам «женоненавистничества» Н. Тюрякулов вновь и вновь поднимает вопрос о докторе-мужчине. «У нас продолжает работать женщина-врач Тивель (Бабаджан). Она работает здесь в порядке местного найма. Я по-прежнему остаюсь на «мусульманской» точке зрения, что нам лучше иметь все-таки мужчину доктора. Правда, она работает прекрасно и приобрела большую популярность среди женской половины населения: ежедневно принимает до 25–30 чел. Из осторожности по нашему совету она часто отправляет к другим врачам (сирийцам), чтобы ее не подозревали в «отбивании» чужих больных. Население весьма довольно. Тем не менее, прошу Вашего содействия в замене ее мужчиной. Частным образом узнал, что вопрос о докторе Мошковском встретил какое-то затруднение. Если это так — то

приходится сожалеть. Нельзя ли ускорить разрешение этого вопроса в желаемом нами направлении».

Настойчивые просьбы полпреда были в конце концов услышаны, и накануне 1930 года «одновременно с почтой» в Хиджаз выехали «врачи Мошковский (высококвалифицированный ученый специалист по вопросам тропических болезней), главным образом для ведения научных исследований, и его ассистент врач Нахашвили, главным образом для подсобной работы и для клинической практики. Хотя по настоящий день мы не получали Вашего сообщения о визе для Нахашвили, рассчитываем, что Вам удастся ее получить. В противном случае, Нахашвили пришлось бы поехать на некоторое время в Ходейду и там дожидаться визы для приезда в Геджас».

В сопроводительном письме НКИД Н. Тюрякулову предлагалось использовать работу вновь прибывших медиков для укрепления контактов с местными политическими кругами, тем более что примеры такого эффективного взаимодействия уже были. Для этого почтой было направлено «письмо Наркомздрава т. Семашко министру здравоохранения Геджаса (если такового нет, можно передать его в другое соответствующее ведомство). Полагаем, что Вы используете это письмо для создания делового контакта между т. Мошковским и геджасскими властями. Сообщаем для Вашего сведения, что работа нашей амбулатории в Санаа и в частности д-ра Бабаджана имеет прекрасные результаты и превратилась в один из каналов нашего политического и культурного влияния. Наркомздрав очень заинтересован в научной работе т. Мошковского и от успехов последней будет зависеть его дальнейшее отношение к медицинской работе в Геджасе. Работа т. Мошковского действительно должна иметь крупное научное значение. По всем этим причинам мы просим Вас создать максимально благоприятные условия для работы т. Мошковского и учитывать, что ему также необходим ассистент Нахашвили, как его ближайший помощник».

Как для специалиста-бактериолога, перед Мошковским в Саудовской Аравии открывалось широкое поле деятельности. В качестве ученого и специалиста по малярии Мошковскому удалось установить деловые отношения с хиджазскими медицинскими властями и простыми врачами, которым он много содействовал по линии организации бактериологической работы в Джидде. Как врач Мошковский пользовался большим авторитетом у хиджазцев. Он лечил от малярии принца Фейсала и других видных деятелей. В иностранных миссиях также жаждали воспользоваться его помощью, а наиболее тесные отношения установились у него с

голландцами. «Но особенно ярко выявилась для геджасцев польза от нашей медицинской работы в связи с предпринятыми итальянской стороной попытками объявить хадж неблагополучным по холере, на основании одного неясного случая заболевания. Д-р Мошковский предложил свои услуги геджасцам и провел целый ряд бактериологических опытов, которые показали, что в Геджасе холеры не имеется».

Очевидно, что установленное благодаря бактериологическим исследованиям Мошковского отсутствие холеры в Хиджазе, а также его разъяснения о ходе своих работ, которые он, с ведома Н. Тюрякулова, давал отдельным дипломатам (Райяну, Мегрэ и др.), «охладило интерес итальянцев к «холерной» зацепке и теперь они бьют перед нами отбой. Попутно отмечу, что тактика, которой по моему указанию придерживался проф. Мошковский, заключалась в тщательнейшем ограничении своих как письменных (Геджасскому правительству), так и устных (иностранцам и представителю Международного карантинного Совета в Джедде д-ру Салиху, неотступно следившим за работой нашего врача) сообщений рамками материалов, подвергшихся исследованию с его стороны. Другими словами, наш врач избегал бросать тень на сообщение из Массауа, хотя фактически результаты его работы, касающиеся хотя бы только одного Геджаса, по сути дела поставили под сомнение правильность и законность карантинных мер Совета, базирующихся главным образом на итальянском свидетельстве. Такой вывод приходится делать из заявления главного инвектора Совета генерала Дюгэ».

По «холерному вопросу» Назир во многом действовал на свой страх и риск. И лишь когда успехи и признание были налицо, он взял на себя смелость высказать претензии Центру: «...мы не имели и не имеем никаких указаний о линии нашего поведения по холерному вопросу. Мы действовали по нашему разумению. Так, конечно, не годится. Мы прилагаем специальную записку и по этому вопросу, в которой Вы найдете все, что касается наших соображений о постановке медчасти при полпредстве. Попутно прошу расшевелить НКЗдр и Бюро Загр. Информации и попросить их более внимательно относиться к установлению более тесной связи с нами. Нужно позаботиться, чтобы наши врачи здесь чувствовали постоянный глаз Москвы. Между тем Мошковский не имеет никаких указаний. Все исчерпывается частными сведениями и письмами. Кроме того, необходимо обеспечить своевременный отпуск и отдых врачей, чтобы не отпугивать других при поисках работников для Джедды. Мошковский до сих пор пребывает в неизвестности насчет того, как быть дальше. Неизвестность не позволяет

установить твердую программу работы медчасти, которая к тому же является полузаконным придатком полпредства».

О том, что Н. Тюрякулову удалось «заполучить» в лице профессора Мошковского специалиста высочайшего уровня, говорит хотя бы то доверие и уважение, которое испытывали к нему представители Голландии, с которой в ту пору у СССР не было дипломатических отношений. «Являясь в общем английским «подголоском», голландцы по отдельным вопросам, как, например, по карантинным делам, не всегда солидаризируются с англичанами, как это видно из материалов д-ра Мошковского. Личная и культурная связь между нами и голландской миссией вполне удовлетворительна. Ван-Мюллен любезно предоставил Мошковскому воспользоваться нужными последнему официальными материалами и отчетами из архива голландской миссии. В свою очередь и Мошковский по приглашению ван-Мюлена и с моего согласия оказывал медицинскую помощь больным явайнам, служащим миссии, производил научные исследования на голландском пароходе, на котором имелись подозрительные по эпидемии больные, и обучает врача миссии явайца Абдуль Фаттаху некоторым новым приемам работы по бактериологии, делаясь с ним научными новостями. Несмотря на отсутствие официальных отношений между нами, ван-Мюлен аккуратно придерживается «традиционно» дружеских отношений. Перед своим отъездом (июль) в отпуск он явился с прощальным визитом и в беседе со мной сообщил, что голландский мининдел в своей инструкции предлагает ему сохранять с нами наилучшие личные отношения». Медицина помогала наводить дипломатические мосты...

На этих основаниях у Назира возникают дополнительные соображения по укреплению советско-саудовских связей, о которых он незамедлительно информирует руководство. «Я сделал вывод, что Мошковский должен развивать контакты с гепра по своей линии. В осуществление этого Мошковский в этом году снова примется за «холеру». Он ставит (для себя) задачу попутного исследования источников воды, которые, по его предположению, могут давать холероподобные вибрионы. Но это чисто научная задача. Несмотря на все благоприятные условия Мошковского, мы сумели протолкнуть его вперед, мирно завоевать известное положение, заставить признать свой авторитет. Он недавно стал лечить эмира Фейсала (малярия). Иностранцы живо интересуются — когда Мошковский уедет. По отношению к иностранным представителям я вел себя лояльно: по моей просьбе и в моем присутствии в нашем полпредстве Мошковский давал объяснения научного характера английскому послу Риану, итальянцам и,

ставя об этом в известность гепра. Результатом его работы гепра доволен. В первое время относились с опаской. Корректное отношение показало, что мы не собираемся подвести геджасцев. В этом году думаю, что будет лучше, более тесный контакт».

При отъезде Мошковского директор здравоохранения Хиджаза д-р Махмуд обратился к нему с письмом, в котором указывалось, что Хиджаз всегда будет помнить о ценной работе советского доктора, и в связи с этим выражалась глубокая благодарность.

Между тем командировка специалистов-медиков закончилась довольно быстро. Уже в конце декабря 1930 года из Джидды на родину выехал Нахашвили, и профессор Мошковский остался один. При этом он «много нервничает из-за квартирных неурядиц в Москве. Необходимо оказать семье (сестре) самое активное содействие по охране его прав. Было бы желательно получить от Вас две успокоительные строчки на этот счет!», — пишет в Москву Н. Тюрякулов. В то же время он информирует Центр, что «после хаджа удерживать Мошковского не будем, вернее, не сможем! Если хотите сохранить преемственность — его заместителя пришлите своевременно (хотя бы к маю). Обратите внимание на это дело. Писать особо еще раз не будем». Увы, его призыв услышан не был. С отъездом Мошковского медицинская работа приостановилась, так как несмотря на все настояния и специальные «письма тов. Карахана тов. Владимирскому от 10 июня, НКВД не удалось подобрать подходящего врача для Джебды». Только к самому концу года удалось оформить врачей Виленского и Кудлаеву, которые выехали в Хиджаз 26 января 1932 года, но пробыли в стране недолго. Быть может, как показало будущее, к счастью. Хотя и краткосрочного пребывания Виленского хватило, чтобы нанести ощутимый урон имуществу и репутации амбулатории при миссии.

Между тем полпред не устал убеждать руководство НКВД в необходимости создания при миссии постоянно действующей амбулатории. «15 июля 1933 года приехал д-р Жуков-Хованский. 16-го он приступил к работе, которая вначале неизбежно сводилась к приведению амбулатории в порядок и выявлению ее наличных материальных возможностей. Нужно сказать, что еще до приезда д-ра Г. Д. Жукова-Хованского нами были проведены «субботники» с той же целью. Однако этого было далеко и далеко не достаточно, чтобы успокоиться насчет амбулатории. Основную работу по чистке «авгиевых конюшен» провел и проводит д-р Жуков. Эта работа не закончена до сего времени. Об этом лучше всего прочтете в характеристике амбулатории, которую дает сам доктор Жуков. Из всего этого легко можно заключить — в каком состоянии амбулатория была

оставлена Виленским».

Полпреду приходилось вникать во все детали, поскольку только от него зависело, будет ли оказана амбулатории из Москвы необходимая материальная помощь. Не говоря уже о том, что после отъезда прежнего медперсонала, к которому и во время его работы накопилось немало претензий, была обнаружена самая банальная неадаптация. «Эта работа необходима прежде всего потому, что я должен точно знать — чем и в какой мере помочь амбулатории (в отношении медикаментов, оборудования, материалов). Уже в процессе этой работы выяснилось, что, несмотря на незаконный увоз Виленским части патентованных средств амбулатории (это устанавливается — сообщим через пароходных работников), мы в отношении некоторых медикаментов достаточно обеспечены. Правда, имеется ряд медикаментов, в которых амбулатория нуждается как в воздухе. Обо всем этом конкретно можно говорить лишь после полной инвентаризации всей материальной части амбулатории. Это первая задача, которая получит свое разрешение, как надеемся, в сентябре».

Стремясь еще более упрочить советские позиции в королевстве, Назир Тюрякулов считал необходимым продолжать действовать через медиков, чья популярность в Хиджазе все более возрастала. В связи с этим он выступает с идеей об организации собственной лаборатории. «Основное — микроскопы и знания — есть. Небольшая помощь с нашей стороны, и лаборатория будет готова». Особое значение, которое придавал полпред созданию лаборатории, было обусловлено тем, что без таковой поставить работу амбулатории на действительно профессиональном уровне было невозможно.

Между тем «лабораторная работа монополизирована здесь голландским и ничего не понимающим в этом деле англоиндусским врачом. Зависеть нам от них, хотя бы в косвенной форме, не следует. Геджасские здравоохранительные организации еще не в состоянии поставить свою лабораторию». Наконец, последняя поставленная полпредом задача — «выработка положения о работе медчасти Полпредства...».

Настойчивость Н. Тюрякулова была вознаграждена. Врача Москва прислала. Он оказался высококлассным специалистом, с самого первого дня зарекомендовал себя таковым и снискал полпредству большой авторитет и благодарность со стороны местного населения. «Само собой разумеется, что уже через неделю после своего приезда д-р Жуков начал прием больных. Работает с 8 утра до 1.30 п. п. Учитывая бытовые особенности местного населения, мы установили такой порядок: один день

принимаем мужчин, другой день — женщин. Прием производится по билетам (очередь). Дети принимаются вне всякой очереди. Ежедневно принимаем теперь 30–40 человек. За истекшее время доктором Жуковым принято около 710 человек. Как новое явление отмечу — наша амбулатория обслуживает почти весь местный гарнизон (главным образом, неждийцы). Неждийцы-солдаты и о нашем докторе говорят: «doxtur albalshefik zayin» и на предложение обратиться к своему правительственному «дохтуру» отрицательно цокают».

Большинство местного населения страдало от малярии, трахомы, детских, женских и венерических болезней. Социальный состав больных — городская беднота, купечество, солдаты, полицейские, чиновники. Охотно пользовались услугами советской амбулатории и иностранцы. Из-за большого наплыва пациентов полпред постепенно вводит систему оплаты за медицинское обслуживание. «Стараемся хотя бы незначительно, но все-таки почти всегда взыскивать стоимость медикаментов. Богатые пациенты платят по повышенным индивидуальным ставкам. Визит на дом — 1 фунт.

Вопрос о доме доктора с доходов по визитам будет учтен в положении, которое будет своевременно послано в отдел. Пока доходы амбулатории мизерны. Без нашей помощи поставить ее на ноги невозможно. Если формально амбулатория подчиняется НКЗдраву, то это мне не мешает смотреть на нее, как на часть нашего организма, выполняющую определенную функцию. Ввиду этого мною за счет моей внутренней полпредской экономии были немедленно произведены все срочные и необходимые работы по улучшению условий работы в амбулатории (побелка, новые полки на складе, мебель, умывальники, и, кроме того, тем же способом нанял для амбулатории (формально для полпредства) служащего араба (очень толковый и инициативный человек). В Мекке у знакомого турка-фармацевта *Sokasun* за бесценок приобрел новую аптекарскую посуду».

В условиях крайне низкого уровня здравоохранения в то время в Хиджазе работа советской амбулатории внесла заметный вклад в дело внешнеполитической пропаганды, популяризации достижений Советского государства. Отдавая себе отчет в том, что главная заслуга в этом деле принадлежит доктору Жукову-Хованскому, полпред не скрывает своего восхищения высококвалифицированным специалистом, проявляет всяческую заботу об условиях его повседневной жизни. «...Я заявил доктору Жукову, что в меру моих возможностей я всегда окажу ему помощь, чтобы амбулатория была организована как следует, и чтобы он мог показать все свои знания. Доктор Жуков очень доволен и обстановкой, и

условиями работы. Я считаю, что мы обязаны помогать ему, затем требовать с него и подольше удерживать его на этой работе. Гастролеры на год вредны. Пробыв же на работе более продолжительный срок времени, доктор изучает и язык, и людей, и быт, и т. д., и т. п. Исходя из этого, я стараюсь максимально удовлетворять требования Жукова, чтобы прикрепить к нам на продолжительное время.

Есть еще один важный практический вопрос: о жаловании доктора Жукова. По договору доктору Жукову определен оклад в 190 американских долларов. В связи с падением доллара доктор Жуков теряет ежемесячно до 100 золотых рублей. При уровне его оклада и местной дороговизне (едим и пьем почти всегда привозное) это является серьезным для него убытком. Необходимо самым настойчивым образом добиться изменения этого положения. По этому поводу доктор Жуков пишет заявление (копия — вам). Убедительно прошу отдел и Вас поддержать ходатайство доктора Жукова».

Полпреду Н. Тюрякулову одинаково результативно удавалось решение множества вопросов, как политических, так и бытовых. На чисто дипломатическом поле он довольно успешно конкурировал со значительно более опытными представителями западных держав. А знание местных реалий помогало ему не просто избегать досадных ошибок, но и завоевывать уважение со стороны местной элиты и коллег-дипломатов.

Как мы видим, несмотря на монотонность будней, наполненных множеством проблем и забот, во всем, с чем Назир Тюрякулов соприкасался в своей дипломатической деятельности, характерным для него был поистине масштабный государственный подход. Он умело разбирался во всех хитросплетениях дипломатической борьбы не только на Ближнем Востоке, но и европейской и мировой аренах. Ориентация на конечный результат в отстаивании национальных интересов своего государства, проницательность, неумная энергия, здоровая амбициозность, профессионализм и пассионарность превращают Н. Тюрякулова в весьма заметную фигуру в истории советской дипломатии.

Глава V

ПУТИ ГОСПОДНИ И ТОРГОВЫЕ ТРОПЫ

Испробуй, не подойдет ли тебе жизнь достойного человека, довольствующегося справедливостью своего деяния и благожелательностью своего душевного склада.

Марк Аврелий

Сэмюел П. Хантингтон в своей нашумевшей работе «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» отмечал: «Отношения между исламом и христианством — как западным, так и восточным — часто складывались бурно. Каждый был для другого Иным. Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом в XX веке — всего лишь мимолетный и поверхностный исторический феномен по сравнению с непрерывными глубоко конфликтными отношениями между исламом и христианством. Временами преобладало мирное сосуществование, чаще же отношения выливались в острое соперничество или по-разному горячие войны... Веками судьба двух религий состояла из взлетов и падений, следовавших друг за другом, подобно огромному валу, затишью и встречному валу».

Если говорить о Саудовской Аравии, то степень влияния ислама на внешнюю политику ее правящих кругов в разные периоды существования данного государства различна и зависит как от международной обстановки, характера задач решаемых государством на конкретном историческом этапе, так и от личности правителя. Основатель государства — Абдель Азиз альСауд пытался заручиться поддержкой Великобритании в борьбе против соперников. Большой радостью для него было также признание его государства Советским Союзом. Важнейшим достижением своей внешней политики король считал заключение англо-саудовского договора 1927 года. В то же время он выступил инициатором созыва в 1926 году в Мекке Конгресса мусульманского мира.

Религиозный фактор оказывал влияние на все стороны жизни Хиджаза, его внешнюю политику и внутреннюю обстановку. Это в полной

мере ощутил в своей работе и советский полпред Назир Тюрякулов. Оказавшись в самом центре исламского мира, он прекрасно понимал, что огромного количества проблем ему не удалось бы решить, не прояви он полного понимания религиозной жизни страны и должного уважения к мусульманским обрядам и обычаям. В то время как западные дипломаты и коммерсанты для упрочения своих позиций на Ближнем Востоке принимали ислам, облачались в местные одежды и добровольно отказывались от привычного образа жизни, Н. Тюрякулову не было нужды прибегать к уловкам, чтобы выглядеть «правоверным». Благодаря своему происхождению, воспитанию и образованию он и был таковым, и это открывало ему в Саудовской Аравии еще больше дверей и сердец. Он не совершал тех промахов и ошибок, которые мог бы сделать человек, не знакомый с тонкостями и нюансами жизни истинного мусульманина: его подарки были «правильными», он знал, где и когда необходимо встретиться с самыми влиятельными и нужными людьми. Не случайно невозможные в обычной обстановке встречи и беседы ему удавалось проводить во время хаджа.

Для того чтобы оценить значение выбранной Н. Тюрякуловым линии, необходимо помнить, что доходы от паломников, совершавших хадж, вплоть до наступления «эры нефтяного благоденствия» оставались основным источником пополнения казны Саудовской Аравии и формирования ее бюджета. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «религиозная составляющая» оказалась одним из основных моментов в переговорах о заключении политического договора и торгового соглашения между двумя странами.

Неоднократно встречаясь с королем, сам полпред вынес впечатление, что в этих вопросах тот решил придерживаться выжидательной линии. Не желая дальнейшего углубления конфронтации с англичанами, он старательно избегал урегулирования целого ряда моментов в советско-саудовских отношениях, способных поднять их на качественно новый уровень. Речь шла и о политическом договоре, и об изменении режима советской торговли с саудовским королевством.

В ту пору на западных рынках советская продукция бойкотировалась, и тем большую важность обретала для Москвы торговля с Востоком. Первые российские товары поступили в Аравию в 1926 году и были успешно реализованы. Однако советское проникновение встретило упорное и последовательное противодействие со стороны британского и индийского капитала, привыкшего к полному господству на аравийском рынке. Хиджазское правительство и двор по инерции надеялись на

всяческую помощь со стороны старых союзников и, заявляя о своих самых лучших чувствах к Советскому Союзу, в то же время не спешили широко открывать свой рынок для советской продукции. Н. Тюрякулову пришлось немало потрудиться, чтобы сдвинуть с мертвой точки этот вопрос и устранить препятствия на пути советско-саудовской торговли.

Решающим шагом на этом пути стала договоренность в Москве между сыном альСауда принцем Фейсалом (будущим королем) и главой советского правительства В. М. Молотовым в 1932 году В Аравии возник устойчивый спрос на советские товары: сахар, спички, лес, самовары и керосин. Могли кто-нибудь в то время даже предположить, что саудовское королевство обладает крупнейшими в мире запасами нефти!

Между тем впервые пожелание Москвы подписать договор и закрепить тем самым дружественные отношения было передано королю еще 15 мая 1928 года. Однако альСауд был откровенен и признал, что в условиях «фактически состояния войны» с Англией заключение договора с СССР может спровоцировать Лондон на трудно предсказуемые действия. Демонстрируя при каждой встрече с Н. Тюрякуловым свои теплые чувства, подчеркивая, что он всегда помнит, что первым государством, признавшим его, был СССР, король всякий раз тем не менее уходил в сторону, когда речь заходила о конкретных делах. В июле 1931 года, в очередной раз уклонившись от обсуждения вопроса о договоре, он объявил советскому полпреду, что отношения его с СССР «настолько дружественны, что не нуждаются в фиксации». В то же время саудовский монарх не сомневался, что «если наступят тяжелые времена, то СССР, я знаю, будет моим панцирем».

В любом случае, каковы бы ни были формальные условия, выдвигаемые королем, истинные причины его нежелания пойти на юридическое оформление отношений с СССР связаны были, главным образом, с нестабильной внутривнутриполитической обстановкой и способностью Англии влиять на нее. Таков, по крайней мере, лейтмотив донесений полпреда, связанных с анализом советско-саудовских отношений на тот период. Согласно его утверждениям, шаткость позиций альСауда усугублялась к тому же истощением королевской казны.

Мировой экономический кризис 1929–1933 годов повлек за собой сокращение паломничества в Мекку — основного источника хиджазских доходов. В 1931 году прибыло всего 40 тыс. паломников, вдвое меньше, чем в предыдущем году Уже одно это уменьшило доход правительства от прямых налогов и поборов почти на 500 тыс. ф. ст. Соответственно снизились и косвенные налоги с паломников, на удовлетворении нужд

которых строилась в основном вся торговая и транспортная деятельность хиджазского населения. Сокращение паломничества и обнищание населения привели к резкому падению импорта, что в свою очередь сказалось на снижении таможенных сборов, несмотря на неоднократное повышение ставок таможенных пошлин. Помимо этой меры правительство прибегало к обычному средству пополнения казны — обращению за помощью к иностранным, главным образом голландским, банкам, и принудительным внутренним займам среди хиджазского купечества, весьма недовольного отправкой денежных средств в Неджд для субсидирования бедуинских племен.

Дальнейшее ухудшение положения заставило короля пойти на уступки купечеству и ввести в действие 13 ноября 1931 года госбюджет, расходная часть которого была определена в местных риалах в сумме, равной 1 млн золотых фунтов стерлингов. Положение усугублялось частичной засухой и опустошениями, вызванными саранчой. Да и годы изнурительного вооруженного противостояния между аль-Саудом и шерифом Хусейном, предшествовавшие образованию Саудовского государства, а также подавление восстания Фейсала Девиша и вспыхивающие время от времени волнения в Ассире и на границе с Трансиорданией продолжали давать о себе знать. Многие племена, занимавшиеся транспортным обслуживанием паломников на ослах и верблюдах, неожиданно лишились средств к существованию также с появлением в стране автотранспорта.

В письме Л. Карахану на этот счет Н. Тюрякулов прямо указывает, что в подобных обстоятельствах в прежние времена бедуины зарабатывали себе на жизнь посредством грабежа паломников. «Не имея теперь этой возможности и не получая от правительства серьезной помощи (если не считать бесплатной раздачи пищи, организованной в незначительной мере для бедуинов в Медине и др. местах), пустыня ропщет». Король в свою очередь беспощадно расправлялся с непокорными племенами. В порядке вещей были акции, подобные карательной экспедиции в Ассир весной 1931 года, куда, по утверждению бывшего инспектора министерства финансов доктора Салеха, в ответ на убийство 17 правительственных чиновников Мекка послала 80 автомашин, оснащенных пулеметами. Разгром мятежей Султана Биджаджа и Фейсала Девиша повлек за собой конфискацию у их племен всего оружия, лошадей и половины верблюдов. В Москве, как об этом явствует из многочисленных писем Л. Карахана Н. Тюрякулову, полагали, что, пытаясь столкнуть короля с кочующими в Ассире и вдоль трансиорданской границы племенами, англичане отнюдь не ставили своей задачей свергнуть альСауда, а стремились лишь загнать его в такую

ситуацию, когда он вынужден был бы занять более примирительную позицию в отношении требований Англии.

В условиях углубляющегося кризиса и растущих финансовых затруднений из-за очевидного сокращения числа паломников руководство Саудовской Аравии искало выход на всех возможных направлениях. Увы, заметного материального улучшения не принесло ни принятие на королевскую службу голландского финансового советника, ни налог на городскую недвижимость. В июне 1932 года делегация во главе с принцем Фейсалом во время своего визита в Лондон обратилась к британскому правительству с просьбой о займе и, как ранее в Москве, встретила отказ. В саудовских кругах этот отказ комментировали как нежелание Англии согласиться или, скорее, смириться с господством альСауда в Хиджазе.

Как бы то ни было, при сложившемся характере англо-саудовских отношений на подобный английский заем Эр-Рияду рассчитывать не приходилось. В этих условиях правительство Хиджаза вновь обращает взоры на Москву и через министров и советника короля Юсуфа Ясина постоянно прощупывает почву для заключения договора с СССР, ведет переговоры с полпредством по вопросу об условиях долгосрочного товарного кредита. Переговоры идут медленно, на уточнение мелких деталей и протокольных моментов (например, «порядка обсуждения вопросов и текст письма, которыми мы должны обменяться для вступления в переговоры») ушли не дни и месяцы, а годы пребывания Н. Тюрякулова в стране. Основная же причина медлительности саудовской стороны — и это совершенно очевидно — в то время заключалась, с одной стороны, в том, что Эр-Рияд боялся «раздразнить британских гусей», а с другой — желанием «подогреть нашу заинтересованность в этих переговорах и получить заем хотя бы от кого-нибудь».

В этих условиях король решает возобновить переговоры о советском кредите, который ему представлялся в следующем виде: «1. Размер товарного кредита определяется в 1 млн англофунтов. 2. Товары на указанную сумму сдаются в течение 3 лет отдельными партиями. 3. Гепра покрывает стоимость товаров в течение 15 лет. 4. Часть кредита гепра покрывает продуктами арабского хозяйства».

Данный вопрос, наряду с постатейным согласованием договора о дружбе, становится предметом регулярных переговоров полпреда с доверенным лицом короля Юсуфом Ясином. При этом проблема, касающаяся вакуфов и паломников, продолжает оставаться камнем преткновения на пути к договору. В проекте, переданном Ю. Ясином, ст. 5 предписывала: «Совпра (советское правительство. — Авт.) признает

святость Хиджаза и обязуется передать гепра (хиджазское правительство. — *Авт.*) все вакуфные доходы Хиджаза в СССР, накопившиеся со времени объявления мировой войны до момента подписания настоящего договора, а также обязуется ежегодно передавать указанные доходы».

Похоже, порой полпреду удавалось сыграть и на противоречиях среди саудовского руководства. Так, из беседы с губернатором Джидды он вынес не только информацию о том, что хиджазцы были недовольны тогдашним своим положением. По словам губернатора, с которым у Назира сложились теплые отношения, «местное правительство до сего времени не изучало ситуацию серьезно. Мы хотели бы, чтобы вы разъяснили королю, что вследствие отсутствия торгового договора между вами и нами геджасцы теряют: пользуясь моментом, англичане продают геджасцам керосин, бензин, лес, муку, сахар и пшеницу по повышенным ценам. При наличии советской торговли этого не могло бы быть. Разрешение советской торговли в Геджасе было бы выгодно геджасцам и недждийцам. До тех пор, пока на рынке не будет создано нормальное положение на основе свободной конкуренции между всеми, население будет терпеть убыток. СССР же, не имея торговли в Геджасе, ничего существенного не теряет, т. к. объем геджасского рынка по сравнению с мировым рынком, на котором оно выступает, совершенно незначителен. Нужно разъяснить королю именно эту истину. Нужно как-то растолковать все это королю. Его величество лично не понимает вопросов торговли. Также не разбираются в этих вопросах Фуад Хамза и Юсуф Ясин. Отсутствие же торгового договора объясняется именно тем, что они не понимают ничего в вопросах торговли.

В частном порядке я могу взять на себя представительство ваших фирм. Вначале я возьму немного, примерно в следующих количествах: ежемесячно сахару от 500 до 1000 мешков, керосину от 2000 до 3000 ящиков, бензина от 2000 до 3000 ящиков.

Товары должны прибывать на советских пароходах на мое имя. Могу также покупать и для себя, если это будет выгодным для меня. Сообщите мне ваше решение. Я имею в виду лично обратиться к королю и добиться его разрешения на торговлю советскими товарами».

Похоже, предприимчивых и знающих свою выгоду саудовцев не смущало отсутствие официальных договоренностей по торговле между двумя странами. Были и другие предложения о посредничестве. В апреле 1931 года полпредство посетил местный уроженец, турок по происхождению Мустафа Чубукчи. Купец, глава торгового дома, он до войны считался крупнейшим оптовиком Хиджаза. Во время восстания

Хусейна этот дом понес большие убытки. Чубукчи участвовал в организации общественного мнения местного населения против Хусейна и сменившего его Али. Впоследствии он не играл значительной роли в местной торговле. Находился в близких отношениях с коммерсантом Халидом Каркани, а через последнего — с немцами.

Чубукчи рассказал о том, какое впечатление произвело в местном обществе появление в Джидде советского цемента, выписанного торговым домом Абдуллы Фадля. По его словам, узнав о прибытии советского цемента в Джидду, компаньон германского консула Де Хааса Халид Каркани заявил королю, что создается невозможное положение на рынке: с одной стороны, когда он (Каркани) намеревался торговать советскими товарами, ему сказали, что для этого еще не наступило время. С другой стороны, Абдулла Фадль открыто выписывает цемент из СССР. Сам Абдулла Фадль объяснил, что он этот товар купил в Египте. Инцидент был ликвидирован тем, что Абдулла Фадль дал обязательство больше не выписывать советских товаров.

По мнению Чубукчи, все это по ряду причин «не устраивает хиджазцев: правительство защищает своих недждийцев (Абдулла Фадл — недждиец) и обязательство, данное Фадлом, является лишь маневром, рассчитанным на успокоение других купцов. Абдулла Фадл уже заработал на советском цементе. Советский цемент уже проник на хиджазский рынок и тем самым исключительный режим, созданный для советской торговли, нарушен».

Мало того, советские товары, несмотря на все преграды, все же проникают на склады. По его сведениям, одна английская фирма закупила крупную партию советского сахара по 6,5 фунтов за тонну (сиф Бомбей), в то время как мировая цена составляла 9 фунтов. Этот сахар отдельными партиями должен был ввозиться из Индии в Хиджаз и продаваться по мировым ценам. Ясно, что разница в цене должна была остаться в Индии. Поскольку Хиджаз являлся лишь потребителем, то при тогдашнем его тяжелом положении самым правильным шагом со стороны местного правительства, по убеждению Тюрякулова, было бы открытие рынка для советской торговли и допущение конкуренции для нормализации цен.

Чубукчи пришел к полпреду просить использовать его связи и опыт, когда вопрос о советской торговле в Хиджазе будет улажен и советские торговые организации начали бы работать. Он предложил свои услуги в качестве комиссионера, выразив надежду, что, как главу торгового дома с незапятнанной репутацией, советская сторона предпочтет его перед остальными. На что Н. Тюрякулов заявил, что советская торговля с точки

зрения деловых людей Хиджаза выгодна для них и для населения, и они сами должны проявить перед местным правительством инициативу и разъяснить кому следует все выгоды этого дела. Коммерческую сторону вопроса разработают советские торговые организации, которые и привлекут кого-либо из местных купцов для сотрудничества на комиссионных или иных условиях. При решении вопроса о том, кого пригласить к сотрудничеству, советские торговые организации учтут, прежде всего, роль и значение этих партнеров в разрешении вопроса местным правительством в интересах всех сторон.

Беседуя по поводу советско-саудовских торговых отношений с местными руководителями и коммерсантами, Назир не мог не прийти к выводу, что саудовские власти еще не освободились от многих «предрассудков», в том числе и от того необоснованного предположения, что советское правительство, чтобы «насолить» британцам, готово на все жертвы. Почему-то в Джидде полагали, что СССР в такой степени заинтересован в хиджазском рынке, что они со своей стороны могут позволить себе роскошь преувеличенных требований. Более того, Н. Тюрякулов не исключал, что в силу каких-то соображений «торгашеского» свойства саудовское правительство может снова прервать переговоры. «Не случайно Ясин был так наивен, заявил мне о наличии предложения со стороны одной неанглийской торговой организации займа и тем самым он пытался форсировать наше согласие на геджасские пожелания по кредиту. Мне думается, что все это не должно смущать нас. Как я в своем личном докладе в Москве излагал свою точку зрения на линию нашей дальнейшей тактики... обстановка такова, что необходимо проявить самую спокойную твердость и пи в коем случае не уступать по принципиальным вопросам».

Подводя итог предварительным переговорам, полпред констатировал, что часть этих ложных предпосылок саудовской стороны развеялась. Политически самый факт переговоров можно было считать положительным явлением, так как он еще раз напоминал аль-Сауду о выгодах, которые он мог бы извлечь, изменив свою политику по отношению к торговле с СССР.

Наконец 16 февраля 1933 года принц Фейсал в письме Н. Тюрякулову сообщает, что после пяти лет спора «устранен пресс исключительного режима, которому была подчинена советская торговля в Саудии и который все время давил на саудо-советские отношения и мешал их нормализации». Увы, произошло это поздно и не без финансового нажима теперь уже на саудовскую сторону: требовалась компенсация за задержку платежей по «бензиновой сделке», и правительство альСауда пошло на полную отмену

всех ограничений, существовавших в отношении советской торговли. Правда, предоставить Эр-Рияду кредит СССР все же отказался.

В июне 1933 года в ходе обстоятельной беседы с королем в его дворце в Мекке Тюрякулов заверяет его в том, что отказ предоставить кредит отнюдь не означает, что советская политика дружбы в отношении Саудовской Аравии подверглась принципиальным изменениям. Одновременно он дает понять, что сожалеет о том, что отмена исключительного режима произошла не перед поездкой Фейсала в Москву, а, как это случилось, в начале 1933 г. Любопытны высказывания альСауда в ходе этого диалога. Говоря о своих надеждах сначала «на Аллаха» и затем на СССР, Турцию и Персию, объявив, что «основой основ является СССР», король, как это зафиксировано в докладе полпреда, следующим образом сформулировал свою политику: «Я нуждаюсь в советской помощи. Я хочу иметь поддержку СССР в военно-политических вопросах. Пусть Советы руководят мной. Я, а за мной и моя сила, будем идти за Советами. Советы могут распоряжаться мной как угодно в интересах СССР и арабов». Помимо товарного кредита, включавшего, согласно пожеланиям саудовской стороны, «цемент, железо, лес и т. п.», альСауд поставил вопрос о приобретении им в СССР оружия «всех видов». Анализируя эту беседу, Назир приходит к выводу, что король сознательно делает данный запрос именно в период ухудшения саудовско-английских отношений. «Оценивая отдельные этапы советской политики Сауда, приходится констатировать, что он идет на те или иные уступки нам и проявляет готовность к сближению с нами по мере того, как ухудшается его положение».

Все усилия полпреда активизировать торговлю и иные связи тем не менее не находят должной оценки у Центра. Судя по всему, акценты в советской внешней политике в это время смещаются исключительно в сторону Запада. Л. Карахан указывает в директивном письме полпреду от 13 апреля 1934 года, что на затянувшихся переговорах по заключению договора о дружбе не следует создавать впечатления, будто бы СССР слишком заинтересован в Саудовской Аравии. (Декретом короля от 18 сентября 1932 года Королевство Хиджаз, Неджд и присоединенные области переименовано в Королевство Саудовская Аравия). «Мы заинтересованы в договоре с геджасцами так же, как и в договорах с другими странами». По поводу запросов альСауда о товарном и военном кредите Л. Карахан дает установку объявить, что задержка в погашении «нефтяного» долга саудовцами создала крайне неблагоприятную обстановку, не располагающую к обсуждению этого вопроса. При этом подчеркивается, что основным вопросом работы полпредства на ближайшее время должна

стать именно эта задолженность в том смысле, что необходимо было обеспечить хотя бы первый взнос с саудовской стороны. Наиболее четко положение дел изложено в записке заведующего I Восточным отделом НКВД С. Пастухова: «...По-прежнему на отношение наших торговых организаций к вопросам красноморской торговли отрицательно влияют невыплаченные нашими контрагентами долги по старым заказам».

В своих ответных записках в Москву полпред сообщает, что альСауд неоднократно говорил о готовности, как, по крайней мере, он сам не устал повторять, подписать и политический договор с СССР. Однако очевидно, что он заранее знал о неприемлемости для Москвы выдвигаемых им условий — «компенсации» в виде отчислений с вакуфных земель (в мусульманских странах движимое и недвижимое имущество, отказанное государством или отдельным лицом на религиозные цели. — *Авт.*) в СССР, которые к тому времени были давно национализированы, и содействие паломничеству.

В частной беседе с и. о. министра иностранных дел Фуадом Хамзой Назир смог получить прямой ответ на многие вопросы о формах сотрудничества между СССР и Саудовской Аравией. Хамза, в частности, дал понять, что разрешение всех спорных вопросов советско-хиджазских отношений связано с одним моментом: правительство короля нуждалось в материальной поддержке, и в этом контексте оно вынуждено было ставить вопрос о вакуфах и паломничестве. Говоря о компенсации, хиджазская сторона имела в виду именно вопрос о материальной помощи со стороны советского правительства. При этом Хамза пояснил: «Для геджасцев форма этой помощи не играет никакой существенной роли. Эта помощь может быть оказана в любом виде и в любой форме. Внешне мы могли бы это оформить под видом вакуфных доходов. Денежная помощь на незначительную сумму, не составляя никакого бремени для советского правительства, в то же время была бы значительной для Геджаса и произвела бы на Его величество большое впечатление. Мы не возражаем против вашего предложения выделить сейчас вопросы о вакуфах и паломничестве. Мы предлагаем обсудить их особо, вне круга вопросов торгового договора. Но было бы желательно услышать сейчас о принципиальном согласии советской стороны на благоприятное отношение советского правительства к вопросу о вакуфах. Нужно было бы сказать что-либо определенное относительно того, в какой мере советское правительство могло бы оказать геджазцам материальную поддержку. В свое время такой же вопрос мы ставили перед Хакимовым, который принципиально против этого не возражал».

Н. Тюрякулов ответил ему, что сама постановка вопроса, не связывающая советскую сторону какими-либо условиями, ему лично представлялась вполне реальной. «Советское правительство всегда было готово оказать Геджасу ту или другую помощь. Я мыслю при этом, материальную помощь. При настоящих условиях эту помощь мы могли бы оказать хотя бы в форме товаров, в которых нуждается геджасская сторона. Я об этом уже говорил вам подробно в официальной части нашей беседы. Вступая с нами в сделку, правительство Его величества, во-первых, не попадает в кабальную от нас зависимость и, во-вторых, сберегает ежегодно огромные средства казны. Я готов еще раз продумать вместе с вами этот вопрос. Однако сейчас я вынужден обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Распоряжение геджасского правительства о недопущении советской торговли в Геджас в свое время произвело в Москве тяжелое впечатление. Указанное распоряжение вызвало у нас ряд недоумений. Я не могу скрыть от вас, что это впечатление до сих пор не устранено. Ставя вопрос о компенсации, геджасская сторона должна спешить создать в Москве иное впечатление. Тогда со всей откровенностью мы приступим с вами к детальному изучению всех вопросов, интересующих стороны».

Два вопроса — вакуфы и паломники — оставались главным камнем преткновения на протяжении всех лет борьбы Назира Тюрякулова за отмену торговых ограничений в отношении Советского Союза. Он постоянно консультируется с Москвой о возможности решения этих проблем с минимальными для СССР материальными и политическими потерями, неизменно высказывая свои собственные соображения. Так, по проблеме «вакуфных имуществ» полпред предлагал держаться нижеследующей тактики. «В качестве первой позиции попытаться провести нашу редакцию (ст. 11), разрешающую вопрос в одностороннем порядке; в случае если это предложение не пройдет, нужно будет предложить вообще не касаться этого вопроса в договоре, наконец, в качестве третьей редакции следует выдвинуть предложение об установлении взаимного отказа от претензий по вакуфам. Во всяком случае, для нас является принципиально недопустимым закрепление в договоре прав на вакуфные имущества, находящиеся на территории Союза».

Беседы с Фуадом Хамзой и другими высокопоставленными лицами убедили Назира в том, что во время подобных переговоров саудовским руководством будет поставлен вопрос о политических и материальных «эквивалентах», которые советское правительство может предоставить в обмен на право и выгоды советской торговли в Хиджазе. Речь, шла о

паломниках из СССР и допущении туда «мутаффинов». У полпреда были все основания предполагать, что это были надуманные предлоги и что до решения этого основного для советской стороны вопроса вступать в переговоры и ставить их под риск срыва «нашими противниками под выгодным для них предлогом» нежелательно.

Срыв переговоров населению объяснялся бы запрещением в СССР хаджа и комментировался бы как результат политики советского правительства, не основанной на принципе взаимности. Поэтому Н. Тюрякулов посчитал целесообразным сделать королю заявление о том, что советское правительство «предлагавшее в свое время оформить советско-хиджаские отношения, встретило предложение короля о договоре с удовлетворением. Оно оценивает этот шаг Сауда как знак его доверия и дружбы к СССР, но считает, что переговоры по этому вопросу необходимо приурочить к такому времени, которое будет найдено правительствами обеих стран наиболее выгодным для своих интересов, и просит короля высказать свою точку зрения по вопросу о времени переговоров».

После того как правительство короля письменно выставило свои условия и советско-саудовские переговоры были возобновлены в прежнем объеме, Н. Тюрякулов в апреле 1931 года изложил советскую точку зрения, направив свои соображения руководству НКВД. Он, в частности, пишет, что «ни Полпредство СССР, ни Консульство не будут заниматься торговлей. Этого права мы и не добивались, т. к. наши дипломатические и консульские учреждения за границей, как правило, торговой деятельностью не занимаются. Если у гедра имелись или имеются какие-либо опасения, что Полпредство и Консульство, занимаясь торговлей и пользуясь своими привилегиями, будут уклоняться от подчинения местным законам, то таковые опасения лишены основания. Торговой деятельностью занимаются специальные учреждения.

С советской стороны возражений не имеется: ни на какие дипломатические, консульские или торговые привилегии для представителей наших торговых организаций мы не претендуем. Возражений с нашей стороны не имеется. Представители наших торговых организаций и их деятельность подчиняется местным законам. Представители наших торговых организаций представляют не советское государство, а советские торговые организации. По настоящему пункту, наша точка зрения естественно должна совпадать с геджасской точкой зрения, поскольку по пунктам первому и второму между сторонами не было разногласий. Возражений против геджасской точки зрения у нас не имеется: мы при ввозе наших товаров платим те же таможенные пошлины,

которые взимаются с товаров других стран.

О вакуфах вопрос весьма сложный и требует тщательного предварительного изучения материалов. Непосредственно к вопросу о снятии запрещения советской торговли в Геджасе отношения не имеет. От обсуждения этого вопроса мы не уклоняемся, но его необходимо отнести к кругу тех вопросов, которые составляют предмет наших переговоров о торговом договоре».

Взять на себя обязательства способствовать паломничеству из СССР советская сторона не могла. В сущности, такое обязательство никем и не практиковалось. Что касается транзита паломников через СССР, то в этом отношении Совторгфлот и советские власти к тому времени оказали Хиджазу уже немало услуг. Достаточно привести один пример, чтобы понять, какое значение имел тогда транзит паломников через СССР. Так, проезд через территорию Советского Союза сокращал путь, например, кашгарцам на 4–5 месяцев. Но фиксировать этот транзит в форме обязательства и связывать его с вопросом о советской торговле в Хиджасе полпред посчитал преждевременным.

По существу вопроса о въезде граждан между сторонами разногласий не было. «Мы имеем также ряд вопросов. Однако связывать их с оперативным вопросом о снятии запрещения с советской торговли в Геджасе считаем нецелесообразным. Вследствие этого, в интересах наших переговоров мы считаем более полезным обсуждение пунктов 5, 6 и 7 геджасских требований отнести к переговорам по торговому договору».

Подобного рода ответ предполагалось рассматривать лишь как принципиальное изложение точки зрения советской стороны по вопросам, поставленным хиджазским правительством. «В вопросы, интересующие геджасское правительство непосредственно в связи со снятием запрещения советской торговли в Геджасе, нами внесена максимальная ясность. Настоящий ответ четко характеризует советскую позицию: если мы добиваемся чего-либо, то это нашего равноправия с другими. Из дружественных отношений между Геджасом и СССР и наличия в Геджасе свободной торговли мы делаем вывод, что исключительный режим, созданный для советской торговли, должен быть ликвидирован. Теперь мы ждем со стороны геджасского правительства именно такого шага: ликвидации исключительного режима».

По утверждению полпреда, советская торговля никогда не дезорганизовывала хиджазский рынок, что было неоднократно доказано на опыте «последних двух лет». Допущение же советской торговли в Хиджасе в новых условиях становится все более и более необходимым в интересах,

прежде всего, самого Хиджаза. Огромная разница между ценами в Йемене и Хиджазе, в частности, ценами на нефтепродукты, в которых хиджазское правительство нуждалось гораздо больше, чем йеменское, говорила лишь об одном: «геджасский рынок находится в ненормальнейших условиях спекулятивной торговли». И это происходило в то время, когда в связи с кризисом цены на мировом рынке падали. «Это явление обязано своим происхождением прежде всего запрещению советской торговли», — считал Н. Тюрякулов.

«Больше того, я могу заверить, что геджасское правительство, если за товарами, нужными ему, обратится к советскому правительству, то оно может рассчитывать на известную поддержку как в отношении цен, так и в отношении кредита. Советское правительство, как правило, не дает кредита по первостепенным товарам, но в данном случае советское правительство готово сделать для правительства Его Величества исключение. Геджасское правительство в этом может легко убедиться, сделав в этом направлении соответствующие серьезные шаги. Воспользоваться этим обстоятельством в своих интересах — дело геджасского правительства.

Наши переговоры возобновляются в полном объеме. Советское правительство остается верным своей политике — не ставит геджасское правительство в затруднительное положение. Исходя из этого принципа, оно заявляет: если геджасское правительство в силу каких-либо обстоятельств и соображений считает для себя настоящий момент преждевременным для заключения с нами торгового договора, то советское правительство не возражает, если переговоры по дружественному договору будут выдвинуты на передний план. Исходя из того, что в свое время геджасское правительство не выдвинуло никаких возражений против представленного мною проекта дружественного договора, я предлагаю завершить нашу работу в этой части в ближайшее время и подписать дружественный договор между обеими странами».

Очевидно, предлагая подобные меры, Назир считал наиболее выгодным перейти к тактике затягивания переговоров, по возможности до прояснения политической ситуации в саудовском королевстве, когда те или иные шаги советской стороны могли бы предприниматься с большей ясностью. Пока же, как говорил своим высокопоставленным собеседникам полпред, советская сторона готова обсудить с саудовским правительством вопрос о долгосрочном товарном кредите лишь после заключения политического и торгового договоров. Если почему-либо Эр-Рияд посчитал бы тот момент неподходящим для заключения торгового договора, то СССР в целях укрепления дружественных отношений готов был бы ограничиться

подписанием пока политического договора, но в этом случае «мы не видим препятствий к тому, чтобы заключать краткосрочные сделки по соглашению с нашими торговыми обществами».

Ответ из НКВД не заставил себя ждать и был резким и категоричным. Полпреду сообщали, что «в вопросе паломников из СССР и допуске к нам мутауифов мы занимаем отрицательную позицию. Это должно быть в мягкой, но твердой форме и при благоприятных тактических условиях доведено до усвоения Сауда. Последним это едва ли может быть воспринято в одиозном смысле, поскольку для этого вопроса нет лучших перспектив также в Турции и отчасти в Персии, которые к тому же являются мусульманскими странами. Как Вы знаете, и в Турции и Персии проводятся мероприятия по сокращению хаджа. Что касается нас, то, несмотря на незначительность советских паломников, мы имеем специальные рейсы и доставляем в Геджас паломников, главным образом иностранных. На большее с нашей стороны рассчитывать не приходится».

Информация Москвы была верной. Действительно, ежегодное недополучение 70–80 тыс. египетских фунтов и 20–25 тыс. «эрдебов» пшеницы в качестве вакуфных отчислений из Египта являлось достаточно серьезным стимулом для форсирования этого дела аль-Саудом. Так же как и в случае с СССР, король очень хотел бы, но не мог получить от Египта вакуфные доходы за последние 10 лет.

Сам Н. Тюрякулов был до конца убежден в том, что удовлетворение Москвой вакуфных претензий Мекки имело бы «огромное» политическое значение и укрепило бы авторитет саудовского государства в третьих странах, имея в виду, что аналогичные отчисления должны были осуществлять Египет, Трансиордания и другие мусульманские государства. Что касается паломников, то, по его мнению, содействие их транзиту через советскую территорию ежегодно в количестве 10–15 тыс. человек произвело бы «очень хорошее впечатление и отвело бы обвинения в угнетении ислама».

Собственно, Н. Тюрякулов обосновывал свои рекомендации в докладных записках руководству НКВД со знанием дела. Он посетил губернатора Джидды Абдуллу Реза, который сам затронул вопрос о паломничестве. Губернатор стал жаловаться на плохие дела, на падение паломничества, на отсутствие паломников из СССР. Полпред указал ему, что русские мусульмане должны сначала «восстановить свое хозяйство, а потом думать о мечети, как говорится в изречении пророка». Со стороны же правительства СССР, как и Турции, никаких препятствий паломничеству не ставится. Губернатор возразил в том плане, что Турция

подражает СССР и что восстановление хозяйства не должно мешать хаджу.

В своих записках в Центр Назир рассуждал следующим образом: «Если бы из СССР приехало 1000 паломников, то это не нанесло бы большого вреда 180 миллионам. Такой факт произвел бы очень хорошее впечатление в мусульманских странах и не стали бы говорить, что СССР противник ислама, что в СССР паломничество запрещено. Это мое личное мнение». В беседах же с местными деятелями ему приходилось упорно проводить мысль о том, что этот вопрос должен разбираться независимо от политических и экономических проблем.

Умение вовремя апеллировать к Корану не раз сослужило советскому дипломату добрую службу. Не менее значимым для его положения в саудовском обществе было стремление максимально придерживаться предписываемых исламом норм и традиций, активно при этом используя свой имидж верующего. Кроме того, Тюрякулов неоднократно совершал как большой, так и малый хадж, так называемый «аль-умра». Для расширения личных «мусульманских» связей им был использован «Праздник Ид-аль фитр» (праздник разговенья по завершении рамадана. — *Авт.*). «Обменялись приветствиями более чем с 100 чел. У нас был прием знакомых, приходивших с поздравлениями».

Хадж — один из пяти столпов ислама, святыне места которого расположены в Мекке и Медине. Ежегодно миллионы верующих приезжают сюда для совершения священных обрядов. Паломничество желательно для тех мусульман, кто может перенести физические тяготы пути и располагает финансовыми возможностями. Очевидно, что в 20—30-е годы в СССР таких было немного, однако на созданные во второй половине 20-х годов в Мекке всемирные мусульманские конгрессы от советских мусульман были направлены представительные делегации. От них требовалось активно участвовать в обсуждении всех как общих, так и частных исламских вопросов. Несмотря на то, что на тот момент в СССР главенствовал атеизм, Кремль даже в 20—30 годы не препятствовал тому, чтобы ежегодно небольшие организованные группы мусульман из Татарии, Башкирии и среднеазиатских республик совершали хадж.

Однако гораздо больше было тех, кто вынужден был исполнять святой долг обходными путями. Их судьба не могла не волновать советского полпреда. По мере возможности он старался помочь нелегально пробравшимся через Индию в Хиджаз и терпящим материальные бедствия гражданам Узбекской ССР. В специальном письме на этот счет замнаркома Л. Карахану он просит решить вопрос о возвращении их на родину, ссылаясь на положительный опыт английских и итальянских властей в

подобных делах, и предлагая конкретную схему их репатриации.

Назир даже берет на себя смелость ходатайствовать перед советскими властями в урегулировании вопросов, связанных с судьбой оставшихся в Узбекистане родственников выехавших в Джидду советских граждан. Так это было, например, в случае с неким Мусой Бигиевым или с представителем клана крупнейших в дореволюционное время ферганских землевладельцев и хлопкопроизводителей Мияном Кудратом, связывавшим с полпредом все свои надежды.

Тревожит его и судьба иностранных паломников, прибывших на советском теплоходе «Ванцетти», который лишь случайно избежал штрафа. На борту этого пассажирского судна, не оборудованного надлежащим образом, было 200 паломников из Персии. Агент Совторгфлота Лазарини отказался оставить теплоход для обратной их перевозки в Персидский залив. «Нужно сообщить НКВД, что Совфлот, если берет в сезон хаджа паломников из Персидского залива, должен оборудовать свои пароходы нужным образом, помещая паломников в трюмах, а не на палубе», — с возмущением пишет Н. Тюрякулов.

Он направляет в Москву письмо, в котором сообщает точную дату хаджа. «Мой предварительный ответ на Ваш запрос являлся приблизительным, выведенным из календарных указаний. Вы знаете, что начало рамадана и его конец определяются луной, которая не всегда показывается в положенные календарем вечера. Отсюда вытекает приблизительность календарных сроков. Теперь уже на основании циркуляра министерства иностранных дел Мекки необходимо информировать организации и агентов СТФ, занятых приемкой и перевозкой хаджей, об этом и просить их уточнить расписание отходов наших пароходов из Одессы».

Энергичный полпред успевал быть в курсе всех событий, активно контактируя не только с многочисленными местными «нотаблями» и иностранными дипломатами. Не избегал он встреч и среди прибывающих на хадж различных деятелей, в том числе оказавшихся на чужбине соотечественников. Шеф политической полиции Хиджаза М. Тайиб как-то рассказал Н. Тюрякулову об осевшем в Турции выходце из Сибири известном панисламисте Абдуррашиде Ибрагимове, который в 1931 году представил аль-Сауду записку с предложением о создании в Мекке «всемусульманского общества, которое помогало бы Ибн Сауду и обсуждало бы все мусульманские вопросы, пользуясь ежегодным хаджем». Король тогда не принял А. Ибрагимова по причине того, что, как полагал Н. Тюрякулов, «это предложение отпугнуло его».

Мекка в период хаджа была удобным местом встреч также с высокопоставленными паломниками из третьих стран, как, например, с бывшим военным министром свергнутого в 1929 году афганского эмира Амануллы Ахмед-ханом, пытавшимся убедить Н. Тюрякулова в преданности Амануллы СССР и неизбежности «второй» революции и свержении Надир-шаха. Подобные, мягко говоря, деликатные темы требовали от полпреда максимальной собранности и способности ориентироваться так, как это диктовалось интересами Советского государства на тот момент. «По вопросу об Аманулле-Надире я держал себя весьма сдержанно». Показательна в этом плане ситуация, связанная с приездом на хадж в 1931 году самого эксэмира Афганистана со своей свитой. В ответ на настоятельные требования со стороны местных властей и поверенного в делах Персии Айн-уль-Мулька организовать участие дипкорпуса во встрече Амануллы в порту Джидды, Назир Тюрякулов в качестве дуайена посчитал необходимым во избежание негативной реакции со стороны официального Кабула от этой встречи воздержаться.

Появлялись на хадже и странные личности, цели которых не всегда были ясны, но заставляли предполагать, что их интересует прежде всего информация. Полпред сообщает в Москву, что снова «явился индус Ходжа Гулям Мухамед Лагори. Его принял секретарь. Он рассказывал, что прибыл на хадж с политическими целями, спросил, не знаем ли мы Обойдулла-эффенди, который проживает в Мекке с 26 года. На заявление секретаря, что эти вопросы его не интересуют, с индусом произошел такой разговор:

— Я хочу изучить конституцию СССР, не сможете ли дать некоторые разъяснения?

— На английском языке имеется соответствующая литература. Разъяснение конституции частным лицам не входит в мои консульские функции.

— Наша организация нуждается в средствах. Т. к. она и торгует с целью добычи средств, не поможете в покупке советских товаров по новым ценам с тем, чтобы прибыль пошла на пропаганду.

— Содействие торговле в Индии вообще не входит в мои функции.

— Я вижу к себе недоверие с Вашей стороны. Если Вы подозреваете меня в чем-либо недостойном, то я могу доставить Вам газеты наших организаций, где Вы найдете мое имя.

— Это меня не интересует.

Этот индус, повидимому, даже не мусульманин, ибо не владеет даже языком урду, общим для всех индийских мусульман».

В период хаджа по своим личным делам в Мекку приехал бывший

турецкий офицер, на тот момент — преподаватель в высшей военной школе в Сане Галиб-бей, по происхождению араб, по убеждениям — арабский националист. Он заявил о своих симпатиях к СССР и обратился к Назиру с просьбой достать в Москве для его школы географические карты и атласы (1–2 комплекта). В этой связи полпред связался с НКВД и как бывший «книгопечатник» рекомендовал обратиться в Центроиздат, «где имеются карты и атласы, на которые можно нанести надписи на любом языке».

Эта встреча принесла свои плоды. Галиб-бей поделился с полпредом не только своими впечатлениями о Мекке, но и важными сведениями по Йемену, в частности по «Зараникскому фронту». «По сведениям Галиб-бея, Зараникский фронт ликвидирован. Военная школа постепенно реорганизуется и предполагается организация лучшей подготовки молодых людей для военной школы, 6 человек йеменцев, обучавшихся в Милане летному делу, вернувшихся в Йемен. Общее отношение к СССР и Геджасу в Йемене хорошее. Отношения между Йеменом и Геджасом улучшаются. Во время налетов английских аэропланов Галиб, по его словам, был в Сане и участвовал в организации обороны и установке зенитных орудий».

Из-за того, что вопросы торговли еще не были урегулированы, даже командировка в Хиджаз торгпреда К. Хакимова была организована под видом хаджа, под этим же предлогом была запрошена для него виза. «В связи с последней церковной кампанией, докатившейся до Геджаса через египетскую прессу, многие спрашивали меня о положении мечети в СССР, об отношении советской власти к мусульманам, о нашем личном отношении к хаджу и т. д.». Давая необходимые в таких случаях разъяснения, Назир Тюрякулов указывал, что при первой возможности совершит хадж вместе с другими мусульманами. «Полагаю, что мы с Хакимовым сделаем все возможное, чтобы ограничиться исполнением минимально необходимого в хадже, если этого потребуют обстоятельства. Что же касается деловой стороны приезда т. Хакимова, то она, мне кажется, совместно с нами изучение новых рыночных условий, выработка нашей линии торговой работы (чтобы избежать старых ошибок) и расширение круга наших торговых знакомств».

Одной из интересных для Н. Тюрякулова была беседа на хадже с вышеупомянутым бывшим военным министром эксэмира Афганистана Амануллы Ахмед-ханом. «Он заявил мне, что приехал с расчетом встретить здесь бывшего афганского посла в Турции Мирза Гулям Джиляни-хана (последний действительно приехал). Много говорил о безусловной преданности Амануллы СССР, о неопределенности и беспринципности политики Надира, о недовольстве народа Надиром и неизбежности

«второй» революции и свержении Надира в Афганистане. Затем, как новость, сообщил о соглашении, заключенном недавно между англичанами с одной стороны и немецкой фирмой Ленч и французской фирмой Клемансо по вопросу о железнодорожной концессии в Афганистан. По его словам, концессия (договор) была заключена с немцами и французами. Однако, не имея в своем распоряжении реальных способов воздействия на Афганистан в случае разногласий, а главное, не чувствуя прочности этой сделки, заключенной против англичан, они договорились с англичанами. Таким образом, благодаря этому сговору сделка приняла совершенно другой, неприемлемый для афганцев характер. Обещался посетить нас в Джедде. По вопросу об Аманулла-Надире я держал себя весьма сдержанно».

На хадж как-то прибыла даже польская делегация в составе графа Рачинского и польского муфтия Якуба Шеньковича, с целью наведения мостов в Саудовской Аравии: официально объявила о признании Саудовского государства Польшей и желании установить политические и торговые отношения с Хиджазом. Последний ответил взаимностью. В связи с этим Н. Тюрякулов отмечает, что польские попытки «завязать дружественные и торговые отношения» с Хиджазом совпадают с оживлением деятельности французов в регионе. «Повидимому, не без совета из Парижа Польша стала проявлять сильнейший интерес к геджасским делам и желание установить с Геджасом дипломатические отношения. Вторая делегация, прибывшая на пароходе «Краков», состояла исключительно из военных и привезла королю подарки».

Присутствие муфтия в составе первой польской делегации имело, по мнению советского полпреда, известное политическое содержание с явным антисоветским акцентом. Резолюция варшавских мусульман в дни «курбан-байрама», просившая римского папу и епископа кентерберийского взять под свою защиту якобы гонимый в СССР ислам, должна была служить муфтию его грамотой при представлении аль-Сауду. Однако ввиду малочисленности и общественно-религиозной малозначимости польских мусульман Польша не являлась «мусульманской державой».

Н. Тюрякулов приходит к выводу, что во франко-польские намерения не входило преждевременное раскрытие своих антисоветских планов: муфтий должен был свое основное заявление сделать за кулисами, в неофициальной обстановке. Вышеупомянутый татарский деятель, известный в свое время «вдохновитель мусульманского реформаторства Абдурашид Ибрахимов, («Рашид Кази», еще до мировой войны поселился в Турции), временно проживающий ныне в Мекке, подтвердил факт

антисоветских поползновений Шеньковича перед Ибн Саудом. Правда, Ибн Сауд принял все это лишь к сведению и никаких практических выводов для себя и для своей политики не сделал. Все слухи об антисоветском выступлении Ибн Сауда решительно не соответствуют действительности. Если бы действительно имело место такое скандальное выступление со стороны Ибн Сауда, то мы своевременно поставили бы Москву в известность. Но факт антисоветских шагов, предпринятых поляками через посредство своего муфтия, имеется налицо...»

Попытки польского муфтия добиться от альСауда антисоветской декларации в защиту мусульманства в СССР не дали прямых результатов. Однако полученная Назиром на хадже информация позволила ему сделать вывод, что «если поляки обоснуются здесь в будущем, то они не преминут использовать в нужных им случаях положение Геджаса, как священного центра мусульманства, для своих антисоветских планов и целей».

Очевидно, что активные контакты Н. Тюрякулова с королем, принцем Фейсалом, членами саудовского правительства не могли не способствовать снятию ограничений на советскую торговлю в этой стране. Одновременно его доверительные беседы на хадже как с представителями элиты, так и со случайными, но достаточно информированными людьми давали полпреду возможность быть в курсе политической обстановки в королевстве и соседних государствах и на этом основании строить свои рекомендации по развитию советско-саудовских торговых и политических отношений.

Надо отметить, что далеко не все рекомендации Назира Тюрякулова, безусловно талантливого дипломата и нестандартно мыслящего политика, были услышаны и учтены. Несмотря на открывшиеся перспективы в связи с ликвидацией «особого режима» в отношении советских товаров, Москва, к сожалению, взяла курс на свертывание торговой активности в этом регионе. Центр дает понять Тюрякулову, что с учетом возникших в 1933 году сложностей во внешнеторговой деятельности СССР в других странах красноморский участок, как наименее рентабельный, вообще отходит на последний план. Объем грузов для стран красноморского бассейна считался недостаточным, чтобы из-за них поддерживать рейсы Совторгфлота. Во всяком случае, на этом настаивала группа руководящих работников Наркомата внешней торговли.

Позиция же тех, кто настойчиво защищал интересы красноморской торговли, не только не давала результата, но порой имела обратный эффект. Полпред предпринимал все вплоть до докладных в ЦК ВКП(б), чтобы приостановить откат торговли на ближневосточном направлении. Имеется записка полпреда в адрес ЦК, НКВД и «4-е Управление РВС СССР» с

осуждением политики НКВТ и Совторгфлота, сворачивающих свою деятельность в районе Северо-Восточной Африки (Абиссиния и Эритрея) и в двух единственных «фактически независимых» арабских государствах — Саудовской Аравии и Йемене. Подчеркивается, что красноморский и связанный с ним «иракский и южноперсидский участок» затерялись в бюрократической системе НКВТ.

Решение наркомата ликвидировать морские рейсы, аннулировать план торговли на 1934 год, отозвать торгпредства и т. д. Назир связывал если не с прямым саботажем, то с «ликвидаторскими» тенденциями в НКВТ, поскольку подобная политика не только угрожала «свести на нет созданные с большим трудом политические и торговые связи», но и ослабляла позиции и влияние СССР в регионе в целом. Достаточно лишь нескольких цифр, чтобы понять, какой урон экономике Советского Союза нанесли непродуманные волюнтаристские решения ликвидировать «персидскую» линию Совторгфлота, соединявшую Одессу с Египтом, Саудовской Аравией, Йеменом, Эритреей, Ираком и Персией. Так, в частности, за фрахт иностранных судов уже было заплачено 80 тыс. руб. золотом и до конца 1934 года эта сумма должна была составить 300 тыс. руб. золотом, чего вполне могло хватить на восстановление «персидского» маршрута Совторгфлота и т. п.

Постепенно полпред приходит к убеждению в пагубности отказа саудовцам в товарном кредите только из-за того, что нет договора о дружбе. «При небольших кредитах мы могли бы создать в Аравии чрезвычайно благоприятное для нас положение. Однако это сделано не было». Дальнейшее развитие событий подтвердило правоту позиции Н. Тюрякулова, страстно отстаивавшего необходимость наращивания торгово-экономического присутствия СССР на Аравийском полуострове и прилегающих районах.

Изложенные в настоящей главе факты повседневной дипломатической работы Назира Тюрякулова свидетельствуют о том, что его мысли и дела не только в основополагающих вопросах политики СССР во всем регионе, но и в таких, с точки зрения советской идеологической доктрины, на тот период деликатных моментах, как хадж и некоторые другие специфические аспекты ислама, были направлены на долгосрочную перспективу и подчинялись единственной цели — укреплению роли и авторитета СССР на Аравийском полуострове и Ближнем Востоке в целом. Как явствует из архивных материалов, полпред яростно сопротивлялся зародившейся в Москве пагубной тенденции к сворачиванию активности на восточном направлении. Практически сразу же после отъезда Н. Тюрякулова СССР

добровольно ушел из Саудовской Аравии и с потенциально весьма выгодного красноморского рынка. Последствия этого, как показала жизнь, оказались для СССР крайне негативными. Как известно, все выгоды от найденных вскоре в Саудовской Аравии громадных нефтяных месторождений достались Западу, а не первым друзьям саудовцев — Советскому Союзу.

Глава VI

«БЕНЗИНОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

ПОЛПРЕДА

Искусный дипломат всегда сумеет резко отделить в своем деле все важное от второстепенного и, будучи откровенен и прост в пустяках, в важных вещах останется скрытным и настойчивым.

Ф. Честерфилд

Круг обязанностей, которые легли на плечи полпреда СССР в Саудовской Аравии, не исчерпывался вопросами политического свойства, протокольными и консульскими мероприятиями. В те годы Советский Союз только-только начинал прорывать экономическую блокаду, и одной из наиболее актуальных задач становилось форсированное развитие внешнеэкономических контактов на всех направлениях. То, чем в других странах занимались советские торговые представительства, в Саудовской Аравии стало обязанностью полпреда. Причем заниматься этими вопросами ему приходилось практически «нелегально», или, во всяком случае, неофициально, поскольку по требованию саудовской стороны ни полпредство, ни консульство, ни связанные с ними лица торговлей заниматься не имели права.

Более того, от имени саудовского правительства и. о. министра иностранных дел Ф. Хамза, выступая по вопросу о советской торговле, недвусмысленно заявил, что хотя саудовское правительство и не видит препятствий для заключения торгового договора с СССР, оно хотело бы выдвинуть ряд условий, среди которых — отказ советского правительства от учреждения торгпредства в Джидде. Торгпредство, по мнению саудовских властей, напоминало бы «капитуляционный режим» и создало бы прецедент для других. Разумеется, эти требования не могли не вызвать удивления в Москве. Ведь в то время торгпредства существовали не только в европейских, но и восточных странах и своей работой способствовали развитию торговых отношений. Торгпредство как учреждение неизбежно вытекало из факта монополии внешней торговли в СССР и нигде не напоминало «капитуляционный режим».

Тем не менее для упрочения связей с Эр-Риядом, да и своих торгово-экономических позиций на Востоке в целом, Москва пошла на эти, по существу, невыгодные условия, не высказав каких-либо возражений. Напротив, Центр предложил Н. Тюрякулову заявить саудовцам в самой категоричной форме, что советские дипломатические и консульские учреждения, в том числе и полпредство в Хиджазе, не занимаются и не будут заниматься торговыми сделками. Осуществление торговых операций будет возложено на самостоятельную торговую организацию — Востгосторг. Немалой уступкой саудовской стороне стало и заверение Москвы, что представители советского торгового общества не будут претендовать на какие-либо дипломатические, консульские или торговые привилегии, что для Востгосторга советская сторона не желает никаких специальных льгот.

Этот пункт, фиксировавший отказ от привилегий для советского торгового представителя, был для Москвы крайне невыгодным. Такая формулировка могла впоследствии затруднить постановку вопроса об открытии советского торгпредства в Хиджазе, хотя этот вопрос, учитывая его нереальность на тот момент, даже не ставился. Советскую сторону на определенном этапе устраивало, что представитель советского торгового общества «должен быть частным лицом, подчиняющимся сам и подчиняющим все свои действия законам страны», хотя на деле это и означало подчинение советского торгового общества юрисдикции Хиджаза.

Неудивительно, что полпреду приходилось брать на себя основной груз забот по вопросам торгово-экономического сотрудничества, чтобы избежать обвинений в нарушении достигнутых договоренностей. Он был достаточно тактичен, но в то же время настойчив, проводил линию своего правительства в частных беседах с членами королевской семьи, саудовскими чиновниками и коммерсантами, не перекладывая ответственность на других работников. Будучи менее, нежели Н. Тюрякулов, знакомы с местными реалиями, последние могли и сами оказаться под ударом, и поставить под угрозу те небольшие достижения, которых полпредство уже добилось.

Одним из этих наиболее ярких достижений Назира Тюрякулова на экономическом фронте стала так называемая «бензиновая сделка». Ситуация, когда Саудовская Аравия, представляющая собой ныне крупнейшего в мире производителя нефти, вынуждена была тогда импортировать нефтепродукты, среди поставщиков которых был Советский Союз, с высоты сегодняшнего дня выглядит парадоксальной. Это сейчас мы знаем, что Саудовская Аравия владеет самыми крупными

месторождениями нефти на планете, оцениваемыми в перспективе в триллион баррелей или 136 млрд тонн. Внушает уважение и размер доказанных запасов — 259 млрд баррелей (35 млрд тонн). Средний объем добычи в 2001 году составил 8,6 млн баррелей в сутки (460 млн тонн в годовом исчислении). Кроме того, она пользуется запасами, находящимися в так называемой «нейтральной зоне» на границе с Кувейтом, которые дают ей еще дополнительно до 600 тысяч баррелей в сутки.

В наши дни саудовская нефть составляет 25–27 % общей добычи ОПЕК, что превращает страну в источник каждой десятой тонны, продаваемой на планете. Импорт нефти в США — на 17 % саудовский. Даже незначительное сокращение или увеличение экспорта из Саудовской Аравии мгновенно отражается на уровне цен на мировом рынке. Нефтяное богатство до сих пор позволяло Саудовской Аравии обеспечивать более чем благополучное существование для подданных королевства. По данным министерства энергетики США, нефть приносит этой стране до 94 % доходов от экспорта, 70 % государственных доходов и 35–40 % валового внутреннего продукта.

«Бензиновая сделка» представляла собой организованную полпредом по личной просьбе короля поставку нефтепродуктов тогдашнему саудовскому государству 50 тыс. «ящиков» бензина и такое же количество керосина — это тот годовой стратегический минимум, который был необходим молодому саудовскому режиму для укрепления своих позиций в провинциях и поддержания в надлежащем виде почтовых коммуникаций. К тому же не надо забывать, что к 1931 году — моменту реализации «бензиновой сделки» — в саудовском королевстве, как, впрочем, и на всем Ближнем Востоке, наступила эра автомобилизма.

О том, какое значение придавал король этой сделке с Союзнефтеэкспортом, говорит небольшой, но весьма красноречивый факт. Как явствует из документов, доверенное лицо монарха, могущественный министр финансов А. Сулейман, получив сообщение о пересечении Суэцкого канала «пароходом» «Катерина» с нефтепродуктами на борту, обрадовался настолько, что лично направился в порт для проводов Н. Тюрякулова, отбывавшего в долгожданный отпуск. Вообще то, что король и его окружение в таком жизненно важном вопросе, как поставка нефтепродуктов, опирались на Советский Союз, уже говорит о многом. А тогда, в начале 30-х, еще до того, как были разведаны богатейшие в мире месторождения саудовской нефти, организованная Назиром (он контактировал по этому вопросу не только с руководством НКВД, но и самим Г. К. Орджоникидзе) «бензиновая сделка» имела важное

политическое значение. В конечном счете она способствовала ослаблению односторонней зависимости Эр-Рияда от могущественной в ту пору Великобритании. И тем более отрадным является то, что активную роль в столь животрепещущем для саудовского режима деле сыграл наш соотечественник.

Одной из основных статей расходов становятся автомобили, выписываемые для правительства и эмиров. В своих записках в Москву полпред сообщает, что машины «продолжают прибывать беспрерывно. Люди заняты одними личными интересами. Расходы правительства огромны. Начиная с эмира Фейсала и кончая мелкими эмирами (начальниками городов) получают непомерные для страны оклады и производят дикие расходы. Главная статья расходов автомобили, которые съедают все. Теперь пока берут в кредит. Задолженность правительства же иностранцам растет. Основная беда в недобросовестности королевского окружения. Как Геджас потом будет расплачиваться — неизвестно. Постепенно иностранцы занимают доминирующее положение в автомобильном бизнесе. Особо следует подчеркнуть, что одним из наиболее доброжелательных кредиторов, не задумываясь отпускаящим товары и охотно предоставляющим кредит, является Абдулла Филби: последние партии автомобилей выписывались через него».

Уже одного упоминания А. Филби достаточно, чтобы прийти к выводу об основательной политической подоплеке «бензиновой сделки». Действительно, к 1931 году обострилась борьба различных группировок за влияние на короля, проходившая на фоне дальнейшего ухудшения саудовско-британских отношений, чему способствовали вышеупомянутые причины, связанные со строительством фортификаций в Трансиордании вдоль недждийской границы и железной дороги Багдад — Хайфа, заползавшей на территорию Неджда в районе города эль-Джоф. Короля раздражало также поведение английских фирм, которые вели себя так, будто бы владели монополией на торговлю в Хиджазе-Неджде. Кроме того, Лондон пытался навязать Эр-Рияду заем, ради которого тот должен был уступить его требованиям, разрабатывал планы создания Арабской федерации, направленной на подрыв суверенитета Хиджаза-Неджда, являвшегося в ту пору единственным, не считая Йемена, де-факто независимым арабским государством.

Все это привело к тому, что обострилась конфронтация между стоящей на проанглийских позициях «сирийской» группировкой в окружении короля и его сына Фейсала (сириец Ф. Хамза — А. Филби) и группой недждийских деятелей, возглавляемых министром финансов А.

Сулейманом. Последние решили искать выход из положения на путях сотрудничества с советскими торговыми организациями. Преодолев противодействие со стороны «англофилов», они все же довели дело до заключения контракта с Союзнефтеэкспортом. 2 августа 1931 года в присутствии Н. Тюрякулова и принца Фейсала был подписан договор о поставке в кредит советских бензина и керосина на 150 тыс. долл. Полпред торжествует: «Это бунт против английского влияния... лед тронулся». Имелось в виду, что стремление закупить у СССР нефтепродукты на деле означало прорыв блокады в торговых отношениях двух стран.

Данному событию предшествовала обширная и порой довольно резкая по тону переписка Н. Тюрякулова с Москвой, главным образом с Л. Караханом. Полпред понимал, что, несмотря на отсутствие договоров и соглашений, «сидеть здесь в качестве простого зрителя на чужом пиру нельзя. Нужно делать то, что можно делать. Нужно делать все, чтобы геджасский рынок не терял интерес к нашим товарам». Он сообщает своему руководству, что Халид Каркани, с которым советская сторона собиралась вести торговые дела, заявил, что «лучше всего об этом подумать после того, как принципиальная сторона вопроса будет улажена нами с правительством. При такой неурегулированности наших взаимоотношений с Меккой вести серьезную торговую работу невозможно.

Агент Лазарини ведет переговоры с А. Сулейманом о запродаже правительству партии бензина и цемента (советские товары). Лазарини вступил в переговоры также с нефтесиндикатом. Поэтому я пришел к некоторым новым выводам, а именно поддержать в Москве переговоры и сделки, которые происходят между Лазарини и местными людьми. Поясню: Лазарини с одной стороны вступил в переговоры с министром финансов А. Сулейманом и с другой — с Нефтесиндикатом на предмет поставки гепра партии нефтепродуктов. Переговоры не кончились. Нефтесиндикат пошел навстречу. Считаю, что операция при банковской гарантии Лазарини совершенно лишена элемента риска для наших торговых интересов и то же время успех такой сделки был бы брешью в воздвигнутой против нас стене, — я поддержал это дело. При этом надо подчеркнуть, что мы понимаем сами все неудобства нашего проникновения через итальянцев, к которым здесь относятся не особенно дружески».

О результатах торговой деятельности Лазарини Назир регулярно информировал Москву, поскольку на начальном этапе сделки именно «представитель Лазарини вел переговоры с министром финансов Сулейманом по поводу бензина. По многим моментам условий, выдвигавшихся А. Сулейманом, Лазарини дал положительные ответы.

Оставалось договориться окончательно о цене, что также как будто не представляло больших затруднений. Однако сделка не состоялась. Абдулла Сулейман за все время переговоров добивался максимума уступок, как для правительства, так и для себя». Необходимость этого итальянец мотивировал тем, что, во-первых, хранение доставляемого одновременно большого количества горючего представляло определенный риск, а у представительства того же «Шелл» он брался только по мере надобности. Во-вторых, советский бензин, выгодней по цене, не совсем устраивал саудовское руководство в финансовом отношении, ибо приходилось платить золотом, в то время как представительство «Шелл» свои расчеты производило через таможенную пошлину за ввозимый им товар). В последний же момент Лазарини заявил, что должен ждать истечения срока договора с агентом «Шелл», что должно было произойти через шесть месяцев. «Хотя он окончательно не отказался и все еще продолжает вести переговоры насчет цены бензина, все же к настоящему времени интерес к нашему бензину, несмотря на очевидную выгодность его, как в отношении цены, так и условия кредита, ослабел. Не приходится говорить, что если эта сделка не состоится, то это произойдет не по тем причинам, о которых говорит Сулейман».

Лазарини имел обширные деловые связи среди местного купечества и был весьма заинтересован в реализации советских товаров. При этом думал он и о своей собственной выгоде, поэтому незначительные результаты его деятельности на том этапе связаны были скорее с отсутствием интереса к торговле нашими товарами у местных коммерсантов. Причиной этого являлся, главным образом, торговый застой и отсутствие спроса со стороны купцов. Однако Н. Тюрякулов не теряет надежды изменить ситуацию. «С приближением хаджа можно ожидать некоторого оживления, по крайней мере на продовольственном рынке. Было бы очень желательно, чтобы Востгосторг шел по возможности навстречу Лазарини. Между прочим, во время переговоров с Сулейманом предметом особых разговоров было качество нашего бензина и тара. Действительно, неизвестность нашего бензина до некоторой степени ослабляет позиции Лазарини. Последний говорил о своем желании (если это окажется возможным) получить 2–3 тыс. ящиков бензина в качестве пробной партии. Мы указывали на затруднительность транспортировки такого небольшого количества бензина. Было бы желательно, чтобы Востгосторг рассмотрел этот вопрос и при возможности осуществления этого пожелания Лазарини вступил бы с ним в переговоры».

На пути к бензиновой сделке советскому полпреду пришлось

столкнуться и с явным недовольством других сторон. Так, полпредство посетил поверенный в делах Персии Айн-уль Мульк. «Айн-уль Мульк твердо и непоколебимо убежден, что основной причиной кризиса является стремление СССР посредством демпинга дезорганизовать Европу и Америку и ослабить их, как политических противников СССР. Мои указания и ссылки на крупных европейских и американских экономистов, официальные бюллетени и свидетельства различных бирж и конъюнктурных институтов, опровергающих ложь о демпинге, мало подействовали на Айн-уль-Мулька. Он ничего не читает и не хочет читать, так как без литературы все знает. Он, например, знает, что в Рептте агенты нефтесиндиката местных шоферов снабжают даровым бензином — советским — с тем условием, чтобы они этот бензин продавали в Ширазе и южных районах Персии в целях вытеснения английской продукции. Все мои дальнейшие пояснения также не помогли. Он остался со своим убеждением».

22 апреля 1931 года Назир договорился с Ф. Хамзой о возобновлении переговоров в начале мая. При этом Хамза заявил, что правительство его страны хотело бы получить материальные выгоды, на что Н. Тюрякулов ответил, что об этом удобнее говорить в процессе переговоров. При этом же свидании Ф. Хамза заинтересовался ценами на советские нефтепродукты и сообщил, что правительство намерено купить бензин. 28 мая полпред изложил ответ на письмо Хамзы о хиджазских условиях снятия запрета с советской торговли, проинформировав его о том, что советское правительство могло бы предоставить бензин в кредит «и, поскольку геджаспра не имеет возражений против советского проекта, предложил подписать дружественный договор. Подписание же торгового договора может быть отложено, если геджаспра считает заключение этого договора преждевременным».

При дальнейших встречах с Ф. Хамзой Назир старался убедить того, что не следует настаивать на компенсациях по линии паломничества и вакуфов, поскольку материальные выгоды могут быть получены от расширения торговых связей с СССР. 17 июня 1931 года Н. Тюрякулов виделся с королем и развил свою аргументацию о выгодах и возможностях расширения торговли с СССР. Во всех своих беседах полпред подчеркивал, что для получения товарных кредитов необходимо отменой исключительного режима для советских товаров устранить создавшееся в Москве от этой меры неблагоприятное впечатление. Хиджазцы ограничились заявлением Хамзы от 13 июня, что «исключительный режим» отменен, но только в отношении правительственных поставок. 22

июня Хамза передал ответ короля, заявившего, что он решил вступить в непосредственные переговоры о покупке бензина и отказался от намечавшейся ранее из внешних соображений формы общих торгов с советским участием. 23 июня по вопросу о закупке бензина и других товаров начались переговоры между министром финансов А. Сулейманом и Н. Тюрякуловым, и уже 2 августа представителем Востгосторга Джерквеловым и хиджазским министром финансов был подписан договор о поставке в кредит нефтепродуктов. Договор был скреплен подписями советского полпреда и наместника короля в Хиджазе принца Фейсала.

При заключении нефтяной сделки Н. Тюрякулов не ставил задачи обеспечить советской стороне немедленного формального обещания саудовского правительства в вопросе урегулирования интересующих СССР проблем: политического договора, торгового договора и отмены «исключительного режима». Нефтяная сделка явилась своего рода пробным камнем и имела для СССР особое значение в плане отхода саудовского правительства от крайне осторожной и робкой позиции в отношении юридического оформления существующих политических и торговых связей. Она показала на деле выгоду расширения отношений с СССР и укрепила позиции министра финансов и его группы, которая неустанно старалась убедить короля в необходимости использовать дружественное отношение со стороны СССР для содействия Хиджазу в преодолении им финансовых и экономических затруднений. Отныне советская сторона получала возможность при новых запросах поставок со стороны саудовцев занимать более твердую позицию и решительно добиваться урегулирования интересующих ее вопросов.

Для организации серии совещаний с министром финансов было использовано пребывание в Хиджазе уполномоченного Наркомвнешторга Юрьева. На этих встречах детально обсуждались все возможности будущих торговых отношений и вновь был поставлен перед саудовской стороной вопрос о необходимости политического договора и «уравнения нашей торговли» с торговлей других стран. Переговоры с министром выявили его заинтересованность в торговле с СССР, вызванную, главным образом, нефтяной сделкой. В октябре А. Сулейман выехал в Эр-Рияд к королю, и у Н. Тюрякулова появились все основания полагать, что «его доклад был построен по линии необходимости активизации отношений с СССР и удовлетворения наших требований о договоре и оформлении положения нашей торговли».

Правда, из тактических соображений внешнеполитического порядка альСауд предпочел временно убрать со сцены министра финансов и

поручить переговоры с иностранными кредиторами менее «одиозным» деятелям. Но, по существу, положение и влияние А. Сулеймана и его группы не изменились, что значительно облегчало задачу по юридическому оформлению отношений СССР с саудовским государством. Объективная обстановка в Хиджазе — финансовые и экономические затруднения, усиление английского нажима и стремление альСауда обеспечить выход из кризиса путем изыскания новых ресурсов, не связанных с опасностью дальнейшего закабаления страны иностранным капиталом, — являлась достаточно благоприятной для использования «оружия товарных кредитов» в интересах укрепления советских политических и экономических позиций и подведения под них необходимой правовой базы.

Сделав ставку в переговорах на министра финансов А. Сулеймана, Назир пользовался любой возможностью для отстаивания своей точки зрения и проведения идеи о взаимовыгодности торговых отношений между СССР и саудовским государством в целом и поставок нефтепродуктов в частности. Полпред посетил министра в его доме и в ответ на жалобы А. Сулеймана на ненормальное положение на рынке и дороговизну нефтепродуктов указал, что ненормальное положение, которое действительно существовало на рынке, явилось результатом «исключительного режима», созданного местным правительством для советской торговли, и что оно могло бы быть устранено лишь ликвидацией этого пресловутого режима.

Назир Тюрякулов умел убеждать. В разговоре с министром он прямо указал, что подобная ситуация будет обостряться тем больше, чем дольше будет сохраняться «исключительный режим» в отношении советской торговли. К тому же этот режим все равно не оправдывал себя хотя бы потому, что советские товары все же проникали в Хиджаз. Купец всегда будет покупать там, где ему выгоднее. Но проникновение советских товаров через Египет или Индию было невыгодным, прежде всего, для самих хиджазцев, так как разница в ценах при этом должна была оставаться у посредников. Впрочем, «геджаспра лучше понимает свои интересы, а моя обязанность — высказать мое мнение», — дипломатично отметил в разговоре полпред. В то же время он не забыл рассказать и об успехах советской экономики и внешней торговли в нефтяной сфере. В частности, сообщил А. Сулейману о выполнении той части пятилетки, которая относилась к добыче советской нефти, о победе советской стороны на торгах в Париже на поставку нефтепродуктов для французского морского ведомства.

Неудивительно, что дальновидный министр финансов не преминул

поинтересоваться ценами на советские нефтепродукты, оговорившись, однако, что «предметом он интересуется в частном порядке и просит этот запрос не считать обязывающим его к чему-либо». Он дал понять, что саудовское правительство желает закупить примерно 20 тысяч ящиков бензина. Назир не стал упускать столь удачного момента и со своей стороны обещал дать справку по этому предмету. «Через несколько дней я думаю ему сообщить, что наши нефтепродукты, как правило, предлагаются по мировым ценам, но что если советские торговые организации получат серьезное предложение со стороны гедпра или же если будут они допущены к торгам на равных с другими основаниях, тогда соответственно обстановке наши организации смогут сообщить соответствующие цены и условия. Этот ответ будет дан ему как ответ генерального представителя Ближвостгосторга на Красном море т. Хакимова».

По предположениям Н. Тюрякулова, изложенным им в письме руководству НКВД, усиленный интерес А. Сулеймана к нефтяному вопросу, повидимому, был вызван его стремлением заработать на нем. Четыре месяца, в течение которых различные организации могли участвовать в торгах на нефтяные поставки в саудовское государство, А. Сулейман постарался продлить. Хотя и так было ясно, что по окончании торгов возможны были два варианта: монополия на нефтепродукты останется в руках правительства или она будет передана частной торговой организации. Проект публикации был составлен самим А. Сулейманом. При этом предполагаемые объемы закупок объявлены не были, хотя, судя по отдельным фразам, оброненным министром, речь шла о годовой потребности Хиджаза в целом (бензин и керосин).

В беседе с министром полпред все время подчеркивал, что в данном вопросе его задача заключается лишь в информации Москвы и что каких-либо советов в пользу участия или неучастия советского «нефтесиндиката» в торгах он давать не может. Во всяком случае, решение вопроса об участии этого «нефтесиндиката» в торгах, по всей вероятности, потребует некоторого времени и будет зависеть от дополнительной информации.

Такая информация была получена Назиром во время устроенного министром финансов обеда в Мекке. На нем присутствовали, кроме самого Н. Тюрякулова, Фуад Хамза, Абдулла Сулейман, советник наместника Абдулла Фадль, известный скупщик жемчуга, друг короля — шейх Абдуррахман. После обеда в присутствии всех указанных лиц министр финансов наконец обратился к советскому полпреду с официальным предложением о поставке нефтепродуктов. В качестве предварительного условия для заключения сделки он выставил кредит и достаточно выгодные

цены. Количество необходимых для хиджазского правительства нефтепродуктов выражалось в 50-ти тысячах ящиков керосина и такого же количества бензина. Это конкретное предложение, сделанное публично, в присутствии высокопоставленных лиц, дало возможность Н. Тюрякулову сообщить в Москву, что «лед тронулся», имея в виду, что стремление закупить у СССР нефтепродукты на деле означает прорыв блокады в торговле саудовцев с СССР, возникшей в результате введения «исключительного режима».

Следует заметить, что переговоры по вопросу о поставке нефтепродуктов, помимо чисто экономической выгоды, приносили советской стороне и иные дивиденды. Не без активного участия полпреда центр был в курсе «политических игр» вокруг королевской семьи, в которых нефтяные мотивы оказались не на последнем месте. Так, в период нефтяных переговоров в Мекке к Н. Тюрякулову явился Халид Каркани — компаньон представителя Германии Де Хааса. Каркани, заявив о желании сотрудничать с СССР, «спрашивал наше мнение относительно возможности установления делового контакта между нами и его компанией». Причем от Ф. Хамзы ему стало известно о советско-саудовских переговорах. Повидимому, факт этих переговоров навел его на мысль о возможности разрешения вопросов советской торговли в Хиджазе в ближайшем будущем. Другими словами, он боялся «опоздать» и упустить случай «заполучить от нас представительства по нашим товарам».

Назир в данном случае проявил вполне оправданную сдержанность. В письме в НКВД он объясняет свою позицию тем, что его отношение к Каркани осталось прежним. «Напомнив ему о том, что первый раз инициатива предложения ему о представительстве исходила от нас в прошлом году и что он, Халид, тогда сам отверг наше предложение, я заявил, что продолжаю считать сотрудничество с ним для нас желательным, и что по разрешении вопросов советской торговли в Геджасе сочту своим долгом рекомендовать его вниманию наших торговых органов. При этом я подчеркнул особое значение его услуг, которые он мог бы оказать нам сейчас.

Давая такой ответ, я исходил из того факта, что Халид Каркани, находясь постоянно в свите короля, имеет возможность давать то или иное освещение нашим вопросам. Однако Халид явно рассчитывал на большее». В письме, оставленном им для полпреда, Каркани сообщает о том, что он хотел бы «помимо представительства по нашей торговле взять на себя также представительство Совторгфлота. Поистине, аппетит приходит во время еды!» Справедливо полагая, что такой шаг преждевременен, Н.

Тюрякулов в письме руководству высказывается в том духе, что «представительство Совторгфлота ни в коем случае не может быть передано от итальянца Лазарини триполитанцу эмигранту Каркани. Имея же в виду его положение при короле, считал бы рациональным использовать Каркани и его компаньона Де Хааса по линии торговли».

Однако польза от Каркани все же была. Уже в ходе данной беседы он рассказал Назиру о Филби. Любая информация об этой персоне, близкой к королевской семье, представляла особую ценность. По словам Каркани, «положение Филби при короле значительно пошатнулось. Король прекрасно понимает ту роль, которая возложена на Филби Лондоном, которую пытается осуществлять в Геджасе. Король властолюбив. Филби же пытается влиять на политику короля, чем приводит последнего в бешенство. В результате этого в последнее время наблюдается стремление короля держаться подальше и держать Филби в стороне. Наряду с этим появление Филби при короле вызвало опасения среди приближенных о возможности потери ими прежнего положения. Последнее обстоятельство также имеет свое значение в отношении ухудшения положения Филби».

Из донесения Н. Тюрякулова в этой связи:

«Филби начал нервничать с появлением Халида при короле. Сам Халид все время держится лояльно по отношению к Филби. Последний, относясь подозрительно к Халиду и расценивая последнего как германофила, усиленно уговаривал Халида принять какой-либо государственный пост. При этом Филби исходил, как полагает сам Халид, из желания столкнуть его, Халида, с остальными руководящими лицами в правительстве или воспользоваться каким-либо его служебным действием для соответствующей акции перед королем». Информация такого рода была крайне важна для формирования советской позиции на переговорах как с саудовским правительством, так и европейскими странами.

Между тем все усилия Назира Тюрякулова, достигнутые благодаря его работе успехи в деле развития советско-саудовской торговли могли быть полностью нивелированы из-за банальной чиновничьей халатности. В связи с опозданием нашего судна с бензином на борту в Хиджазе возникла сложная ситуация. И полпред шлет в Москву встревоженное письмо. «За отсутствием бензина почтовые автомобили прекратили движение. Почта перевозится на ослах. Военные перевозки также прекратились и это обстоятельство вызывает серьезную тревогу гепра. Противоречивая информация хозяйственных органов Москвы, ставя нас, с одной стороны, в ложное положение перед местным правительством, сорвала на время начавшиеся переговоры по общим вопросам, с другой. Благоприятная

ситуация, начавшаяся заключением второго августа нефтяной сделки, упускается. Помимо неустойки, которую, быть может, нам удастся устранить, создается впечатление несолидности Москвы».

А ведь буквально перед этим саудовский министр финансов к радости Н. Тюрякулова публично заявил и о заинтересованности своего правительства в советских товарах и длительном кредите. Это открывало перед СССР более широкие возможности для урегулирования вопросов, связанных с подписанием торгово-политического договора с Саудовской Аравией, и ликвидации «исключительного режима» в отношении советской торговли.

«Теперь беседы на эти темы прекратились и геджасцы ни о чем не хотят говорить, кроме как о бензине», — с возмущением пишет полпред. «Геджасцы систематически обращаются к нам с запросом о местонахождении парохода с бензином. В последнее время у нас самих укрепляется недоверчивое отношение к сбивчивым телеграммам Москвы. Телеграммы же Ходорова, отличающиеся своей никчемностью и преследующие единственную цель — застраховать себя на случай расследования этого дела, вызывают негодование спокойного Юрьева. Возможно, что геджасцы в качестве компенсации за их убытки, происшедшие из-за опоздания парохода, потребуют льгот по части платежей. Сегодня министр финансов потребовал от нас категорического заявления о местонахождении парохода и возможности прохождения им Суэцкого канала. Я объяснил ему причины опоздания парохода, условия, на которых его зафрахтовали, и т. п. В качестве последнего срока я указал на первую неделю октября. Министр как будто бы успокоился». Между тем 29 сентября 1931 года, в день, когда Н. Тюрякулов обращался в Москву, транспорт с бензином только подходил к Стамбулу.

Срыв сроков поставок ставил под угрозу с таким трудом завоеванные позиции на саудовском рынке. Дело в том, что как раз в это время Национальный конгресс, учрежденный королем, не только отказал ему в займе, но и поставил вопрос о необходимости бюджета и сокращения расходов. Конгресс, опасаясь возможности проникновения иностранцев, запретил правительству предоставлять «неверным» концессии на территории Хиджаза. Между тем нажим на саудовцев со стороны иностранцев — конкурентов советского полпреда (Джелятли Ханки, голландский банк, Филби и др.) — не ослабевал. Не желая прямо отказывать в помощи, голландский банк весь свой золотой фонд уже вывез в Амстердам. Начались недоразумения на почве расчетов между Филби и саудовским правительством, и последнее начало метаться в поисках

выхода. Укрепление денежного рынка посредством обложения купечества госзаймами делу не помогло.

Этот момент показался Назиру наиболее благоприятным для выступления перед королем с обоюдовыгодным предложением. «По моему расчету, в настоящий момент наше предложение делового сотрудничества должно было дать известные результаты. Я им говорил: геджазское правительство и геджазское население нуждается в товарах. Геджасский рынок нуждается в оздоровлении и изгнании из него элементов спекуляции. При этих условиях допущение советской торговли в Геджасе принесло бы как правительству, так и рынку огромную пользу. Так конкретно может быть решен вопрос о компенсации, который поднимало гебра. Нужные последнему товары могут быть предоставлены на более выгодных условиях, чем это можно ждать от других стран».

Полпред с нетерпением ждал телеграмму из Москвы, по крайней мере с ответом Нефтесиндиката по основным моментам поставленных им вопросов, прежде всего — по гарантиям. Без специального указания из Москвы Н. Тюрякулов считал невозможным ставить перед хиджазцами этот вопрос в какой бы то ни было форме от себя. «Вопрос сам по себе представляет несколько моментов, над которыми невольно задумываюсь. Прежде всего, если не желает идти по пути оформления своих отношений с нами гебра дальше этой сделки (или сделок), то, очевидно, что мы должны потребовать банковскую гарантию. Но если Саудовская Аравия в связи с этими сделками или же вследствие других причин пожелает заключить с СССР торговый договор, то последний считается недостаточной гарантией в подобных делах с Геджасом».

Из бесед с королем и его приближенными Назир вынес впечатление, что опасение вызвать недовольство англичан все еще сказывалось на каждом шаге, который Саудовская Аравия делала навстречу Советскому Союзу. Это обстоятельство определяло ту особую осторожность, с которой следовало проводить все переговоры, и тщательность, с которой необходимо было осуществлять все сделки. При этом важно было не допускать впечатления, что советская сторона старалась в своих интересах «перессорить» саудовцев с их партнерами. «Деловое сотрудничество, давая им известные выгоды и приучая их к нам, постоянно, шаг за шагом будет подготавливать почву для разрешения наших общих задач. Но что еще более важно, добившись положительных результатов, необходимо соблюдать все принятые на себя обязательства, чтобы не выглядеть в глазах партнеров хуже, чем наши конкуренты».

Понятно, почему в процессе переговоров по нефтяным делам полпред

нуждался не только в принципиальных указаниях центра, чтобы, опираясь на них, избрать ту или иную линию поведения. Ему была жизненно необходима поддержка Москвы в его отстаивании четкости сроков поставок. Именно поэтому он столь резко отреагировал на задержку «парохода» с бензином. Ведь от этого зависело, в какой степени ему удастся выполнить программу-максимум: добиться полной ликвидации «исключительного режима» и укрепления советско-саудовских отношений путем заключения межгосударственных договоров.

Н. Тюрякулову становилось все более ясно, что срыв поставок нефтепродуктов мог затормозить дальнейшие торговые переговоры и заставить саудовцев вернуться к прежним партнерам. Хотя, впрочем, именно тогда Ф. Хамза неофициально заявил советскому полпреду, что Эр-Рияд предполагает заключить ряд сделок по лесу, сахару, муке, мануфактуре и спичкам в объеме потребностей страны именно с советским правительством. Обстановка требовала решительных действий. Каким бы ни был сдвиг в этих делах, его необходимо было энергично развивать дальше. «Лишь при этом условии я смогу надеяться на успех выполнения моих основных, общих задач», — пишет Н. Тюрякулов в Москву.

Назир искренне болеет за порученное ему дело, остро переживает срывы и неудачи. Это видно в его октябрьском 1931 года письме заместителю наркоминдел Л. Карахану. «...Первая сделка с бензином, которая означала конец остракизма советской торговли в Геджасе, должна была служить отправной точкой для внедрения советских товаров на этом новом для нас рынке. Директивы НКВД, правильно учитывающие отражение в Геджасе современной международной обстановки, верно отразили наличие благоприятной конъюнктуры для оформления наших политических и торговых отношений с правительством Ибн Сауда. Приезд наших хозяйственных работников прошел под знаком небывалого оживления наших сношений с представителями здешнего правительства. В ряде бесед мы смогли прозондировать отношение главного советника короля Минфина Абдуллы Сулеймана к «нормализации» наших отношений и вынесли твердое убеждение, что в принципе вопрос накануне вполне благоприятного решения.

Сделка с бензином показала саудовскому правительству, что оно встретилось с партнером, который совершенно по-иному подходит к своим отношениям с ним, нежели его старые контрагенты. Эта сделка имела все свойства, чтобы стать поворотным пунктом в советско-саудовских отношениях. Я пишу «имела», ибо нашими организациями было сделано все возможное и даже в обычных условиях невозможное, чтобы эта сделка

из положительного фактора превратилась в свою противоположность. До середины сентября со стороны Геджасского правительства не подымалось никаких вопросов относительно сроков прибытия бензина. Твердо рассчитывая на наш бензин, оно порвало отношения с английской фирмой, до сих пор снабжавшей Геджас горючим. Наличным, правда, очень, ограниченным запасом оно обслуживало почту и гражданские перевозки, откладывая значительные воинские перевозки до прибытия советского товара. Восстание племен в Ассирии, вызвавшее усиленный расход бензина для перевозок, сильно сократило его запасы. Страна стала испытывать голод в горючем».

Между тем советский бензин не появлялся. «На запросы Минфина мы вынуждены отвечать отговорками — об этом ниже. Останавливается почта. На дороге в Мекку вновь появляются верблюды и ослы, которые должны заменить стоящие без горючего автомобили. Начинают сыпаться ежедневные запросы, устные и письменные, прямо и через посредников, и все с одним вопросом: где бензин и когда будет бензин. Отсутствие бензина срывает стратегические воинские перевозки в сторону Трансиордании, имеющие в данный момент для Геджаса первостепенное значение, как об этом глухо намекает сам Минфин. Наши ответы, неизбежно противоречивые вследствие противоречий в московских сообщениях, начинают возбуждать неопределенные сомнения в умах наших собеседников. Этим пользуются конкуренты, которые распускают слух о том, что пароход с бензином не сможет пройти Суэцкий канал. Между тем нужда становится прямо нестерпимой. Дело доходит до того, что Минфин прямо ставит передо мной вопрос, гарантирую ли я прибытие бензина, и какова, наконец, дата его прибытия. Если на первый вопрос я смог ему ответить вполне категорически, то своему ответу на второй я сам не вполне поверил. До того безобразно и безответственно было организовано выполнение по первой партии бензина, до того безответственна была поступавшая к нам информация».

Полпред указал Востгосторгу через НКВД на необходимость срочно подготовить первую партию бензина, которая по контракту должна быть сдана в сентябре. Он подчеркивал, что саудовская сторона крайне нуждается в горючем и обращается с просьбой по возможности доставить первую партию еще в августе. «Проходят дни, проходит месяц. Не имея никаких сведений о погрузке парохода, я вместе с Юрьевым 7-го сентября посылаю телеграмму Вам и Элиаве с характеристикой положения. 10-го сентября получаю телеграмму от Вас, а 11 от Элиавы и Альфина о том, что пароход зафрахтован и выйдет из Батума не позже 13-го. На основании этих

официальных сообщений мы делаем выкладку, когда пароход может прийти в первый геджасский порт, и сообщаем геджасскому правительству наши соображения. После этого мы получаем сообщение, что пароход уйдет из Батума только 17-го. Принимаем бесприкословно эту цифру, хотя чувствуем, что это запоздание уже начинает тревожить арабов. Следующие сообщения уже говорят об еще большем опоздании. В телеграмме от 28-го сентября тов. Ходоров дает «директиву» принять меры к урегулированию «недоразумений» в связи с нарушением договора. Но самое возмутительное из всего это то, что ни одной из этих дорогостоящих телеграмм нельзя верить, а следовательно, нельзя пользоваться ими в сношениях с представителями местной власти. Один пример. От 28-го сентября получаем две телеграммы — одну от Союзнефти в Москве, другую от Союзнефти в Стамбуле. В первой говорится, что пароход «Катерина» придет 29-го в Стамбул и останется там двое суток для разгрузки, а вторая сообщает, что «Катерина» придет 29-го в Стамбул и в тот же день пойдет дальше. Какой прикажете верить и какой руководствоваться?»

Несмотря на повторные телеграммы и наличие достаточного срока для приведения в движение «хозяйственного аппарата», лишь на 34-й день было получено сообщение о том, что отдано распоряжение в Стамбул о фрахте судна. По сообщению из Стамбула, оно лишь 15 сентября должно было встать под погрузку в Батуми, что означало бы доставку товара только в октябре. «Вы легко можете себе представить, что в Геджасе, где в противниках нет недостатка, уплата нами неустойки за нарушение договора имела бы для нас большое моральное поражение и подрыв доверия к нам в ПЕРВОЙ же сделке. Кроме того, должен отметить, что геджасское правительство, испытывающее сейчас чрезвычайную нужду в бензине (почта, военные перевозки и т. п.), начало сейчас закупать через подставных лиц небольшие партии бензина у наших конкурентов. Я был поставлен в затруднительное положение, т. к. в течение целого месяца Москва не отвечала на мои запросы по этому вопросу и на многократные запросы Минфина не был в состоянии дать хотя бы ориентировочный ответ. Я считаю, что такой нечеткой работой наши хозяйственные организации лишь скомпрометируют себя в Геджасе и потеряют почву для дальнейшего развития наших деловых сношений с этой страной».

Между тем, по мнению полпреда, в Москве прекрасно понимали все значение этой сделки. Очевидно, что она стала той «первой брешью в воздвигнутой перед нашей торговлей стене, каковое обстоятельство казалось нам некоторой гарантией дальнейшего развития достигнутого не

без жертв с нашей стороны успеха». «Положение усугубляется тем, что мы до сих пор не уверены в точном выполнении договора народно-хозяйственными организациями. Полагаю, что Наркоминдел должен принять все зависящие от него меры для бесперебойного и аккуратного выполнения договора, т. к. с ним связываем укрепление доверия к нам саудовского правительства», — пишет полпред.

Это полное эмоций и возмущения письмо характеризует Н. Тюрякулова как человека неравнодушного, верящего в свою правоту и смело сражающегося за репутацию своего государства. Нет оснований сомневаться в достоверности приведенных в его посланиях фактов. Поэтому, несмотря на резкость оценок, к которым прибегает полпред, они не удивляют. Он по праву опасался, что «бензинная сделка», представлявшаяся удобным трамплином в переговорах с саудовским правительством, на деле могла бы стать помехой для них.

Министр финансов А. Сулейман объявил, что до доставки бензина он вообще не сможет говорить на затронутые советской стороной темы, что правительство короля вынуждено было взять для своих текущих нужд бензин у английской фирмы. «Печальный опыт с первой партией может побудить правительство и впредь страховать себя на случай нашей неаккуратности. Этим подрывается возможность заключения монопольного договора на поставку нефтепродуктов. Конъюнктура для общих переговоров ухудшилась ввиду недовольства, вызванного нарушением договора. Если правительство и не поставит требования уплаты неустойки, то все же оно потребует компенсации, быть может, в отношении срока платежей. Одним словом, весь эффект сделки сорван. Я считаю, что мы обязаны требовать расследования обстоятельств дела, приведших к такому обороту, хотя бы лишь для того, чтобы обеспечить аккуратную доставку остальных двух партий; и я формально ставлю перед Вами вопрос о передаче материалов по данному делу в ЦКК — РКИ для расследования и привлечения виновных к ответственности».

Сохранение торговой репутации было особенно важным еще и потому, что наряду с правительством Саудовской Аравии заметный интерес к торговле с СССР проявляли и отдельные купцы. В полпредство обращались некоторые неждийцы и хиджазцы с просьбой ознакомить их с условиями торговли с СССР и теми льготами, которые советские организации могли бы им предоставить. Большой интерес был проявлен ими к сельскохозяйственным машинам советского производства и возможностям в плане оказания им на коммерческих началах технической помощи в бурении артезианских колодцев и извлечения пресной воды. Надо сказать,

что в связи с образованием новых поселений в Неджде и переходом кочевников на оседлый образ жизни вопрос о воде имел для альСауда колоссальнейшее значение.

«Мы им разъясняли особое преимущество дружбы с СССР и всю выгоду торговли с нами. При настоящих условиях о нормальных торговых отношениях не может быть и речи до тех пор, пока саудовское правительство не изменит своего отношения к торговле с СССР и не создаст нормальной обстановки. Группа недждийских купцов в настоящее время добивается легальных возможностей для вступления с советской стороной в торговые сношения».

Прибытие долгожданного бензина решительно изменило умонастроения в саудовском правительстве. После того как была получена телеграмма о заходе «Катерины» в Суэцкий канал — телеграмма была получена за несколько часов до отъезда Н. Тюрякулова в Москву, — министр финансов счел необходимым открыто продемонстрировать дружеские чувства и пришел провожать советского полпреда, «чего раньше никогда не бывало». Накануне прибытия «Катерины» в Джидду министр совершенно твердо заявил, что он добьется от короля согласия на принятие пожеланий советской стороны в целях развития торговли между СССР и Хиджазом.

А. Сулейман, похоже, наконец уверился в том, что путь, который он избрал, заключив «нефтяной договор» с Нефтесиндикатом, оказался наиболее верным, и развитие отношений с СССР способно принести немалую пользу саудовской стороне. Он подтвердил готовность приложить все усилия, чтобы добиться от короля положительного ответа на советские предложения о заключении соответствующих соглашений. Поскольку министр финансов, как «основной поставщик всех материальных благ», являлся одной из наиболее влиятельных фигур в окружении короля, то были все основания ожидать, что именно его политика должна была получить одобрение альСауда.

Анализируя обстановку, которая сложилась в отношениях между СССР и саудовским государством в период подготовки, заключения и проведения «бензиновой сделки», Н. Тюрякулов счел необходимым еще раз подчеркнуть, что на том этапе «мы должны занять твердую и ясную позицию и решительно добиваться урегулирования интересующих нас общих вопросов. Время и обстоятельства работают за нас. Правительство этой страны так или иначе придет к нам и будет искать нашего сотрудничества. Деляческая торопливость с нашей стороны могла бы сорвать дело борьбы за наше равноправие и торгово-политический договор.

Наши общие переговоры по торгово-политическим договорам, которые происходили до сих пор весьма и весьма вяло, в связи с новой обстановкой должны оживиться».

Пробившая брешь в блокаде советской торговли «бензиновая сделка» демонстрирует, насколько последовательным был полпред в своих инициативах с целью преодоления препятствий на пути активизации отношений между двумя странами. В историческом плане этот эпизод выглядит как наиболее яркий и уникальный во всей многолетней работе Назира Тюрякулова в Джидде именно с учетом того, что Саудовская Аравия ныне представляет собой крупнейшего в мире нефтепроизводителя. Тогда же, в далекие 30-е годы XX столетия отец-основатель королевства со своим окружением с благодарностью принял руку помощи, протянутую Советским Союзом в столь животрепещущем для страны на тот момент деле, как поставка горючего. Осуществленная с подачи и при активном участии Н. Тюрякулова «бензиновая сделка» имела и другой важный аспект — в немалой степени способствовала освобождению альСауда от односторонней материально-экономической зависимости от Англии и других стран Запада.

Глава VII

ОН ДРУЖИЛ С КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬЕЙ...

*...Пусть будет твой посол добросердечен,
Умом и бескорыстием отмечен,
И скромность в довершение всего
Пусть будет украшением его,
Чтоб с ним никто не избегал сближенья
И не терял, сближаясь, уваженья.
Пусть принимает твой посол участие
В судьбе друзей, в том обретая счастье.*

Юсуф Хас-Хаджиб Баласагунский

Все восемь лет своего пребывания на посту полпреда Назир Тюрякулов старался сделать все возможное, чтобы вывести отношения между СССР и Саудовской Аравией на уровень, выражаясь современным языком, стратегического партнерства. Будучи знатоком Востока, он прекрасно понимал, что укрепление позиций Советского Союза на Аравийском полуострове во многом будет зависеть от того, удастся ли ему лично установить теплые, дружеские отношения с королевской семьей, самим Абдель Азизом аль-Саудом и его наследником — принцем Фейсалом.

Нелишне напомнить, что Саудовская Аравия — родина ислама, религии, основанной пророком Мухаммедом в VII веке. Согласно исламским постулатам, монарх является одновременно и имамом (религиозным лидером). Королевская семья, насчитывающая сегодня более пяти тысяч принцев, является главенствующей политической силой саудовского государства. В начале XIX века династия Саудов, правивших в Эр-Рияде, расширила свои владения, захватив значительную часть территорий современной Саудовской Аравии. В ходе гражданской войны и войны с турками, которые с XVI века держали в подчинении обширную часть Аравийского полуострова, саудовцы лишились своих владений. А в начале XVIII века власть Турции ослабла, и они вернули себе утраченные территории.

Основателем всемогущей сегодня саудовской королевской династии суждено было стать Мухаммеду аль-Сауду, эмиру крошечного городка Дария, расположенного в Неджде в Центральной Аравии. Далее прошло почти полтора века в борьбе за создание нового государства. Причем в борьбе не с неверными, а со своими же братьями мусульманами. Прежде всего — турками, которых взволновало появление у них под боком неких претендентов на господство над всем арабским, а возможно и исламским миром. И в 1818 году турецкая армия разбила саудитов, а внук Мухаммеда Абдулла был вывезен в Константинополь и обезглавлен. Тогда казалось, что будущее саудовской династии печально. Так оно и было. Еще в начале XX века, как свидетельствуют британские источники, вся саудовская казна могла уместиться в одной седельной сумке.

Войны на Аравийском полуострове не утихали на протяжении всего XIX века: шла борьба за власть. И в 1900 году молодой глава ваххабитов Абдель Азиз Абдуррахман аль-Фейсал альСауд с отрядом в 40 человек вступил в борьбу с султаном Неджда Рашидом. В январе 1902 года альСауд разгромил под стенами городской крепости отряд Рашида во главе с губернатором Эр-Рияда и был провозглашен новым правителем Неджда. Когда в 1905 году турецкий губернатор Ирака признал имама альСауда своим вассалом в Неджде, тот, не раздумывая, принял покровительство Османской империи, что значительно улучшило его политическое положение.

После гибели в том же году бывшего султана Неджда Рашида альСауд полностью утвердился в качестве единственного правителя Неджда. В 1907–1912 годах ему удалось еще более укрепить свою власть над Недждом, главным образом благодаря поддержке вождей крупнейших племен, таких, как Мутайр и Отейбе, а также потому, что ему удалось поставить под свой контроль бедуинов, разместив их в полувоенных поселениях. Действуя совместно с улемами Неджда, он вновь зажег в умах и сердцах сородичей прежний ваххабитский огонь и объединил их в военно-религиозное общество Ихван («Братья»), целью которого было уничтожение врагов саудитов и укрепление своей власти. Члены этой организации не только играли заметную роль в объединении Аравийского полуострова под эгидой альСауда в 1912–1930 годах. В период с 1918 по 1929 год они были его элитными воинскими подразделениями.

Однако появление подобных военных формирований и их активная «профессиональная деятельность» не могли не втянуть страну в очередной виток междоусобицы, которая затянулась на несколько лет, но привела в итоге к еще большему укреплению позиций альСауда. Наконец в октябре

1924 года войска альСауда захватили Мекку — главный город Хиджаза, а в декабре 1925 года — Медину. За ней наступила очередь Джидды, и тем самым завоевание Хиджаза было завершено. 1 августа 1926 года в Большой мечети эмир Неджда альСауд провозгласил себя королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей.

СССР первым признал государство альСауда и установил с ним дипломатические отношения, что в значительной степени способствовало укреплению международного положения государства саудовцев. Договор же с Великобританией (Договор Г. Клейтона) — традиционным партнером Хиджаза — о признании правительства альСауда был подписан позже, в мае 1927 года. В 1932 году Королевство Хиджаз, Неджд и присоединенные области было переименовано в Королевство Саудовская Аравия во главе с Абдель Азизом аль-Саудом. Именно на эти годы пришелся период работы Назира Тюрякулова в качестве полпреда СССР.

В ответ на письмо советской стороны от 2 июля 1928 года, в котором сообщается о переводе дипломатического агента и ген-консула Карима Хакимова из Саудовской Аравии, король счел необходимым «выразить нашу радость в связи с теми стараниями, которые прилагались его превосходительством агентом к укреплению добрых отношений и дружбы между двумя странами. Эти старания оставили прекрасное впечатление». В королевском послании было высказано также удовлетворение в связи с прозвучавшим в письме советского правительства от 9 июля 1928 года желанием СССР укрепить дружественные связи, существующие между двумя странами, и назначить «его превосходительство Назира Тюрякулова дипломатическим Агентом и Генконсулом при нас».

Аль-Сауда не было в тот момент в Хиджазе, но 3 октября 1928 года новый полпред был «надлежащим образом» встречен его сыном Фейсалом, являвшимся наместником короля в Хиджазе. Несмотря на некоторое отступление от протокола, высказанные в послании монарха заверения в том, что советский полпред «встретит от нас и членов нашего правительства уважение и наилучшее отношение для укрепления существующих между обеими странами дружественных связей», давали Н. Тюрякулову возможность для установления в будущем контактов с королевской семьей.

И он не замедлил этим воспользоваться. В своей речи при вручении верительных грамот Назир Тюрякулов подчеркнул, что, идя «по стопам своего предшественника, я буду всемерно стремиться к развитию тех дружественных отношений, которые так счастливо установились между королевством Геджас, Неджд и Присоединенные Области с одной стороны

и СССР — с другой. При выполнении моих обязанностей, возложенных на меня моим правительством, я буду рассчитывать на сочувствие и поддержку Его Королевского Величества. Я надеюсь пользоваться тем же доверием, каким пользовался мой предшественник. Позвольте выразить уверенность, что связи и отношения будут развиваться в интересах обеих стран».

Ответная речь принца Фейсала при вручении Н. Тюрякуловым верительных грамот была выдержана в лучших дипломатических тонах. За протокольными фразами можно было разглядеть готовность активно сотрудничать с Советским Союзом при посредничестве его нового представителя. Это выразилось и в пожелании «благополучного пребывания и успеха в Ваших трудах», а равно в заверениях в том, что полпред СССР может рассчитывать на полное содействие со стороны правительства.

После года работы Назира на аравийской земле произошло повышение его дипломатического статуса: Центральный Исполнительный Комитет СССР назначил его «Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром при особе Е. К. В.». 26 февраля 1930 года в Мекке Н. Тюрякулов вручил принцу Фейсалу верительные грамоты, аккредитующие его уже в качестве Полномочного Министра и Чрезвычайного Посланника. Стороны вновь обменялись речами, тон и эмоциональная насыщенность которых свидетельствовали о заметно возросшем за этот год уровне взаимной симпатии и доверия.

Очевидно, что целью смены статуса, по сути — нового назначения, являлось укрепление и усиление дружественных отношений к взаимному удовлетворению сторон. В своей речи советский полпред считал необходимым особо подчеркнуть, что он высоко ценит те отношения, которые сложились лично у него с членами королевской семьи. «Я приложу все свои силы для осуществления этой задачи, опираясь на высокие симпатии и благосклонные отношения, которых я удостоился со стороны Его Королевского Величества, со стороны Вашего Высочества, а также государственных деятелей со времени моего прибытия в эту страну. Я надеюсь, что встречу те же симпатии и то же отношение в своей новой деятельности. Я прошу Ваше Высочество содействовать передать Его Королевскому Величеству мои симпатии и добрые пожелания Его Величеству членам королевского дома и стране».

Ответная речь Фейсала была не менее дружественной: «...те благородные симпатии, на которые Вы изволили указать, и те добрые пожелания, которыми Вы выразили стремление к продолжению

дружественных и лучших отношений и укреплению их, являются для нас общими чувствами.

Я не сомневаюсь, что сегодня Мы открываем новую эпоху в отношениях наших стран, и этим закладывается прочный фундамент дружбы между ними. Я уверен, что при выполнении возложенной на Вас задачи Вы будете встречать со стороны Его Королевского Величества благосклонное отношение и всяческое содействие, а со стороны моей и государственных деятелей — действительное желание помочь Вам во всем, что способствует укреплению дружественных отношений между обеими странами.

С этими чувствами принимаю от имени Его Величества, моего Великого отца, Ваши верительные грамоты и прошу Вас соблаговолить передать высокие приветствия и добрые пожелания Его Превосходительству господину Председателю ЦИК СССР и его благородной нации от имени Его Королевского Величества и его народа. Я желаю Вам успеха в Вашей деятельности».

Разумеется, что достичь такого признания своих заслуг Н. Тюрякулову было непросто. Ведь хотя сам по себе более высокий дипломатический статус и открывал перед ним двери в высшие эшелоны власти страны, он не мог служить пропуском к неформальному общению с монархом и его ближайшими родственниками, в том числе и с будущим королем — принцем Фейсалом. Для того чтобы завоевать их личные симпатии, одних протокольных мероприятий было недостаточно. Приходилось действовать на самых разных направлениях: искать «подходы к трону» через членов правительства, дарить подарки им самим и оказывать на основе созданной при полпредстве амбулатории медицинские услуги членам их семей, не говоря уже о необходимости постоянно преодолевать десятилетиями складывавшееся влияние британцев.

Одним из наиболее влиятельных советников короля был Юсуф Ясин, встречу с которым Н. Тюрякулову организовал и. о. министра иностранных дел Фуад Хамза, с которым у полпреда с самого начала его работы сложились добрые и деловые отношения и практически полное взаимопонимание. Кстати, именно Хамза порекомендовал Н. Тюрякулову сначала сделать формальный, ни к чему не обязывающий «предварительный визит королю для засвидетельствования почтения и симпатии», а подробную и содержательную беседу с монархом провести после встречи с Ясином.

Эта встреча с советником короля имела принципиальное значение для всей дальнейшей работы Н. Тюрякулова в Саудовской Аравии, поэтому он

подробно сообщает о ней в НКВД. «После предварительных любезностей, обычных при первом знакомстве, я передал ему привет от Хакимова и его сожаление, что он не имел возможности «за неимением времени» посетить его лично. Далее я заявил, что по установившейся между ним и Хакимовым традиции буду с ним говорить о наших делах, что при этом рассчитываю на его испытанную искренность к СССР и что каждый раз откровенно, без «официальностей», и что иным путем трудно решить наши вопросы. Он ответил готовностью на установление таких отношений.

Тогда я начал с истории советско-геджасских отношений, изложил принципы нашей внешней политики, в частности, по отношению к Сауду, отметил особо сочувственное наше отношение советского правительства и советской общественности к борьбе Сауда за свободу и культуру страны, отметил, что первый период советско-геджасских отношений вселял нам много надежд. Затем изложил ему, как постепенно ухудшалось отношение геджа к нам и к нашим торговым организациям, иллюстрируя примерами (бойкот с участием чиновников, арест сотрудников Руссотюрка и высылка их и т. д.). Перейдя к последнему периоду, я отметил, что для нашей торговли создан исключительный режим, не применяемый Геджасом ни к одному иностранному государству. «Мы, как и другие, этот режим понимаем как фактическое запрещение нашей торговли при наличии в стране свободы торговли. Наконец, этот режим несовместим с интересами и СССР и Геджаса, для экономической независимости последнего. Этот режим мы считаем нетерпимым с точки зрения дальнейшего развития наших отношений. Москва в недоумении. Мы спрашиваем — что же дальше? Вместо установления такого режима геджа могло бы предварительно сообщить нам свои соображения, попытаться урегулировать эти вопросы посредством переговоров и обменом мнениями». Далее я перешел на заявление Фуада о готовности короля к переговорам, на наше отношение к этому заявлению и закончил вопросом об эквивалентах.

Ясин начал с того, что король всегда высоко ценил и ценит свою дружбу с СССР и мудрую политику его правительства. Король особенно был удовлетворен, когда в трудные для него дни последнее не стало настаивать на своих правах, и товары, предназначенные для Геджаса, были отправлены в Йемен. Король высоко оценил искренность дружбы СССР. «Мы, — заявил Ясин, — прекрасно понимаем и антиимпериалистический характер советской политики. Мы на протяжении лет видели и видим, как советское правительство дружески относится к восточным странам. Зная политику моего короля, я могу Вас заверить, что все имевшие место

отрицательные явления имеют временный характер и скоро все вопросы наших отношений будут урегулированы к удовлетворению сторон. Вместе с тем я должен ознакомить вас с нашим положением. Дело в том, что с СССР мы не имеем общей границы. СССР находится от нас далеко. Мы здесь окружены со всех сторон владениями и силами Англии. При этих условиях и в этой стране королю приходится вести очень тяжелую работу. Король учитывает все эти обстоятельства и принимает некоторые шаги, диктуемые благополучием этой страны. С вашей трактовкой вопроса об эквивалентах я согласен. В заключение я еще раз заверяю Вас в искренности короля и его высокой оценке советской политики. Я категорически заявляю, что ваши вопросы скоро получают разрешение»».

Поскольку Ясин — в то время вероятная кандидатура на пост министра иностранных дел Саудовской Аравии — не мог не поинтересоваться международным положением СССР, в частности советско-французскими и советско-германскими отношениями, Н. Тюрякулов дал ему необходимые пояснения. При этом полпред вновь сделал акцент на готовности Советского Союза оказать содействие королю, если у того возникнет необходимость, например, в советском посредничестве.

В то время не спадала вызванная пограничными спорами напряженность в отношениях Саудовской Аравии с Йеменом. В ответ на общие рассуждения Ю. Ясина Назир со своей стороны в этой связи заметил: «Зная общую линию НКВД, я сделал заявление, что геджасско-йеменское сближение мы только приветствовали бы, видя в нем один из залогов успехов короля Сауда и Имама Яхьи; и что в случае, если в будущем понадобится наша услуга королю, то Хакимов, которого король хорошо знает, и я будем рады быть ему полезными в направлении геджасско-йеменского сближения. Он поблагодарил и сказал, что передаст королю и это мое заявление, свидетельствующее нашу политику с положительной стороны».

Для упрочения связей с королевским домом огромное значение имел тот факт, что Н. Тюрякулов был истинным мусульманином. Это открывало ему дорогу для беспрепятственного посещения Мекки. Действительно, в то время как дипломатические представительства размещались в Джидде, двор пребывал преимущественно в Эр-Рияде и Мекке, что делало для большинства западных дипломатов прямое общение с королем и его окружением весьма затруднительным. Одни из них были вынуждены ждать нечастых приездов монарха в Джидду, другие — как уже упоминавшийся Филби — принимали ислам. Этот факт не мог не заинтересовать полпреда,

и он немедленно информирует об этом в Москву: «Приняв ислам, Филби выехал в Мекку. Совершив обряды в храме, последовал в Таиф. Друзья его встречали торжественно... Филби непрерывно сидит в Мекке, при короле. Слухи: он добивается у короля... концессии на постройку электростанции и, якобы, в Лондоне устраивает для короля заем в 800 тыс. фунтов». Поистине за благосклонность монарха приходилось всерьез и постоянно бороться.

Вместе с тем король прекрасно понимал ту роль, которая была возложена на Филби Лондоном и которую тот по мере сил пытался осуществлять в Хиджазе. По словам одного из приближенных к аль-Сауду, «король властолюбив. Филби же пытается влиять на политику короля, чем приводит последнего в бешенство. В результате этого в последнее время наблюдается стремление короля держаться подальше и держать Филби в стороне. Наряду с этим, появление Филби при короле вызвало опасения среди приближенных о возможности потери ими прежнего положения. Последнее обстоятельство также имеет свое значение в отношении ухудшения положения Филби». Ослабление влияния лондонского эмиссара, а также занятие именно в это время Н. Тюрякуловым почетного поста дуайена дипкорпуса еще больше приближало его к королевской семье.

Назир старался использовать для встреч с королем и принцем Фейсалом все возможности. Не случайно в дневниках полпреда встречаются такие записи:

«В Мекке посетил эмира Фейсала по вопросу о существующем по отношению к советской торговле режиме в Геджасе. Я сослался на заявление Хамзы... Эмир ответил, что принципиальное отношение короля и его правительства к этому вопросу определилось в нашу пользу, и что к снятию этого режима нет никаких препятствий. В то же время он выставил перед нами необходимость получения окончательных распоряжений короля. Он обещался по получении указаний короля поставить меня немедленно в известность».

А вот запись из дневника сотрудника полпредства:

«Торжество в Вади Фатима, между Меккой и Джеддой. Приглашены главы консульств и миссий. На торжестве от имени дипкорпуса произнес приветственную речь т. Н. Тюрякулов на арабском языке. За ним выступил Бонд на английском языке... «Полпред и секретарь выехали в Мекку для вручения верительной грамоты. Вернулись ночью»... «Разослано друзьям и знакомым в Мекке и в Джедде 100 поздравительных карточек по случаю мусульманского праздника (от имени Полпреда и секретаря)»... «Король прибыл в Джедду. Прием иностранных представителей состоялся после

обеда. Первый визит сделал Совполпред в сопровождении секретаря, переводчика и д-ра Мошковского»... «Полпред выезжал в Мекку» и т. д.

Заметим, кстати, что пребывание и плодотворная работа в Саудовской Аравии советских врачей, также организованная Н. Тюрякуловым, внесли неоспоримый положительный вклад в укрепление личных связей полпреда с «нотаблями» и королевским семейством. В качестве ученого-бактериолога и специалиста по малярии доктору Мошковскому удалось установить деловые отношения с хиджазскими руководителями здравоохранения и врачами, которым он смог дать много полезного по линии содействия организации бактериологической работы в Джидде. Он лечил от малярии принца Фейсала и других местных руководителей. Завидной популярностью и авторитетом у самых высокопоставленных лиц Саудовской Аравии пользовались доктор Жуков-Хованский и стоматолог Мерзон. Последний оказался опытным работником, удачно сочетающим в себе навыки зубного врача, техника и протезиста. Такой тип стоматолога был большой редкостью в Саудовской Аравии, и необходимость в нем была очень высока. Тем более что и работал он, по словам Назира «образцово и усердно. Обслуживал и европейцев и арабов. Он был здесь единственным опытным зубоврачом с современными методами лечения и техники. Без шума и крика он «побил» сирийцев и местных зубодеров. «Пострадавшие» от сирийцев или местных всегда обращались к Мерзону». Появление впоследствии в советской миссии врачей-женщин было тем более важно, что к ним могли бы обратиться за медицинской помощью и представительницы женской половины королевской семьи.

Уже совсем по-дружески звучит обмен посланиями между королем и полпредом по возвращении последнего из отпуска. «Послал телеграмму Ибн Сауду следующего содержания: Е. К. В-ву. Прибыл в Джедду. Буду счастлив в ближайшее время лично засвидетельствовать мое почтение». В тот же день, примерно через два-три часа после отправки телеграммы получил ответ короля: «Джедда — Е. П. Полпреду СССР. Благодарим и выражаем нашу радость по случаю вашего благополучного прибытия. Мы готовы назначить время для нашего свидания после Вашего приезда в Мекку. Абдуль-Азиз». В Москву Н. Тюрякулов пишет, что такой ответ альСауда означает приглашение в Мекку. «Посмотрим, что все это принесет».

Однако все, о чем говорилось выше, при всей своей важности было лишь фоном и подготовительной работой для непосредственных бесед с королем аль-Саудом. Их было немало. Они затрагивали все стороны советско-саудовских отношений и становились все более откровенными и

конструктивными. Назир самым подробным образом излагает их содержание в своих донесениях в Москву, не без гордости сообщая о достигнутом уровне взаимопонимания с главой государства пребывания. Разумеется, не все шло гладко в советско-саудовских переговорах по вопросам торговли и условий устранения «особого режима», но неформальный диалог с саудовским монархом давал полпреду исключительную возможность напрямую отстаивать точку зрения советского правительства.

В донесениях в Москву Назир Тюрякулов прямо пишет, что встречи и разговоры с Ясином, а затем и Хамзой были необходимой подготовкой, без которых на беседу с королем полпред бы не пошел. «Король принял меня очень любезно. Присутствовали Фуад и т. Туйметов. Я изложил королю наши вопросы по той схеме, как и в беседе с Ясином, но с той разницей, что сгладил углы и заострил политические моменты. Я выдвинул те же три пункта — о переговорах, о временном статусе и об эквивалентах. Король ответил так: он никогда не забывал и не забывает, что СССР был первым государством, признавшим его, Сауда, государство. Он всегда высоко ценил и ценит свои отношения с СССР и дружбу с советским правительством. Действительно, он в свое время вопрос о переговорах для урегулирования советско-геджасских дел отложил до наступления благоприятного момента. Сейчас он имеет возможность заявить, что готов к переговорам с советским правительством для обсуждения всех вопросов и заключения политического и торгового договоров.

Раз советское правительство также готово приступить к переговорам, то остается, значит, начать переговоры. Отменить установленный режим не могу, пока не будет подписан договор, потому что это нанесло бы ущерб интересам моей страны. Во время переговоров я изложу свои соображения и обрисую свое положение. Мы совместно обсудим. Я настойчиво поставил этот вопрос перед ним вновь и указал, что Москва недоумевают, что наша торговля в Геджасе никогда не наносила ущерба этой стране, что наши антагонисты выставляют нашу торговлю в качестве причины кризиса, что между тем в этом году, когда мы совсем не выступали, наблюдается еще более глубокий кризис, и, что очевидно, причина кризисов геджасской экономики лежит глубже. Указывая на эти обстоятельства, я хотел прощупать основные мотивы короля.

Король действительно перешел на политические рельсы. Он заявил, что его страна связана с Индией, предоставляющей арабским купцам ряд льгот. Сейчас я занят решением главным образом политических вопросов англо-геджасско-недждских отношений. Я избегаю осложнять эту задачу

торговыми вопросами, хотя они требуют немедленного разрешения. Товары, которые я выписываю исключительно для себя, в Кувейте, незаконно подвергаются обложению. Я молчу, считая, что наступит время для решения и этих вопросов. В заключение он вскользь намекнул на возможность кризиса в Йемене в связи с нашим появлением и обостряющейся борьбой и конкуренцией различных сил.

Когда я уходил, король задержал мою руку, поданную на прощание, и заявил, что «скоро, иншалла, все устроится». Я поблагодарил его. Беседа длилась 1 час».

Встречи с королем происходили и в Джидде. Летом 1931 года их было даже несколько. Так, одна из них состоялась 17 июня 1931 года. Зная о предполагавшемся в скором времени отъезде альСауда в Эр-Рияд, Назир решил побеседовать с королем «относительно интересующих нас вопросов. Желая предоставить мне свободу действий, Фуад Хамза заявил о своем нежелании присутствовать или участвовать в моей беседе с королем. Исходя из известных соображений, я настаивал на том, что он должен присутствовать. На деле же получилось так: Фуад посидел немного и затем покинул нас.

Я поставил перед королем наши основные вопросы — о торгово-политическом договоре и о снятии запрещения с советской торговли. Король ответил уклончиво. Он заявил, что отношения между СССР и Геджасом носят настолько дружественный характер, что они вовсе не нуждаются в особой фиксации. Он прекрасно понимает и ценит дружбу СССР. Эта дружба особенно ценна для него потому, что она не основана на какой-либо корыстной цели: «я считаю, — сказал король, — что если наступят тяжелые времена, то СССР будет моим панцирем. Что касается торгового договора, то время для него еще не наступило». Геджас еще ни с кем не заключил торгового договора, и в связи с этим он испытывает ряд затруднений. Вообще же все вопросы, которые могут интересовать обе стороны, непременно получают удовлетворительное решение, но для этого нужно выждать некоторое время.

Я ответил ему в том смысле, что переговоры по этим вопросам с его правительством мы начали с согласия последнего. Мы всегда полагали, что время для таких переговоров должно быть согласовано с интересами и планами геджасского правительства. Если мы поднимаем вопросы, то нас к тому побуждают интересы сторон. Укрепление дружественных отношений между обеими странами и упрочение международного отношения Геджаса в глазах и врагов и друзей стали бы фактором, который нельзя игнорировать. Во время переговоров встал вопрос о компенсации. Я

считаю, что этот вопрос, как и многие другие вопросы советско-геджасских отношений, легко могли бы быть разрешены посредством сближения и дружественного сотрудничества. Если ставил перед ним эти вопросы, то мною руководило твердое убеждение, что это сотрудничество принесет Геджасу огромную пользу, делу укрепления, экономике и политике этой страны. Совершенно излишне говорить о том преимуществе нашей дружбы для него, которое заключается в отсутствии в ней вредных политических стремлений. Король поблагодарил, и на этом беседа закончилась».

Некоторая сдержанность, наметившаяся в конце этой беседы и вызванная сложностью разрешения стоящих перед двумя странами проблем, с лихвой компенсировалась спустя всего несколько дней, 28 июня 1931 года в Мекке. В четыре часа утра Назир пошел на проводы короля, возвращавшегося в Эр-Рияд. «Здание «Гамидие» — резиденция наместника (против Каабы) было полно представителями ведомств и городов. Посетив последний раз Каабу, король пришел к провожавшим. Он был ко мне еще более внимателен, чем обыкновенно. Я воспользовался этим случаем для того, чтобы пожелать ему благополучного путешествия и высказать уверенность, что наши отношения с ним примут еще больше дружественный характер, чем они имели до сих пор. Король ответил благодарностью».

Король оказался не только в курсе советско-саудовских переговоров о поставках нефтепродуктов, но и, как мы уже отмечали, был самым непосредственным образом заинтересован в их успехе. 50 тыс. ящиков бензина и такого же количества керосина, о которых шла речь, должно было хватить саудовскому государству практически на год. Это топливо было крайне необходимо, поскольку именно в это время королю пришлось заниматься передислокацией войск для подавления вспыхивающих то тут, то там мятежей бедуинских племен, а правительству — обеспечивать почтовые перевозки. Не говоря уже о том, что возрастание потребления бензина было связано с наступлением на Ближнем Востоке эры автомобилизма. Причем бесконечное количество автомобилей выписывалось руководством страны в кредит, в то время как в условиях мирового экономического кризиса, обусловившего отсутствие поступлений в казну, жалование государственным чиновникам не выдавалось месяцами.

В значительной мере вопросы дальнейших поставок нефтепродуктов должны были стать предметом переговоров и во время визита в СССР принца Фейсала. Этот визит можно считать одним из главных политических достижений Назира Тюрякулова на посту полпреда. И не его вина, что советское руководство не воспользовалось всеми возможными

выгодами от этого поистине исторического события. Между тем год спустя, в мае 1933 года Совет Министров королевства совместно с Государственным советом постановили «объявить его высочество эмира Сауда — старшего сына его величества короля престолонаследником Арабского Саудовского Государства. Церемония принесения клятвы (бей'а) была произведена в Понедельник 20 Мухаррама 1352 года (15 мая 1933 года). Его высочество принц Фейсал выехал во главе делегации, которой поручено сообщить его величеству эмиру Сауду о факте провозглашения его престолонаследником. С удовлетворением сообщая Вам о завершении акта провозглашения эмира Сауда престолонаследником в вышеуказанной мной форме». А спустя годы наследным принцем был объявлен именно Фейсал.

По сути дела, в Москве принимали не просто сына саудовского монарха, семнадцатилетнего юношу, уполномоченного отцом вести переговоры о крупном товарном кредите. Это был официальный визит будущего короля дружественного государства. В Москве с должным пониманием отнеслись к этому событию. Об этом говорит и разработанная программа пребывания, встреч и переговоров делегации. Весьма насыщенная официальная часть сочеталась с обширной культурно-познавательной программой.

Программа пребывания принца Фейсала в СССР

29 мая 9 час. 45 мин. — встреча на Белорусско-Балтийском вокзале

11 час. 30 мин. — аудиенция у тов. Калинина

12 час. — визит тов. Молотову

12 час. 30 мин. — визиты Коллегии

13 час. 30 мин.

14 час. — завтрак у тов. Калинина

17 час. — ответные визиты

19 час. 30 мин. — обед у тов. Крестинского

22 час. — прием дипкорпуса

30 мая 12 час. — осмотр Кремля

13 час. 30 мин. — завтрак на Спиридоновке

15 час. 30 мин. — ипподром

19 час. 30 мин. — Большой театр (Дон Кихот)

31 мая 10 час. — ЦАГИ

11 час. 15 мин. — аэродром

13 час. 30 мин. — завтрак в ЦДКА

17 час. — Моссовет. Чай

19 час. 30 мин. — Большой театр (Кармен)
1 июня 10 час. — ВЭК
11 час. 30 мин. — автомобильный завод им. Сталина
14 час. — Тимирязевская академия (завтрак, прогулка) и институт животноводства, лаборатория шерстного покрова
17 час. — стадион «Динамо»
2 июня 10 час. — поездка в лагерь и деловая программа
3 июня 24 час. — отъезд в Ленинград
4 июня 11 час. — официальная встреча в Ленинграде
12 час. — поездка по городу
13 час. — завтрак в гостинице
14 час. — визит в Смольный
15 час. 30 мин. — «Красная Заря» (подарок)
17 час. — поездка по Неве
18 час. 30 мин. — обед
19 час. 30 мин. — театр
5 июня 10 час. — институт растениеводства
13 час. — завтрак в гостинице
14 час. — поездка в Детское Село, чай — там же
20 час. — банкет в городе
24 час. — отъезд в Одессу
7 июня — отъезд из Одессы в Турцию.

С учетом пожеланий саудовской стороны Назир Тюрякулов совместно с Центром тщательно готовился к этому визиту, стараясь учесть все нюансы комфортного пребывания в Советском Союзе высокопоставленной делегации. В связи с прибытием принца Фейсала заместитель Наркоминдел Л. Карахан дал своим подчиненным четкие указания. В них предлагалось провести следующие мероприятия:

«1) Отправить в Негорелое вагон-салон к сроку, который будет Вам указан т. Флоринским (между 26 и 30 мая). Послать с вагоном официанта и повара. Снабдить вагон продуктами для ужина и завтрака (5 арабов, 4 сопровождающих и эвентуально охрана). Обеспечить прицепку этого вагона к поезду, следующему из Негорелова в Москву.

2) Декорировать Белорусско-Балтийский вокзал геджасскими и советскими флагами, а также лозунгом на арабском языке «добро пожаловать».

3) Приготовить для размещения гостей весь верхний этаж на

Спиридоновке 17. Обеспечить обслуживание и питание (5 человек). Иметь комнату для т. Хакимова и эвентуально помещение для охраны. Довольствовать охрану и шоферов 2-х автомобилей, которые будут обслуживать делегацию. Поднять над домом геджасский флаг.

4) В отношении питания: не подавать вина, папирос, свинины, черного мяса. Питание должно состоять главным образом из риса, курятины и дичи, молочных продуктов, зелени, фруктов. Иметь, однако, в запасе и в вагон-салоне, и на Спиридоновке вино, коньяк и папиросы, которые подавать лишь по требованию гостей.

5) Организовать на второй день приезда обед на 25–30 человек, и затем фуршет на 250 человек.

6) Отпечатать пригласительные карточки от имени т. Крестинского.

7) Приготовить следующие подарки: автобус, телефонную станцию, мех чернобурой лисицы, кавказский костюм. По этому вопросу получать указания от I Восточного Отдела. Приготовить 4 альбома фотоснимков пребывания делегации.

8) Иметь вагон-салон для дальнейшего путешествия по СССР.

9) Снабдить флагами города, куда поедет Фейсал (по указанию т. Флоринского).

10) Подготовить морской транспорт для путешествия в Стамбул или Пехлеви, согласно указанию т. Флоринского».

Официальная речь, с которой Фейсал выступил на завтраке у М. Калинина 29 мая 1932 года, косвенно свидетельствует о том, что работа Н. Тюрякулова в Саудовском королевстве принесла свои плоды. Благодарность к СССР сквозила в каждом слове!

«Господин Председатель!

Искренне благодарю Вас за приветливые слова, с которыми Вы обратились ко мне по случаю моего прибытия в эту страну. Я также благодарю как Вас, господин Председатель, так и других государственных деятелей за оказанную мне почетную встречу.

Я счастлив посетить страну Советского Союза, которую связывают со страной моего повелителя Его Величества короля крепчайшие узы дружбы. Нет сомнений, что это посещение послужит к усилению уз дружбы в будущем. Личный же контакт, я надеюсь, будет сильно содействовать разрешению интересующих обе стороны вопросов в духе дружбы и искренности.

Считаю необходимым поблагодарить также Вас, господин

Председатель, за те добрые чувства, которые Вы были так любезны выразить по отношению к Е. В. королю, его страны и его народа, равно как и с большой радостью я принял Ваше заявление, что Вы с большим вниманием следите за экономическим и культурным прогрессом нашей страны, и я прошу Вас, чтобы еще усилили это внимание в будущем и чтобы последствием была бы польза для обеих сторон.

Прекрасный прием, оказанный мне в Вашей стране, и теплое отношение ко мне и к сопровождающим меня лицам произвели на меня наилучшее впечатление, и я уверен, что память об этом посещении не только будет содействовать укреплению наших взаимоотношений, но также лучшим воспоминанием.

Еще раз благодарю Вас за Ваше искреннее отношение и пожелаю Вам, г-н Председатель, и народам Советского Союза процветания и счастья».

Еще более возвышенно и дружественно звучало послание самого короля альСауда, адресованное М. Калинин и переданное Фейсалом.

«Его Превосходительству многоуважаемому Президенту Союза Советских Социалистических Республик.

Наш досточтимый друг,

После выражения надлежащих приветствий Вашему Превосходительству и получения сведений о Вашем драгоценном здоровье, мы счастливы известить Ваше Превосходительство, что вследствие нашего искреннего желания укрепить узы дружбы, которые, к счастью, уже существуют между нашими странами, и для того, чтобы выразить наше намерение укрепить и усилить эти дружественные отношения, мы сочли своевременным делегировать к Вашему Превосходительству Чрезвычайную Дипломатическую Миссию, возглавляемую нашим сыном принцем Фейсалом с тем, чтобы он выразил Вашему Превосходительству от нашего имени наши чувства преданности и искренней дружбы. Мы просим Ваше Превосходительство верить всему тому, что Его Королевское Высочество сообщит Вам от нашего имени, и принимать его сообщения с полным доверием, в особенности тогда, когда он даст Вам заверения в нашем глубоком уважении и в том большом участии, с которым мы относимся к доброму здоровью Вашего Превосходительства, к Вашему личному благополучию и к благополучию Вашего благородного народа.

В заключение мы выражаем пожелания за Ваше доброе здоровье и за благополучие Вашего Превосходительства».

Безусловно, косвенным признанием заслуг Н. Тюрякулова были и прозвучавшие в ответной речи М. Калинина слова о том, что «отношения между нашими двумя странами в течение ряда лет носили весьма дружественный и вполне искренний характер, и Ваше посещение Советского Союза несомненно является одним из счастливых проявлений дружбы, связывающей наши обе страны. Я с тем большим удовольствием приветствую Вас в столице Советского Союза, что в Вашем лице представлено правительство арабского народа, который сумел после мировой войны, благодаря мужественной и дальновидной политике его руководителей, завоевать и укрепить свою полную независимость, являющуюся необходимой предпосылкой для экономического и культурного развития страны.

Правительство и народы Советского Союза весьма внимательно следят за успешным развитием политики правительства, которое Вы представляете, направленной на защиту независимого существования арабского народа и на укрепление его хозяйственного и культурного благополучия. Выражаю уверенность, что дружба между нашими государствами в полной степени отвечает интересам наших народов и их взаимному благу. Ваш приезд в Советский Союз, несомненно, будет способствовать дальнейшему укреплению этой дружбы».

Основными участниками переговоров с саудовской стороны помимо главы делегации были сопровождавшие Фейсала лица, прежде всего Фуад Хамза. В Большом театре на представлении оперы «Севильский цирюльник» состоялась его беседа с Л. Караханом, возможно, наиболее принципиальная с точки зрения дальнейшего развития советско-саудовских отношений. По словам самого Л. Карахана, Ф. Хамза старался доказать, что при наличии советских кредитов Хиджазу «наши товары будут продвигаться благодаря престижу правительства. Само правительство будет проталкивать советские товары. Геджасцы хотят приобретать у нас хлеб, сахар, керосин, бензин, спички, оружие».

Очевидно, что вопросы, поставленные Хамзой, несколько опережали темпы развития советско-саудовских отношений. Проблему кредита было бы удобнее поставить, «когда отношения будут нормализованы. В настоящее время трудно убедить правительство, что оно должно пойти навстречу геджасскому правительству, в то время как мы находимся в неравном экономическом и политическом положении. В рассуждениях Фуада Хамзы имеется здоровое зерно, но для проведения в жизнь его наметок необходимо создать благоприятные условия. У нас нет специальных интересов в Геджасе. Мы поддерживаем геджасское

правительство, исходя из общих принципов нашей симпатии к независимости восточных стран, — мы рады, что Геджас является независимым государством. Коммерческие интересы наши в Геджасе также невелики. Правительству трудно объяснить, что предоставление кредитов вытекает в данном случае из условий наших взаимоотношений».

Хамза заявил, что лично он «также думает, что политическое соглашение будет полезно, и телеграфировал об этом королю, но это все-таки вопрос времени. Сначала надо развить торговлю, а затем, через несколько месяцев, можно будет заключить и политический договор. Геджасское правительство колеблется перед столь большой переменой формальных отношений, которая может дать отрицательный эффект и создать затруднения для Геджаса. Тов. Карахан должен убедить свое правительство, что надо помочь Геджасу теперь же, а Геджас обяжется в определенный срок урегулировать вопросы, интересующие СССР. Возможно, что король сообщит, что в принципе он согласен на заключение политического договора. Но это маловероятно, хотя бы потому, что в настоящее время королю сообщено лишь о том, что Элиава заявил, что для получения кредитов нужно экономическое соглашение, но Элиава сказал, что это только его личное мнение и что он запросит правительство. Мы ждем решения правительства и хотим знать, является ли обязательным условием получения кредитов предварительное заключение экономического соглашения. Поскольку король ждет от нас решения правительства, он может воздержаться от изложения своей точки зрения им по вопросу о возможности заключения соглашения. Хамза понимает, что трудности имеются большие, но тов. Карахан должен убедить свое правительство».

Точка зрения советского правительства, высказанная Л. Караханом, была ясна: предоставление кредита тесно увязывалось с политическим договором, а «соглашение о кредитах есть по существу политическое соглашение. С точки зрения торговли, мы можем продавать наши товары и в других странах. Правительству мы должны излагать положение таким, каким оно является в действительности. Я буду совершенно откровенен с Вами. Мы — большая страна, у нас много важных дел по линии внутреннего строительства. С точки зрения внешней политики правительство непосредственно интересуется только такими вопросами и странами, где дело идет о безопасности. Аравия находится далеко от нас; непосредственных интересов нет. Имеется симпатия, дружественные отношения. При всем этом нелегко убедить правительство заняться вопросами о Геджасе, поскольку имеется еще неурегулированный вопрос о

договоре. Члены правительства могут сказать: подождем с обсуждением этого вопроса, пока не будет разрешен вопрос о договоре».

Фуад Хамза выразил надежду, что вопрос о договоре разрешится благоприятно, так как король относится благожелательно к расширению отношений с СССР. Однако для того, чтобы получить полное представление о позиции королевского дома (тем более, что позиция короля, сообщенная Н. Тюрякуловым и озвученная в Москве Хамзой, несколько отличалась), Л. Карахан хотел переговорить с Фейсалом без Хамзы и во время посещения стадиона пригласил Фейсала в комнату администрации. Хамза оставался в зале, однако явно не желая предоставить принца самому себе и желая быть в курсе дела, через некоторое время стал расспрашивать, где находится Фейсал, выяснил это и вошел в комнату, где происходила беседа.

Здесь вновь проявились расхождения между точкой зрения Н. Тюрякулова, отстаивавшего выгоды и перспективность советско-саудовских торгово-экономических отношений, и позицией НКВД, высказанной в данном случае Л. Караханом. Последний объявил Фейсалу, что советское правительство считает невозможным предоставить кредиты до нормализации отношений, подчеркнув при этом, что советско-хиджазские отношения остаются неизменно дружественными. Л. Карахан просил Фейсала не усматривать в этом какого-либо изменения дружеских чувств, заметив, что подобный вывод был бы неправильным. Замнаркома также подчеркнул, что советская сторона вовсе не настаивает на немедленной нормализации. У всякого правительства могут быть свои затруднения, и «мы не хотим, чтобы геджасское правительство предпринимало для нормализации отношений с нами такие действия, которые могли бы повредить его интересам. Но вместе с тем всякие разговоры на тему о кредитах возможны только после политической нормализации». Хотя, спустя всего несколько минут, сам и заметил, что «может создаться впечатление, что мы требуем компенсацию за согласие Геджаса на политический договор».

Принц Фейсал, в полном соответствии с позицией своего отца, дал понять, что по соображениям политического порядка немедленная нормализация невозможна. От считает, что экономическая помощь со стороны СССР должна ускорить нормализацию. Но делегация не правомочна решать этот вопрос и обо всем доложит королю.

В ответ на вопрос Л. Карахана по поводу переговоров с другими странами появившийся к концу беседы Хамза объяснил, что и с Италией, и с Францией переговоры велись одновременно по политическим и

экономическим вопросам и что королю трудно будет понять перемену в позиции советского правительства. Н. Тюрякулов, мол, сообщал о желании советского правительства подписать политический и экономический договоры, а теперь речь идет только о политическом договоре. Карахан ответил, что торговый договор — это одно, а кредиты — совсем другое.

Беседа закончилась просьбой Хамзы изменить позицию советского правительства в вопросе о кредитах. Позже Хамза заявил, что попал в неловкое положение. Советская сторона якобы «спровоцировала» его на разговор о кредитах, а затем изменила свою позицию. Повидимому, и Хамза, и Фейсал опасались «прогневать» альСауда, которого они, похоже, информировали в слишком оптимистичных тонах.

Решение советского правительства, доведенное до саудовцев на стадионе, явилось для них полной неожиданностью. У делегации сложилось впечатление, что советская сторона настаивает на политической компенсации за кредиты. «Геджаспра, разумеется, должно пойти на эту компенсацию, но сделать это немедленно невозможно по соображениям внутривнутриполитического порядка». Согласие СССР на переговоры о кредите приблизило бы момент подписания политического договора, дав большой козырь в руки сторонников активизации отношений между двумя странами. Отказ же советского правительства от разговоров о кредите, напротив, создавал у короля невыгодное впечатление и давал большой козырь в руки противников активизации этих отношений. Принц Фейсал в связи с этим заявил, что, являясь лично горячим сторонником скорейшей «нормализации» советско-хиджазских отношений, чрезвычайно огорчен таким финалом начатых переговоров.

Еще накануне визита принца в СССР Назир информировал о желании короля свести Фейсала с кем-нибудь из представителей мусульманского духовенства. Однако в Москве недостаточно серьезно отнеслись к этому пожеланию. Такая встреча на всякий случай была подготовлена, но в официальную программу внесена не была.

НКИД решил, что в рамках осмотра достопримечательностей Ленинграда принца можно было бы провезти мимо мечети и показать ему ее из окна автомобиля. Проезжая мимо мечети, лица, сопровождавшие Фейсала, указали на здание, пояснив, что это самая красивая мечеть в СССР. Когда принц начал расспрашивать о том, когда построена мечеть, какие инженеры ее строили, какой архитектор спроектировал и т. д., ему ответили, что эти подробности им неизвестны и что, если он желает получить подобные сведения, он мог бы выйти из автомобиля и зайти в мечеть, где ему смогут дать подробные сведения. Однако Фейсал такого

желания не высказал, поскольку осмотр мечети не предусматривался официальной программой.

Итак, «чрезвычайная дипломатическая миссия», возглавлявшаяся сыном короля Абдель Азиза альСауда принцем Фейсалом, находилась в Москве с 29 мая по 7 июня 1932 года. Делегация посетила также Ленинград и 7 июня отбыла в Турцию. На переговорах в Москве миссия поставила вопрос о предоставлении правительством СССР саудовской стороне товарных кредитов на общую сумму в миллион фунтов стерлингов сроком на 10 лет. Миссии был дан ответ в том смысле, что до заключения договоров о дружбе и торговле правительство СССР не считает удобным обсуждение этого вопроса. При этом был соблюден протокол, и визит обеими сторонами был признан весьма успешным... Из Джидды в Наркоминдел Н. Тюрякуловым была направлена телеграмма, в которой сообщалось, что «Е. В. Король Геджаса Неджда благодарят Советское правительство за дружественный прием Эмиру Фейсалу».

Итогом визита стало то, что «высокие договаривающиеся стороны» были воодушевлены намерением «устранить из своих экономических отношений все виды дискриминации. Исходя из этого, они не будут принимать никаких законодательных или административных мер такого рода, которые могли бы поставить товары, тоннаж, торговые организации и вообще торговлю другой стороны в каком бы то ни было отношении в положение худшее по сравнению с товарами, тоннажем и торговыми организациями всех других стран. Договаривающиеся стороны обязуются содействовать применению всяких облегчений в соответствии с местными законоположениями в отношении граждан обеих сторон и во всем, что касается налогов и таможенных пошлин. Стороны соглашаются в кратчайший срок приступить к переговорам о заключении торгового договора с целью развития и расширения экономических связей между обоими государствами».

Еще одним результатом визита Фейсала в СССР и последующей работы Назира Тюрякулова в Саудовской Аравии стала установка и начало эксплуатации в ат-Таифе АТС, подаренной Фейсалу в ходе посещения им в июне 1932 года ленинградского завода телефонного оборудования «Красная заря». Она оказалась первой в саудовском государстве, где никакого опыта по ее установке и обслуживанию не было. Директор почты, телефона и телеграфа Абдулла Казим сообщил советскому полпреду, что он со своими местными кадрами установить АТС не в состоянии, и просил прислать инструктора. Если бы Н. Тюрякулову не удалось добиться командировки в 1934 году в Саудовскую Аравию штатного инженера

«Красной зари» В. Шитова, то дорогостоящее оборудование долгие годы ржавело бы где-нибудь в подвалах дворца.

К 4 июня 1934 года саудовское правительство разрешило все подготовительные вопросы. Было выбрано место установки АТС — ат-Таиф. Шитову было предложено осуществить монтаж лично, а также провести в ат-Таифе одномесячные курсы по подготовке кадров для АТС. Советский полпред даже получил разрешение на поездку в ат-Таиф, правда, в качестве частного лица, поскольку въезд иностранцев с официальным положением в ат-Таиф был воспрещен. О том, какое значение придавала саудовская сторона и лично король установке АТС, говорит тот факт, что, по словам Н. Тюрякулова, «при въезде в ат-Таиф мы были встречены специально высланными Абдуллой Казимом и его помощником Абдуллой Фаррашем, заведующим дворцовым телеграфом. В наше распоряжение были предоставлены на выбор 3 дома, в одном из них поселились мы сами. В другом (в центре города) — устроили курсы».

Занятия на курсах по программе Шитова начались 11 июня. Преподавались «элементарная электротехника, ручные станции, АТС и велись практические занятия. Начальником курсов был назначен Абдулла Фарраш, который и сам оказался среди слушателей курсов. Всего курсантов 11 человек. Слушатели — телеграфные и телефонные служащие. Возраст от 18 до 30 лет. По национальности все арабы-геджасцы. Кроме основных слушателей к практическим работам привлекались и линейные монтеры. На занятиях присутствовал директор почт и телеграфа Казим. Занятия были напряженными, проходили ежедневно, но и правительство, и сами курсанты были рады повышению квалификации последних». Выяснилось, что все без исключения курсанты не имели представления об устройстве АТС и принципе ее работы. Шитову даже пришлось привлечь курсантов к работе по монтажу АТС, засчитав это как часть их практической работы.

Фактически Шитов сам, в одиночку, в сжатые сроки, на основе привезенной с собой дополнительной техники смонтировал АТС, соединив автоматической телефонной связью короля и правительство, включая летний дворец в ат-Таифе. Вот что пишет в отчете о командировке сам В. Шитов: «...первый разговор по автоматическому телефону произошел между королем Арабско-Саудовского государства и Полпредом СССР тов. Н. Тюрякуловым. Этот разговор послужил началом пуска станции в эксплуатацию».

Король с самого начала проявлял повышенный интерес к установке АТС и всему, что было с этим связано. Отрядил к Шитову своего директора

почт и телеграфа, который ежедневно докладывал аль-Сауду о ходе занятий телефонистов и монтеров из числа местной молодежи. Попутно со своей основной работой Шитов, по просьбе того же Казима, осмотрел местные телефонные станции и внес необходимые технические улучшения. Похоже, это начинание Н. Тюрякулова стало одним из первых опытов участия Советского Союза в техническом содействии и подготовке иностранных специалистов. Судя по восторженной реакции короля и Фейсала, которые как в официальных письмах на имя полпреда, так и в послании наркому иностранных дел М. Литвинову буквально рассыпаются в благодарностях за столь ценный подарок и подготовку саудовских кадров по обслуживанию АТС, этот эксперимент удался. А советский полпред вновь оказался полезным королевскому дому.

По завершении работ король в торжественной обстановке принял Н. Тюрякулова с В. Шитовым и отметил их заслуги «часами и арабскими костюмами». Соответствующей похвалы полпред удостоился и от своего руководства — в записке НКВД на имя наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе указывается, что Н. Тюрякулов и В. Шитов прекрасно справились со своей задачей. Упомянут полпред и в специальном письме М. Литвинова на имя того же Г. К. Орджоникидзе. Сам же Н. Тюрякулов счел долгом поздравить рабочих и работниц, а также руководящий состав «Красной зари» с их «успехом». Дело в том, что те могли гордиться качеством своей продукции, поскольку, несмотря на самые неблагоприятные условия, в которых в течение двух лет простояла АТС с момента преподнесения ее Фейсалу, после регулировки на месте она стала функционировать наилучшим образом.

Несомненно, факты теплого неформального общения полпреда с королевской семьей показывают, что ему удалось в максимальной степени использовать свои качества искусного дипломата, прекрасно разбирающегося не только в мусульманских традициях и обычаях, но и правилах политической игры на Арабском Востоке в целом. Прямой контакт с аль-Саудом не только давал возможность получать из первых рук необходимую информацию. Подобное общение позволяло напрямую, без посредников наиболее эффективно решать неотложные вопросы двусторонних отношений.

Кроме того, завидная регулярность встреч Н. Тюрякулова с монархом и его наследниками, если учесть при этом некоторую местную специфику, ограничивавшую круг общения короля с иностранцами, ясно сигнализировала его приближенным и гостиничникам о необходимости с особой деликатностью относиться к советскому полпреду. Она же

вызывала невольное уважение к стране, которую он представлял, и восхищение им самим, сумевшим добиться такого расположения со стороны могущественного правителя.

Как отмечали современники Назира, с нескрываемым восхищением к его умению не просто говорить с королем, но и способности выстраивать с ним особо доверительные связи относились и западные дипломаты, коим было запрещено ступать на «священную» землю Мекки.

Можно с полным основанием утверждать, что многие славные начинания в деле укрепления позиций СССР на Аравийском полуострове Назир Тюрякулов сумел свершить на протяжении своего плодотворного восьмилетнего пребывания на посту полпреда во многом благодаря особому расположению и чувствам личной симпатии к нему со стороны Абдель Азиза альСауда и королевской семьи.

Глава VIII

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В АРАВИИ: БОРЬБА И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Нет такой глупости, которой нельзя было бы исправить при помощи ума или случая, и нет такой мудрости, которой нельзя было бы испортить при помощи глупости или случая.

Göte

Все события, о которых шла речь в предыдущих главах («бензиновая сделка», нормализация режима торговых отношений, визит принца Фейсала в СССР, монтаж первой АТС и т. д.), были в первую очередь заслугой Назира Тюрякулова. Они, безусловно, стали вершиной его плодотворной дипломатической работы в качестве полпреда своей страны. В экономической области уже стали просматриваться ощутимые результаты, открывались широкие перспективы для взаимовыгодного сотрудничества, что сулило бы существенные выгоды в недалеком будущем. Разумеется, обстановка была, по словам полпреда, «достаточно деликатная», не все предложения саудовцев можно было принимать за чистую монету, тем более что и у другой стороны существовали некоторые сомнения и опасения.

Излишне говорить, что последовательный в своих начинаниях полпред делал все возможное, чтобы эти сомнения постепенно развеять, и препятствия на пути торговых отношений были устранены. Достаточно обратиться к тем запискам, которые Н. Тюрякулов шлет в Москву в начале 1933 года, чтобы понять, насколько за годы его пребывания в Джидде у местных коммерсантов вырос интерес к торговле с СССР. «Нас осаждают отдельные лица и группы с предложениями о сотрудничестве. Одни из них действительно хотят сотрудничать с нами, другие же стараются вывести и выяснить — нет ли для них опасности пресловутого демпинга. Панические настроения среди купечества привели к ряду совещаний «частного характера», на которых крупные импортеры пытались объединить свои ряды против нависшей над ними «опасности» и наметить пути и способы защиты своих интересов в новых условиях. Вместе с тем они же стараются

опередить друг друга и заполучить нашу торговлю в свои руки».

Большинство местного купечества было, разумеется, не прочь получить «генеральное представительство по всем советским товарам». Причем многие предпочитали сделать это на монопольных началах с предоставлением советским торговым органам имущественных, банковских и прочих гарантий и преференций. Но даже если бы советская сторона не пошла на такие условия, они были бы согласны ограничиться группой товаров (нефтепродукты, сахар, мука, «мануфактура», спички, лес и т. п.). Были и такие, которые не рассчитывали получить эти блага, ратовали за свободу взаимодействия с советскими торговыми организациями и против монопольного представительства. В последнем случае торговые организации, по их мнению, должны были работать «на заказ», на определенных коммерческих условиях, приемлемых для обеих сторон.

Назир пытался привлечь внимание Москвы к конкретным предложениям и к уровню и положению заинтересованных в развитии торговли лиц. «Это предложение исходит, например, от Юсуфа Зейнеля, представляющего торговый дом бывшего губернатора Джедды. Одни из них обращаются к нам сами, другие — через подставных лиц, а третьи и тем и другим способом. За спинами многих из них стоят высокопоставленные люди из правительства. Перед лицом этого «дранг нах Совиетен» со стороны купечества мы пока что заняли позицию успокоения и осторожности. Мы разъясняем им, что никакого демпинга не было и нет, что советская торговля очень выгодна купечеству и стране и что интересующие их вопросы будут разрешены не нами, а представителями наших торговых органов. При этом подчеркивали, что мы были весьма рады, если бы работой наших торговых людей были бы довольны местное правительство и купечество».

Полпред не случайно был столь настойчив. По его словам, к нему и другим сотрудникам с предложением о сотрудничестве обращались «ряд местных и европейских торговых организаций и купцов... В городе в 5–6 пунктах висят правительственные объявления о том, что «советская торговля разрешена». Эти объявления и являются причиной новых настроений на рынке и обращений к нам. В числе обратившихся к нам отмечу торговый дом покойного губернатора Али Риза (Юсуф Зейнель), Муххамад Насиф, Банаджа, Лазарини (агент СТФ), Хусейн Увейни (сирийский купец, друг и компаньон Ф. Х.) и т. д. и т. п. Большинство добивается представительства наших торговых организаций. Сейчас вопрос не в этих предложениях сотрудничества, а в определении такого

метода торговой работы, который был бы удовлетворителен во всех отношениях... Методы торговой работы должны быть определены нашим торговым работником (из Москвы или Йемена!) при обязательном участии нас. Нужно учесть прошлый опыт! *Ergo* прошу разрешить вопрос о торговом работнике. Необходимо, чтобы торговый работник имел полномочие для разрешения этого вопроса совместно с нами и чтобы практическая работа началась не иначе как после рассмотрения вами наших соображений и предложений. Полезно произвести зондаж о пожеланиях и видах Мекки. Уже начинаем это в не обязывающей нас форме. Я считаю, что для ориентировки необходимо нам знать ваши решения как можно скорее. Было бы недурно, чтобы сюда на маленькую конференцию с нами приехал Дубсон (полпред в Йемене. — *Авт.*) или работник такого типа. Итак, слово за вами».

Естественно, не имея ни подробных инструкций от своего руководства, ни квалифицированного помощника — специалиста по внешнеэкономическим связям, полпред старался быть предельно осторожным с обещаниями, но в своих письмах в Москву деликатно подсказывал наиболее рациональную линию поведения и призывал не медлить. «Если наши торговые организации заинтересованы в геджасском рынке, то они должны поторопиться с разрешением поставленных мной вопросов. Это необходимо потому, что, во-первых, «куй железо, пока горячо», и нам новую обстановку надо использовать для дальнейшего продвижения наших вопросов. А во-вторых, мы находимся сейчас в условиях местного торгового сезона (хадж), а начиная с мая, сезон пойдет на убыль (последний срок прибытия паломнических пароходов назначен на второе апреля). Король приедет в середине марта, и сцена получит оживление».

Казалось бы, все ясно. Усилиями полпреда проложен путь для советских товаров на саудовский рынок, а его дружеские отношения с королевской семьей и другими влиятельными лицами Саудовской Аравии могли бы служить им прекрасной политической гарантией. Но так сложилось, что именно на пике успехов, достигнутых в двусторонних отношениях между Советским Союзом и королевством, Москва явно начала терять к этому направлению интерес. Было бы непросто отыскать истоки такого подхода, если не вспомнить о тех политических и идеологических переменах, которые происходили в СССР в конце 20 — начале 30-х годов.

Именно в этот период национально-социалистическая доктрина Сталина одержала верх над интернационал-коммунистической в

состоянии двух конкурирующих внешнеполитических линий. Как позднее отмечал Л. Троцкий, И. Сталин стал выразителем «консервативного национального уклона», суть которого «сводилась к тому, что мы заинтересованы не в международной революции, а в собственной безопасности для развития нашего хозяйства».

Процесс формирования сталинской внешнеполитической доктрины в общем и целом завершился к 1930 году. К этому времени Сталин сосредоточил в своих руках фактически всю полноту власти в партии и государстве. Последним этапом на этом пути стало устранение с руководящих постов деятелей так называемой «правой» оппозиции в лице «националистов-рыночников»: Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников. В ноябре 1929 года Бухарин был выведен из состава Политбюро, а несколькими месяцами раньше смещен с поста руководителя делегации ВКП(б) в Коминтерне и члена Президиума ИККИ. В июле 1930 года наркомом иностранных дел стал М. Литвинов.

В 1930 году международная система вступила в новый период дестабилизации, вызванной мировым экономическим кризисом. Случайно или нет, но отставка Бухарина последовала через две недели после падения курса акций на нью-йоркской фондовой бирже, положившего начало Великой депрессии. Мировой экономический кризис явился первым признаком надвигающейся новой мировой войны — новой схватки за передел мира. Сталин почувствовал это и, выступая в июне 1930 года на XVI съезде партии, заявил: «В ряде государств мировой экономический кризис разовьется в кризис политический... В сфере международной политики буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне... Отсюда тенденция к авантюристическим нападениям на СССР и к интервенции, тенденция, которая, наверняка, будет развиваться по причине экономического кризиса».

Новая ситуация требовала неотложных мер по мобилизации моральных сил всего народа, его сплочению в единый, мощный и дееспособный организм. Одних только кадровых перестановок для этого было недостаточно. Нужна была новая идеология. Рассчитывать на то, что можно будет выиграть технологическую гонку с Западом, выстоять в надвигающейся мировой войне, опираясь на постулаты классического марксизма-ленинизма, выглядело все менее реалистично. Идеология, основанная на классовой, а не на национальной борьбе, все более доказывала свою уязвимость в новых международных условиях.

В 1931 году в высшем эшелоне партийной власти уже открыто говорили о необходимости смены идеологического курса. В дневниках

Литвинова есть любопытная ссылка на беседу по этому поводу с Ворошиловым, который заявил, что страна должна срочно перейти на путь «великодержавной политики». Присутствовавший при разговоре Рудзутак поддержал его. Эта новая «великодержавная политика» самым органичным образом вписывалась в теоретические представления Сталина, если вспомнить, что это Ленин его обвинил в «великорусском шовинизме». В любом случае именно Сталин дал старт новой идеологической доктрине.

Не обошел идеологический поворот и сферу внешней политики. В этой области этапным событием явилось письмо Сталина членам Политбюро от 19 июля 1934 года с оценкой статьи Энгельса «О внешней политике русского царизма». В этой статье, написанной с антироссийских позиций, критиковалась вся предшествовавшая политика царской России, к тому же проводимая в жизнь иностранцами. В письме Сталин выступил против публикации статьи Энгельса в журнале «Большевик», поскольку, на его взгляд, она обладала рядом существенных недостатков, способных «запутать» читателя.

Сложнейшая международная обстановка 30-х годов не могла не вызвать смену внешнеполитического курса. Европа, как потенциальный театр грядущих военных действий, стала доминировать во внешней политике Москвы. Именно здесь Сталин постарался провести в жизнь свой стратегический замысел, изложенный им более чем десятью годами раньше. Запад превратился в испытательный полигон его дипломатического маневрирования, результатом которого стало формирование накануне войны двух противостоящих друг другу коалиций. Главные события, в которые был вовлечен СССР, в это время происходили в Европе, и ослабление политического внимания к Востоку на этом фоне выглядит не столь уж неожиданным.

Однако в экономическом плане восточное направление продолжало оставаться весьма перспективным. В советском правительстве еще сохранялось немало специалистов, которые здраво оценивали конкурентные возможности СССР на Западе. Характерно, что и Сталин, похоже, не испытывал иллюзий относительно готовности Запада к равноправному и честному сотрудничеству с Советским Союзом, к справедливой конкуренции. Он не без оснований полагал, что «едва ли в будущем мы получим возможность рассчитывать на то, чтобы отобрать у капитала, более опытного, чем мы, внешние рынки на Западе. Но что касается рынков на Востоке, отношения с которым у нас нельзя считать плохими, причем эти отношения будут улучшаться, — то здесь мы будем иметь более благоприятные условия. Несомненно, что текстильная

продукция, предметы обороны, машины и пр. будут теми основными продуктами, которыми мы будем снабжать Восток, конкурируя с капиталистами».

При том, что стратегическое направление развития внешнеэкономических связей было определено верно: соседние с СССР страны Азии в ту пору действительно представлялись наиболее логичными рынками для советского экспорта, больших прорывов на этих направлениях не случилось. Разумеется, были тому и объективные причины. Слишком сильно было влияние бывших метрополий, не говоря уже о еще существовавших колониальных режимах. Это, естественно, препятствовало проникновению советских товаров в обширные азиатские регионы и вызывало недовольство Москвы. И именно с подобными препятствиями боролся на своем посту советский полпред Назир Тюрякулов, далеко не всегда встречая понимание и поддержку Центра.

Еще одной, правда, косвенной причиной отката во внешней торговле, в том числе и с Саудовской Аравией, стали попытки введения дискриминационных барьеров против советских товаров, и ответные действия Москвы. Так, Франция приняла 3 октября 1930 года декрет «О мерах контроля за импортом некоторых товаров, происходящих или ввозимых из СССР». Декрет устанавливал, в частности, необходимость получения советскими экспортерами специальных лицензий на ввоз таких товаров, как хлеб, лес, сахар, мясо, лен, являвшихся основными статьями российского экспорта.

Уже 14 октября 1930 года полпред СССР во Франции Довгалецкий заявил от имени советского правительства решительный протест и потребовал отмены дискриминационного режима. А 20 октября советское правительство в качестве ответной меры приняло постановление «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с Союзом ССР». Декрет предусматривал следующие мероприятия: прекращение или максимальное сокращение заказов и закупок в этих странах; прекращение фрахта судов указанных стран; введение ограничительных правил для транзитных товаров, происходящих или идущих из этих стран; прекращение или максимальное сокращение использования портов, транзитных путей и баз этих стран для транзитных или реэкспортных операций Советского Союза.

Указанный декрет не только ударил по французским экспортерам, но и оказал сдерживающее воздействие на другие государства, в том числе и Саудовскую Аравию, тем более, что торговые отношения с королевством и так долгое время оставляли желать лучшего. Образовался замкнутый круг:

годы кропотливой работы полпреда, установленные им контакты и достигнутые договоренности практически оказались не востребованными, а его призывы активизировать торговые связи, похоже, стали раздражать руководство НКИД, озабоченное на этот раз совершенно иными проблемами.

Обстановка в мире требовала тщательного анализа и достоверной информации по всем направлениям, и от руководства НКИД Тюрякулову и полпреду в Йемене Дубсону поступает запрос о процессах в арабском мире и той роли, которую в них играют страны Запада. «Нас очень интересует вопрос об англо-иракской акции по сколачиванию арабской федерации. Каких результатов можно ожидать от вссарабского конгресса, который собирается в Багдаде, и как реагируют на это дело в Геджасе и Йемене?»

Правильны ли сообщения прессы, что в результате посредничества короля Фейсала было достигнуто какое-то соглашение между Саудией и Трансиорданией?

Насколько обоснованны слухи о том, что Яхья в связи с инцидентом Ибн Рифада предложил военную помощь Сауду?

Палестинский всемусульманский конгресс продолжает развивать свою деятельность и открывает свои отделения в Йемене и других арабских странах. Каковы в настоящий момент задачи и возможности этой организации? Каково ее отношение к все-арабскому багдадскому конгрессу?

Интересует нас также вопрос о слиянии Сирии с Ираком. Из каких иностранных кругов поощряется в настоящий момент эта фантастическая идея? Не откажите следующей почтой ответить на эти вопросы», — запрашивал заведующий I Восточным отделом Пастухов.

В то же время руководство НКИД ожидало от полпреда в Саудовской Аравии и вполне определенных пропагандистских шагов. Порой, правда, присылаемые из Москвы для распространения материалы имели неожиданный и тенденциозный характер. Так, с одной из почт Н. Тюрякулову были доставлены «кое-какие американские и английские журналы, а также стенограммы на английском и русском языках процесса инженеров вредителей. Мы считаем возможным снабдить этой стенограммой Фуада Хамзу, если Вы сочтете это целесообразным».

Разумеется, на таком крайне важном направлении деятельности, как внешнеполитическая пропаганда, полпред не всегда был свободен в своих поступках. Но он старался использовать любые благоприятные возможности, чтобы донести до местной общественности и высшего руководства информацию о жизни в СССР, его социально-экономических

достижениях. Так было и когда к Н. Тюрякулову с просьбой снабдить его материалами об экономике и торговле СССР на английском языке обратился заместитель министра иностранных дел Ф. Хамза. Он готовил книгу, в том числе с главами, посвященными СССР, и хотел бы использовать советские источники. Эта просьба была передана в Москву, а когда произошла ставшая уже обычной задержка — Назир вновь напомнил об этой просьбе. «Напомню о периодических изданиях для Фуада Хамзы на английском языке, т. к. об этом недавно мне напоминали. Его интересуют вопросы хозяйственного строительства и внешняя политика СССР. Ему хотелось бы получать журнал, выходящий именно в Москве...»

В Центре высказали готовность передать Ф. Хамзе комплект квартального журнала ВТП на английском языке за 1932 год и регулярно посылать ему через Н. Тюрякулова текущие номера журнала. При этом полпред также поинтересовался наличием других подходящих изданий на английском языке по указанным вопросам, которые можно было бы периодически получать, а затем и распространять.

Правда, для того чтобы обеспечить оперативность получения необходимой пропагандистской литературы, Назиру приходилось быть весьма настойчивым в соответствующих просьбах не только к своему руководству, но и другим ведомствам. Прекрасно осознавая пользу от такой деятельности полпреда, НКВД, в свою очередь, обращался непосредственно в те организации, которые занимались подобными вопросами, в частности во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).

Так, в письме его председателю Соколову НКВД ссылается на просьбу полпреда СССР в Саудовской Аравии Н. Тюрякулова, который сообщает, что к нему обращаются местные политические деятели и иностранные представители за материалами о хозяйственном и культурном строительстве СССР на французском и английском языках. «Заместитель министра иностранных дел, сотрудничающий в арабских газетах, просит снабжать его материалами на английском языке о хозяйстве СССР, результатах первой пятилетки и втором пятилетнем плане. Иракский консул в Джедде интересуется нашим строительством и хотел бы ознакомить прогрессивные круги своей страны с действительным положением в СССР. Французский посол интересуется экономикой и вопросами искусства. Частично эти запросы можно было бы удовлетворить изданиями ВОКС. Между тем из писем т. Тюрякулова вытекает, что ВОКС своих изданий в Полпредство не посылает. Не откажите обеспечить регулярное снабжение Джедды 2–3 комплектами изданий ВОКС на английском и французском

языке, а также подобрать два комплекса английских изданий за 1932 г. для заместителя министра иностранных дел и иракского консула».

Следует признать, что реакция на просьбу полпреда была достаточно оперативной. Менее чем через месяц из ВОКС был получен весьма обнадеживающий ответ. «На Ваши письма от 8. III с. г. за № 113/ДЖ и от 21. III. за № 113/Ар сообщаем следующее: Полпредству в Джедде мы заготовили 7 номеров газеты «Daily News» с материалами об итогах пятилетки, отд. брошюру на английском языке — доклад т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК и сборник ВОКС № 1, в котором помещена статья по национальному строительству ЗСФР. Помимо того, мы абонировали Полпредство в Джедде на 3 экз. (английских) наших периодических изданий 1933 г. — сборник «ВОКС» («VOKS») (выходит 1 раз в 2 месяца) и *Soviet Culture Review* (выходит ежемесячно), а также на 2 комплекта указанных изданий за 1932 г. (один комплект на французском и другой комплект на английском)... Во избежание задержки в отправке литературы в Джедду просим сообщить нам об отходе ближайшего парохода в Джедду; обо всех посылках уведомляем полпредство».

По получении этих изданий Назир внимательно изучил их, признав, что «журнал интересен», и даже дал некоторые рекомендации по дальнейшим публикациям, сделав, в частности, особый упор на необходимости увеличить число материалов «из жизни стран Средней Азии, Кавказа и других частей Советского Востока. Материал был бы полезен и очень интересен для колониального арабского Востока». Сообщая о том, что все три экземпляра — комплект журнал «ВОКС» за 1932 г. — в полпредстве получили в мае, он пишет, что «интерес к СССР большой, как среди европейцев, так и среди арабов. Люди, интересующиеся Союзом в Европе, могут доставать материалы из богатой прессы и литературы. Но здесь журнал ВОКС является единственным в этом отношении источником сведений об СССР».

Стараясь быть постоянно в курсе происходящих на родине событий, Н. Тюрякулов за счет полпредства выписывал и довольно много других периодических изданий.

«Настоящим подписываемся на следующие газеты и журналы:

1. Газета «Правда» Москва — на 1 год (январь 934 — декабрь 934).

Подписная плата — 10 ам. долларов.

2. Газета «Известия» ЦИК СССР — на 1 год
(январь 934 — декабрь 934)

Подписная плата — 10 ам. долл.

3. Журнал «Революция и Национальности»
Москва — на 1 год
Подписная плата — 2.50 ам. долл.
  4. Журнал «Новый Мир» Москва, 1 год
(янв. 934 — дек. 934)
Подписная плата-4 ам. долл.
  5. Журнал «Красная Новь» Москва, 1 год
(янв. 934 — дек. 934)
Подп. плата 4 ам. долл.
  6. Журнал «Красный Архив» Москва, 1 год
(январь 34 — дек. 34)
Подписная плата — 5 ам. долларов
  7. Журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» Москва, 1 год
Подписная плата — 8 ам. долларов
  8. Журнал «Большевик» Москва, 1 год
(январь 34 — декабрь 34) Подписная плата-2.40 ам. долл.
- Общая сумма подписной платы равняется 45.90 ам. долл. (Сорок пять ам. долл. 90 центов.)

Прошу Финансовый Отдел НКВД СССР перевести Международной Книге (Текущий счет № 263 в ИНО Правления Госбанка СССР. Москва, Неглинная 12) указанную сумму, отнеся ее на наш счет».

Анализируя всю восьмилетнюю деятельность полпреда, нельзя не заметить его щепетильность в финансовых вопросах. Бюджет полпредства никогда не был большим, но Н. Тюрякулов не позволял себе необоснованно требовать от Центра дополнительных ассигнований. Напротив, обращаясь с просьбами о литературе, подарочном фонде и т. п., он всякий раз подчеркивал, чтобы подарки были недорогими, что дело не в их стоимости, а самом факте дарения, и что все будет немедленно оплачено.

Так было и с одним из последних крупных заказов, адресованных ответственному сотруднику I Восточного отдела НКВД Полякову. «Прилагаю при сем список — заказ в Торгсин, прошу Вас не отказать в любезности передать его для срочного исполнения в Торгсин. Вещи отправить с международной почтой на имя Полпредства, приложить счет (в английских золотых фунтах). Расчет будет произведен немедленно по получению счета через Финансовый Отдел Наркоминдела. Часть вещей предназначена для нужд Полпредства, а другая — для представительских целей. Ввиду этого я счел возможным обратиться к Вам с указанной просьбой и в надежде, что Вы со своей стороны дадите указания Торгсину

в смысле быстроты исполнения заказа и хорошего качества товара».

Сам список товаров весьма показателен: очевидно, что основной акцент был опять-таки сделан на подарки, соответствующие запросам местного населения (ткани, духи, сладости), и лишь небольшая часть — спиртное — предназначалась для внутренних нужд:

«Полотна простынного хорошего качества 30 метров
Скатертей чайных, полотняных длина 3 1/2 — 4 аршин цветных (1 желтая и 1 голубая)
с салфеточками 2 штуки
Полотенец личных (салфеточного полотна) 12 штук
Полотна для белья 80 метров
Полотна тонкого 20 метров
Платков мужских полотняных (потоньше) 1 1/2 дюжины
Одеколونا тройного флаконы по 1/4 литра 5 литров
Цветочного одеколونا:
«Манон» 4 флакона
«Магнолия» 4 флакона
Духов «Красная Москва» 3 флакона
Ниток белых № 60 12 катушек
Зубровки (водки) по 1 литр 12 бутылок
Карамели разных сортов, в металлических банках подходящих для жаркого климата 10 кило
Варенья экспортного запаянного в железные банки, вишневого 10 кило
Варенья, черная смородина 4 кило Красного кахетинского вина 15 бутылок».

Когда полпредство обратилось в Москву с просьбой «купить за счет полпредства кинопередвижку и прислать для проката несколько фильмов, освещающих успехи социалистического строительства в СССР», Н. Тюрякулов вновь подчеркнул, что эта покупка будет оплачена. «Полпредство может выделить на это дело 50 долларов», — пишет он своему руководству. К чести НКВД следует сказать, что там положительно оценили инициативу полпреда и потребовали от соответствующих организаций «разрешить, наконец, давно назревший вопрос о снабжении наших аравийских полпредств передвижкой. Кинопередвижка может быть использована в Джебде и переброшена затем в наше йеменское полпредство. При регулярном обмене фильмами можно будет организовать работу кинопередвижки в этих полпредствах с большим эффектом для

расширения нашей культурной работы в Аравии». Был даже поставлен вопрос о дополнительных средствах, и заведующий I Восточным отделом НКВД Пастухов подчеркнул, что «если сумма, ассигнованная геджасским полпредством, недостаточна для приобретения кинопередвижки, то необходимо поставить вопрос о некотором дополнительном ассигновании в советских рублях и обеспечить сравнительно незначительные расходы на прокат фильмов».

Еще одним важным полем деятельности Н. Тюрякулова в 1933 году — зените его дипломатической службы на аравийской земле — была активизация того, что сейчас мы назвали бы научно-техническим сотрудничеством. При посредничестве полпреда и НКВД в иностранный отдел Наркомтяжпрома были направлены образцы минералов, обнаруженных на территории Хиджаза, которые саудовские власти передали через советское полпредство. НКВД со своей стороны попросил «переслать их для анализа в одно из наших научных учреждений и сообщить о результате».

Одновременно в Москве с интересом ожидали получения обещанных саудовской стороной образцов местных растений и экспортных товаров. К первым проявлял интерес институт растениеводства, ко вторым — НКВД. «Продукция неждийского хозяйства» сопровождалась сопроводительной запиской: «...образцы продуктов неждийского хозяйства (кожи, шерсть, рис, пшеница) доставлены к нам из Неджда по приказу министра финансов. Просят передать их товароведу, который дал бы соответствующую оценку им с технологической и рыночной точки зрения. Записку товароведа (желательно на английском или на французском языке) адресуйте министру финансов через нас. Учтите, что основное его желание (невысказанное, но подразумевающееся!) заключается в том, чтобы заинтересовать Москву неждийскими товарами и организовать их сбыт в СССР. Такое стремление министра считаю здоровым. Не зная отношения Москвы, я, конечно, не беседовал с ним о «деталях» вопроса. Обо всем этом можно будет говорить сообразно директиве Отдела».

В ожидании директив полпред Тюрякулов не терял времени, самостоятельно предпринимая порой весьма неординарные шаги по продвижению советской продукции на саудовском рынке. Интересен опыт с семенами огурцов, дыни, перца и баклажан, которые по его просьбе были доставлены из СССР и после перевода инструкций на арабский язык переданы министру финансов А. Сулейману. Тот с благодарностью стал их культивировать в своем саду в Мекке. «Воды более чем достаточно. Недавно король посетил этот сад, был восхищен им и приказал министру

финансов часть этого сада превратить в место отдыха для мекканцев. Было бы желательно, чтобы прислали семена цветов и других огородных культур». Вот уж поистине неисповедимы пути к сердцам правителей!

Между тем именно в этот период обозначилась некоторая напряженность в отношениях между руководством НКВД и Назиром Тюрякуловым. В адресованных полпреду письмах порой можно было уловить более жесткую тональность: «...Мы просили Вас прислать календарь Уммуль-Кура. Такого рода материалы чрезвычайно важны для нас и значительно облегчают практическую работу. Желательно было бы подобные справочники и календари получать в НКВД немедленно по их появлении. Не откажите выслать нам точное расписание заходов пассажирских иностранных судов в Джедду и другие порты Красного моря. Мы очень мало получаем информации об отношении прессы арабских стран к СССР. Может быть, можно было ввести такой порядок, чтобы Вы направляли нам, если не переводы, то хотя бы вырезки наиболее интересных сообщений...»

Еще жестче звучит письмо Л. Карахана, в котором замнаркома замечает Н. Тюрякулову, что тот в последнее время не отвечает на телеграммы Центра, чем затрудняет подготовку почты из Москвы. «Из Вашей телеграфной переписки с торговыми организациями видно, что полпредство продолжает функционировать. Совершенно необъяснимым для нас является ваше упорное молчание. В частности, мы запрашивали Вас относительно того, какие вопросы следовало бы осветить для Вас настоящей почтой. На эту телеграмму, как и на другие, мы также ответа не получили. Ваше молчание крайне отрицательно отражается на отношении к геджасским делам всех наших организаций, в особенности торговых. Создается впечатление, что в Геджасе ничего нового не происходит, и теряется интерес к нашей работе в этом районе. Прошу Вас дать разъяснения о причинах Вашего упорного молчания... Я еще раз обращаю Ваше внимание на необходимость более подробно и четко информировать НКВД о положении с геджасской задолженностью. Необходимо ввести регулярную посылку шифрограмм почтой, а самое необходимое сообщать по телеграфу. На ближайшее время Ваша основная задача заключается в самом энергичном проталкивании вопроса о долге. Вопрос о договоре имеет меньшее значение, но эту работу также следует продолжать. Кроме того, Вы должны информировать нас об основных моментах политической и хозяйственной жизни Геджаса».

Такое отношение руководства не могло не вызвать ответной реакции полпреда. Отдавая все силы развитию советско-саудовских отношений,

добившись отмены «исключительного режима» в торговле, подойдя вплотную к заключению договора между двумя странами, он был явно задет недовольством его работой, которое демонстрировало руководство НКИД. В одном из последних писем по вопросам взаимной торговли Назир позволил себе то, чего никогда не делал прежде. Он выделил особо положения, с которыми он неоднократно обращался к руководству, но так и не получил вразумительных ответов. Он, в частности, пишет: «К нам продолжают обращаться купцы с просьбой о даче им справок о наших ценах, о предоставлении им представительства по нашим товарам, о предоставлении им образцов наших товаров и т. д. и т. п. Это с одной стороны. С другой же растет недоумение среди населения и в правительственных кругах по поводу нашей пассивности после того, как в феврале исключительный режим в отношении советской торговли был ликвидирован. У многих в правительственных кругах создается впечатление, что мы сознательно пассивны из-за неурегулированности вопроса о долге Саудовского правительства Нефтесиндикату. Другие объясняют это нашим недоверием к заявлению Саудовского правительства о свободе советской торговли. Во всяком случае, слухи вокруг этого вопроса растут и множатся. Самое же главное, Полпредство также не осведомлено о решении Центра по этому вопросу».

Из-за того, что НКИД постоянно игнорировал настоятельные просьбы Н. Тюрякулова о дополнительных сотрудниках, он все чаще был вынужден заниматься делами, выходящими за рамки его непосредственных обязанностей. «Недавно мне пришлось проводить здесь одну коммерческую сделку (на наши спички) по просьбе Кондрашева (сдача товара, взыскание и перевод денег). Учтите, что это *меня* поставило в затруднительное положение. Другой, например, момент: местный купец Фазиль Араб связался с Лесоэкспортом. Ф. Араб добивается представительства по сбыту нашего леса. Условия хорошие (наличный расчет). Лесоэкспорт ответил ему хорошим, вежливым письмом, в котором удовлетворение ходатайства Ф. Араба поставил в зависимость от заключения «нашего представителя в Джедде *Mr. Turakoulov*».

Лишенные возможности деловых контактов из-за отсутствия в Джиdde официальных советских торговых представителей местные коммерсанты, за лояльность и доверие которых так долго боролся Н. Тюрякулов, начали искать партнеров из числа советских торгпредств на других направлениях. «Есть ряд других купцов, которые обращаются к нашим *торговым* агентам в Ходейду, Массауа, Стамбул и т. д. Некоторые пишут в НКВТ в Москву». Такая тенденция тревожила полпреда, тем более что ему были очевидны ее

причины. Он по-прежнему делится своими соображениями с руководством, но уже не считает нужным облекать их в дипломатичную форму. В конце концов, у него также накопилось немало претензий к Центру, поэтому больше молчать он не намерен...

«Вывод: если наша пассивность вытекает из принципиальных решений Центра, то необходимо проводить их в жизнь сообща, вместе. Иначе отдельные люди и организации прорвут плотину. Если же такие решения не имеются, если НКВТ желает работать здесь, то в соответствии с изложенным мною вам планом необходимо прислать представителей наших торговых организаций, чтобы вместе с нами наметить линию нашего поведения. А так (предоставить события силе стихии) не годится. Такое положение вещей я считаю не только неправильным, но и вредным для наших интересов. Сейчас я дезориентирован.

Резюме: я прошу поставить меня в известность о дальнейших видах НКВТ насчет работы в Геджасе. Мне ставят вопрос: в какой мере «всерьез и надолго» можно рассчитывать на решение саудовского правительства о свободе советской торговли.

Отвечу: это зависит в значительной мере от нас самих. Нужно начать работать таким образом, чтобы достигнутое положение укрепилось. Выход следует искать в движении. Нужно поставить работу так, чтобы избегнуты были наши старые ошибки и чтобы она дала искомое (и укрепление позиции, и юридическую базу, и т. д. и т. п.). Стоять на месте и ждать результатов — не годится. Пусть НКВТ начнет хотя бы с изучения рынка и ознакомления с условиями работы. Пусть представитель НКВТ войдет в контакт с купечеством и выслушает его домогательства. И этот сдвиг можно будет использовать».

Очевидно, что помимо разочарования в связи с нерасторопностью советской стороны в лице НКИД и НКВТ, полпред испытывал самую элементарную физическую усталость. Как уже упоминалось выше, ему зачастую приходилось выполнять несвойственные ему как руководителю дипмиссии функции, не говоря уже о том, что оставались без ответа все его призывы прислать дополнительных работников. С отъездом по тем или иным причинам сотрудников полпредства ситуация становилась просто критической.

Неудивительно, что когда из Саудовской Аравии в отпуск отбыл помощник полпреда Ш. Измайлов, в Центр ушло довольно резкое письмо Н. Тюрякулова: «Повторяю свою просьбу не задерживать Измайлова, т. к. без помощника мне обойтись трудно и тяжело. Не позже чем в сентябре посадите его на пароход. Если долго не будет нашего парохода, то он может

приехать через Неаполь — Массауа. Убедительно прошу и Вас и Измайлова «не подводить» меня. К октябрю жара спадет: он может не пугаться климата. Уезжая отсюда, он обещал вернуться вовремя... Интересы дела также требуют скорейшего приезда секретаря (консула и помощника), чтобы машина работала исправно. Отдел должен обратить внимание на создавшееся положение и скорее урегулировать его. Измайлов не хуже меня знает ситуацию. Отсюда моя повторная просьба к отделу, Вам и Измайлову — отнесите серьезно к вопросу».

Назир понимал сам и писал об этом руководству, что «все придется выполнять мне одному... Признаться, теперь каюсь, что отказался от услуг сотрудницы, которую в свое время предлагал мне НКВД». Вместе с тем отъезд Измайлова давал ему еще одну обоснованную причину поставить перед Москвой вопрос о третьем работнике для полпредства. «Как видите, создается не совсем нормальное положение. Случись что-либо со мной — буквально некому передать архив и прочее. Кроме того, самый объем работы требует двоих. За последнее время наша информационная работа в связи с другими работами совершенно заглохла. Между тем ее надо поставить как следует. Кроме того, есть хозяйство, бухгалтерия и т. п. Если бы, в крайнем случае, 3-й работник был бы практикантом, то и тогда было бы легче. Этим способом обеспечили бы постепенно подготовку будущего работника».

Увы, готовить сотрудников для полпредства в Джидде руководство НКВД, похоже, уже не собиралось. В конце 1933 года в полпредства СССР в Саудовской Аравии и Йемене поступила аналитическая записка Осетрова, из которой прямо следовало, что положение в торговле со странами бассейна Красного моря напоминало саботаж. В этих странах по-прежнему сохранялись «неустойчивые, а порою и отрицательные настроения в наших торговых кругах по всем вопросам, связанным с дальнейшим развитием торговой работы в бассейне Красного моря. Торговые осложнения в других странах и связанные с этими осложнениями большие вопросы занимают все внимание торговых кругов и красноморские вопросы отходят на последний план.

Задерживаются или откладываются с недели на неделю решения по срочным оперативным вопросам торговли на Красном море. Настойчивость отдельных торговых работников, защищающих интересы красноморской торговли, не дает никакого результата, а порою дает отрицательный результат. Некоторые руководящие торговые работники высказывают сомнение в рентабельности торговли в Вашем районе и заявляют, что сначала необходимо поручить авторитетным комиссиям в центре дать

заклучение о рентабельности торговли и необходимости продолжать ее.

Положение осложняется фактическим прекращением торговли на юге Персии, что приводит Совторгфлот к мысли о необходимости ликвидации персидской линии. Грузы для стран красноморского бассейна считаются недостаточными, чтобы из-за них стоило поддерживать рейсы. Позиция Совторгфлота ухудшает общее положение и усиливает позицию ликвидаторски настроенных торговых кругов.

Выпадение из торгового оборота Геджаса, застойное положение в Эритрее после отъезда тов. Ступака, отсутствие до сего времени каких-либо решений в отношении абиссинских предложений, а также отсутствие заинтересованности Союзнефтеэкспорта и торговых кругов в дальнейшем развитии торговли нефтепродуктами в Йемене — все это создало и усилило ликвидаторские настроения, корни которых таятся — с одной стороны — в крупных изменениях в общем положении нашей торговли на иностранных рынках, происшедших за последнее время, а с другой — в недостатке экспортных товаров...

...Торговые круги, заинтересованные в развитии красноморской торговли, отмечают, что за последнее время совершенно прекратились информационные сообщения о йеменском рынке, не поступает каких-либо конкретных заказов объединениям, а из Геджаса — не получается ответов на многочисленные запросы торговых организаций относительно положения с выставкой. Эта пассивность значительно усиливает позицию ликвидаторских кругов».

По сути дела, торговые отношения с местным купечеством и политические контакты с руководством Саудовской Аравии, активизировавшиеся в свое время благодаря усилиям Н. Тюрякулова, постепенно исчезали с первых страниц информационных сводок и из сферы приоритетных интересов руководства НКВД. На передний план выдвигались события в Европе, где в это время был подписан договор с Францией, откуда пришли признание СССР Соединенными Штатами и приглашение вступить в Лигу наций.

После ввода в эксплуатацию летом 1934 года подаренной принцу Фейсалу АТС — последнего «крупного проекта» полпреда — жизнь в миссии постепенно стала замирать. Оскудел поток обмена информацией и просьбами с Москвой, тем более что и там произошли большие перемены. «Крестный отец» Тюрякулова-дипломата, замнаркома иностранных дел СССР Л. Карахан (на посту — с 1927 года), был в 1934 году переведен на должность полпреда в Турции, что положило конец их деловой и в то же время ставшей дружеской, а порой и шутливо-ироничной переписке.

О том же, в каких тяжелейших моральных и природно-климатических условиях полпреду Тюрякулову приходилось отстаивать интересы своего государства на аравийской земле, наиболее наглядно свидетельствует его полное горечи и усталости письмо, отправленное незадолго до окончательного отъезда заведующему I Восточным отделом НКВД Цукерману:

«Ув. т. Цукерман,

Пользуюсь оказией, чтобы засвидетельствовать Вам, как старому ташкентцу, мои искренние симпатии. Опираясь на эти старые отношения, я позволю себе откровенно сказать Вам, что семь лет, проведенных мною в невозможных условиях Аравии, не говорят о бережном отношении к человеку. Это безотносительно к тем или иным руководителям. Только как иронию судьбы отмечу, что т. Карахан, который больше других занимался нашими делами, счел себя, повидимому, вынужденным выразить мне свое сочувствие. Можно ли после такой сатисфакции считать себя удовлетворенным — об этом спрошу Вас потом.

Семь лет в Аравии — это семь лет в парном отделении Сандуновских бань, вдали от всякой живой работы. Не желая разжалобить кого-либо, в то же время скажу, что я должен лечиться в течение хотя бы 3–4 мес., чтобы избавиться от всех моих болячек и восстановить силы.

Вы дали мне 1 мес. загр. отпуска, за что я искренне благодарен т. Крестинскому и вам. Тов. Крестинский несомненно оценил мое состояние уже в своем письме, переданном мне через Измайлова, поставил вопрос о моем отдыхе.

Буду очень рад лично приветствовать Вас по приезде в Москву и поговорить с Вами обо всем по-товарищески.

С товарищеским приветом

Н. Тюрякулов»

В 1934–1935 годах советско-саудовские отношения еще некоторое время держались на авторитете популярной фигуры полпреда Тюрякулова. Эти же годы стали закатом его дипломатической карьеры... В конце 1935 года он был отозван в Москву со стандартной формулировкой «в связи с переводом на другую работу».

В своем послании по этому случаю на имя Председателя ЦИК СССР М. Калинина король Абдель Азиз альСауд пишет:

«Ваше Превосходительство,

Мы с удовлетворением получили письмо Вашего Превосходительства, в котором соизволили сообщить нам о переводе Его Превосходительства Назира Тюрякулова на другую работу и в этой связи выражаем Вашему Превосходительству наше удовлетворение теми усилиями, которые были приложены Указанным Вашим Полномочным Министром для развития дружественных связей и добрых отношений, которые к нашему общему удовлетворению существуют между обеими нашими странами. Его деятельность оставила хорошие результаты. Пользуемся этим случаем для того, чтобы выразить Вам наши искренние пожелания личного благополучия и благоденствия Вашему правительству и Вашему Народу. Учинено в нашем дворце в Мекке 15 зильгиджа 1354 года Хиджры.

(Подпись) Абдул Азиз Аль Сауд».

Глава IX

И ТОГДА ОН ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ...

*И все ж, когда печаль чрезмерна,
Она закрутит вас, ломает.
Родные — чужды, если скверны,
Их злобность душу вынимает.
Когда невежество безмерно,
Оно вас всюду обнимает.*

Абай

В жизни каждого дипломата наступает момент, когда он возвращается на родину. Для некоторых это означает профессиональный рост и новое назначение, для других — конец дипломатической карьеры. В 30-е годы XX века для многих советских дипломатов вызов в Москву заканчивался арестом, тюрьмой и расстрелом. К началу 40-х годов жертвами репрессий стали 5 заместителей наркома иностранных дел, 48 полпредов, 30 заведующих отделами НКВД, 28 глав консульских представительств, 113 других работников НКВД. По воспоминаниям современников, было время, когда по пустым коридорам дома на Кузнецком Мосту буквально гулял ветер.

Чтобы лучше представить масштабы тех потерь, следует напомнить, что накануне Второй мировой войны СССР имел дипломатические отношения лишь с 30 странами, а в составе Наркомата иностранных дел насчитывалось менее 500 кадровых дипломатов. Между тем как раз в то время из некоторых стран были отозваны и репрессированы многие работники советских посольств. В последние дни своего пребывания на посту наркома иностранных дел М. Литвинов направил И. Сталину докладную записку, в которой говорилось: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии... В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений».

Сталинские чистки наркомата иностранных дел, проводившиеся, по его собственным словам, адресованным возражавшему ему Литвинову, «по причинам политической целесообразности, проистекающим из внешней и внутренней обстановки», затронули ряд стран, в том числе Китай, Монголию, Финляндию, Латвию, Литву, Польшу, Чехословакию и Саудовскую Аравию, где в течение восьми лет трудился полпред Тюрякулов.

Об этом трагическом периоде советской истории написано уже так много, но и по сей день очевидцы тех далеких событий не устают затрагивать эту тему в своих воспоминаниях. Вот как трактует перманентное противостояние в борьбе за власть, начиная с первых дней революции, гражданской войны и последующего молоха сталинских репрессий, сам прошедший через ГУЛАГ Герой Советского Союза писатель В. Карпов:

«Ну а потом пошло и поехало. Как снежный ком с горы. Сталин истреблял своих врагов в центре, а на местах угодники, желая выслужиться перед Генсеком, выискивали врагов в республиках и областях. А заодно, оказывается, убирали и своих недоброжелателей, людей, чем-то неудобных местной власти...»

В полной мере это относится и к трагической судьбе Назира Тюрякулова. Его бурная и более чем успешная деятельность в революционные годы, далее на посту председателя ТуркЦИКа, Центроиздата в Москве и, наконец, полпреда в Саудовской Аравии не могла не породить в те суровые и полные драматизма годы немало его «друзей» и откровенных врагов.

Именно об этом почти кричал в своем «Открытом письме Сталину» советский дипломат «литвиновского призыва» Ф. Раскольников: «Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат народного комиссариата иностранных дел».

Чистка, последовавшая за снятием М. Литвинова, завершила процесс устранения профессиональных и опытных дипломатов. В этом контексте отзыв Н. Тюрякулова из Саудовской Аравии, представленный королю аль-Сауду и правительству страны как «перевод на другую работу», означал, по сути дела, политическую опалу. Решение «Об освобождении т. Тюрякулова Н. Т. от обязанностей полпреда Союза ССР в Геджасе» было принято на заседании Президиума ЦИК СССР 3 января 1936 года. Примечательно, что никаких комментариев о причинах отставки и новом назначении сделано не

было. Уже одного этого в те времена было достаточно, чтобы строить предположения о непростой дальнейшей судьбе полпреда.

Очевидно, однако, что для самого Н. Тюрякулова такое развитие событий не было неожиданностью. По пути на родину, в Париже, произошла его встреча с вновь назначенным в Хиджаз

К. Хакимовым. По свидетельству последнего, тот нашел полпреда в тяжелом состоянии. Восемь лет напряженной работы в стране с изнурительным климатом и редкими отпусками не прошли для него бесследно. «Приехал он больной, почти совсем оглохший, и сейчас лечится у местных знаменитостей, чтобы использовать свое пребывание в Париже для восстановления здоровья. В 20-х числах января выезжает в Берлин, где пробудет неделю, а затем поедет дальше в Москву. Его тяжелый багаж, полученный в Берлине, тов. Беляевым уже отправлен в московскую таможню». Последний факт указывает на то, что, покидая в тот раз Саудовскую Аравию, Назир понимал, что обратно уже, скорее всего, не вернется.

Между тем именно встречи и беседы с К. Хакимовым, а также его письмо из Парижа в Москву несколько приоткрывают завесу над тайной отъезда Н. Тюрякулова из Джидды. Из тональности и содержания письма становится понятным, что в руководстве НКВД появились какие-то причины сомневаться в достоверности информации, поступавшей в последнее время от полпреда. Роль К. Хакимова в этой ситуации не полностью ясна, но очевидно, что от него ждали подробного отчета о настроениях и взглядах Н. Тюрякулова, который он и дает в своем письме от 1 января 1936 года. «Я поставил перед т. ТЮРЯКУЛОВЫМ все вопросы, которые интересовали как Вас, так и лично меня. Общее впечатление, созданное беседой с т. Тюрякуловым, таково: что он достаточно деятельно принимал участие в местной жизни, особенно в смысле наблюдения за всеми приезжающими и уезжающими, которые так или иначе имели интерес с точки зрения их деятельности в районах интересующих нас: разъезды синзянцев, эмигрантов из Средней Азии, турецких эмигрантов и т. д., совершающих довольно частые путешествия между Меккой, Индией и Синзяном.

Характеристика международного положения Саудии, ее внутреннего положения, данная т. Тюрякуловым, показывает, что он достаточно осведомлен о происходящем как в области международных отношений, так и внутреннего положения Саудии.

Я задавал неоднократно один и тот же вопрос: чем объяснить то, что он, ведя наблюдения за происходящим, и, будучи достаточно

осведомленным, не поставил Москву в известность и даже не отвечал на неоднократные ее запросы. Но удовлетворительного ответа не получил, правда, я, по известным соображениям, большой настойчивости не проявил. Полагаю, что для меня важнее было получить от него все, что только он мог дать мне из своего 8-летнего опыта. Известные опасения, которые выражались в Москве нашими работниками, можно теперь сказать с уверенностью, оснований не имели».

Возвратившись в Москву, Назир еще некоторое время оставался в резерве Наркомата иностранных дел. Он вновь поселился в своей квартире № 309 в так называемом «Первом Доме правительства» на улице Серафимовича. Не желая бездействовать, вернулся к научной работе в Институте языка и письменности при Совете национальностей ЦИК. Однако уже в июне 1936 года он был переведен опять же в резерв, на сей раз ЦК ВКП(б), о чем имеется запись в регистрационном бланке члена партии. В партийно-государственной практике того времени это означало, что в ближайшей перспективе его могло ожидать высокое партийное назначение или значительный пост в структурах государственной власти. Похоже, сомнения в благонадежности Н. Тюрякулова постепенно рассеивались.

Однако по последнему вопросу в НКВД было совершенно противоположное мнение. Есть определенные основания предполагать, что сомнения в лояльности дипломата были привнесены банальными доносами, поступавшими также и из его окружения.

В полном соответствии со своими обязанностями полпред Тюрякулов старался не ограничивать свои контакты только представителями местной элиты. Как специалист по Ближнему Востоку, он понимал то огромное значение, которое имело для СССР укрепление связей с другими странами региона. Человек широких взглядов и большой эрудиции, интересный собеседник, он привлекал к себе самых разных людей, которые охотно с ним общались. В Москву уходила ценнейшая информация о ситуации в регионе, положении на границах, связях и контактах лидеров ближневосточных государств с западными странами. Одним из основных источников Н. Тюрякулова были его коллеги из представительства Турции, с которыми все восемь лет он поддерживал тесные отношения.

К своим турецким коллегам по дипломатическому корпусу советский полпред действительно относился с нескрываемой симпатией. Впервые Назир встретился с турецким представителем Сени-беем на похоронах переводчика полпредства Х. Бекинина, который скончался вскоре после приезда полпреда в Джидду. В отчете, направленном в Центр, он упоминает

турка в числе первых, кто пришел и выразил соболезнования. Впоследствии они встречались неоднократно, по многим вопросам выступали с единых позиций и, можно сказать, симпатизировали друг другу. Во всяком случае, в отличие от англичан, Сени-бей не только не возражал против выдвижения советского полпреда в дуайены дипкорпуса, но даже приветствовал это.

Единым фронтом выступили Н. Тюрякулов и Сени-бей в вопросе о встрече дипкорпуса с приезжавшим в Джидду афганским экс-эмиром Амануллой. На встрече с ним настаивал представитель Персии в Саудовской Аравии Айн-уль-Мульк. Такой подход не устраивал советскую сторону, но для проведения этой линии требовалась поддержка представителей других стран. Назир обратился к туркам. «В тот же день вечером виделся с Сени-беем и выяснял его отношение к вопросу о встрече. Сени-бей решительно встал на нашу точку зрения. Получилось впечатление, что он имеет определенную директиву, хотя утверждал, что для него этот вопрос новый и мнение Анкары ему неизвестно». Персидский представитель был вынужден отказаться от своей прежней мысли «встречать Аманулла при его прибытии в Джедду, но заявил, что он намерен в частном порядке посетить Аманулла после того, как последний будет поселен в каком-либо доме Джедды». Поскольку у турецкого представителя были свои соображения, препятствовавшие ему встречать Аманулла при его прибытии, то он и «потом не посетит его, так как они не могут измениться вследствие переезда Амануллы с парохода в город». Советский полпред со своей стороны поддержал точку зрения Сени-бея.

Даже на бытовом уровне отношения с турецкой стороной были весьма дружескими. Когда вновь прибывший турецкий вице-консул серьезно заболел, его перевезли в городскую больницу, где уход за ним был, мягко говоря, неважный. Тогда по согласованию с полпредом к его лечению подключился врач советской миссии Мошковский.

В отношениях представительств обеих стран в Саудовской Аравии практически не возникало никаких проблем. Не составляли турки и серьезной конкуренции в вопросах влияния на политику короля, не проявляя в этом особой активности. Несколько особняком стоит поездка Махмуда Недима, бывшего османского губернатора Йемена, который прибыл в Хиджаз, как предполагал Тюрякулов, с какими-то планами, направленными против имама Яхьи. Махмуд Недим был принят аль-Саудом и пользовался полным содействием со стороны Сени-бея. Однако поскольку в ответ на направленный в Анкару запрос советская сторона получила заверения Турции в том, что поездка носила неофициальный

характер, то этот вопрос был быстро улажен. Собственно йеменская проблематика связана была преимущественно с ситуацией в пограничном Ассири, в связи с чем полпреду руководством НКВД было предписано следующее: «...сохраняя за собой положение страны, не вмешивающейся во внутренние дела других государств... при удобном случае высказывать наше мнение, что вооруженный конфликт между двумя арабскими странами повредит им обоим, что он лишь в интересах третьей стороны...».

Чуть ли не союзнический характер советско-турецких отношений в то время нашел свое подтверждение в тесном взаимодействии между обеими миссиями. Когда в 1930 году в Джидду прибыл вновь назначенный турецкий поверенный в делах Джелаль Ариф, он объявил Н. Тюрякулову, что им получены специальные директивы работать в тесном контакте с советским представителем. «Повидимому, на Анкару подействовали наши неоднократные представления о желательности более тесного контакта наших представителей в Аравии», — пишет в Москву Назир.

Контакты эти были настолько «тесными», что советский полпред считал необходимым даже ходатайствовать перед НКВД о проведении соответствующей работы с внешнеполитическим ведомством Турции для повышения уровня ее представителя в Джидде. В беседе с Н. Тюрякуловым в Париже об этом узнал К. Хакимов, который и сообщил в НКВД, что «турецкий поверенный в делах обратился с просьбой помочь ему, чтобы Анкара пошла бы на возведение его в ранг посланника. Тов. Н. Тюрякулов, в свою очередь, жаловался на нечуткость Москвы, т. к. он из Москвы ответа по этому поводу долгие месяцы ждал, но не дождался. Тут встретился со Львом Михайловичем (Караханом. — *Авт.*) и рассказал ему о просьбе турка. Л. М. обещал поставить вопрос перед Рюштю и разрешил мне, при надобности, сказать об этом турку».

Вернувшись в СССР и оставаясь в резерве НКВД, Назир не считал для себя возможным оставить незавершенными начатые дела. Тем более что сохранение дружественных отношений с Турцией вообще и с представительством этой страны в Саудовской Аравии в частности он искренне считал делом чрезвычайно важным. Он вновь обращается с просьбой к руководству Наркомата иностранных дел, откуда уходит запрос в советское представительство в Турции: «Н. Тюрякулов вновь поставил перед нами вопрос о Джелале Ариф, турецком поверенном в делах в Джидде. Года полтора тому назад мы уже сообщали Вам, что Джелаль Ариф, установивший весьма дружественные отношения с т. Н. Тюрякуловым, чувствует себя ущемленным тем обстоятельством, что он в

течение нескольких лет является только поверенным в делах. Нас просил т. Н. Тюрякулов при случае поставить этот вопрос в Анкаре и порекомендовать сделать Джелаль Ариф посланником. Мы в конце 1934 г. писали об этом Вам, но не имели сообщений о результатах. Сейчас, информируя турок о замене т. Н. Тюрякулова т. Хакимовым, Вы могли бы вернуться к вопросу о турецком представителе в Джедде и выяснить, почему они в течение ряда лет после смерти их посланника в Джедде имеют там поверенного в делах. В этой связи можно отметить, что Джелаль Ариф пользуется в Джедде большим авторитетом и что мы имеем о нем лестные отзывы от т. Н. Тюрякулова. Т. Поляков может информировать вас более детально о турецких представителях в Джедде за последние годы».

Однако в конце этого письма, датированного 13 марта 1936 года, имелась приписка, в которой сообщалось, что после «написания письма было получено сообщение тов. Хакимова, полпреда в Джедде, из которого следует, что вообще информация т. Тюрякулова нуждается в некоторых коррективах. Поэтому по пункту 1 (о турецком поверенном) пока ничего не предпринимайте. Мы спрашиваем т. Хакимова — следует ли нам вмешиваться в это дело». Похоже, этим постскриптумом, последующими донесениями нового полпреда, а также, что вполне вероятно, усилиями «доброжелателей» была поставлена точка в дипломатической карьере Назира Тюрякулова.

Он еще продолжал жить и работать в Москве, возможно, ожидал нового назначения, но судьба его уже была решена. Ордер № 2891 «На производство ареста и обыска Тюрякулова Назыра по адресу ул. Серафимовича д. 2, кв. 309» был выписан 15 июля 1937 года. Пришли за ним 17-го...

Продолжавшееся чуть более трех месяцев следствие установило, что «Н. Тюрякулов с 1931 года являлся активным участником антисоветской пантюркистской диверсионно-террористической организации, ставившей целью свержение Советской власти. В своей практической к. р. деятельности подсудимый Н. Тюрякулов организационно был связан с руководителем этой организации Рыскуловым, по заданию которого в 1936 году установил связь с турецким разведчиком Мустафой Джавадом и вел шпионскую работу в пользу Турции. Н. Тюрякулов вел к. р. пантюркистскую агитацию и призывал к террористическим методам борьбы с руководителями Советской власти». Вот как отразились на судьбе полпреда СССР в Саудовской Аравии его дружеские контакты с турецкими представителями, которые он стремился использовать в интересах своей страны.

3 ноября 1937 года на закрытом судебном заседании «Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в составе председательствующего — корвоенюриста т. Матулевича, членов — бриг-военюристов т. Зарянова и т. Стельмаховича» ему был вынесен приговор:

«Рассмотрев дело Тюрякулова Назира Тюрякуловича, 1893 г. р., бывшего старшего сотрудника Института языка и письменности при Совете национальностей ЦИК СССР, по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР ...признавая Н. Тюрякулова виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила: Тюрякулова Назира Тюрякуловича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, и в силу постановления ЦИК СССР от 1 февраля 1934 года подлежит немедленному исполнению».

Согласно «Справке», «приговор о расстреле Тюрякулова Назира Тюрякуловича» был приведен в исполнение в Москве 3 ноября 1937 года. Подверглись репрессиям и его ближайшие родственники. Жена, Тюрякулова Нина Александровна, была арестована органами 2 ноября 1937 года в Москве. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 27 декабря 1937 года приговорена как «член семьи изменника Родины» к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Судьба сложилась так, что наказание она отбывала на исторической родине своего мужа в Казахстане, в городе Акмолинске.

17 мая 1940 года арестован брат Н. А. Тюрякуловой — Павел Александрович Салмин, в то время студент Московского автодорожного института. Он был обвинен в антисоветской агитации и постановлением Особого совещания НКВД СССР от 13 августа 1940 года осужден к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Уже отбывая наказание, 19 августа 1944 года, он был вновь осужден на 10 лет лишения свободы, на сей раз — за принадлежность к «антисоветской повстанческой организации», якобы существовавшей в Вятлагере. Остальных родственников Н. Тюрякулова: брата, мать его жены и других, как это было в то суровое лихолетье, — разбросало по свету. А его единственная дочь Анель, 1925 года рождения, работала в различных учреждениях Москвы. За активный труд в 1948 году от имени Президиума Верховного Совета СССР была награждена медалью «В память 800-летия Москвы». Она скончалась в возрасте 77 лет и была похоронена на родине отца в городе Туркестане Южно-Казахстанской области.

Тем не менее справедливость не могла не восторжествовать. Наступил 1957 год, и судьбой репрессированного полпреда вновь заинтересовались следственные органы, но уже с прямо противоположной целью — установить истину. От военного прокурора отдела ГВП запрос о деятельности Н. Тюрякулова поступил в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в ответ на который сообщалось, что «архив располагает лишь данными о его работе в 1928–1935 гг. в качестве полпреда СССР в Аравии. В указанных материалах каких-либо сведений о принадлежности Тюрякулова Н. Т. к антисоветским организациям — не обнаружено».

28 января 1958 года дело Назира Тюрякулова вновь рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР. На сей раз на основании заключения прокурора было предложено «приговор в отношении Н. Тюрякулова отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления в связи с тем, что материалами дополнительного расследования установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о необоснованности осуждения Н. Тюрякулова и доказывающие его невиновность».

Проверив материалы дела и дополнительного расследования и соглашаясь с заключением главного военного прокурора, Военная коллегия Верховного Суда СССР определила: «Приговор Военной коллегии Верховного Суда от 3 ноября 1937 года в отношении Тюрякулова Назира Тюрякуловича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления».

Как ужасающе поздно это произошло! Какая несправедливость, что жизнь незаурядного человека и талантливого дипломата оборвалась так бессмысленно и несправедливо рано. С его знанием арабского мира, интуицией и умением налаживать контакты с представителями всех кругов общества — от короля до простого торговца — накануне войны Советский Союз мог бы рассчитывать на обеспечение максимально добрых отношений со странами этого важнейшего региона.

После отзыва Н. Тюрякулова и повторного назначения К. Хакимова советско-саудовские отношения непродолжительное время еще сохранялись. Однако новый полпред практически полностью повторил судьбу своего предшественника. 6 сентября 1937 года К. Хакимов был отозван в Москву, осужден и расстрелян на основании доноса одного из сотрудников полпредства. Были репрессированы и сосланы его жена и дочь.

Разумеется, внутренняя ситуация в конце 30-х годов в Советском

Союзе не могла не отразиться на его отношениях с Саудовской Аравией. Репрессии среди дипломатов не ускользнули от внимания саудовского руководства. Король альСауд был потрясен судьбой двух советских дипломатов, которых он прекрасно знал. Окружение короля видело, насколько он был удручен жестокой расправой с «братом Назиром». Во всяком случае, по дипломатическим каналам он дал понять, что других полпредов видеть не хочет. В апреле 1938 года НКВД СССР направил Саудовской Аравии ноту, в которой заявлялось, что в связи с отсутствием перспектив улучшения советско-саудовских отношений в обозримом будущем Москва приняла решение заморозить связи с королевством и закрыть свое полпредство в Джидде. 11 сентября того же года последние сотрудники советской миссии покинули Саудовскую Аравию.

Советское полпредство было закрыто, паломничество сведено к минимуму. Отношения между странами были приостановлены. По некоторым сведениям, ключ от здания миссии еще много лет хранился в мэрии города, а само здание оставалось заброшенным. После Второй мировой войны позиции СССР на Ближнем Востоке существенно укрепились, однако чрезмерная идеологизация советской внешней политики, ставка Москвы на режимы «социалистической ориентации», а также воинственно-атеистический характер советского государства препятствовали размораживанию советско-саудовских связей. «Перерыв» в отношениях двух стран продолжался до 1990 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Назиру Тюрякулову не было и сорока пяти, когда трагически оборвалась его яркая, насыщенная бурными событиями и напряженной работой жизнь. Он стал жертвой политических репрессий 30-х годов, разделив судьбу многих тысяч советских государственных деятелей и военачальников, ученых и дипломатов, огромного числа людей, чей взлет пришелся на первые послереволюционные годы, тех, кого власть направила на самые тяжелые участки политической и экономической борьбы за построение социализма и чью карьеру и жизнь так безжалостно растоптала.

Выходец из семьи казахского коммерсанта, Назир не пошел по стопам отца. Получив разностороннее образование, он достойно проявил себя на политической работе и государственной службе, на журналистском поприще и как ученый-филолог. Человек высокой культуры, эрудит и полиглот, он был дипломатом от бога и оказался бесценной находкой для внешнеполитического ведомства молодого советского государства, начинавшего налаживать связи с внешним миром. Его знания обычаев и тонкостей мусульманского Востока, умение вести беседы на различные темы от политики, экономики и до науки и, когда это было необходимо, скрупулезное следование религиозным обрядам открывали ему двери и сердца не только правителей королевства, но и простых саудовцев.

Он пользовался заслуженным уважением коллег-дипломатов. Руководство НКВД прислушивалось к его мнению, его советам и рекомендациям старались следовать. И не вина Н. Тюрякулова, что многое из того, что ему удалось сделать на посту полпреда в Саудовской Аравии и почву для чего он так искусно подготовил, так и не было реализовано. По тем временам достаточно было и намека, чтобы самые благие поступки и мысли талантливого дипломата оказались превратно истолкованными. Теперь мы уже вряд ли узнаем, что стало истинной причиной опалы, в которой оказался столь плодотворно работавший в саудовском государстве полпред. Вряд ли будет выяснено до конца, что в его деятельности показалось кому-то опасным и даже преступным. Хотя на самом деле, скорее всего, его эффективная и находившая достойную оценку руководства работа просто вызывала зависть у куда менее успешных его коллег.

Все восемь лет самоотверженной, зачастую без отдыха,

дипломатической службы Н. Тюрякулов стремился к созданию максимально благоприятного климата для советского присутствия в Саудовской Аравии. Отстаивая интересы своего государства, он умело налаживал политические контакты, настойчиво развивал торговые связи, обустроивал полпредство и боролся за лидерство в дипкорпусе.

Дипломатические работники и сотрудники миссии испытывали к нему искреннюю симпатию и благодарность. Что неудивительно, ведь он много сделал для улучшения условий их жизни и работы. Обстановка, в которой трудились дипломаты и персонал первого советского полпредства в Саудовской Аравии, была крайне тяжелой: невыносимая жара, болезни, нехватка питьевой воды, продуктов питания, отсутствие квалифицированной медицинской помощи и элементарных удобств.

Понимая все тяготы их повседневной жизни, полпред не устал заботиться о бытовых условиях и медицинской помощи для своих сотрудников и членов их семей. Он пользовался заслуженным авторитетом и у зарубежных дипломатов. Назир Тюрякулов был дуаиеном дипломатического корпуса, что давало ему возможность активизировать отношения не только с политиками и дипломатами, но и с высокими должностными лицами из мусульманского мира, посещавшими Саудовскую Аравию в качестве паломников.

Потому так горько сознавать, что с отставкой, а затем жестокой расправой с этим незаурядным человеком, честным и преданным родине дипломатом, настоящим гражданином, для СССР была надолго, почти на полвека, закрыта дорога в одну из богатейших и влиятельных ныне стран региона, где благодаря усилиям Н. Тюрякулова можно было бы закрепиться всерьез и надолго.

Спустя более 50 лет после трагической гибели Назира Тюрякулова наступили другие времена. На месте СССР образовались новые независимые государства. Возникли условия для более широкого доступа к архивным источникам, и многие героические и трагические страницы 20—30-х годов XX столетия были осмыслены уже с иных позиций. Общественность получила реальную возможность не только ознакомиться с ранее засекреченными материалами, но и вынести собственные суждения о событиях тех лет, но уже на основе исследований достоверных источников из ранее закрытых архивов. Имена многих достойных сынов нашего Отечества, беззаветно служивших своей стране и своему народу, стали возвращаться из небытия, а мы, благодарные потомки, воздаем им дань памяти.

Во второй половине 90-х годов в Казахстане было издано несколько

книг, представляющих собой сборники трудов Назира Тюрякулова, относящихся, главным образом, к тому периоду, когда он работал редактором ряда газет и журналов в первые постреволюционные годы в Оренбурге и Туркестане, и позже, когда он находился на высших государственных и партийных должностях в Средней Азии, а также в Москве в качестве председателя правления Центроиздата при ЦИК СССР.

В одном из этих сборников представлен был также ряд материалов, связанных с деятельностью Н. Тюрякулова в качестве полпреда СССР в Саудовской Аравии. Однако это была лишь малая толика его огромной «аравийской летописи», хранящейся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). В связи с этим у меня возникло естественное желание изучить этот архив и обнародовать аравийские документы полпреда, что называется, в полном объеме. Сделать это было не просто, учитывая внутреннюю регламентацию АВП РФ, предписывающую выдачу лишь определенной части от всего массива документов по тому или иному досье. И здесь мне помогло доброе отношение и поддержка Е. М. Примакова — тогдашнего министра иностранных дел России. В 1997 году я попросил его оказать содействие в получении всех материалов по Назиру Тюрякулову, мотивируя это тем, что он был единственным казахом, представлявшим в довоенное время страну за рубежом в качестве полпреда, в современном понятии посла. А их было всего 32 на тот период. И казахстанцам, да и не только им, было бы весьма интересно ознакомиться с дипломатическим наследием своего легендарного соотечественника. Министр с пониманием отнесся к этой просьбе, и в результате мне удалось получить все материалы, хранящиеся в АВП РФ, связанные с дипломатической деятельностью Н. Тюрякулова в Саудовской Аравии. А это более 700 страниц политотчетов, справок, записей бесед, политписем, служебных записок самого полпреда, а также различного рода предписаний Центра — словом, всего того, что составляет информационно-аналитический фон напряженной и ответственной работы главы дипломатической миссии.

По мере изучения этих материалов я все больше и больше поражался не только глубине анализа, емкости выводов и обобщений, смелости и точности прогнозов полпреда, масштабности его подхода к решению возникающих проблем вообще, но и великолепному стилю его письма. Воистину, многим современным дипломатам есть у кого поучиться искусству дипломатической переписки.

Не менее важным оказалось и то, что эти документы позволили проследить не только всю историю зарождения и успешного развития

советско-саудовских отношений в 20-30-е годы XX столетия, но и получить полную картину дипломатической борьбы на Аравийском полуострове и прилегающих районах с участием иностранных, главным образом, западноевропейских держав.

Словом, эти материалы не только дали полное представление о многогранной и сложной работе полпреда Тюрякулова, его мыслях и поступках, как истинно государственного мужа, но и составили собой подлинный клад для исследователя-международника.

Первый изданный мною в 2000 году сборник «Назир Тюрякулов — полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия» вообрал в себя основные документы, полученные в АВП РФ, и был посвящен объявленному президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым Году поддержки культуры. В очерке, которым открывается эта книга, я постарался показать историческую канву дипломатической деятельности Н. Тюрякулова, отобразить все существенные моменты, серьезные проблемы и повосточному тонкие нюансы, которыми характеризовалась трудная и успешная работа полпреда в Саудовском государстве.

По получении сигнального экземпляра этой книги я преподнес ее Президенту Казахстана. Нурсултан Абишевич, который всегда внимательно следит за всем тем, что связано с устранением «белых пятен» в отечественной истории и возвращением из небытия героев нации, высоко оценил это издание. При этом он отметил примечательность того факта, что книга о замечательном сыне казахского народа была издана именно в Год поддержки культуры.

Президент Н. А. Назарбаев — автор изданного в 1999 году фундаментального труда «В потоке истории», который, вне всякого сомнения, подвиг многих исследователей на осмысление роли и места казахского народа в мировой истории, способствовал консолидации казахстанского общества, содействовал освобождению от догм и стереотипов, укреплению веры в достойное будущее. Отрадно, что и последующие мои книги о легендарном полпреде нашли поддержку главы нашего государства.

Понимая, что в первой книге я лишь прикоснулся к огромному пласту исторических событий в Саудовской Аравии, непосредственным участником и, отчасти, творцом которых был Назир Тюрякулов, я счел необходимым продолжить исследования его жизни и работы. Тому в немалой степени помогли полученные мною материалы из других центральных российских архивов — Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского госархива (РГА)

и Центрального архива ФСБ РФ.

А тот немалый интерес, который проявили к первому сборнику не только в России и Казахстане, но и за рубежом, главным образом на Арабском Востоке, натолкнул меня на мысль выпустить книгу о Назире Тюрякулове единым сборником на четырех языках — русском, казахском, английском и арабском. Эта книга, озаглавленная «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова», была издана в 2001 году и объединила в себе именно те связанные с деятельностью полпреда важнейшие документы, которые я получил из упомянутых выше архивов.

Оба сборника документов были адресованы, главным образом, профессиональным дипломатам и исследователям проблем мировой политики и международных отношений. Смею надеяться, что они и сейчас не утратили своей актуальности, а широко представленные в них рукописи, дневники, а также направлявшиеся в Центр аналитические записки Н. Тюрякулова спустя и 70 лет могут оказаться важным подспорьем и ценным материалом для специалистов.

Однако жизнь и трудовая деятельность полпреда — это не только предмет академического интереса. Это тот случай, когда героизм и целеустремленность, верность идеалам и готовность к самопожертвованию могут и должны стать примером для представителей новых поколений, вне зависимости от того, какой жизненный путь будет ими избран.

Учитывая это, я принял решение продолжить свои исследования и развить эту тему, но уже в виде документально-художественного повествования о полпреде Назире Тюрякулове, рассчитанного на широкий круг читателей.

Разумеется, это была непростая, но чрезвычайно важная и интересная для меня работа. Она потребовала не только глубокого осмысления архивных документов, но и изучения множества других исторических источников, как советской, так и иностранной, в основном английской довоенной мемуарной литературы. Эти материалы помогли отобразить масштабную панораму событий в период работы Назира Тюрякулова в Саудовской Аравии.

Особую признательность хотелось бы выразить академику Е. М. Примакову, «Обращением к читателю» которого открывается настоящая книга. Слова Евгения Максимовича — известного государственного деятеля и ученого, авторитетнейшего востоковеда — несомненно, дань уважения к одному из первых советских полпредов на Востоке, к казахскому народу и независимому Казахстану.

В ознаменование 110-летия со дня рождения Назира Тюрякулова МИД

Казахстана и Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева провели 10 декабря 2002 года в Астане Международную научную конференцию «Назир Тюрякулов — видный государственный деятель, дипломат и просветитель». В работе конференции приняли участие ученые-востоковеды, политологи, представители дипломатического корпуса.

Вот что сказал о Н. Тюрякулове выступивший на конференции с докладом Государственный секретарь — министр иностранных дел Казахстана К. К. Токаев:

«...Назир Тюрякулов защищал в течение восьми лет интересы Советского Союза в Саудовской Аравии. Свойственные ему такие качества, как коммуникабельность, ораторские способности, дальновидность характеризуют его в качестве высокопрофессионального первого посланца. Многие аналитические документы, справки и отчеты, подготовленные Назиром Тюрякуловым, полностью отражают процесс становления и развития советско-саудовских отношений, раскрывают суть внутренней политики арабских родов и соперничество крупных держав за сферы влияния на Ближнем Востоке. Дипломатическая корреспонденция посла, направленная в центр, отличалась умением делать глубокий политический анализ и высоким профессиональным мастерством.

Саудовская политическая элита до сегодняшнего дня помнит Назира Тюрякулова и почитает его как человека, приложившего много усилий для установления отношений и развития сотрудничества с СССР, а также признания Саудовской Аравии на международной арене.

...Именно Назир Тюрякулов был удостоен чести первым среди казахов занять высший дипломатический пост в Советском Союзе. С его именем неразрывно связана история становления и успешного развития советско-саудовских отношений. С позиции сегодняшнего дня можно сказать, что в определенной степени наследие Тюрякулова повлияло и на благоприятное развитие сотрудничества Казахстана с Королевством...».

Позволю себе привести также отрывки и из представленного на конференцию своего доклада:

«...Причем диапазон его работы по отстаиванию национальных интересов СССР не ограничивался лишь государством пребывания. Круг инициатив полпреда простирался от Ливии на западе и до Индии на востоке. Практически весь арабский мир, Средний Восток в лице Персии, Турции и Афганистана, Эритрея в Черной Африке и другие страны — такова география активности и дипломатического кругозора Н. Тюрякулова. Поистине энциклопедическая эрудиция и масштабность

мышления выводят его за рамки задач, стоящих перед руководителем дипмиссии, как таковым. Назир Тюрякулов, даже если судить по кругу его общения, в который входили короли, эмиры и прочие «сильные мира сего», был больше чем дипломат. Это был политик высокого полета.

...Перед ним стояла задача — перевести отношения между двумя странами, выражаясь современным языком, в плоскость тесного многопланового сотрудничества. Для этого надо было путем тонкой и ненавязчивой и в то же время упорной дипломатической работы добиваться укрепления позиций СССР за счет ослабления монопольной политической и финансово-экономической зависимости саудовского режима от западноевропейских держав. И надо сказать, что, несмотря на отсутствие юридической базы в двусторонних отношениях, составлявшей одну из основных забот полпреда на протяжении всего срока своего пребывания в стране, ему это в значительной степени удалось».

Конференция явилась не только данью памяти нашему замечательному соотечественнику, но и имела важное политическое значение в плане дальнейшего благотворного развития современных казахстанско-саудовских отношений.

Выход книг о полпреде Назире Тюрякулове широко освещался в казахстанских, российских и арабских СМИ. В Казахстане статьи, рецензии, интервью с автором и отдельные фрагменты из книг в разное время публиковались на страницах газет «Егемен Казахстан», «Мегаполис», «Новое поколение», «Экспресс К», «Деловая неделя», «Столичная жизнь», «Алматы акшамы», «Шымкент келбети», а также журналов «Туркестан», «Отан тарихи», «Тан-Шолпан», «Акикат», «Мысль», «Деловой мир» и «Дипломатический курьер» МИД РК.

Вот отзыв известного казахстанского политолога Е. Ертысбаева:

«...«Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова» (2001) — уникальное не только в отечественной, но и в мировой историографии исследование масштабной деятельности Назира Тюрякулова в период почти 8-летнего его пребывания полпредом СССР в Королевстве Саудовская Аравия (1928–1936). В своей книге автор не только широко использует архивные и документальные материалы, богатейший иллюстративный материал, но дает свое видение той ушедшей эпохи и поистине многогранной и кипучей деятельности первого советского полпреда в Саудовской Аравии — выдающегося сына казахского народа Назира Тюрякулова.

...Таир Мансуров, по существу, открыл нам Назира Тюрякулова, который теперь долго будет находиться в поле нашего зрения, — это

великолепно и на долгие годы останется необходимостью для всех нас. А для казахстанских дипломатов, работающих за рубежом, это исследование, безусловно, должно стать настольной книгой» (Аравийская миссия Тюрякулова. «Экспресс К», 24. 07. 2002).

В рецензии «Мегаполиса» на «Аравийскую эпопею полпреда Назира Тюрякулова» цитируется предисловие к ней, написанное народным писателем Казахстана Калтаем Мухамеджановым:

«...политический портрет, созданный доктором политических наук, послом Казахстана в России Таиром Мансуровым на основе скрупулезного и добросовестного изучения «аравийской эпопеи» Н. Тюрякулова, его человеческого и гражданского облика, стал подлинным открытием для широкой общественности дипломатической деятельности нашего выдающегося соотечественника» («Мегаполис», 23. 05. 2002).

Популярный экономический журнал «Деловой мир» (город Астана) отмечает:

«...Теперь, по прошествии многих десятилетий, можно без преувеличения сказать, что он своей энергичной и целеустремленной деятельностью по укреплению политических, торгово-экономических и культурных связей между двумя странами оставил заметный след в истории отечественной дипломатии. Н. Тюрякулов стоял у истоков советско-саудовских отношений, более того, именно в период его полпредства они переживали пик своего развития» («Деловой мир», № 6, декабрь 2003).

Достаточное внимание к изданным книгам о первом советском полпреде-казахе уделила и российская пресса, в частности газеты «Известия», «Московский комсомолец», «Труд», «Независимая газета», «Московские новости», «Moscow News», журналы «Мировая энергетическая политика» и «Мир Востока», а также «Дипломатический вестник» МИД РФ. Весьма живописную и емкую оценку «Аравийской эпопеи» дал корреспондент ИТАР-ТАСС из Дубай В. Лебедев:

«В аравийских столицах с огромным интересом встречена книга Т Мансурова «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова». Яркий саудовский эпизод жизни казаха из Коканда от вручения советских верительных грамот в Мекке в «ночь предопределения» месяца рамадан до установки московскими специалистами во дворце короля Абдель Азиза первой автоматической телефонной станции ленинградского завода «Красная заря» читается, действительно, как увлекательная эпопея.

...Используя подлинные документы советских архивов, автор, имеющий степень доктора политических наук, зримо показывает ставшие

частью истории события. Благодаря исследователю наш современник может пересчитать на пальцах число дипломатов при искушенном в восточных хитростях короле и подивиться тому, что представитель безбожного режима, поставившего с ног на голову весь мир, был среди них дуайеном».

Довольно любопытные мысли содержатся в рецензии М. Ростовского из «Московского комсомольца»:

«Сегодня Саудовская Аравия является самым крупным экспортером нефти в мире. А между тем 70 лет назад саудовцы... покупали нефтепродукты у Москвы. А первый король страны называл себя младшим партнером Советского Союза. Все эти поразительные факты рассказаны в только что вышедшей книге о полпреде Назире Тюрякулове.

...Но главное все-таки не в этом. Книга Т. Мансурова повествует о событиях 70-летней давности, но в ней наглядно описаны болезни, характерные и для современной российской дипломатии. Во всяком случае, ответ на вопрос, как мы умудрились потерять Саудовскую Аравию, там дан исчерпывающий» («Облом в пустыне», «Московский комсомолец», 27. 05. 2002).

Изданная на четырех языках, включая арабский и английский, «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова» не прошла незамеченной и в арабском мире. Издающаяся в Лондоне влиятельная арабская международная газета «Аш-Шарк аль-Аусат» в пространной статье «История первого и последнего посла СССР в Саудовской Аравии», пересказывающей содержание помещенного в книге исторического очерка, также отмечает, что «после подробного рассмотрения самых главных этапов дипломатической деятельности первого и последнего посла СССР в Саудовской Аравии автор книги предлагает читателю ознакомиться с ценнейшими историческими документами, которыми изобилует книга, а также множеством уникальных фотографий» («Аш-Шарк аль-Аусат», 03. 11. 2002).

Имя Назира Тюрякулова — первого советского посла-казаха — вписано в историю казахского народа. В его честь названы улицы в городах Алматы, Шымкенте, Кызылорде и школы в Шымкенте и Туркестане. Там же, в Туркестане, созданы музей и фонд его имени, который проводит полезную работу по сохранению наследия Н. Тюрякулова и памяти о нем.

Завершая работу над этим повествованием о полпреде, автор смеет надеяться, что настоящая книга, как и два ранее изданных сборника, посвященных аравийской миссии Н. Тюрякулова, станет данью памяти этому замечательному человеку и блистательному дипломату. Несмотря на

позднее признание, долгие годы находившиеся в забвении имя и наследие Назира Тюрякулова имеют непреходящее историческое значение.

Государство реабилитировало его, а мы воздаем ему должное как политику, дипломату и гражданину, беззаветное служение Отечеству и благородные устремления которого навсегда останутся в народной памяти.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ДОКУМЕНТЫ

АВТОБИОГРАФИЯ НАЗИРА ТЮРЯКУЛОВА

В Центральную Комиссию
по проверке и чистке личного состава
Коммунистической Партии Туркестана

Члена Коммунистической Партии Туркестана
Назира Тюрякулова

Автобиография

Родился в 1892 году в городе Коканде Ферганской области в состоятельной семье хлопкового комиссионера. В детстве получил весьма и весьма религиозное воспитание под руководством матери, по настоянию которой надо мною, еще 12-летним мальчиком в Старой Бухаре на могиле известного в мусульманском мире святого Бехоуддина шейхами был произведен обряд зачисления меня в духовный патронат этого святого.

Начальное туземное образование получил в мектебе джадид (ново-методная, светская школа), впервые открытой в Коканде (1900 г.). Первая (по своему уровню и времени открытия) в Туркестане эта джадидская школа во главе со слишком оппортунистски настроенным учителем Салах-эд-Эдином Маджидовым, направившим свою энергию и все свои усилия к легализации своей школы (перед местной администрацией и в среде патриархального и фанатичного туземного общества), мало чем отличалась от старо-методных школ. Во всем, начиная от битья и принудительного посещения нами, школьниками, мечети вплоть до изучения схоластики Средневековья — за исключением разве только «географии», «Истории 24000 пророков и Ислама», Шифо (учебника арабского языка Ходы МаксUTOва) и расписания уроков это была в сущности та же старая школа. В компенсацию за исповедывание нами учения о шарообразности Земли — мы весьма усердно, — еще усерднее, чем в старых школах, посещали мечети и хором распевали религиозные гимны («салаваты»).

В периоды, когда усиливались правительственные гонения на нашу школу (один раз ее даже закрыли, затем снова разрешили с тем, однако,

условием, чтобы ее открыли на окраине города), мы громко на всю улицу и хором пели «царские песни», чего не было в старых школах. В такой атмосфере и в такой школе протекли мои первые ученические годы (1900-01-02 гг.).

Затем я поступил в Кокандское Русско-Туземное Училище, которое окончил приблизительно в 1905 году. В том же учебном году я перешел в Коканд. 8-классное Коммерческое Училище, образованное по инициативе местного русского купечества и торгово-промышл. фирм. Руководителями (директор Училища доктор Е. В. Корчиц через год «выселился» из Коканда) и учителями оказались, как это потом выяснилось, деятели революционного движения тех годов. (Так например, преподаватель математики — член боевой организации ПСР некто Андроников был через год — в начале 06 года, арестован и приговорен к каторжным работам, другой преподаватель успел скрыться и т. д.). Их обращение «запросто» с учениками, отсутствие битья и т. п., а затем их арест и пр., события и эксцессы при столкновении войск, частей с рабочими Кокандского депо — все это бросало в мои настроения первые семена.

К тому времени сложилась маленькая мусульманская общественность (1906 г.) в форме кружков мусульман, задавшихся целью распространять среди населения идеи джадидской школы. Первый такой кружок в Коканде был образован главным образом тем, кто прошел сам джадидскую школу и в составе первого выпуска которой был и я.

Постепенно кружок усилился мусульманскими учителями джадидских школ и представителями либеральной мусульманской буржуазии. Кружок окреп настолько, что оказывал весьма существенную реальную поддержку еще хилым тузем. школам. В такой атмосфере «общественных интересов» началось складывание в определенные формы моих первых существенных настроений. Многие члены того кружка теперь состоят членами КПТ (Мир-Ахиллов и др.).

Перемена, произведенная Попечит. Советом в составе учителей, и замена правых более умеренными (например, директором Училища был назначен Казицын, кандидат в члены Госуд. Думы 1 созыва от Ташкента) особых переломов во внутришкольном режиме не вызвали. Некоторое время спустя с ведома директора даже на частной квартире образован кружок учеников (4 человека) под руководством т. Молдавского — члена РСДРП, который первый ознакомил нас с историей французской революции и русского революционного движения.

В этом кружке состоял нынешний член КП, бывший при Казакове Комиссаром Земледелия Туркестанской Республики тов. Фотеев. И

единственным препятствием, благодаря которому я внутренне не мог воспринять убеждение руководителя кружка Молдавского, было его славянофильство, проявленное им во время Бамской войны. С другой стороны, в туземных городах Туркестана в те годы значительно вырос и окреп пантюркизм и туземный шовинизм, который также отталкивал своей узостью и фанатичной тупостью. В те годы моя идеология не могла воспринять точно отчеканенные формы, и я «блуждал» в поисках общественного политического пути между «старым» и «новым городом».

Все — принадлежность к туземному городу, слабая дифференциация мусульманского общества, окружающая среда с ее патриархальными осложнениями, кружковое воспитание под руководством социалиста и т. д., затем киргизский бунт 16 года, Империял. Война 14 года — все говорило, несомненно, за то, чтобы у меня сложилось народническое мировоззрение.

События в Туркестане в 16 году толкнули меня на работу по оказанию помощи рабочим туземцам, мобилизованным на тыловые работы. До конца демобилизации этих рабочих я прослужил в Земсоюзе (Комитет Запада, фронта — Минский район, район Барановичей). Там организовал я среди студенчества и учительск. интеллигенции в г. Минске общество «Еркин Дала» («Вольная Степь»). Я успел выпустить лишь первые воззвания этого общества, отпечатанные на шапирографе, и провел первое организационное собрание его в Оренбурге (в 1917 году).

Окт. переворот застал меня в степях Тургайской области в качестве инструктора по организации среди киргизского населения Земства. Там на выборах я потерпел поражение от Киргизской консервативной аристократии, захватившей, несмотря на все мои легальные противодействия, Земство в свои руки. Вернувшись в Коканд, стал работать в местном Совете Раб. и Солд. деп. (18 г.) в качестве секретаря от П. Лев. Соц. Революц., в которую официально я вошел в середине или весной 18 года. Здесь начинается моя совместная с другими тт. групповая борьба с известным Сааковым (прошедшим, насколько мне известно, в первый Совет от «Дашнакцутюн» и занимающим ныне пост начальника Полит. Упр. Конной армии) и его прихвостней, и также неудачи нас раскассировали по городам Ферганы.

О дальнейшем периоде моей жизни и работы вполне известно членам Комиссии, знакомым с политической жизнью Туркестана со времени 8-го съезда Советов (кобозевщина и казановщина и пр.).

10 марта 1922 года, написал Н. Тюркулов.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Полпред СССР в Геджасе тов. Хакимов давно просит освободить его и вернуть в СССР. Он там работает с 1924 г., заболел и находится в отпуску, и с июля этого года Полпредство фактически лишено руководящего работника.

НКИД выдвигает в Геджас тов. ТЮРЯКУЛОВА, хорошо знакомого с мусульманским миром и, по мнению НКИД, подготовленного к этой работе.

Тюрякулов, член партии с 1918 г. бывший секретарь ЦК Туркестана, в настоящее время Зав. Центроиздатом.

Вопрос об его освобождении от этой работы согласован с Отделом Печати ЦК и ЦИК СССР (т. Енукидзе).

Орграспред ЦК считает возможным утвердить предложение НКИД.
ЗАМЗАВ ОРГРАСПРЕДОМ ЦК: (МАРЬЯСИН)

ПИСЬМО ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Л. М. КАРАХАНА

И. В. СТАЛИНУ

Совершенно секретно
16-го ноября 1927 года
Тов. СТАЛИНУ,
Генеральному Секретарю ЦК ВКП/б/

Копии: Членам Политбюро,
Членам Коллегии НКИД,
т. Менжинскому

Уважаемый Товарищ,

Прошло больше года с тех пор, как т. Чичериным был возбужден перед Центральным Комитетом вопрос о назначении нового Полпреда в Геджас, вместо т. Хакимова, который, проработав в тяжелых климатических

условиях Геджаса около 3-х лет, поднял вопрос о своем отзывании из Геджаса. Коллегия НКВД наметила в Геджас кандидатуру тов. Тюрякулова, являющегося одним из крупных знатоков мусульманского мира и мирозерцания и вполне приспособленного к проведению той сложной и тонкой политики, которая требуется от наших представителей в Геджасе. Тов. Тюрякулов сам неоднократно выражал свое желание принять этот пост, который дает возможность обозревать весь мусульманский мир от Марокко до Индонезии. К сожалению, оформление этого вопроса крайне затянулось, и только недавно Учраспред ЦК сообщил нам, что не представляется возможным освободить тов. Тюрякулова от той работы, которую он ведет в Москве. В ожидании разрешения вопроса тов. Тюрякулова, нам пришлось задержать тов. Хакимова в Геджасе еще на несколько месяцев. Учитывая, однако, состояние здоровья тов. Хакимова, нам пришлось согласиться на предоставление ему отпуска для лечения, и с июля этого года мы фактически лишены руководящего работника в нашем Представительстве в Геджасе. Временно заменяющий Полпреда Секретарь Представительства тов. Туйметов не в состоянии справиться с той сложнейшей работой, которая, в настоящей обстановке английского нажима, падает на долю нашего единственного Представительства на Арабском Востоке. Несмотря на все наши усилия, мы до сего времени не смогли оформить в ЦК выделение руководящего работника для Геджаса. Предложенный Учраспредом тов. Умар Алиев, работающий на Северном Кавказе, несмотря на техническую подготовленность (он хорошо знает арабский язык), едва ли может справиться с работой, которая требует предварительного и более глубокого знакомства с вопросами междумусульманских отношений и английской политики на Востоке. Затруднительность положения заключается в том, что мы имеем в Геджасе целый ряд вопросов, требующих быстрого и неотложного разрешения. Благодаря этому мы не можем назначить в Геджас товарища, которому, как это имеет место в отношении тов. Алиева, нужно было бы длительно изучать положение на месте прежде чем приступить к практической работе. К тому же обстановка повсюду на Востоке и, в особенности, в Аравии такова, что возможны всякого рода неожиданности и провокации, которые могут поставить втупик и более подготовленных работников, чем тов. Алиев.

Поскольку всякого рода неудачи и ляпсусы в Геджасе неизбежно самым отрицательным образом будут отражаться на нашей восточной политике и влиять в смысле повышения престижа наших антагонистов, Наркомдел просит Вас уделить этому вопросу внимание. Наиболее

целесообразным выходом из создавшегося положения было бы срочное оформление кандидатуры тов. Тюрякулова с тем, чтобы последний без замедления мог выехать в Геджас. Тов. Алиев мог бы быть использован нами для работы по линии Геджаса, но только после некоторого предварительного стажа в качестве Советника Полпредства.

Последние сообщения из Геджаса говорят о том, что отсутствие руководящего работника в нашем Полпредстве отрицательно отзывается на нашем положении в Геджасе. Одновременно мы замечаем усиление английского нажима в Геджасе, что значительно усложняет работу нашего Полпредства и может привести к нежелательным неожиданностям. Все это говорит за необходимость скорейшего разрешения вопроса о новом Полпреде для Геджаса.

ЗАМНАРКОМИНДЕЛ (КАРАХАН)

**ПРОТОКОЛ № 157 ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК ВКП(Б) от 18/XI
— 18/XII 1927 г.**

ВОПРОСЫ, РЕШЕННЫЕ ОПРОСОМ СЕКРЕТАРЕЙ ЦК ВКП(Б)

Слушали:

— Постановили:

18/XI—27 г.

1. — Просьбу Севзапбюро ЦК о командировании тов. Лежавы на 1-й областной съезд Советов Севзапобласти 21/XI -27 г.

— Просьбу удовлетворить.

22/XI—27 г.

2. — Просьбу НКВД об утверждении тов. Тюрякулова полпредом СССР в Геджасе (тт. Москвин, Марьясин)

— а) Утвердить тов. Тюрякулова полпредом СССР в Геджасе.

— б) Освободить тов. Тюрякулова от работы председателя Центроиздата.

— в) Пункт «а» внести на утверждение Оргбюро и Политбюро.

3. — Просьбу фракции ВЦСПС санкционировать созыв съезда союза кожевников на 15/XI 1-27 г. (тт. Москвин, Волинский).

— а) Удовлетворить.

— б) Для руководства съездом утвердить парткомиссию в составе тт. Косиора (председ.), Догадова и Ежова.

4. — Просьбу ЦК ВЛКСМ об отзыве инструктора Смоленского Губкома т. Спицына Г. Г. (бывш. Секретарь Смоленского ГККСМ) для работы в ВСФК. (т. Чаплин).

— Отозвать из Смоленского Губкома ВКП(б) тов. Спицына Г. Г. для работы в ВСФК.

23/XI—27 г.

5. — Просьбу тов. Антонова-Овсеенко об оставлении в его распоряжении в качестве атташе гр. Якобсона на срок 3—4 месяца.

(тт. Москвин, Марьясин).

— Отклонить.

25/XI—27 г.

6. — О заседании Секретариата ЦК 25/XI.

— Отменить.

**ПРОТОКОЛ № 156 ЗАСЕДАНИЯ ОРГБЮРО ЦК ВКП(Б) ОТ 15/XI —
18/XII 1927 ГОДА. ВОПРОСЫ, РЕШЕННЫЕ ОПРОСОМ ЧЛЕНОВ
ОРГБЮРО ВКП(б)**

Слушали:

— Постановили:

22/XI—27 г.

13. — О секретаре Комиссии ПБ по американским делам.

(Пост. ОБ от 14/XI-27 г., пр. 154, п. 16-а).

1— Во изменение постановления ОБ от 14/XI-27 г. зачислить секретаря Американской Комиссии ПБ в штат ЦК ВКП(б).

14. — Просьбу НКВД об утверждении тов. Тюрякулова полпредом

СССР в Геджас.

(Пост. Сек-та ЦК от 22/XI-27 г., пр. 157).

(т. Москвин).

— а) Утвердить тов. Тюрякулова полпредом СССР в Геджасе.

— б) Вопрос внести на рассмотрение Политбюро.

15. — О редакционной комиссии по подготовке к XV съезду.

(т. Криницкий).

— Утвердить редакционную комиссию в следующем составе:

тт. Криницкий (председ.), Гусев, Рошаль, Товстуха, Халатов, Ульянова М. И., Бердников.

16. — О тов. Козлове Н. К. (т. Москвин).

— Освободить т. Козлова Н. К. от работы ответ, инструктора ЦК ВКП(б).

23/XI—27 г.

17. — Проект резолюции по докладу Рязанского Г. К.

(Пост. Сек-та ЦК от 18/XI-27 г., пр. 15, п. 1).

(т. Кеснер).

— Утвердить. (См. приложение № 1).

18. — Просьбу комиссий внешних сношений ВЦСПС о санкционировании посылки на конференции коммунальщиков Швеции, Норвегии и Дании в Стокгольм тт. Телешова А. Н. и Ратшанова С. И.

(т. Москвин).

— а) Не возражать.

— б) Вопрос внести на утверждение Политбюро.

ПРОТОКОЛ № 137

ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) ОТ 24-го НОЯБРЯ 1927 ГОДА

ПРИСУТСТВОВАЛИ.

Члены ПБ ЦК ВКП: тт. Ворошилов, Рудзутак, Рыков, Томский.

Канд. в члены ПБ: тов. Андреев.

col1_0К.П.: тт. Косиор Ст., Сокольников, Степанов-Скворцов, Цюрупа.

Член През. ЦКК: тов. Янсон.

Слушали:

— Постановили:

1. — О Внешней Монголии.

(ПБ от 17.XI.27 г., пр. № 136, п.6).

— Отложить по просьбе т. Чичерина.

2. — О полпреде в Италию. (ОБ от 21.XI.27 г., пр. № 156, п.12-г).

— Отложить.

3. — О полпреде в Геджас. (ОБ от 22.XI.27 г., пр. № 156, п.14-г).

— Назначить полпредом в Геджас т. Тюрякулова

4. — О поездке в Америку. (ПБ от 17.XI.27 г., пр. № 136, п.2–6).

— Отложить.

5. — О контрольных цифрах на 1927—28 г. (ПБ от 3.XI.27 г., пр. № 133, п.1).

— Назначить в понедельник, 28/XI с. г., в 12 час. дня специальное заседание Политбюро для обсуждения предложений в связи с контрольными цифрами на 1927-28 г.

6. — О размере ассигнований по смете НКВМ в первом квартале.

(ПБ от 17.XI.27 г., пр. N2 136, п.9).

(т. Ворошилов).

— Передать вопрос на окончательное разрешение комиссии в составе тт. Рыкова, Рудзутака и Ворошилова.

ПОСЛАНИЕ КОРОЛЯ АЛЬ-САУДА

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦИК СССР

М. И. КАЛИНИНУ

перевод с арабского

Во имя Аллаха
Всемилоостивого и Милосердного!
Королевство Хиджаз,
Неджд и присоединенные области
№ 7/61 26
Джумад Тани 1347 года

От Абдель Азиза ибн Абдуррахмана аль-Фейсала альСауда, Короля
Хиджаза, Неджда и присоединенных областей

Его Высокопревосходительству Председателю Центрального
Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических
Республик

Ваше Высокопревосходительство,

С радостью мы получили Ваше послание от 9 июля 1928 года, в котором Вы уведомляете нас о том, что желание Вашего distinguished правительства и впредь развивать дружественные отношения, сложившиеся между нашими странами, явилось причиной назначения Его Превосходительства Назира Тюрякулова Дипломатическим агентом и Генеральным консулом при нас. В связи с тем, что мы находились в столице Неджда, наш сын и наш наместник в Хиджазе Фейсал достойно принял Вашего Дипломатического агента. Хотим Вас заверить, что он встретит со стороны нас и членов нашего правительства всяческое внимание и наилучшее обхождение во имя дальнейшего развития дружественных отношений между нашими странами.

Мы также рады воспользоваться случаем, чтобы пожелать Вам, Вашему народу и Вашему distinguished правительству счастья и процветания.

Королевская печать

<p>ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «КЕЛЬНИШЕ ЦАЙТУНГ» АСАДУЛЛОЙ-ЭФЕНДИ (ЛЕОПОЛЬДОМ ВЕЙСОМ)</p>
--

БЕСЕДА С АСАДУЛЛОЙ-ЭФЕНДИ (ЛЕОПОЛЬДОМ ВЕЙСОМ), КОРРЕСПОНДЕНТОМ КЕЛЬНИШЕ ЦАЙТУНГ

Между прочим, он сам посетил меня.

Он спросил меня, нет ли ответа на предложение о торговле, сделанное тов. Хакимову. Я заявил, что еще к работе не приступил, поэтому ни о его предложении, ни об ответе на него ничего не знаю.

На мой вопрос о сути его предложения, он изложил свой проект, предполагающий реализацию товаров на комиссионных началах. Я отметил, что его предложение в основном не неприемлемо, но может встретить лишь одно препятствие, это — тот принцип, который обязывает наши торговые органы вести торговые операции непосредственно с местными купцами.

Говоря о торговле, он подчеркнул о своей близости с Абдуллой Сулейманом.

В дальнейшей беседе Леопольд Вейс сообщил следующее:

1) Абдулла Сулейман сейчас в ссоре с эмиром Фейсалом, как полагает Вейс, по мотивам личного характера. Охлаждение между ними довольно серьезное и разрешимо лишь по возвращении самого короля.

2) Эмир Фейсал сейчас окружен сирийцами, к которым он симпатизирует. Фейсал серьезно мечтает о сирийском троне, что поддерживается сирийцами. Абдулла Сулейман не ладит с сирийцами.

3) Абдулла Сулейман порвал свои отношения с Филби. Последний является агентом *Commitee of National Defence* и сорит деньгами. Фактическая его деятельность идет в разрез с его словами. Имеются документы, доказывающие это. Сейчас собираются эти документы, показывающие подлинное лицо Филби, для представления королю.

4) Король в Риаде, во время съезда нотаблей, имел закрытое совещание с вождями племен. На этом совещании достигнуто соглашение по вопросу о пограничном положении. Согласно этому соглашению, король должен попытаться добиться успеха дипломатическим путем. По возвращении короля в Геджас состоится новое свидание с Клейтоном. Король должен отказаться от каких бы то ни было уступок. В случае неудачи переговоров с Клейтоном, племена получают право решать пограничные вопросы угодным им способом.

5) Цели и требования англичан сводятся к следующему:

а) Постройка железной дороги Хайфа-Багдад-Басра. Но этот вариант их не удовлетворяет ввиду удлинения пути и непригодности Басры, как военного порта.

б) Постройка железной дороги Хайфа-Кувейт, через Альджуф. Этот

путь короче и больше отвечает интересам Англии, ввиду возможности постройки в Кувейте военно-морской базы.

С планами военного характера переплетаются интересы Англо-Перпен Петролеум, который добывается прокладки нефтепровода и именно параллельно со вторым железнодорожным вариантом.

Осуществление первого варианта железной дороги не встречает особых препятствий, но он не отвечает целям стратегическим, не говоря уже о непригодности этой линии для нефтепровода. Отсюда стремление англичан добиться осуществления второго варианта.

Но второй вариант трудно осуществим, ибо сталкивается с интересами неждийских племен Мутаир, Аджман и др. Воздвигаемые на иракской границе укрепления должны служить защитой этой железной дороги и нефтепровода. Борьба племен против этих укреплений вызывается тем, что они преграждают путь к пастбищам и отнимают водные источники. Осуществление сети этих укреплений грозит прекращением доступа для неждийских племен на пастбища, в результате чего указанные племена должны будут хлынуть на юг Неджд.

Англичане настаивают на осуществлении этих укреплений. Но одновременно требуют уступки Аль-Джуфа, через который должна пройти железная дорога в Кувейт. Не приходится и говорить, что Ибн Сауд не может пойти на такой шаг.

Помимо этого англичане озадачены вопросом связи Красного моря по суше со Средиземным. Для этой цели они требуют от Ибн Сауда концессию на постройку порта в Рабуге с последующим соединением его железной дорогой через Медину-Амман с Хайфой. Акабинский залив не отвечает целям военно-морской базы. Рабуг представляет собой единственный на всем побережье Аравии по Красному морю глубокий порт, годный для постройки военно-морской базы.

Кроме того, англичане предъявили Ибн Сауду четвертое требование, о котором он сейчас не может говорить.

Нетрудно себе представить последствия осуществления планов Англии для Неджда. Осуществление их губительно отразится на Неджде. Ибн Сауд не может этого не видеть. Тем не менее Ибн Сауд мог бы пойти на некоторые уступки англичанам в целях улаживания с ними нормальных отношений. Но от этого шага он воздерживается под давлением своих племен. В настоящий момент малейшая уступка англичанам может привести Ибн Сауда к катастрофе, ибо племена ни в коем случае не могут примириться с создавшимся на севере, благодаря англичанам, политическим положением.

Ибн Сауду остается только лавировать. Но судя по результатам совещания в Риаде, канитель с англичанами он также не может тянуть бесконечно. Англичане в свою очередь тоже могут нажать на Ибн Сауда более решительно. В результате этого нужно ожидать осложнений отношений Ибн Сауда с англичанами, может быть вплоть до вооруженных столкновений. В последнем случае неждийские племена могут произвести в Ираке большие опустошения. Ряд племен самого Ирака имеет фактическую связь с Ибн Саудом. Воздушные бомбардировки англичан мало результативны. В случае такого оборота дел самое существенное, что могут предпринять англичане, это — блокада берегов Геджаса и Неджда. Это обстоятельство главным образом озабочивает Ибн Сауда. Чтобы подготовить на этот случай известную отдушину в Европу, Ибн Сауд собирается наладить свои отношения с Йеменом. По возвращении короля из Неджда ожидается соглашение с Йеменом, чтобы обеспечить и тыл Неджда в случае осложнений на севере.

5) Хафиз Вахба в Каире ведет переговоры с германским посланником в Египте на счет возобновления отношений.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА Л. КАРАХАНУ

Совершенно секретно № 1/с 1/III-29 г.

Уважаемый товарищ Карахан!

Советско-геджасские отношения вступили в такую полосу, которая характеризуется общим ухудшением всей политической ситуации в Аравии и вне ее и усилением позиции враждебных нам сил в Геджасе. Усиление английского нажима на Ибн Сауда, пассивность Франции, идущей сейчас здесь на поводу Англии, выжидательное отношение Италии с одной стороны и сложность положения Ибн Сауда, опирающегося во всех своих внутренних и внешних мероприятиях на блок вагабитских общин с племенами с их внутренними противоречиями и давление со стороны англофильских кругов Геджаса на общую политику с другой влияли на советско-геджасские отношения. Судя по мнению некоторых арабских деятелей (Шериф Тевфик), Ибн Сауд считает, что в настоящий момент консервативное правительство Англии в связи с приближением выборов спешит с разрешением своих основных вопросов в Аравии (жел. дорога и нефтепровод Хайфа-Ковейт с отторжением Вадисухан, сохранение

иракских пограничных укреплений и оттеснение недждийских племен из полосы будущей дороги на юг, в пределы Неджда и организация морской базы в геджасском порту Рабуг с последующим соединением его посредством жел. дороги с Хайфой через Медину и Амман). Ибн Сауд независимо от своих субъективных стремлений и взглядов вынужден бороться за интересы, не уступая своему противнику ни в одном главном вопросе, ибо в противном случае его линия приведет к ослаблению или даже распаду основы Неджда — ваххабитско-недждинского блока. В силу этих обстоятельств Ибн Сауд решил продолжать свою выжидательную линию, избегая решительных встреч с англичанами и уклоняясь в то же время от урегулирования советско-геджасских отношений. Нужно отметить, что если часть английских требований к Неджду выявляет действительные интересы британского империализма (желдорога, нефтепровод, морская база), то другая часть этих требований (наприм. требование независимости Шаммара) сигнализирует о возможности применения англичанами в случае необходимости своих «афганских» методов воздействия в каком-либо пункте страны.

Таким образом Ибн Сауд, который и раньше при другой политической ситуации уклонялся от оформления советско-геджасских отношений, ссылаясь на сложность своего положения, теперь имеет не менее оснований для аналогичных отговорок. Все действия короля говорят за то, что оформление советско-геджасских отношений в настоящей обстановке он рассматривает как фактор, ухудшающий и обостряющий англо-недждийские отношения.

При этих обстоятельствах необходимо ясно определить нашу тактику по отношению к Ибн Сауду, которого в Мекке ожидают через 1–1 1/2 мес. и при первой же встрече с которым необходимо будет изложить нашу точку зрения на советско-геджасские отношения.

Все факты говорят за то, что король, сделав нам предложение заключить с ним политический и торговый договор на основе соблюдения интересов обеих сторон, собирается свести нас с геджассцами и, обеспечив таким путем бесконечные переговоры, вопрос решить в зависимости от обстановки.

Встречи и беседы с Фуадом Хамзой и др. твердо убедили меня в том, что во время подобных переговоров геджассцами будет поставлен вопрос о «политических и материальных эквивалентах, которые совпра готово предоставить Геджасу в обмен на право и выгоды советской торговли в Геджасе» (слова Хамзы).

Конкретно будет поставлен во всей полноте и вопрос о паломниках из

СССР и допущении к нам мутаавифов. До решения этого основного для нас вопроса, не раз поднимавшегося и т. Хакимовым, вступать в переговоры в геджаспра и ставить их под риск срыва нашими противниками под выгодным для них предложением нежелательно.

Срыв переговоров населению будет объяснен запрещением хаджа в СССР, а в Европе будет комментироваться, как результат политики совпра, основанной не на принципе взаимности. Поэтому я считал целесообразным сделать королю заявление о том, что совпра, предлагавшее в свое время геджаспра оформить советско-геджасские отношения, встретило предложение короля о договоре с удовлетворением и оценивает этот шаг Сауда, как знак его доверия и дружбы к СССР, но что переговоры по этому вопросу необходимо приурочить к такому времени, которое будет найдено правительствами обеих стран наиболее выгодным для своих интересов, и что Совпра просит короля высказать свою точку зрения по вопросу о времени переговоров.

Смысл этого заявления сводится к оттягиванию переговоров по возможности до прояснения политической ситуации в Аравии, когда те или другие шаги с нашей стороны могли бы предприниматься с большей ясностью.

Это первый основной вопрос, по которому я должен получить соответствующее Ваше указание ко времени приезда короля из Рида.

Торговля

Отказ геджаспра Ближвостгосторгу в разрешении на торговую его работу в Геджасе означает политическое оформление того бойкота, которому официально придавался характер частной инициативы. Наряду с изменениями, наступившими со времени бойкота в общеполитической ситуации, немалую роль в таком обороте наших торговых дел сыграло и усилившееся давление купечества на геджаспра. Воспользовавшись очередной нуждой правительства в средствах купечество организовало ему внутренний заем в 100 тыс. фунтов стерл., обусловив его, как говорят многие источники, недопущением наших торговых организаций на геджасский рынок. Довольно резкое сокращение явайского паломничества в этом году в связи с падением цен на каучук и возможность больших товарных залежей создали такую рыночную конъюнктуру, что купечество должно было всеми мерами добиваться устранения нас на рынке. В результате установился «специальный» для советской торговли режим, цели и характер которого мининдел Хамза-бей изложил в такой форме: геджаспра не запрещало и не запрещает советскую торговлю, ибо в стране

торговля свободна. Но правительство СССР, придающее своей торговле в Геджасе исключительно политическое значение, не учитывает ущерб, который наносится населению в результате дезорганизации рынка. Геджаспра неизвестны те политические и моральные эквиваленты, которые предлагаются правительством СССР в обмен на право и выгоды своей торговли в Геджасе. Поэтому геджаспра предлагает совпра заключить торговый, а если необходимо то и политический договор, которым могли бы быть сохранены интересы Геджаса. До заключения же договора геджаспра просит совпра приостановить работу своих торгоров. В противном случае геджаспра в целях защиты интересов своих граждан вынуждено облагать совтовары более высокими пошлинами, чем практикуется обычно.

Мы пытались пробить брешь путем переговоров и возможной сделки с зам. пред, меджлис Шуро и советником наместника Абдуллой Фадлом. [Попытки] окончились неудачей: Абдулла Фадл был бессилен что-либо предпринять перед лицом объединенного купечества. Эту сделку он собирался заключить для себя, предлагал свои услуги в качестве представителя Нефтесиндиката в Геджасе, намекая на то, что он может быть нам полезен в нашей деятельности. Несмотря на тот оборот, который приняли наши торговые дела в Геджасе, мы поддерживаем наши связи с Фадлом, полагая, что, быть может, нам еще придется иметь с ним дело. Что же касается Шериф Тевфика, то выясняется, что за его спиной стоит Минфин и генеральный инспектор короля по Геджасу Абдулла Сулейман, прибравший к своим рукам в настоящее время все более или менее крупные правительственные поставки. В силу создавшейся обстановки Тевфик считает необходимым по всем этим вопросам ждать короля, с приездом которого он связывает благоприятные перемены в политике геджаспра. В своих торговых планах он рассчитывает на свою близость к королю и его старшему сыну Сауду. Мое мнение о предложении Тевфика: пункт о монополии на Красном море (!), конечно, отвергается, но вносится контрпредложение, гарантирующее его интересы от нашей же конкуренции в Геджасе. Например, мы поставляем ему товары по определенным ценам согласно договору. Если мы после этого, выступая сами на рынке, эти же товары продаем ниже тех цен, по которым он скупил у нас, то мы выплачиваем ему разницу в ценах. Остается еще один сомнительный пункт в его предложении, а именно вопрос о компенсации за убытки, которые неизбежны при обострении конкуренции со стороны других организаций в Геджасе. Конкретно речь идет о нефтепродуктах. Я считаю, что в условиях Геджаса взять на себя обязательство по возмещению его убытков весьма

рискованно. Этот пункт могли бы обойти посредством представления ему более льготных условий (цены и расчеты).

Вообще же наша торговля в Геджасе, конечно, тесно связана с нашим политическим положением, но тем не менее уже сейчас допустимо поставить практические вопросы. Сейчас невозможно учесть обстановку следующего торгового сезона. В связи с этим большое значение приобретает для нас вопрос о смешанном советско-турецком обществе. В зависимости от ситуации эта организация могла бы быть использована для поддержания фактических наших торговых связей с Геджасом. Это второй вопрос, о движении которого Агентство просит поставить его в известность.

О турецких делах

Среди стран, сближение которых с Геджасом соответствует нашим интересам, первое место занимает Турция.

В политическом отношении и Турция и Неджд по отношению к Ираку занимают одинаковые позиции. Наряду с этим внутреннее политическое положение в Ираке переживает кризис (объединение политических партий на почве отказа от образования кабинета, усиление борьбы за независимость и т. д.). Такое положение вещей должно заставлять Англию стремиться к «урегулированию» отношений Ирака в первую очередь с Недждом и, если это не удастся, то с Турцией.

Арабские газеты сообщают о том, что Клейтон, назначенный верхкомиссаром Англии в Ираке, отправился в Багдад через Ангору. Это сообщение, которое кажется правдоподобным и которое необходимо проверить в Ангоре, в случае подтверждения говорит в пользу моей гипотезы о ближайших планах Англии. Ясно, что соглашение с Турцией и устранение турецких претензий на севере Ирака укрепляет позиции англичан в их споре с Недждом и наоборот.

Это обстоятельство следовало бы через наше Представительство в Ангоре подчеркнуть перед Рюшди, имея в то же время в виду, что Ибн Сауд на оформление своих отношений с Турцией в данный момент не пойдет. Наряду с общеполитическими соображениями в качестве отрицательного фактора действует вакуфный вопрос. Турецко-геджасские отношения выдвигаются мной еще в связи с организацией смешанного советско-турецкого общества.

Перемены, произошедшие в составе турецкого представительства в Джедде, дали лишь относительно удовлетворительных работников. Сенибей, который пробыл здесь за октябрь 1928 — февраль 1929 всего три дня,

при встречах со мной старался подчеркнуть свою лояльность и близость к нам, но все его действия показывают, что Геджас сейчас мало интересуется его, и он, находясь в Емене (как проговорился его заместитель, Сени-бей пытается заключить договор с имам Яхьей), не может принести нам существенную пользу. Его заместитель Шевкет-бей совершенно несамостоятельный человек, лишенный к тому же формальных прав политического представителя. Вообще, при наличии возможности следовало бы добиться от турок назначения представителей отдельно для каждой из этих двух стран. Совместительство в лице Сени-бея представителя Турции и в Геджасе и в Йемене весьма неудобно во всех отношениях.

О наших ближайших задачах. Переходя к вопросу о ближайших задачах нашего Агентства, связанных с изучением страны и путей ее развития, я не могу не отметить те трудности, которые стоят перед нами. Вполне естественно, что НКВД, заинтересованный в этом вопросе, требует и будет требовать от нас точных и своевременных сведений. В полной и удовлетворительной мере осуществить это невозможно благодаря не только ограниченности наших средств. Если Геджас доступен нашему изучению, то Неджд представляет собою в известном смысле [регион], о социально-экономическом укладе и общественных отношениях которого приходится строить иногда гипотезы по косвенным данным. Во всяком случае, фиксация всех мало-мальски интересных сведений и слухов, сличение их и периодическая проверка их достоверности, наряду с изучением имеющейся литературы входят в программу нашей работы и уже осуществляются с возможной тщательностью. Работа Агентства распределена следующим образом:

Агент — руководит всеми сношениями Аг-ва с внешним миром по вопросам принципиального характера, отчитывается перед НКВД по этим вопросам в своих письмах и записках, ведет шифр, организует и сам участвует в изучении страны и людей.

Тов. Туйметов содействует Агенту в его работе и, замещая его в случае необходимости, ведает отчетностью.

Тов. Ступак завканц и завхоз под общим руководством секретаря.

Тов. Биккинин — переводчик и информатор по печати.

1 марта 1929 года

Джедда С комприветом (Н. Тюрякулов)

Настоящее письмо составляет как бы последнюю часть прилагаемой записки и выявляет лишь практические вопросы, которые встали перед

нами. Что же касается таких крупных вопросов, как положение Геджаса-Неджда на всех границах, социально-экономические факторы геджасо-недждской политики, перспективы отношений Ибн Сауда с внешним миром и т. д., то они (вопросы) обрисованы в первой и второй частях записки, где все эти вопросы расположены в порядке, соответствующем внутренней связи.

Отпечатано в 4-х экземплярах:

1-й — для тов. Карахана,

2-й — " Пастухова,

3-й — " Секретариата Коллегии НКВД СССР,

4-й — " архива Агентства и Генконсульства.

ПИСЬМО Л. КАРАХАНА Н. ТЮРЯКУЛОВУ

Секретно

21/V-29г.

№ 4922

ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ АГЕНТУ СССР В ДЖЕДДЕ
Т. ТЮРЯКУЛОВУ

Уважаемый товарищ,

В ближайшее время следует ожидать возобновления переговоров между Ибн Саудом и англичанами. Теперь они скорее всего выльются в форму конференции. По существу, переговоры за последнее время не прерывались, но недостаточность получаемой нами информации из Джедды не дает нам возможности судить о том, в какую форму вылились позиции англичан и арабов к настоящему моменту новой стадии переговоров. Из недавнего заявления Эмери мы знаем, что англичане считают невозможным разглашать на каких именно основаниях за последнее время велись переговоры. Одним из весьма важных моментов переговоров является согласие Ибн Сауда на арбитраж, о чем сообщалось в Меккинском офицозе. К сожалению, Вы совершенно не реагировали на этот новый момент и не сообщили нам телеграфно, в какой степени указанное сообщение соответствует действительности и каковы возможные формы арбитража, которые оказались приемлемыми для Ибн Сауда.

Мы имеем, с одной стороны, определенные заявления английских политиков в том смысле, что Англия всячески стремится к скорейшему

урегулированию спорных вопросов, с другой стороны, нам известно, какое большое внимание уделяется Ибн Саудом ликвидации обострения в его взаимоотношениях с Англией. Разгром непокорных вождей племен является одним из моментов, облегчающих для Сауда соглашение с Англией. Вместе с тем мы не разделяем английской версии о том, что Ибн Сауд покончил с Дауишем и Биджадом исключительно для того, чтобы угодить Англии. Другими словами, факт разгрома непокорных племен не исключает возможности продолжения Саудом и в этих новых изменившихся условиях прежней твердой линии в отношении тех английских требований, которые представляются ему наиболее опасными и одиозными. Политическая осторожность Сауда диктует ему иные методы отношений с англичанами, чем те, при которых он мог бы с пользой для себя использовать ярко выраженную воинственную антианглийскую позицию Дауиша и Биджада. Сауд стремится избежать войны, но это отнюдь не означает безоговорочную капитуляцию перед английскими требованиями.

Мы должны внимательно следить за попытками наших антагонистов связать Ибн Сауда определенными обязательствами в смысле его отношения к нам. Это главная и непосредственная наша задача. Не меньшее значение для нас имеет сохранение Ибн Саудом в своих отношениях с англичанами того уровня независимости и самостоятельности во внешней политике, который сохранялся до сего времени. Для нас одиозным является не столько самый факт соглашения Ибн Сауда с англичанами по спорным вопросам, не те или другие частичные компромиссы, которые могут быть допущены Ибн Саудом для достижения соглашения, а лишь такие уступки Ибн Сауда, которые качественно изменяют его позицию по отношению к нам и к другим восточным странам и ставят его в большую, чем до сего времени, зависимость от английской политики.

Судя по усилившейся агрессивности наших антагонистов повсюду на Востоке, мы можем ожидать, что и наша арабская политика может быть использована как для таких провокационных вымыслов, какие мы наблюдаем в отношении нашей текстильной делегации в Египте, так и для непосредственного нажима на Ибн Сауда и Яхью с целью добиться разрыва с нами. Именно теперь нам следует проявить максимальную осторожность и самым внимательным образом следить за действиями наших противников.

Вместе с тем мы ставим перед собой задачу начать с Ибн Саудом хотя бы предварительные переговоры о договоре. В настоящей обстановке —

это сложная и серьезная задача, которая при ошибках в оценке положения и контрмер наших антагонистов может дать результаты, обратные тому, на что мы рассчитываем. Обращаю Ваше внимание на то, что в этих условиях мы сможем успешно вести работу только в том случае, если Вы будете своевременно регулярно и точно информировать нас о всех ваших действиях и о всех политических фактах, которые могут помочь нам в правильной оценке положения.

Вы слабо информируете нас о том, что происходит в Аравии. Ваши телеграммы следуют с большими перерывами в то время, как обстановка за последнее время буквально изобилует новыми моментами, оценки которых мы от Вас не получаем. Кроме того, последняя почта, несмотря на хорошо разработанную теоретическую записку, в смысле детального и фактического материала оставляла желать лучшего. Главным упущением является то, что Вы не прислали нам своего дневника, который следует вести регулярно и с возможно большей полнотой, учитывая все сведения, поступающие к Вам от ваших сотрудников.

Наши настояния привели к тому, что персы назначили для заключения персидско-геджасского договора специального представителя. Это бывший персидский консул в Сирии Голи хан Айноль Мольк Говейда. Необходимо использовать этот факт для того, чтобы подчеркнуть перед геджассцами значение нашего посредничества в этом деле. По приезде в Джедду этого представителя нужно будет несколько афишировать свой контакт с ним, устроить ему угощение и т. п.

Ваши соображения относительно турецко-геджасских взаимоотношений приняты нами во внимание и мы постараемся кое-что сделать через т. Сурица, но нам следует считаться с тем, что турки в настоящее время не склонны активизировать своей арабской политики и держатся в этом отношении весьма осторожно.

Прошу Вас подробно охарактеризовать Ваши взаимоотношения с представителями восточных стран в Джедде и обязательно присылать мне политическую характеристику всех имеющих для нас значение новых лиц в Джедде.

С коммунистическим приветом — (Карахан)

З en вр

1 — по адресу,

1 — Ар. 01/1а,

1 — т. Карахану.

ВЫПИСКА ИЗ ДНЕВНИКА Н. ТЮРЯКУЛОВА

Беседа с Юсуфом Ясином в Мекке

Предварительная встреча с Фуадом Хамзой не могла состояться потому, что Фуад спешил в Джедду «для проводов франц, консула, больного Мегре». По соглашению с Фуадом я сделал предварительный визит королю для засвидетельствования почтения и симпатии, а затем повидался с Ясином. Из слов Фуада можно было заключить, что Ясин займет пост мининдела или наши вопросы уже согласованы между ними.

После предварительных любезностей, обычных при первом знакомстве, я передал ему привет от Хакимова и его сожаление, что он не имел возможности «за неимением времени» посетить его лично. Далее я заявил, что по установившейся между ним и Хакимовым традиции буду с ним говорить о наших делах, что при этом рассчитываю на его испытанную искренность к СССР и что каждый раз откровенно, без официальностей, и что иным путем трудно решить наши вопросы. Он ответил готовностью на установление таких отношений.

Тогда я начал с истории советско-геджасских отношений, изложил принципы нашей внешней политики, в частности, по отношению к Сауду, отметил особо сочувственное отношение совпра и советской общественности к борьбе Сауда за свободу и культуру страны, отметил, что первый период совете ко-гедж. отн. вселял нам много надежд. Затем изложил ему, как постепенно ухудшалось отношение гепра к нам и к нашим торгов, организациям, иллюстрируя примерами (бойкот с участием чиновников, арест сотрудников Руссотюрка и высылка их и т. д.). Перейдя к последнему периоду, я отметил, что для нашей торговли создан исключительный режим, не применяемый Геджасом ни к одному иностранному государству. «Мы, как и другие, этот режим понимаем как фактическое запрещение нашей торговли при наличии в стране свободы торговли. Наконец, этот режим несовместим с интересами и СССР, и Геджаса, для экономической независимости последнего. Этот режим мы считаем нетерпимым с точки зрения дальнейшего развития наших отношений. Москва в недоумении. Мы спрашиваем — что же дальше? Вместо установления такого режима гепра могло бы предварительно сообщить нам свои соображения, попытаться урегулировать эти вопросы посредством переговоров и обменом мнениями». Далее я перешел на заявление Фуада о готовности короля к переговорам, на наше отношение к этому заявлению и закончил вопросом об эквивалентах.

Ясин начал с того, что король всегда высоко ценил и ценит свою дружбу с СССР и его (совпра) мудрую политику. Король особенно был удовлетворен, когда в трудные для него дни совпра не стало настаивать на своих правах и товары, предназначенные для Геджаса, были отправлены в Емен. Король высоко оценил искренность дружбы СССР. «Мы, — заявил Ясин, — прекрасно понимаем и антиимпериалистический характер советской политики. Мы на протяжении лет видели и видим, как совпра дружески относится к восточным странам. Зная политику моего короля, я могу Вас заверить, что все имевшие место отрицательные явления имеют временный характер и скоро все вопросы наших отношений будут урегулированы к удовлетворению сторон. Вместе с тем я должен ознакомить вас с нашим положением. Дело в том, что с СССР мы не имеем общей границы. СССР находится от нас далеко. Мы здесь окружены со всех сторон владениями и силами Англии. При этих условиях и в этой стране королю приходится вести очень тяжелую работу. Король учитывает все эти обстоятельства и принимает некоторые шаги, диктуемые благополучием этой страны. С вашей трактовкой вопроса об эквивалентах я согласен. В заключение я еще раз заверяю Вас в искренности короля и его высокой оценке советской политики. Я категорически заявляю, что ваши вопросы скоро получают разрешение».

Я сделал несколько ремарок к его общим рассуждениям. Он интересовался международным положением СССР, в частности советско-французскими и советско-германскими отношениями. Разъяснения я дал. Зная общую линию НКВД, я сделал заявление, что геджасско-еменское сближение мы только приветствовали бы, видя в нем один из залогов успехов короля Сауда и имама Яхьи и что в случае, если в будущем понадобится наша услуга королю, то Хакимов, которого король хорошо знает, и я будем рады быть ему полезными в направлении геджасско-еменского сближ. Он поблагодарил, сказал что передаст королю и это мое заявление, свидетельствующее нашу политику с положительной стороны.

Беседа длилась около 2–3 часов. На другой же день Ясин вернул визит. Вечером же мы были приглашены на ужин к нему и участием Айноль-Молька, Абдуллы Фадла, Абдул Вахаба, Фуада и др.

ОСНОВНАЯ БЕСЕДА С КОРОЛЕМ

Подготовив короля посредством бесед с Ясином, а затем и с Фуадом, я пошел на беседу с ним. Король принял меня очень любезно. Присутствовали Фуад и т. Туйметов. Я изложил королю наши вопросы по той схеме, как и в беседе с Ясином, но с той разницей, что сгладил углы и

заострил политические моменты. Я выдвинул те же три пункта — о переговорах, о вр. статусе и об эквивалентах. Король ответил так: он никогда не забывал и не забывает, что СССР был первым государством, признавшим его, Сауда, государство. Он всегда высоко ценил и ценит свои отношения с СССР и дружбу с совпра. Действительно, он в свое время вопрос о переговорах для урегулирования советско-геджасских дел отложил до наступления благоприятного момента. Сейчас он имеет возможность заявить, что готов к переговорам с совпра для обсуждения всех вопросов и заключения политического и торгового договоров. Раз совпра также готово приступить к переговорам, то остается, значит, начать переговоры. Отменить установленный режим не могу, пока не будет подписан договор потому, что это нанесло бы ущерб интересам моей страны. Во время переговоров я изложу свои соображения и обрисую свое положение. Мы совместно обсудим. Я настойчиво поставил этот вопрос перед ним вновь и указал: что Москва недоумевает, что наша торговля в Геджасе никогда не наносила ущерба этой стране, что наши антагонисты выставляют нашу торговлю в качестве причины кризиса, что между тем в этом году, когда мы совсем не выступали, наблюдается еще более глубокий кризис и, что очевидно, причина кризисов геджасск. экономики лежит глубже. Указывая на эти обстоятельства, я хотел прощупать основные мотивы короля.

Король, действительно, перешел на политические рельсы. Он заявил, что его страна связана с Индией, представляющей арабск. купцам ряд льгот. Сейчас я занят решением гл. обр. политических вопросов англо-геджасеко-недждских отношений. Я избегаю осложнять эту задачу торговыми вопросами, хотя они требуют немедленного разрешения. Товары, которые я выписываю исключительно для себя, в Ковейте, незаконно подвергаются обложению. Я молчу, считая, что наступит время для решения и этих вопросов. В заключение он вскользь намекнул на возможность кризиса в Еме-не в связи с нашим появлением и обостряющейся борьбой и конкуренцией различных сил.

Когда я уходил, король задержал мою руку, поданную на прощание, и заявил, что «скоро, иншалла, все устроится». Я поблагодарил его.

Беседа длилась 1 час.

Н. Тюрякулов

Составлено в 1 экз.

8 копий. МИ.

24. 8. 29 г.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА С. К. ПАСТУХОВУ

Джедда, 21 ноября 29

Уважаемый Сергей Константинович,

Послезавтра сюда зайдет пароход «Восток» (б. Лус). Пользуюсь этим случаем для того, чтобы написать Вам это письмо и переслать в Москву часть нашей почты.

1. Политическое положение

В Геджасе спокойно. Более того, один из наиболее влиятельных бедуинских лидеров Халид бин Лувей (тот самый Халид, который в свое время помог Ибн Сауду завоевать Геджас), кровный враг шерифа Хусейна и его сыновей, в настоящее время со своими людьми находится в Неджде и принимает активное участие в борьбе на стороне Сауда. Правда, здесь усиленно муссируют слухи о том, что якобы геджасские племена, в частности, племя Харб (одно из наиболее крупных племен Геджаса, которое во время геджасско-недждийской войны заняло нейтральную позицию) внимательно следят за развитием событий и выжидают удобного момента для выступления. Эти слухи ничем не подкреплены и имеют ценность лишь с точки зрения характеристики геджасских настроений. Торговые слои населения и мутафифы, недовольные упадочным состоянием рынка, во всем обвиняют правительство и по-прежнему причину уменьшения денежных средств в стране и падения ее благосостояния видят в развитии автомобилизма. Кстати следует отметить, что гепра, которое месяца 4 тому назад почти запретительные ввело было пошлины, снова понизило ставки на автомобили и автомобильные части. Оппозиционные настроения, которые имеют скрытый характер, нашли свое открытое выражение в Египте. В газ. «Аль-Мокаттам» от 7 ноября напечатано сообщение «уполномоченного геджасских партий» Абду-Реуфа Ас-Саабан, сторонника Хусейна. Опровергая офиц. сообщения гепра, он объявляет о победах Девиша и поражениях Сауда. Как сложится «хозяйственный» год сейчас трудно судить. Вы понимаете, что речь идет, в сущности, о сезоне паломничества. Передовица сегодняшнего номера «Оммуль-Кура» обещает геджасцам блестящий год и богатую жатву, смягчая этим настроения. Официоз ожидает не менее 50 000 одних явайцев, хотя здешний голландский консул ван-Мюлен мне называл цифру

в 30 000, как максимальную.

В Неджде же положение (по оф. данным) рисуется нам в таком виде: на плоскогорье король покончил с мятежом. Оставив там своего племянника эмир Халида и Халид бин Лувейя, сам король с главными силами двинулся в сторону ковейтской и иракской границ, в районы скопления остатков девишевцев. Попутно отмечу, что местный официоз в последнее время изменил своему эпически спокойному и всегда сдержанному тону и открыто начал писать о кознях и интригах Багдада. Руководитель этой кампании, по моим предположениям, Юсуф Ясин (это видно по языку и характеру статей), советник короля, обещает в ближайшем будущем опубликовать материалы, разоблачающие деятельность иных иракских деятелей (см. наши сводки). Судя по египетским газетам, в Багдаде в ближайшем будущем ожидают приезда шерифа Хусейна. Сочувствующие ему круги это истолковывают, как естественное желание старика, только что потерявшего свою жену (умерла мать Зейда), свои последние годы провести около своих сыновей. Другие же истолковывают более правдоподобно: его младший сын Зейд, постоянно курсировавший между о. Кипром и Лондоном по поручению своего отца, добился там какого-то соглашения. Переезд Хусейна в Багдад является результатом этого соглашения и не предвещает ничего для Неджда в смысле улучшения его отношений с Ираком. Эту часть письма закончу исправлением моего предыдущего сообщения. Бюро прессы гепра опровергло свое первоначальное сообщение о смерти Де-виша. Причем это опровержение было напечатано после того, как в египетских газетах появились телеграммы от нашего собственного корреспондента из Басры о том, что Девиш жив.

2. Наши переговоры

Вы понимаете, что в настоящем письме я не имею возможности писать об этом достаточно полно. Тем не менее кратко постараюсь изложить предмет. Соблюдая правила осторожности и престижа, я старался форсировать решение задачи. Нужно было сделать все необходимое для того, чтобы впоследствии Фуад не мог ответственность за медлительность переговоров взваливать перед королем на нас. Под предлогом отсутствия у него времени Ф. попросил меня помочь ему подготовить проект. В целях форсирования и учитывая предварительный характер переговоров, я предложил ему часть материала. Поступая таким образом, я предполагал и предполагаю внести остальные пункты в порядке компенсации за уступки в интересующих нас вопросах. Мной был предложен ему следующий

порядок: разбирая по пунктам мой проект или могущие быть внесенные в процессе работы новые предложения, фиксировать те моменты, по которым будет достигнуто соглашение. Приняв в принципе мой порядок, он предложил расширить круг подлежащих обсуждению вопросов включением торгового вопроса. При этом он снова поднял старый вопрос о компенсациях, не разъясняя по-прежнему ни характера, ни объема этих компенсаций.

Я предложил ему высказаться конкретно. Он этого не сделал, но снова попросил меня сформулировать нашу точку зрения по торговому вопросу. Констатируя, что внесение им торгового вопроса в круг переговоров мы понимаем, как готовность гепра одновременно обсуждать и торговые вопросы, я представил ему нашу формулировку в духе статьи 3 известного Вам проекта. При этом я исходил из того расчета, что нет надобности сейчас уклоняться от обсуждения такого важного вопроса и что в случае попытки Ф. затормозить этим способом общие переговоры я имел возможность потребовать, чтобы обсуждение торгового вопроса было отложено. Эта линия одобрена и Вами. Устно же я заявил, что нашу формулировку он может рассматривать как базу для дальнейшего. Таким образом, наши переговоры охватили весь круг интересующих нас вопросов.

Ф., конечно, оттягивал, дожидаясь результатов наших переговоров с Лондоном. Последний раз он заявил, что хотя он и имеет уже полномочия к ведению со мной переговоров по всем вопросам, тем не менее хотел бы перед началом нашей совместной работы поставить короля в известность. Он обещал дать мне ответ через 2 недели. Эти две недели прошли. Сейчас он находится при эмире Фейсале, который гостит здесь третий день. После отъезда эмира в Мекку он останется на несколько дней в Джедде и мы сможем продолжить наши беседы. Так мы уговорились на приеме у эмира. Сведение же о решении англ. парламента по русскому вопросу мы получили лишь ВЧЕРА. Если произойдут какие-либо сдвиги в наших делах здесь, я немедленно сообщу по телеграфу. Эти сведения я счел необходимым привести в письме потому, что они характеризуют обстановку. Более подробно коснуться этого вопроса я счел неудобным.

3. Наша связь с торговыми кругами

Связь с торговыми кругами мы продолжаем поддерживать. По уговору с т. Хакимовым я связывал его с губернатором Джедды (крупный импортер и наш главный противник, один из инициаторов бойкота). Мной от имени Хакимова ему предложен был сахар по индийским ценам, что по здешним

условиям весьма выгодно. Через несколько дней он ответил мне в том смысле, что, посоветовавшись с Фуадом, он решил окончательное решение этого вопроса отложить до 15–20 ноября. Я ответил, что он в своих торговых делах волен советоваться с кем угодно и что в данном случае передаю лишь ответ Хакимова на его, губернатора, запрос. В эти дни ожидаю возобновления переговоров с ним. Наиболее же интересным для нас клиентом является Минфин Абдулла Сулейман. Последний через своего подставного человека — здешнего таможенного инспектора Аммари вступил с нами в переговоры о возможности закупки у нас нефтепродуктов. Мы выясняем серьезность этого предложения. Необходимо учитывать, что здесь для понижения цен прибегают к таким приемам. Тем не менее, со всей осторожностью мы продолжаем интересоваться этим делом. Абдулла Сулейман имеет сейчас решающее значение в хозяйственных вопросах Геджаса и правительственных поставках. Следующим вопросом является предложение Лазарини. По просьбе т. Хакимова я снова излагаю Вам свое мнение по этому вопросу: я рассматриваю Лазарини, как последнее средство, которое можно будет использовать с непременным использованием местных фигур вроде Аммари, Шериф Тевфика. Начинать же дело сейчас особенно в этот период переговоров с гепра, конечно, не представляется возможным. Использование итальянского флага для нашей торговли имеет сейчас ряд политических неудобств. Я посоветовал т. Хакимову не торопиться с ответом Лазарини. Отмечу, что по словам здешнего итальянского консула Солаци, Италия не собирается признавать гепра, считая, что «отношения между обеими странами и так хороши». Развивая свое мнение об Аравии, Солаци критиковал известный Вам Мекканский договор, заключенный между Саудом и Идриси. Разговоры о близком признании гепра Италией пока что отпадают. При этих условиях не учитывать минусы предложения Лазарини невозможно.

4. О рангах и т. п.

Вы знаете, что мы здесь давно, еще со времен т. Хакимова ведем спор о старшинстве в дипл. корпусе. Последний своими средствами не мог и не может разрешить этот вопрос. Наша тактика заключалась в выдвигании турка. Но турок, к сожалению, постоянно гадил, уступая уже как бы от себя это первенство англичанину. Они двое стали пытаться создавать потихоньку традицию англ. первенства. Последний раз эту попытку они сделали 14 июля вдень Бастилии во франц. консульстве. Несмотря на то, что Сени-бей был предупрежден мной через т. Туйметова о нашей точке зрения на первенство в дипл. корпусе и желательности выступления его у

французов от имени всех нас (мало того, этот господин принял наше предложение), мы были свидетелями такой возмутительной картины: вместо того, чтобы согласно уговору с нами выступить в качестве старшины, в присутствии консулов и местных представителей, он выступил в качестве простого переводчика речи англичанина на арабск. яз. «Англ, представитель мосье Бон изволят говорить...» — начал он свой перевод. Таким способом контрабандой англичанин хотел протащить свое решение, хотя бы в форме прецедента. В ответ на это я привлек перса и в день 6-й годовщины Турецкой Республики, опередив англичанина, выступил с приветствием от имени всего корпуса на арабском языке. После этого случая, воспринятого всеми, как наше нежелание уступать наше право, мининдел в беседе со мной коснулся вопроса о порядке, которого будут придерживаться гепра в отношении корпуса. Он заявил, что по мнению гепра первое место с точки зрения гепра будет занимать Сени-бей, второе — я, третье — мосье Бонт и четвертое — мосье Мегре (француз). Ф. спросил мое мнение об этом. Я заявил, что против этого порядка не имею ничего возразить. На этом основании везде и повсюду я стал занимать (ввиду отсутствия турка) первое место и косвенно закрепил тем самым свое старшинство перед англичанином. На банкете, устроенном губернатором в честь эмира, мне было отведено место справа от Фейсала, что не вызвало возражений со стороны других. Таким образом, за Сени-беем закреплено то, от чего он отказывался в пользу англичанина. Сейчас здесь циркулируют слухи о том, что Сени-бей больше не приедет, что на его место предполагается назначить секретаря турецкого посольства в Египте (молодой человек лет 35–36, из свиты Мухиддин-Паши). Если Сени-бей действительно не приедет, то тем самым старшинство будет закреплено за нами. Вы понимаете, что речь идет не о признанном первенстве в корпусе, а о признанном гепра первенстве.

Переходя к вопросу о рангах, я могу сообщить Вам следующее: во время последней беседы с Ф., я спросил его о его предположениях насчет рангов и посылки дипл. представителей за границу. Он повторил свои старые жалобы на необходимость для гепра соблюдения экономии и отсутствие подходящих людей. При этом он добавил, что гепра хотело бы видеть меня, англичанина, турка, француза в одном ранге, например в ранге послов, что в настоящее время мосье Мегре француз также представил свои бумаги в качестве «шарже д'аффер» (до сего времени он считался консулом). На мой вопрос о времени и сроках Ф. ответил, что он меня заранее предупредит. Легко догадаться, что геджасцы сначала хотят узнать мнение Лондона о ранге англ, представителя в Джедде. Если Вы одобрите,

я хотел бы в соответствующий момент заявить о нашем принципиальном взгляде на этот вопрос (равенство сторон и отсутствие с нашей точки зрения «больших» и «малых» государств). Я буду ждать В. указаний.

5. Англо-Йеменский договор?

Посылаю Вам вырезку из газеты «Саутуль-Ирак» (Голос Ирака). В этой вырезке говорится: Между Великобританией и Йеменом достигнуто соглашение на следующих условиях: 1. Девять спорных областей, под которыми подразумеваются Аль-Макалла, Шехр, Лехеджд, Бир-Али, Бельхаф, Марс Симут, Марс Насаб, Шокра — признаются владениями йеменского государства, причем Аль-Ма-калла и Лехеджд платят йеменскому государству свои ежегодные зекат и подати, сохраняя при этом существующий там аппарат власти. 2. Заключается торговый договор между Великобританией и Йеменом. 3. Заключаются договор и соглашение между Египтом и Йеменом. 4. Заключаются договор и соглашение между Ираком и Йеменом и производится между ними обмен послами. 5. Великобритания признает независимость Йемена в его географических границах, начиная от Хадра-Маута и Аль-Макалла до границ Геджаса Мекки при условии, что вопрос об Ассире и Биша, входящих географически в Йемен, будет разрешен по соглашению с королем Геджаса. Подозреваю, что «Саутуль-Ирак» сочинил все это в провокационных целях. Через 2 дня посылаю такую же вырезку т. Хакимову в надежде, что он в случае необходимости мог бы использовать тамошнюю газету «Аль-Иман» для соответствующей реакции.

6. Зарубежные арабские дела

В общественной жизни Геджаса нашли известный отклик лишь палестинские события. Объявлена подписка в пользу палестинских жертв (Фейсал внес 100 ф., Фуад 20 ф. стерл.). В подписке приняли участие и наши граждане.

7. Еще раз позволяю себе напомнить вопрос т. Султанова Абдурахмана (студента-практика из Наримановского института). Первое, нужно оформить в Институте его пребывание в течение ближайшего года в Геджасе, т. к. 3-мес. командировка ничего ему не даст и такие частые перемены в нашем составе для нас неудобны. Второе, нужно, чтобы Институт увеличил его месячное содержание до 20 ф. ст. Иначе он не сможет жить здесь.

Об этом вопросе я уже писал Вам в предыдущем письме.

8. Еще раз хотел бы поставить вопрос о докторе. У нас продолжает работать женщина-врач Тивель (Бабаджан). Она работает здесь в порядке местного найма. Я по-прежнему остаюсь на «мусульманской» точке зрения, что нам лучше иметь все-таки мужчину доктора. Правда, она работает прекрасно и приобрела большую популярность среди женской половины населения (ежедневно принимает до 25–30 чел.). Из осторожности по нашему совету она часто отсылает к другим врачам (сирийцам), чтобы ее не подозревали в «отбивании» чужих больных. Население весьма довольно. Тем не менее, прошу В. содействия в замене ее мужчиной. Частным образом узнал, что вопрос о докторе Мошковском встретил какое-то затруднение. Если это так, то приходится сожалеть. Нельзя ли ускорить разрешение этого вопроса в желаемом нами направлении.

9. Из советских событий и источников в местной газете отмечены: переход нашего производства на непрерывку, образование Союзной Таджикской Респ., отвод евреям земель в Сибири («образование еврейской республики в Сибири»), обмен нотами признан между Москвой и Кабулом, телеграммы ТАСС об афганских событиях и т. п.

10. После смерти одного из наших граждан, бывшего заведующим некоторыми вакуфными имуществами (наши вакуфы) возник обычный спор между нашими гражданами из-за места заведующего. В этом споре приняли участие и некоторые бывшие российские подданные (сейчас англоподд.). Они потребовали нашего вмешательства. Переход имущества в руки нежелательных нам элементов не мог быть допущен. С другой стороны, не зная форму предстоящего решения вопроса в договорном порядке, я не хотел вмешиваться открыто. Путем частного воздействия на наших граждан мы добились удержания имущества в руках лояльных элементов.

С товарищ, приветом: Н. Тюрякулов

ПИСЬМО РОТШТЕЙНА Н. ТЮРЯКУЛОВУ

Секретно
№ 18616
22/ХП-29 г.

I Вост.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ АГЕНТУ СССР В ДЖЕДДЕ
Т. ТЮРЯКУЛОВУ

Уважаемый товарищ,

В дополнение к письму т. Карахана от 4/ХП (сам он еще не вернулся из Турции, где, как Вы знаете, им было заключено новое советско-турецкое соглашение, т. наз. Ангорский протокол) хочу обратить Ваше внимание на некоторые вопросы.

1. Из посылаемого Вам текста Ангорского протокола и комментариев печати Вы увидите важное значение этого акта, которое Вам следует разъяснить представителям геджасского правительства, наравне с нашими успехами в китайском вопросе и в формальном установлении дипломатических отношений с Англией. Ясно, что все эти моменты будут положительно влиять и на содержание Ваших переговоров. Мы рассчитываем получить с этим дипкурьером (т. Шкурин) подробную информацию о ходе Ваших переговоров, а также об англо-геджасских взаимоотношениях и внутреннем положении страны. После письма т. Карахана, где он отмечал скудость получаемой от Вас за последнее время информации, мы получили с нашим пароходом Ваши материалы, которые осветили ряд интересующих нас вопросов. Разумеется, что Вам следует систематически использовать рейсы Совторгфлота для отправки с ними информации, которая может быть дана не в порядке дипломатической почты, учитывая, что дипломатическую почту мы не сможем иметь достаточно часто.

2. С этой почтой мы посылаем Вам верительные грамоты в качестве полпреда (на правах чрезвычайного посланника и полномочного министра). Для оформления этого нам нужно будет иметь формальное постановление ЦИКа, о чем мы Вас уведомим дополнительно по телеграфу. Мы надеемся, что Вам удастся провести переформирование Генконсульства в миссию в должном порядке и не отставая от других иностранцев. Что касается поднятого Вами вопроса о выделении консульских функций, то пришлите по нему Ваши конкретные предложения. Пока что мы считаем возможным, чтобы выполнение консульских функций было возложено Вами на одного из сотрудников, тем более, что и объем этих функций в Геджасе незначителен. Для Вашего сведения сообщаем, что выделение консульских функций в дипломатических миссиях не обязательно

проводится в порядке организации отдельного консульства, или даже консульской части. Для примера укажем на персидское посольство в Москве, которое, при чрезвычайно большом объеме консульской работы, не имеет формально ни одного консульского работника, причем выполнение консульских функций поручается второму секретарю Посольства.

3. Разрешение вопроса о нашей торговле с Геджасом для нас важно не только в смысле создания экономической базы для нашей работы в Геджасе, но и для урегулирования проблемы красноморских рейсов. Как стоит этот вопрос, Вы увидите из моего письма т. Хакимову от сего числа, в копии направляемого Вам. Мы ждем от Вас конкретных соображений о формах организации торговли (о чем Вам пишет т. Карахан), что мы поручили также сделать т. Хакимову, по согласованию с Вами. Вопрос в целом будет обсуждаться в ближайшее время в Наркомторге и, повидимому, он будет разрешен путем расширения деятельности Ближвостгосторга на Геджас. Необходимо будет обратить особое внимание на разработку программы планомерного снабжения аравийских рынков товарами и на вопрос фрахтов. Сейчас Совторгфлот с трудом справляется с ближневосточными рейсами в виду недостаточности тоннажа.

4. Я считал бы полезным, чтобы сверх Ваших писем Вы присылали нам копию своего дневника, если Вы таковой ведете. В противном случае желательно, чтобы Вы приступили к составлению дневника, в котором должны отмечаться важнейшие факты, беседы и получаемая Вами информация. Это поможет нам в уяснении отдельных деталей, которые могут ускользнуть в Ваших письмах.

5. Одновременно с почтой к Вам выезжают врачи Мошковский (высококвалифицированный, ученый специалист по вопросам тропических болезней), главным образом для ведения научных исследований, и его ассистент врач Нахашвили, главным образом, для подсобной работы и для клинической практики. Хотя по настоящий день мы не получали Вашего сообщения о визе для Нахашвили, рассчитываем, что Вам удастся ее получить. В противном случае, Нахашвили пришлось бы поехать на некоторое время в Ходейду и там дожидаться визы для приезда в Геджас. В почте направляется письмо Наркомздрава т. Семашко министру здравоохранения Геджаса (если такового нет, можно передать его в другое соответствующее ведомство). Полагаем, что Вы используете это письмо для создания делового контакта между т. Мошковским и геджасскими

властями. Сообщаем для Вашего сведения, что работа нашей амбулатории в Санаа и в частности д-ра Бабаджана имеет прекрасные результаты и превратилась в один из каналов нашего политического и культурного влияния. Наркомздрав очень заинтересован в научной работе т. Мошковского и от успехов последней будет зависеть его дальнейшее отношение к медицинской работе в Геджасе. Работа т. Мошковского действительно должна иметь крупное научное значение. По всем этим причинам мы просим Вас создать максимально благоприятные условия для работы т. Мошковского и учитывать, что ему также необходим ассистент Нахашвили, как его ближайший помощник.

6. Поднятый Вами вопрос о т. Султанове мы стараемся урегулировать с Институтом. О результатах мы поставим Вас в известность по телеграфу.

С товарищеским приветом — (РОТШТЕЙН)

2 экз. ВО/13.

1 — в адрес,

2 — в дело.

ПИСЬМО И. ТЮРЯКУЛОВА ФУАДУ ХАМЗЕ

Перевод с арабского

Дипломатическое Агентство и Ген. Консульство СССР

Джедда, 1 шаабана 1348 г., 1 янв. 1930 г.

Его Превосходительству исп. обяз. Заведуют. Иностранными Делами
Его Величества Короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей

В связи с заявлением В. Превосходительства от 14 декабря с. г.,
настоящим имею честь от имени моего правительства заявить следующее:

Заявление Вашего Превосходительства о согласии Его Величества
Короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей на
переформирование Дипломатического Агентства и Генерального
Консульства СССР в Джедде в Дипломатическую Миссию встречено с
полным удовлетворением. Добавлю, что учреждение Дипломатической
Миссии соответствует желаниям и стремлениям моего Правительства, о
чем оно в свое время заявляло. Настоящим имею честь уведомить В. Пр. о
переформировании дипломат. Агентства и Ген. Консульства СССР в
Джедде в Дипломатическую Миссию и в связи с этим выражаю великую

надежду, что это послужит еще большему укреплению и расширению в будущем дружественных отношений, существующих между обоими нашими Правительствами. Примите и пр.

Дипломатический Агент и ГенКонсул СССР
Назир Тюрякулов

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ФУАДА ХАМЗЫ Н. ТЮРЯКУЛОВУ

Перевод с арабского

Департамент Иностранных Дел

Мекка. 3-8-1348 г.

3-1-1930 г.

№ 31/1/37

Ваше Превосходительство,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 1 января 1930 г. (1-8—1348 г.), в котором уведомляете меня о решении Правительства СССР переформировать свое Дипломатическое Агентство в Джедде в Дипломатическую Миссию, начиная с даты вышеуказанного Вашего письма. В связи с этим приношу Вам свои поздравления и выражаю пожелание, чтобы это изменение послужило началом новой эпохи в отношениях обеих стран.

Примите и пр.

Фуад Хамза (подпись)

Его Превосходительству Назир-бею Тюрякулову Советская Дипломат. Миссия в Джедде. перевел: Н. Т.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА ПОЛЯКОВУ

Секретно

Джедда, 12 Января 1930

Уважаемый товарищ Поляков,

Мы воспользовались неожиданным прибытием в Джедду парохода «Зырянин» для того, чтобы сообщить н/Отделу наиболее интересные сведения из политической жизни Геджаса. Я говорю «неожиданное

прибытие парохода», т. к. кап. Никитин дал нам знать о себе лишь накануне своего прихода в наш порт. Но так или иначе мы постарались дать вам сведения по всем интересующим вас вопросам.

Прошу обратить внимание Отдела на ассирийский вопрос, который составляет сейчас предмет наших наиболее серьезных забот и тревог с точки зрения дальнейшей судьбы геджасско-йеменских отношений. Копия моего письма к т. Хакимову даст вам много материалов по этому вопросу. От т. Хакимова я хотел бы получить сведения по вопросу об Ассирс и геджасско-йеменских отношениях в освещении Санаа. Отсутствие нормальной почтовой связи между Джеддой и Ходейдой пока что устраняет возможность такого обмена материалами нашими средствами. Поэтому обращаюсь к Вам с просьбой о том, чтобы Отдел использовал каждую оказию для передачи мне подобных материалов из Санаа. Вместе с тем и я здесь использую каждый подходящий случай (наши пароходы) для посылки Кериму наших материалов (сводок и газет, а иногда и письма). Вы сами прекрасно понимаете все это, но тем не менее я решил лишний раз подчеркнуть вопрос. По всей вероятности, Вы уже знаете о книге шейха Абдуллы Филби «Аравия» (1930), в которой [он] довольно откровенно раскрывает свои карты. Критические замечания «Нир Иста» по поводу сообщений Филби о яхья-саудовских отношениях в будущем рассчитаны, конечно на маскировку их подлинных намерений и в той или другой мере сигнализируют о наличии известных планов в этом направлении.

Затем позвольте мне пожаловаться на Москву: мы не имели и не имеем никаких указаний о линии нашего поведения по холерному вопросу. Мы действовали по нашему разумению. Так, конечно, не годится. Мы прилагаем специальную записку и по этому вопросу, в которой Вы найдете все, что касается наших соображений о постановке медчасти при полпредстве. Попутно прошу расшевелить НКЗдр и Бюро Загр. Информации и попросить их более внимательно относиться к установлению более тесной связи с нами. Нужно позаботиться, чтобы наши врачи здесь чувствовали постоянный глаз Москвы. Между тем Мошковский не имеет никаких указаний. Все исчерпывается частными сведениями и письмами. Кроме того, необходимо обеспечить своевременный отпуск и отдых врачей, чтобы не отпугивать других при поисках работников для Джедды. Мошковский до сих пор пребывает в неизвестности насчет того, как быть дальше. Неизвестность не позволяет установить твердую программу работы медчасти, которая к тому же является полузаконным придатком полпредства.

В заключение прошу отдел и лично Вас по моему вопросу.

Предоставленный мне в январе отпуск является просто издевательством. Не имея теплых вещей и нуждаясь в ремонте здоровья и отдыхе, я вынужден просить реализацию моего отпуска перенести на лето. Туйметов уезжает в апреле, я летом. Таким образом, Матюшкин остается один. Он еще не владеет ни европейскими языками и ни арабским языком в мере необходимости. Очевидно, что он может оставаться один только в том случае, если его вы согласитесь оставить на лето здесь в качестве лишь управляющего полпредством, не возлагая на него ни работы по представительству ни по своим, ни по связи с местным обществом. Если на это НКВД не пойдет, то он должен озаботиться своевременно прислать товарища соответствующей квалификации со знанием языков хотя бы французского и турецкого. Я так говорю, имея в виду, что вы, может быть, возьмете кого-либо из Турции на время. Попутно скажу, что Матюшкин оказался работником более способным и восприимчивым, чем Катышев и чем мы ожидали. Надеюсь, что он скоро войдет в курс туйметовской работы. Что касается языков, надо думать, что начнет говорить не раньше чем через год. После того как обжигаясь на одном, начинаешь дуть и на другое. Ведь Катышев не владел и русским языком. Большое значение имеет и культурный уровень человека. Я с большой надеждой отношусь к Матюшкину, придираюсь к его произношению, заставляю произносить по несколько раз каждое слово и ввожу в арабский яз. Он пока что не огорчается и не всегда удачно, но и всегда старательно выводит «анны» «дады» и т. п. Одновременно помогаем по части французск. яз. Дай бог не ошибиться. Аль мустакбаль кешшаф. Кроме того, доволен тем, что мы все после отъезда Катышевых и по приезде тихих людей обрели покой и избавились от скандалов, которые являются типичными для народных судов Москвы. Мы молчали. Ке фер! Я ведь не мог даже замечания делать им. Первое и последнее мое замечание т. Катышеву о неудобстве танцев в утренние часы и стука над потолком селямлика, когда там сидят гости (так оно и случилось), вызвало обвинение меня со стороны обоих Катышевых в бюрократизме и т. д. вплоть до разговоров со слезами, которые выжимались в любой момент. Я вынужден был молчать и тогда, когда Катышев избивал свою жену и последняя кричала о помощи. После этого начинаешь относиться с недоверчивостью ко всем новым людям. Я обо всем этом рассказал Вам исключительно для того, чтобы отметить всю важность тщательного подбора работников во всех отношениях.

Ну, будьте здоровы. Кстати, как говорят, Вы все болеете. Если будете писать, то пишите только на машинке: Ваш почерк хорошо знаем. Как здоровье и как дела Лахути? Недавно в «Правде» читал его «рубаият» в

связи с процессом Промпартии. Привет всем тт.
Подпись (Назир Тюрякулов)

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ О НАЗНАЧЕНИИ

Н. ТЮРЯКУЛОВА ПОЛНОМОЧНЫМ МИНИСТРОМ СССР

Перевод с арабского

Его Высочеству

Наместнику Его Королевского Величества

Настоящим имею честь сообщить В. В., что Центральный Исполнительный Комитет СССР назначил меня Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром при особе Е. К. В. Представляя при сем копию Верительной грамоты с французским переводом, прошу В. В. уведомить меня о времени и месте представления верительной грамоты, коей я назначаюсь к особе Е. К. В.

Примите и пр.

Н. Тюрякулов

Советское Полномочное Представительство

в Джедде

14 рамадана 1348 г.

ПУБЛИКАЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «УММУЛЬ-КУРА»

ОТ 27 ФЕВРАЛЯ 1930 ГОДА

Вручение Полномочным Министром СССР свои грамоты

26 февраля вечером в Мекке Советский Полномочный Министр и Чрезвычайный Посланник вручил свои грамоты наместнику короля Эмиру Фейсалу. Стороны обменялись следующими речами:

Речь Полпреда

Ваше Высочество,

Центральный Исполнительный Комитет оказал мне честь и возложил

на меня ответственную миссию назначением меня Полномочным Министром и Чрезвычайным Посланником при особе Его Величества Короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей — Абдул Азизе Ибн Абдурахмане Аль-Фейсале Аль-Сауде.

Целью настоящего назначения является укрепление и усиление дружественных отношений, установленных к взаимному удовлетворению обеих сторон между двумя странами.

Я приложу все свои силы для осуществления этой задачи, опираясь на высокие симпатии и благосклонные отношения, которых я удостоился со стороны Его Королевского Величества, со стороны Вашего Высочества, а также государственных деятелей со времени моего прибытия в эту страну. Я надеюсь, что встречу те же симпатии и то же отношение в своей новой деятельности.

Я прошу Ваше Высочество соблаговолить передать Его Королевскому Величеству мои симпатии и добрые пожелания Его Величеству, членам королевского дома и стране.

Я прошу Ваше Высочество передать Его Величеству и его благородному народу добрые пожелания Председателя ЦИК СССР.

Позвольте представить Вашему Высочеству мои верительные грамоты, которыми я назначен с новой миссией, и просить Ваше Высочество принять выражение моего глубокого к Вам уважения.

Ответная речь эмира Фейсала

Господин Полномочный Министр и Чрезвычайный Посланник, я рад принять именем Его Величества Ваши верительные грамоты, которые соблаговолили (прислать) господин Председатель ЦИК СССР и которыми Вы назначены Полномочным Министром и Чрезвычайным Посланником при особе Его Величества Короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей.

Те благородные симпатии, на которые Вы изволили указать, и те добрые пожелания, которыми Вы выразили стремление к продолжению дружественных и лучших отношений и укреплению их, являются для нас общими чувствами.

Я не сомневаюсь, что сегодня Мы открываем новую эпоху в отношениях наших стран и этим закладывается прочный фундамент дружбы между ними.

Я уверен, что при выполнении возложенной на Вас задачи Вы будете встречать со стороны Его Королевского Величества благосклонное отношение и всяческое содействие, а со стороны моей и государственных деятелей — действительное желание помочь Вам во всем, что способствует

укреплению дружественных отношений между обеими странами.

С этими чувствами принимаю от имени Его Величества, моего Великого отца Ваши верительные грамоты и прошу Вас сообразоволять передать высокие приветствия и добрые пожелания Его Превосходительству господину Председателю ЦИК СССР и его благородной нации от имени Его Королевского Величества и его народа.

Я желаю Вам успеха в Вашей деятельности.

«Уммуль-Кура», 27 февраля 1930 г.

29 Рамазана 1348 г.

ПОСЛАНИЕ КОРОЛЯ АЛЬ-САУДА

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦИК СССР М. И. КАЛИНИНУ

Перевод с арабского

Во имя Аллаха

Всемилоостивого и Милосердного!

От Абдель Азиза ибн Абдуррахмана аль-Фейсала альСауда,
Короля Хиджаза, Неджда и присоединенных областей

Его Высокопревосходительству г-ну Калинин, Председателю Центрального исполнительного комитета великого Союза Советских Социалистических Республик

Ваше Высокопревосходительство!

С огромной радостью мы получили Ваше бесценное послание, которым Вы уведомляете нас о Вашем назначении товарища Назира Тюрякулова Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром при нашем правительстве.

Ввиду нашего пребывания в Неджде наш сын и наш наместник в Хиджазе Фейсал принял от нашего имени верительные грамоты у г-на Тюрякулова.

Хотим Вас заверить, что Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр встретит с нашей стороны и со стороны членов нашего правительства всяческое добросердечие и наилучшее обхождение. Он

также увидит, что стремление к укреплению столь счастливо сложившихся между нашими странами дружеских и добрых отношений является обоюдным, и это вселяет в нас всемерную радость.

Мы также рады направить пожелания доброго здоровья и благополучия Вашему Высокопревосходительству, а также процветания всей благородной советской нации.

Совершено в нашем дворце 10 шавваля 1348 года, соответствующем 10 марта 1348 года.

Подпись: Абдель Азиз альСауд

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕД Н. ТЮРЯКУЛОВА

8–9 января 1930 года

Коронационные торжества. В 2-х верстах от Джедды в Кандара вечером был устроен банкет (на средства нашего антагониста Джеддинского губернатора). Присутствовал эмир. Справа от него сидел я, слева — Ахмед Зекки паша. Справа от меня — губернатор, за ним — Бонд. Хамза выступил с большой речью, в которой охарактеризовал личность короля, его борьбу за независимость страны еще «в те дни, когда Аравия стонала под игом иноземцев». Затем подробно остановился на внутреннем и внешнем положении страны, отметив в качестве достижения факт переформирования 4 консульств в миссии (Англия, СССР, Франция и Персия). После него выступил [оратор] с речью от имени присутствовавших там египетских журналистов (представлены были почти все главные органы). Он отметил достижения Ибн Сауда в отношении установления в стране порядка и культурной работы. Затем по традиции выступали представители различных организаций с речами и стихами. Я решил свое выступление перенести на другой банкет, который должен был состояться на другой день в долине Вади Фатима (между Меккой и Джеддой). Этот банкет устраивался на средства городов Мекки и Джедды и носил более народный характер. Другие члены корпуса также не выступали. Хамза потом объяснился со мной — он, оказывается, ожидал моего ответного выступления. Я указал ему, что в подобных случаях он обязан предварительно договариваться.

Выяснилось одно интересное обстоятельство: Хамза в качестве главного распорядителя не допустил выступления на этом торжестве «представителя Джедды». Произошел между Хамзой и губернатором

конфликт, который на другой день улаживал эмир. Губернатор отказался участвовать на торжествах в Вади Фатима. Эмиру удалось уломать старика. Примирял их. Не дождавшись окончания торжеств, Хамза уехал в Мекку. На этот раз на торжествах присутствовали представители и Мекки, и Джедды. Места были распределены в том же порядке. В соответствующий момент я выступил с речью на арабском языке. После меня выступил Бонд (на англ. яз.), за ним — Мегре (на французск. яз.). Отношение арабов к моей речи было явно сочувственное. В то время как моя речь была поддержана дружными возгласами присутствующих, речи Бонда и Мегре были выслушаны без признаков какого-либо реагирования.

Помимо египетских журналистов присутствовало много сирийцев, ковейтцев, а также много бедуинских лидеров. Выступление Бонда несмотря на то, что я говорил от имени корпуса, преследовало одну цель: показать, что он продолжает стоять на прежней позиции непризнания моего старшинства, и, кроме того, поддержать престиж английского имени перед колониальными жителями.

Все это показывает, что Бонд решил оставаться на своей позиции, пока не приедет новый английский посланник, который должен будет сделать визит в качестве новоприехавшего и урегулировать наши отношения. Арабы с любопытством наблюдают за нашими «личными» отношениями.

25 января 1930 года

В Мекке. Посетил эмира Фейсала по вопросу о существующем по отношению к советской торговле режиме в Геджасе. Я сослался на заявление Хамзы от 14 декабря пр. г. Эмир ответил, что принципиальное отношение короля и его правительства к этому вопросу определилось в нашу пользу и что к снятию этого режима нет никаких препятствий. В то же время он выставил перед нами необходимость получения окончательных распоряжений короля. Он обещался по получении указаний короля поставить меня немедленно в известность.

26 февраля 1930 года

Опять в Мекке. В 10 часов вечера (такой поздний час объясняется рамаданом) с соблюдением всех пунктов объявленного по корпусу порядка я в сопровождении т. Туйметова и адъютанта эмира Халид-бея приехал в «Хамидие» (напротив Каабы). Почетный караул. Толпа любопытных. После 3—4 мин. ожидания в приемной был принят эмиром Фейсалом в присутствии чиновников министерства иностр. дел. Обмен речами и вручение грамот.

В порядке особой по отношению к нам любезности и внимания вручение моих грамот было приурочено именно к этому вечеру «Лелетиль-Кадр» (Ночь судьбы). По воззрениям мусульман, сегодняшняя ночь является наиболее почитаемой. Посмотрим, что готовит нам судьба в Мекке.

27 февраля 1930 года

Сообщение всем дружественным дипломатам о переформировании Дипломатического Агентства и Генер. Консульства СССР в Дипломатическую Миссию СССР, в том числе и Бонду. Французы ответили письмом и лично посетили нас с поздравлениями. Бонд ответил лишь письмом, в котором принимает мое сообщение к сведению. Также поступил Солаццо. Турок и перс посетили нас лично.

3 марта 1930 года

Вернулся из Дамаска Тевфик Шериф, уехавший туда в августе прошлого года. Вернулся до рамадана. Производит совершенно новое впечатление, вызывая своими темами недоумение в нас. Говорит о том, что нужно было бы как-то реагировать на предстоящих юбилейных торжествах в Алжире (торжества по случаю завоевания Алжира Францией). Указывал на эмира Халида (внук известного борца за независимость Алжира Абдель-Кадира), проживающего в настоящее время в Бейруте, как на человека весьма влиятельного и мужественного. Шериф советовал нам связаться с ним. Я очень мягко, но решительно отвел этот странный разговор.

Много расспрашивал о крестьянской политике совпра. Он затем перешел на другие темы.

10 марта 1930 года

Праздник «Ид-эль фитр» был использован нами для расширения наших личных «мусульманских» связей. Обменялись приветствиями более чем с 100 чел. У нас был прием знакомых, приходивших с поздравлениями.

Был снова Тевфик Шериф. Просит узнать мнение совпра насчет возможности для него поездки в СССР и изучения там авиационного дела (пилотаж и постройка аэродромов). При своей общей подготовке он надеется все это изучить в течение 6–7 месяцев. (По его словам, он был начальником штаба дивизии в турецкой армии.) Этот свой проект мотивирует необходимостью контроля англичан, которые сейчас строят для Ибн Сауда два аэродрома — один в Дарейне на кувейтской границе Неджда и другой в Джедде. В связи с этим делом он интересовался прожиточным

минимумом в СССР Много рассказывает о «высоких идеалах» масонства. Спрашивает нас — есть ли у нас масонские ложи.

Сегодня рассказывал о том, что он много работает сейчас для организации рабочих в Джедде. Все это наводит нас на размышление, что у Шерифа завелись теперь какие-то задние мысли не вполне лояльного свойства.

26 марта 1930 года

Учреждение считается переформированным в дипломатическую миссию. Сообщение представителям дружественных стран о переформировании нашего учреждения сделаю после вручения грамот.

Переформирование английского консульства в миссию состоялось 22 декабря. В своем циркулярном сообщении, разосланным им всем за исключением нас, он сообщает также о своем назначении в качестве поверенного в делах. Продолжая старый спор о старшинстве в дипкорпусе, он не сделал до сих пор ко мне визита, хотя на всяких торжествах и банкетах гепра мне постоянно отводит первое место (справа от эмира), а ему — второе. После его выступления в французск. консульстве (14 июля 29) в качестве «старшины» при переводчике Сени-бее (?), я выступил в качестве старшины от имени корпуса на арабском яз. в день национального праздника Турецкой республики. Он тогда на это ответил выступлением от своего имени на французском яз. После него с такими же приветствиями выступили м-сье Мегре и синьор Солаццо. После этого случая Бонд больше не выступает первым, хотя всячески старается подчеркнуть, что он не признает меня в качестве старшины.

28 марта 1930 года

Беседовал с персконсулом Лари-эфенди. Он встревожен политическим моментом. Говорит, что, по его сведениям и предположениям, между Ибн Саудом и Англией достигнуто какое-то политическое соглашение. Он предполагает, что разрешен вопрос о железной дороге Хайфа — Басра. Считает, что осуществление этого проекта создает угрозу для юга Персии и в частности для строящейся южноперсидской дороги. Спрашивал мое мнение. Я ответил, что он совершенно прав, расценивая это как угрозу для Персии.

29 марта 1930 года

Здесь некоторыми частными лицами получена брошюра, написанная б. бухарским эмиром (на таджикском диалекте персидск. яз.). Издана в

Париже. Приложена карта Бухарского ханства в границах до завоевания ген. Кауфмана и после него. Иллюстрации: бухарское знамя, медали и знаки отличия в Бухарском ханстве. Портреты: сам эмир, его отец и бухарский генерал, на средства которого издана эта брошюра. Содержание: автобиография эмира с жалобами на уничтожение независимости Бухары, с описанием борьбы Ибрагим-бека и Энвер-паши в Восточной Бухаре. Рассказывает о своих отношениях и связях с англичанами в «целях заполучения помощи против товарищей большевиков». Вторая часть этой книги составлена из жалобы б. эмира из Лиги Нации. В заключение «читателей просят обратить внимание на положение Бухары». Мне эту книгу дал один туркестанец. Выяснилось, что такую же книгу получил по почте и персконсул. Он очень бранил бухарского эмира. Говорят, что в этом году к хаджу следует ожидать приезда эксэмира Бухары Алим-хана. Молодая группа бухарцев, натурализовавшихся здесь и весьма сочувствующих турецким реформам, резко враждебно относится к нему, обвиняя его в том, что, следуя указке реакционного бухарского духовенства, он погубил свою страну. Книга производит впечатление болтовни кретина («Я объявил войну товарищам большевикам»). Язык книги совершенно неграмотный.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА Л. КАРАХАНУ

Совершенно секретно
Джедда, 19 апреля 1930 г.
Уважаемый товар. Карахан,

1. О советско-геджасских отношениях

Вопрос о договорном урегулировании советско-геджасских отношений и реализация заявления мининдела от 14 декабря пр. г. об отмене исключительного режима и восстановлении старого положения нашей торговли еще ждут своего решения. Заминка происходит главным образом из-за отсутствия короля и мининдела. Эмир Фейсал, который замещает сейчас и короля, и мининдела, совершенно неспособен и неправомочен решать подобные вопросы. Король и мининдел возвратятся в Геджас в конце текущего месяца. После хаджа надеюсь продвинуть вперед интересующие нас вопросы. Постановка вопросов рисуется мне в таком виде: король должен выполнить свое обещание-заявление, данное им через

мининдела 14 декабря пр. г., и восстановить старое положение нашей торговли в Геджасе. Переговоры о договоре дружбы должны быть завершены, т. к. серьезных разногласий между нами по вопросам договора не имеется. Как я писал в своей основной записке, среди наших антагонистов-купцов нет прежнего единства. С другой стороны тяга и интерес к нашим товарам со стороны купечества растут. Если не считаться с возможностью английского нажима, который мог иметь место в период последних встреч Сауда с верховным комиссаром Англии в Багдаде, — нажима, направленного против нас, то ситуацию нельзя считать неблагоприятной.

2. О геджасо-йеменских отношениях

Заключение ирако-недждинского договора, повидимому, не означает еще полной передышки для Сауда. По нашим сведениям, уже в начале апреля на трансйорданской границе имели место нападения на недждинские пограничные посты, которые в результате этого вынуждены были отойти. Отправлены недждинские подкрепления. В местных кругах эти события истолковываются, как доказательства нежелания Англии оставить Сауда хотя бы на время в покое. Поскольку на иракской границе англичане добились от Сауда уступок по ряду вопросов, они с удвоенной энергией будут продолжать свой нажим на трансйорданской границе, чтобы добиться удовлетворительного решения вопроса о Джофе.

Этого, однако, мало. Некоторые факты говорят за то, что они будут создавать для Сауда ряд новых осложнений. Этим способом англичане хотят отвлечь внимание Сауда от его задач на своей северной границе. Вкратце эти факты следующие: две недели тому назад в Ассир отправлен чиновник геджасской службы д-р Салих с отрядом недждийцев с официальным поручением расследовать события в Ассире. По словам самого Салиха (по происхождению своему он черкес), в последнее время итальянцы проявляют усиленную деятельность в Ассире, подговаривая местных вождей (гл. обр. из племени бени-Шехр) на отложение от Неджда. Захвачена переписка между Ассиром и Массауа. Я склонен рассматривать экспедицию Салиха, являющегося агентом б. йеменского вали Махмуд Недима, как провокацию против Йемена. В пользу такой гипотезы говорят сведения Тевфик Шерифа о готовящемся столкновении между двумя имамами. По словам последнего, Англия: 1. желает отвлечь Сауда от северных проблем; 2. — запутать положение, чтобы не дать итальянцам овладеть Ассиром. Конечно, сейчас трудно говорить о степени правдоподобности этих слухов и сведений. Ближайшее будущее покажет.

Но есть одно обстоятельство, которое заставило меня сильно встревожиться и информировать Москву обо всем, что слышал. Я имею в виду роль Махмуда Недима, за которым так ухаживает сейчас Фейсал, и который (Недим), может быть, не полезет лишь в связи с противоемскими планами. Другой ценности Недим не представляет. В случае, если король даст себя увлечь в антиеменскую авантюру, то имя и связи Недима в Тихаме могут быть использованы с успехом. В настоящее время Недим поддерживает постоянную живую и письменную связь с Йеменом. Все время старается создать впечатление, что население Йемена глубоко недоволено имамом Яхьей и что «так продолжаться бесконечно не может» и т. д. и т. п. Особо обращаю Ваше внимание на то обстоятельство, что Недим находится также в постоянном контакте со здешним турецким представителем Сени-беем. Сопоставив все эти слухи, сведения и факты, я решил, что поступлю правильно, если немедленно поставлю в известность Вас обо всем. Мне кажется, что в связи с этим было бы полезно выяснить в Ангоре официальную точку зрения турецкого правительства на геджасско-йеменские отношения и получить официальное разъяснение насчет целей и задач Недима. Таким способом была бы выяснена возможность совместного с турками и персами выступления, если бы того потребовали наши интересы и обстоятельства.

3. Сени-бей и Айноль-Мольк

В настоящее время и Сени-бей (после 6 мес. отсутствия, вызванного его болезнью), и Айноль-Мольк находятся в Джедде. Сени-бей продолжает вести по отношению к нам старую свою политику «вежливого уклонения» от контакта с нами. Он упорно избегает всяких политических тем. Что касается его учреждения, то этот вопрос продолжает оставаться неразрешенным. Когда и как Ангора пойдет на переформирование своего «Дипломатического Представительства» («Сияси Мюессиллие») в «дипломатическую Миссию» — нам неизвестно. Сени говорит, что он сообщил в Ангору о положении дел и что дальше необходимо делать — не входит в его компетенцию. Айноль-Мольк же пока что ведет себя внешне прилично: на поставленный мной ему вопрос о желательности нашего с ним сотрудничества и делового контакта он изъявил полное согласие на это. Он добавил, что перед своим отъездом из Тегерана он виделся с нашим поверенным в делах и говорил с ним на эту тему. Сегодня он меня письменно уведомил о переформировании местного персидского представительства в дипломатическую миссию и о своем назначении в качестве поверенного в делах (в документах: Репрезантан дипломатии э

шарже д'аффер). Устно он мне разъяснил, что после того, как Мекка пошлет своего представителя в Тегеран, его назначат посланником. Наши личные отношения с Айноль-Мольком также вполне хороши. Несмотря на свое европейское образование и ряд общественно-политических пертурбаций в Персии Айноль-Мольк кажется мне несколько «усталым», «разочарованным» человеком: последний переворот в Персии предсказан был, по его словам, еще 20 лет тому назад одним толкователем снов; интересуется вопросами мистицизма и т. п.

5. О «паломничестве» т. Хакимова

В виду того, что вопросы торговли еще не урегулированы, мы вынуждены были испросить здесь для него визу под предлогом «хаджа». Виза уже получена, т. Хакимов поставлен в известность об этом. В связи с последней церковной кампанией, докатившейся до Геджаса через египетскую прессу, многие спрашивали меня о положении мечети в СССР, об отношении соввласти к мусульманам, о нашем личном отношении к хаджу и т. д. Давая необходимые в таких случаях (разъяснения), я указывал, что при первой возможности совершу вместе с другими мусульманами хадж. Полагаю, что мы с т. Хакимовым сделаем все возможное, чтобы ограничиться исполнением минимально необходимого в хадже, если этого потребуют обстоятельства. Что же касается деловой стороны приезда т. Хакимова, то она, мне кажется, — совместно с нами изучение новых рыночных условий, выработка нашей линии торговой работы (чтобы избежать старых ошибок) и расширение круга наших торговых знакомств. Об этом я уже писал Вам в предыдущих записках.

6. О Лазарини

На днях сюда приехал глава торгового дома Лазарини. О его предложении я Вам уже писал. Он снова поднял вопрос о передаче ему дела сбыта наших нефтепродуктов. Я заявил ему, что его предложение считаю очень интересным. Я ответил в том смысле, что его предложение считаю очень интересным и со своей стороны рекомендую вниманию т. Хакимова, который и должен дать ему ответ наших торговых организаций. На этом пока расстались.

7. Халид Каркани

Б[ывший] офицер оттоманской службы, участник и один из руководителей борьбы триполитанцев против итальянцев триполитанский араб Халид Каркани (лет 40) приехал в Геджас из Стамбула и занимается

торговыми делами. Недавно посетил нас. Принимал его т. Туйметов. Он выразил желание сотрудничать с нами по торговой линии. Он хочет торговать нашими товарами. По его словам, он в Стамбуле виделся с работниками нашего торгпредства и беседовал на эту тему. Так как разговор не перешел в конкретную плоскость, то т. Туйметов ограничился дачей общего ответа — мы приветствуем каждого честного арабского купца, желающего работать с нами. Ходят слухи, что он приглашен сюда Саудом и что ему, возможно, предложат здесь крупный пост. Сам Халид в беседе намекнул на приглашение короля. Учитывая всякие возможности, мы обращались с ним приветливо.

С товар, приветом: Н. Тюрякулов

Отпечатано в 3-х экземплярах:

1. - т. Карахану,
2. — т. Пастухову,
3. — В архив Полпредства в Джедде.

ПИСЬМО НКВД ПОЛПРЕДУ СССР В ТУРЦИИ СУРИЦУ

Секретно 24 апреля 30

Полпреду СССР в Турции тов. СУРИЦУ

Уважаемый товарищ,

На наш запрос Вы сообщили, что Махмуд-Недим не имеет никаких официальных полномочий. Несмотря на это мы считаем все-таки необходимым обратить в той или иной форме внимание турок на чрезвычайно отрицательную роль этого бывшего администратора и дипломата. Тов. Тюрякулов встревожен благожелательным отношением геджасских властей к алармистским и резко антийеменским выступлениям Недима, который ожидает в Джедде приезда Сауда. Сами по себе происки Недима не имели бы серьезного значения. Но все дело в том, что и в Геджасе и в Йемене нарастают враждебные настроения, которые могут быть использованы антагонистами для натравливания друг на друга этих соседних стран. Тов. Хакимов сообщает, что в Йемене появился представитель геджасских сепаратистов, старающихся подтолкнуть йеменцев на враждебные действия против Сауда. Тов. Тюрякулов считает, что никакой серьезной почвы сепаратистское движение в Геджасе в данное время не имеет. Мы также склонны приписывать йеменскую вылазку сепаратистов к махинациям не арабского, а европейского происхождения.

Как бы там ни было, в такой обстановке поведение Недима может отразиться весьма отрицательно на геджасско-йеменских отношениях. Вам известно, что в противовес политике антагонистов мы всегда старались способствовать укреплению мирных и дружественных взаимоотношений между Геджасом и Йеменом. С этой нашей установкой всегда соглашались и турки. Это дает нам возможность посоветоваться с турками о том, какие меры можно было бы предпринять для противодействия проискам Недима, которые в силу его прежних чинов не могут не компрометировать политически турок.

Посылаю Вам материалы, полученные из Аравии.

ВЫПИСКИ НКВД ИЗ ПИСЕМ Н. ТЮРЯКУЛОВА

1.

Секретно вх. № 1787 от 16. VI. 30 г.

ВЫПИСКА из письма тов. Тюрякулова

«О встречах на хадже»

Из интересных встреч моих на хадже на мою беседу с б. военным министром Амануллой Ахмед-ханом. Он заявил мне, что приехал с расчетом встретить здесь б. афганского посла в Турции Мирза Гулям Джиляни-хана (последний действительно приехал). Много говорил о безусловной преданности Амануллы к СССР, о неопределенности и беспринципности политики Надира, о недовольстве народа Надиром и неизбежности «второй» революции и свержении Надира в Афганистане. Затем, как новость, сообщил о соглашении, заключенном недавно между англичанами с одной стороны и немецкой фирмой Ленч и французской фирмой Клемансо по вопросу о железнодорожной концессии в Афганистан. По его словам, концессия (договор) была заключена с немцами и французами. Однако, не имея в своем распоряжении реальных способов воздействия на Афганистан в случае разногласий, а главное, не чувствуя прочности этой сделки, заключенной против англичан, они договорились с англичанами. Таким образом, благодаря этому сговору сделка приняла совершенно другой, неприемлемый для афганцев характер. Обещался посетить нас в Джедде. По вопросу об Аманулле-Надире я держал себя весьма сдержанно».

Выписка верна:

2 экз. 6

2.

Секретно

Тов. ЛИТВИНОВУ.

Копии: тт. РУБИНИНУ и ФЛОРИНСКОМУ.

Выписка из письма т. Тюрякулова. Вх. № 1787 от 16/VI —30 г.

«Исторический спор» с англичанами из-за старшинства в дипкорпусе считается законченным в нашу пользу. Как Вы знаете, до последнего времени мы не «виделись» с англичанами (Бонд). Англичане не хотели сделать нам визиты первыми. С приездом английского посланника сэра Андрю Рияна вопрос разрешился: последний нанес нам визит (я был на хадже), и между нами и англичанами установились теперь вполне нормальные отношения. На официальных торжествах я занимаю первое место, а Риян второе, французский поверенный в делах м-сье Мегре — третье, Айноль-Мольк — четвертое. Положение Сени-бея до сего времени не оформлено. Ангора молчит. Сени-бей, недовольный своим теперешним положением, уклоняется от посещения торжеств, чтобы не сидеть на «задворках». Отвечу, что Риян держится по отношению ко мне весьма корректно, обращаясь ко мне в некоторых случаях, как к старшине.

Тюрякулов

Эк. 13

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА В НКВД ПО ВОПРОСУ

О СОВЕТСКО-САУДОВСКОЙ ТОРГОВЛЕ

«Управление Иностранными делами»

Мекка.

№ 1/1-29 г.

17 Сафара 1349 г.

Советское Полпредство представило Правительству Его Королевского Величества проект по экономическим вопросам, состоящий из одной статьи и предусматривающий постоянный режим для торговых сношений (в оригинале: «вопросов») между владениями Его Королевского Величества и Союза Социалистических Советских Республик, торговля

которого отсутствует в этой стране.

2. Правительство Его Королевского Величества изучило этот вопрос со всем вниманием и тщательностью и рассмотрело те причины, которые привели к запрещению советской торговли в Геджасе. Оно нашло, что указанное запрещение не вызвано каким бы то ни было политическим фактором. Наоборот, Правительство Е. К. В. желает, чтобы между ним и правительством СССР были наилучшие дружественные отношения. Оно принимало во внимание лишь экономическое положение страны и тот ущерб, который может быть нанесен правам его граждан, нормальному состоянию экономики страны и ее рынка, если предварительно не принять ряд необходимых мер.

3. В связи с этим оно нашло, что допущение советской торговли до принятия мер, которые охраняли бы интересы страны, невозможно, и настоящим излагает указанные меры.

4. Российская торговля допускается в страну согласно нижеследующим условиям и соглашениям:

1) Не разрешается Полпредству или Консульству или их сотрудникам или связанным с ними производить сделки по продаже и купле, заключать договоры, заниматься делами российской торговли.

2) Представитель общества, которое занимается российской торговлей, не может пользоваться какими-либо дипломатическими, консульскими или торговыми привилегиями.

3) Это лицо (представитель. — *Прим. перев.*) должно быть частным лицом, подчиняющимся лично и подчиняющий все свои действия законам страны.

4) Ни в коем случае таможенные пошлины, которыми будут облагаться русские товары, не могут быть ниже таковых же, налагаемых на другие товары.

5) Совпра обязывается уплатить правительству Е. К. В. доходы с вакуфов, и посвященных Мекке и Медине, а также ежегодно в будущем передавать таковые.

6) Совпра соглашается облегчить проезд как своим паломникам, так и транзитным, если только между совпра и соседними ему странами нет ничего такого, что влечет за собой разрыв дипломатических отношений.

7) Оба правительства соглашаются оказать необходимое содействие гражданам обеих стран в их въезде из одной страны в другую с соблюдением местных законов.

5. Правительство Е. К. В. надеется получить от совпра соответствующее заверение о его согласии на эти меры с тем, чтобы оно,

правительство Е. К. В., после этого могло бы отдать необходимые распоряжения».

Такая постановка означала наше возвращение к исходной точке и совершенно опрокидывала переговоры. С другой стороны, такая постановка была расценена мной, как новый поворот во внешнеполитической линии Ибн Сауда, взятой им после свидания с верх, комиссаром Англии в Ираке и улучшения англо-саудовских отношений, а также как срыв наших переговоров компанией Риана-Фильби — Хамза. Я еще тогда поставил вопрос — как обстоит дело с нашими переговорами с точки зрения геджасского правительства, т. е. считается ли, что эти переговоры продолжаются, или их следует считать закрытыми. Он ответил утвердительно: переговоры продолжаются. После этого я указал на всю несуразность такой постановки и, не вступая в особый спор с ним, отметил, что такой оборот дел вызовет в НКВД недоумение, т. к.: 1) Геджасское правительство имело возможность знакомиться с мнением совпра в порядке обмена мнениями в процессе переговоров, выставлять с своей стороны те или иные пожелания, не прибегая к такой постановке. 2) Мнение совпра по некоторым вопросам, поставленным в письме (как например, совпра никогда не требовало для своей торговли особых привилегий по сравнению с торговлей других иностранных государств, совпра окажет содействие транзиту паломников через СССР), уже известно геджасскому правительству. 3) Вопросы советской торговли были включены по инициативе геджасского правительства в круг наших переговоров и мы не настаивали на спешном обсуждении торговых вопросов, не желая осложнять завершение наших переговоров по дружественному договору. В общем, вся эта постановка в целом противоречит его же заявлению от 14/12, сделанному от имени короля и не обусловившему допущение советской торговли в Геджас какими-либо условиями. Далее я добавил, что, основываясь на его согласии, уведомил Москву о решении короля ликвидировать исключительный режим, созданный для нашей торговли в этой стране, и поэтому НКВД будет вдвойне удивлен таким оборотом, при котором указанное решение короля фактически аннулируется. Хамза стал утверждать, что, говоря о двухнедельном сроке для реализации этого решения короля, он имел в виду дополнительное представление им именно этих условий. Наша беседа, продолжавшаяся два дня (13–14 июля), ни к каким результатам не привела. С целью осуществления своей тактики срыва наших переговоров он вынужден был настаивать на своей лжи и требовать от меня, чтобы я передал НКВД содержание последнего его письма. После этого мы с ним

не встречались, т. к. король и все его сотрудники выезжали из Мекки в Таиф для проведения там летнего периода. Таким образом, формально дело обстоит так, что геджасское правительство ждет ответа советского правительства на вышеприведенное письмо.

Анализируя всю внешнюю и внутреннюю ситуацию Геджаса и учитывая провокационные намерения Хамзы, мы пришли к выводу, что нам не следует обрывать свои связи и что, наоборот, необходимо повести более настойчивую работу для поднятия заинтересованности геджасского правительства к советским товарам. Такой вывод подсказывался всей внутренней обстановкой страны: Правительство, переживающее весьма чувствительный финансовый кризис, должно быть нами привлечено посредством выгодных ему торговых сделок. Отсюда возникла мысль о необходимости иметь в нашем распоряжении реальный товарный фонд, который мы могли бы в соответствующий момент предложить геджасскому правительству. Я уже сообщал вам, что осуществление этого плана потребует известного срока времени. Этим я имел в виду обратить ваше внимание на внутреннюю обстановку Геджаса: процесс [образования] новых придворных группировок еще не закончился, физиономия новых людей, появившихся при Ибн Сауде, еще не совсем ясна. При этих условиях всестороннее выступление могло бы привести к усилению враждебной деятельности наших антагонистов и сорвать наше дело. Правда, такая работа велась и раньше, и мы пытались использовать каждый обнадеживающий случай. Теперь положение изменяется в том смысле, что мы располагаем определенным товарным фондом, который с полной уверенностью может быть нами предложен геджасскому правительству. Попутно я должен отметить, что номенклатура этого товарного фонда выработана не совсем удачно: включены в нее также товары, которые нам не нужны в таком количестве (спички), или вовсе не нужны для геджасского правительства (керосин), или же не известны потребителю из-за отсутствия здесь образцов (лес). В общем же это решение Москвы выделить для нас такой определенный товарный фонд нас весьма удовлетворяет и придает нашим действиям определенную уверенность.

Примерно через неделю король и все высшие чиновники правительства спустятся с Таифа в Мекку, где мы предполагаем вновь изучить обстановку, связаться непосредственно с Минфином Абдуллой Сулейманом, который лишь недавно сосредоточил в своих руках правительственные поставки, и при нахождении благоприятной почвы выступить перед геджасским правительством с предложением указанного фонда.

Наряду с этим мы решили не упускать предложения посреднических услуг, сделанного нам Лазарини. Это дело заинтересовало нас прежде всего потому, что Лазарини представляет нефтесиндикату банковскую гарантию и обеспечивает наши интересы от какого бы то ни было коммерческого риска. Кроме того, успех этой сделки, которая имеет быть заключена между Лазарини и Абдуллой Сулейманом, открывает, по нашим расчетам, первую брешь для нашего дальнейшего проникновения. Наша сделка с Лазарини нами не рассматривается как решение принципиального вопроса о том, через кого в Геджасе вести нашу торговлю и приглашать ли к посредничеству иностранцев. Нами рассматривается это дело как конкретный случай, которым мы должны воспользоваться для того, чтобы положить предел нашей торговой пассивности и заинтересовать геджасское правительство советскими товарами хотя бы таким путем. Как я уже писал раньше, Лазарини является нашим резервным каналом, которым мы можем воспользоваться после того, как убедимся в непригодности нашего основного метода. По нашему мнению, эти меры и переговоры Лазарини с Абдуллой Сулейманом и наши предстоящие выступления с товарным фондом должны усилить наши позиции и экономически осмыслить советско-геджасские отношения. Они полезны для нас даже в том случае, если не дадут сейчас же каких-либо результатов. Выгодность торговых отношений с нами подчеркнет реальную полезность советского правительства для Геджаса.

В настоящий же период советско-геджасские отношения нужно характеризовать следующим образом: официальные переговоры с геджасским правительством фактически прерваны. Путь альтернативной постановки вопросов говорит об отсутствии у геджасского правительства желания сблизиться с нами и установить прочные договорные отношения. Группа Хамзы, пользуясь общим сдвигом в англо-саудовских отношениях и опираясь, может быть, на прямую поддержку Англии и местных антагонистов, всячески пытается окончательно сорвать наши переговоры. Весьма возможно, что до выдачи Девиша Ибн Сауду или во время свидания последнего с верх, комиссаром в Ираке вопрос о советско-геджасском договоре фигурировал в качестве одного из объектов, происшедших тогда между обеими странами политических торгов. Этим весьма правдоподобным предположением объясняю тот крутой поворот, который обозначился в июле с. г. в форме известных условий.

Разбирая же возможные при такой ситуации линии нашей тактики по отношению к геджасскому правительству, я вижу следующие варианты для нашего ответственного выступления: 1) продолжая старую линию прямой и

открытой постановки, непосредственно перед королем, поставить вопрос — чем вызвана задержка в реализации заявления его Мининдела от 14/12, в котором от имени главы государства и совершенно в официальной форме объявлялось о безоговорочной ликвидации исключительного режима; чем объясняется такая постановка вопросов советско-геджасских отношений, при которой нормальные переговоры становятся невозможными; продолжает ли он считать в настоящий период желательным для себя заключение с нами дружественного и торгового договора. Эта линия неизбежно нас приводит к необходимости открыто объяснить королю всю подоплеку поведения Хамзы. При выборе этого пути необходимо учитывать возможность жалоб со стороны короля на свое затруднительное положение и тогда само собой может стать перед нами вопрос о временном закрытии переговоров. Возможность же такого ответа со стороны короля весьма вероятна, если учесть действительное затруднение, испытываемое страной и правительством.

2) Считая ценным для нас факт формально продолжающихся переговоров и не желая дать группе Хамзы сорвать их, на июльское письмо геджасского правительства ответить полным проектом договора и ответственность за возможный срыв переговоров в будущем переложить на геджасское правительство. При этом НКИД должен дать нам особые руководящие указания по вопросу о тексте нашего ответа по первому, второму, пятому и первой части шестого («Советское правительство содействует паломничеству из своей страны») пунктов выше приведенного геджасского письма.

Во всяком случае сейчас ясно одно: используя каждый случай и поддерживая заинтересованность геджасского правительства в торговых отношениях с СССР, необходимо в той или иной форме реагировать на поставленные перед нами условия.

Во всяком случае мы надеемся получить от НКИД в ближайшем будущем директивные указания относительно нашей тактической линии. Судя по всему нам не следует при оценке создавшегося положения впадать в ту или другую крайность. Не следует также скрывать от себя необходимость продолжительных и настойчивых усилий для прорыва созданного против нас враждебного фронта.

Н. Тюрякулов

Джедда, 25-IX-30.

Отпечатано: в 4 экземплярах:

1 — Члену Коллег. НКИД т. Карахану,

- 2 — Секретариат Колл. НКВД,
3 — В 1 Вост. Отд. Т. Пастухову,
4 — Архив Полпредства.

СПРАВКА Н. ТЮРЯКУЛОВА

О СОВЕТСКО-ХИДЖАЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

31/с

28. IX. 30

Советско-геджасские отношения

Прежде всего необходимо констатировать тот факт, что возложенная на нас НКВД основная задача — оформление советско-геджасских отношений в форме дружественного и торгового договора — нами не выполнена. Официальные переговоры, продолжавшиеся около года, пока не дали никаких конкретных результатов и зашли в тупик.

Выше я указал, как расширяются внешнеполитические связи Ибн Сауда и медленно укрепляются международное положение его государства. Но, как это было видно из приведенных фактов, развитие внешнеполитических связей Ибн Сауда идет не по тому руслу, которое было бы желательно с точки зрения наших интересов. Наряду с Англией, ставившей до сих пор всякие рогатки на нашем пути в Аравии, начали обозначаться контуры Франции, которая не менее, чем первая, будет пытаться не допускать нас в Геджас.

В области внутренней жизни страна переживает ряд тяжелых затруднений — финансовый и экономический кризис. Учитывая экономический кризис, свирепствующий в большинстве мусульманских стран, невозможно возлагать какие-либо надежды на будущий хадж в смысле улучшения хозяйственного положения Геджаса.

В правительственном аппарате на командных позициях продолжает доминировать англофильская клика Фуада Хамзы, руководимая и поддерживаемая шейхом Абдуллой Филби и сэром Рианом. Эта клика, которая обкрадывает страну и политически, и буквально, продолжает контролировать все внешние дела государства. Не успев ликвидировать одно затруднение (Девиш), страна вступила в полосу других внутренних и внешних затруднений.

Такова была внутренняя и внешняя ситуация, на фоне которой протекали наши переговоры с геджасским правительством, имеющие целью урегулирование спорных вопросов и заключение дружественного и торгового договора между СССР и Геджасом.

При этих условиях назначение Фуада Хамзы в качестве представителя Геджаса для переговоров с нами, как я в свое время отмечал перед НКВД, помимо формального основания имело тот тактический смысл, что король этим одним ходом снимал с себя перед нами наш упрек в нежелании сблизиться с нами и в то же время, ставя эти переговоры под фактический контроль Англии, снимал с себя перед последнею всякую ответственность. Таким способом он прощупывал уровень англо-советских отношений, в зависимости от которых он, повидимому, хотел решить вопрос в ту или в другую сторону. Последующий ход событий, как думаю, до известной степени подтвердил правильность наших предположений.

Однако это положение ни в коей мере не должно стушевать перед нами другую сторону вопроса. Было бы ошибочно полагать, что Ибн Сауд совершенно не проявлял никакой инициативы и все предоставил свободному течению обстоятельств. Прежде всего за это говорит самый факт вступления его в переговоры с нами. Этот факт летом прошлого года, когда он только готовился к борьбе против Девиша и когда он не знал заранее, с кем придется при этом иметь дело, расценивался им, как выгодный козырь в будущих его переговорах с Багдадом и Лондоном. Под знаком этих политических моментов начались наши переговоры.

Краткая годовая история наших переговоров с геджасским правительством складывается из следующих, характерных для внешней политики Ибн Сауда моментов.

Начавшись летом 1929 г., переговоры в начале приняли характер нормальных переговоров и внешне дружественного обмена мнениями по вопросам, выставленным сторонами. Хамза заявлял о принципиальной приемлемости для геджасского правительства и отсутствии с его стороны возражения против представленного мной проекта дружественного договора. В свою очередь мы дали ему благожелательный ответ по поводу высказанных Хамзой геджасских пожеланий о взаимном запрещении враждебных обеим странам политических организаций и оказании правительством СССР содействия транзиту паломников через его территорию. В такой обстановке взаимного внешнего благожелательства происходили наши переговоры, вращавшиеся, по соглашению с Хамзой, вокруг вопросов дружественного договора. Желая максимально использовать этот внешне благоприятный период советско-геджасских

отношений, мы не хотели обременять происходившие переговоры тяжелыми вопросами советской торговли в Геджасе, т. к. учитывали предыдущие жалобы геджасского правительства на дезорганизацию геджасского рынка нашей торговлей. Наши переговоры фактически подходили к концу, т. к. неразрешенным остался небольшой круг вопросов (вакуфы, гражданство), которые при стремлении геджасцев к сближению с нами могли найти ту или иную форму для своего окончательного или временного решения. Пресловутый вопрос о «компенсациях», которые могут быть представлены советским правительством в ответ на заключение советско-геджасского дружественного да и торгового договора, в этот период переговоров не поднимался, хотя он упорно ставился Хамзой до начала наших переговоров. В такой обстановке мы подошли к 14 декабря 1929 г., когда Фуад Хамза своим заявлением, содержание которого известно НКИД, по своей инициативе расширил рамки переговоров, предложив включить в круг наших переговоров и вопросы торгового договора. Сущность этого заявления вкратце сводилась к следующему: с целью демонстрации чувств дружбы, которые геджаспра питает к СССР, и ускорения переговоров король решил ликвидировать исключительный режим, созданный для советской торговли в Геджасе. Письменное подтверждение этого акта геджас. прав, будет вручено советскому представительству в течение ближайших 2-х недель, т. к. это требует оформления у наместника и предварительной подготовки местных органов. НКИД был немедленно поставлен в известность после того, как я получил от Хамзы утвердительный ответ на мой вопрос — могу ли, основываясь на этом его устном заявлении, сообщить НКИД об окончании исключительного режима, как о совершившемся решении королевского правительства.

Это заявление открыло нам путь для включения и вопросов советской торговли в круг наших переговоров еще до окончания наших переговоров по дружественному договору. Никаких условий для завершения наших переговоров со стороны Хамзы выставлено не было. Я немедленно представил ему ту статью известного НКИД проекта договора, которая касается принципов советской внешней торговли, и предложил ему развернуть наши переговоры по торговому вопросу, придерживаясь тех принципов, которые изложены в указанной статье. Этим моментом заканчивается первый «благополучный» период наших переговоров с геджасским правительством. Затем в начале 1930 г. произошли крупнейшие сдвиги в англо-саудовских отношениях; о выдаче Фейсала Девиша англичанами, встреча Ибн Сауда с верховным комиссаром в Ираке и

иракским королем Фейсалом, заключение недждо-иракского договора от 10 марта и общее улучшение англо-саудовских отношений. Произошел перерыв в наших переговорах с геджасским правительством, т. к. представитель геджасского правительства Хамза спешно выехал к королю и вернулся в Мекку через полгода (12 мая). Желая быть в курсе геджасских настроений по нашим вопросам, я продолжал поддерживать связь с эмиром Фейсалом, хотя официальных полномочий от короля на ведение с нами переговоров [он] не имел и не имеет. Я ставил ему наши вопросы в плоскости реализации заявления Хамзы от 14 декабря 1929 г., сделанного им от имени короля и задержанного необходимостью осуществления некоторых предварительных мер формального свойства. Эмир Фейсал так же говорил о том, что вопрос принципиально решен в пользу советской страны и что с оформлением вопроса он вынужден подождать, т. к. он не в курсе практических наших переговоров с Хамзой, и что вопрос должен быть подвергнут еще раз утверждению короля. Эмир Фейсал действительно ничего не понимал в этих вопросах. Свою беседу с Фейсалом я рассматривал, как шаг для выяснения геджасских настроений. Ответ Фейсала был совершенно неудовлетворителен с этой точки зрения и сигнализировал о наступлении новой полосы в наших отношениях. Однако нужно было выяснить действительное лицо наших партнеров и их стремления. Это было возможно сделать лишь с возвращением короля и Хамзы. После нескольких встреч, во время которых я повторно ставил наши вопросы с целью продолжения и скорейшего завершения наших переговоров, а также оформления официального заявления геджасского правительства от 14 декабря пр. года, 13–14 июля с. г. Хамза представил мне письмо (без подписи), в котором заявляет следующее...

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО Л. КАРАХАНА Н. ТЮРЯКУЛОВУ

О ПРОЕКТЕ ТОРГОВОГО ДОГОВОРА

Секретно

С. С. С. Р

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

«1» декабря 1930 г.

№ R 5043

ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ

СССР В ГЕДЖАСЕ тов. ТЮРЯКУЛОВУ

Уважаемый Товарищ,

Июльский маневр Фуада Хамзы действительно ставит Ваши переговоры о заключении торгового договора с Геджасом в крайне затруднительное положение. То обстоятельство, что Хамза не подтвердил письменно своего заявления, сделанного в декабре прошлого года, об отмене исключительного режима в отношении нашей торговли, дает ему теперь возможность представить дело таким образом, как будто мы первые по нашей инициативе предложили геджасскому правительству статьи о торговом режиме, а геджасское правительство, в ответ на это наше предложение, выдвигает свои условия. Само собой разумеется, что эти условия геджасцев в своей значительной части нас, как по существу, так и по своим формулировкам, не устраивают. Однако тактически Вам, повидимому, придется не заострять пока дискуссии с геджасцами по поводу отдельных неприемлемых для нас формулировок, а дать по ряду пунктов положительный ответ, оговорив вместе с тем Ваше право специально вернуться к обсуждению редакции отдельных пунктов. Конкретно по пунктам условий геджасцев отмечаю следующее.

Пункт 1. О том, что торговлей не могут заниматься ни Полпредство, ни Консульство, ни связанные с ними лица, — по существу возражений с нашей стороны не вызывает. Вы можете заявить геджасцам в самой категорической форме, что наши дипломатические и консульские учреждения, в том числе и Полпредство в Геджасе, не занимаются и не будут заниматься торговыми сделками. Осуществление торговых операций будет возложено на самостоятельную торговую организацию — Востгосторг. Правда, формулировка Хамзы о лицах, «связанных» с Полпредством, может дать впоследствии геджасцам повод для придилок в том смысле, что Востгосторг, будучи государственной организацией, «связан» с Полпредством. Поэтому редакцию п. 1 следовало бы уточнить, опустив указанные слова о «связанных» лицах. Но в данный момент, я думаю, не стоит останавливаться на редакционных моментах, а лучше дать согласие на этот пункт по существу, сделав ту общую оговорку относительно редакции, о которой я упомянул выше.

Пункт 2. О том, что представитель нашего Торгового О-ва «не может пользоваться какими-либо дипломатическими, консульскими или торговыми привилегиями», — также не вызывает по существу возражений с нашей стороны, ибо для Востгосторга мы не хотим никаких специальных

льгот и привилегий. Но с точки зрения формулировки, этот пункт нас не вполне устраивает по той причине, что нам представляется нежелательным фиксировать в негативной форме отказ от привилегий для нашего торгового представителя. Такая формулировка может впоследствии затруднить постановку вопроса об открытии нашего торгпредства в Геджасе, хотя в данный момент мы этого вопроса не выдвигаем, считая его положительное разрешение нереальным. Было бы гораздо целесообразнее заменить негативную формулировку этого пункта позитивной, т. е. указать, что наше торговое общество в Геджасе, осуществляя торговые операции, будет полностью подчиняться законам страны пребывания на тех же условиях, как и туземцы и как купцы и торговые фирмы третьих стран. Впрочем, и по этому пункту я считаю нецелесообразным, чтобы Вы на данной стадии переговоров углубляли дискуссию с геджасцами по поводу формулировок. Достаточно будет, если Вы заявите, что возражений по существу против этого пункта с нашей стороны не имеется.

Пункт 3. О том, что представитель нашего торгового общества «должен быть частным лицом, подчиняющийся сам и подчиняющий все свои действия законам страны», — для нас приемлем. В связи с тем, что сказано выше по п. 2, я считал бы целесообразным объединить пп. 2 и 3 в один общий пункт о подчинении нашего торгового общества юрисдикции Геджаса.

Пункт 4. О том, что таможенные пошлины, налагаемые на наши товары, «не могут быть ниже таковых же, налагаемых на другие товары», — по существу приемлем, но его формулировка опять-таки неудовлетворительна. Вместо негативной формулировки нужно было бы позитивно указать, что в отношении пошлин наши товары будут поставлены в условия не худшие, чем товары третьих стран. Если мы не хотим никаких привилегий для нашей торговли, то мы в то же время не хотим, чтобы наша торговля находилась в худшем положении по сравнению с торговлей других торгующих в Геджасе фирм.

Пункт 5. Относительно уплаты геджасскому правительству доходов с вакуфов в СССР, — для нас, как Вы знаете, абсолютно неприемлем. На это мы не сможем пойти ни при каких обстоятельствах. Если Вы, однако, по ходу переговоров увидите, что оттяжка в окончательном разрешении этого вопроса может дать Вам выигрыш времени и облегчить подписание договора (с оставлением вопроса о вакуфах открытым), я не возражаю против того, чтобы Вы не сообщали пока геджасцам определенного отказа по поводу вакуфов, а резервировали этот пункт, отметив трудность его положительного разрешения.

Пункт 6. Относительно нашего содействия паломничеству — также не может быть нами принят. Особенно неприемлема для нас фиксация нашего содействия паломничеству из СССР. На словах Вы можете продолжать разъяснять геджасцам, что, как они это видят на практике, мы проводим целый ряд мероприятий по облегчению и улучшению условий транзита паломников (рейсы Совторгфлота, специальные пароходы и пр.) и, будучи материально заинтересованы в привлечении пассажиров на наши линии, примем и в будущем меры в этом направлении. Однако Вы укажете, что специально фиксировать это в договоре, в виде нашего международно-правового обязательства, мы считаем нецелесообразным.

Пункт 7. О въезде граждан — возражений с нашей стороны не вызывает.

В общем, как Вы видите, условия, выдвигаемые Хамзой, вряд ли могут явиться подходящей базой для успешного завершения переговоров о торговом договоре. Повидимому, эти условия специально преследовали цель осложнения переговоров и их всемерную затяжку, если не полный срыв. Тем не менее, я полагаю, что нам в данный момент следует проявить особую осторожность и гибкость в переговорах с геджасским правительством, чтобы не доводить дела до окончательного разрыва переговоров. В этом вопросе я вполне разделяю Ваши соображения о затруднительном положении геджасского правительства и возможном уклонении Сауда полностью от переговоров, в том случае, если Вы поставите перед ним вопрос о нелояльном поведении Хамзы. Поэтому я считал бы более целесообразным, чтобы Вы, не прекращая переговоров о дружественном договоре, старались по возможности добиться согласования тех статей (не торгового характера), которые не вызывают возражений со стороны геджасского правительства. Все спорные моменты, касающиеся торгового режима вакуфов и паломников, следовало бы пока резервировать и, если выяснится, что по остальным статьям достигнуто соглашение, — подписать дружественный договор, хотя бы и без статьи о торговле.

Что же касается торгового режима, то Вам следует, продолжая в осторожной форме разъяснение наших позиций, не давать все же таки окончательных ответов, которые могли бы дать геджасскому правительству повод для полного отказа от переговоров. Я полагаю, что нашей основной задачей на ближайший период должно быть создание таких условий, при которых геджасское правительство приобрело бы непосредственную заинтересованность в нашей торговле. Конкретно, нужно всемерно форсировать осуществление наших поставок непосредственно геджасскому

правительству, чтобы, таким образом, создать фактические предпосылки для развития наших торговых операций в Геджасе.

Востгосторг, с которым мы консультировались по этому вопросу, считает возможным выделить достаточное количество первостепенных товаров для таких поставок. Если геджасское правительство поставит при этом вопрос о кредитах, то и на это можно будет пойти (разумеется, в том случае, если сроки кредитов и условиях погашения не будут слишком невыгодными для нас), хотя, как общее правило, мы не предоставляем кредитов при продаже первостепенных товаров. Я прошу Вас заняться, в первую очередь, именно этим вопросом о поставках для геджасского правительства в учете того, что этот путь нам должен открыть возможность для дальнейшего внедрения нашей торговли в Геджасе. Если геджасское правительство действительно заинтересуется нашими поставками, Вы можете, информируя его в общих чертах об условиях существующих в нашей торговле с Йеменом, предложить, что для окончательного завершения сделки и подписания контракта в Геджас приедет представитель торгующей организации. Я полагаю, что лучше всего будет, если для переговоров об этих сделках приедет в Геджас тов. Хакимов, как генеральный представитель Востгосторга в Аравии.

Наряду с проведением мероприятий относительно наших поставок геджасскому правительству, следовало бы, по моему мнению, изыскивать также возможные способы для привлечения интересов к нашей торговле и со стороны геджасского купечества. Я понимаю, что работа в этом направлении является чрезвычайно трудной в силу условий, создавшихся в Геджасе для нашей торговли, но не исключаю все же возможности, что Вам удастся найти такие слои геджасского купечества, для которых торговля с нами представит прямой коммерческий интерес и которые в тоже время смогут оказать известное давление на геджасское правительство.

Быть может, следовало бы также подумать и о том, чтобы заинтересовать геджасское правительство в поставках нами различного рода оборудования для предприятий промышленного или полупромышленного типа. Я ставлю этот вопрос потому, что, как нам на днях сообщил тов. Хакимов, йеменское правительство обратилось к нему с просьбой доставить в Йемен оборудование для текстильной фабрики и содействовать организации этой фабрики. Если бы подобного рода мероприятие нам удалось провести в Геджасе, я думаю, мы значительно укрепили бы там наши торговые и вообще экономические позиции.

Резюмируя, я считаю необходимым подчеркнуть, что, на мой взгляд, нам на ближайший период времени придется сосредоточить усилия на

создании у геджасского правительства прямой экономической заинтересованности в торговле с нами как в области наших поставок различных товаров геджасскому правительству (желательнее всего, конечно, непосредственно, но в крайнем случае мы можем идти и на поставку через посредников типа Лазарини), так и иными возможными путями. Параллельно Вы будете продолжать переговоры о заключении договора, причем в том случае, если обстановка не благоприятствует проведению желательных для нас статей о режиме торговли, Вы постараетесь, резервируя пока эти статьи, достичь соглашения с геджасским правительством о политическом договоре без торговой части. Заострять в данный момент вопросы о режиме торговли в такой степени, чтобы это могло создать угрозу полного прекращения переговоров, я считаю нецелесообразным.

Прошу Вас держать меня в курсе Ваших переговоров с геджасским правительством о договоре и о поставках. Весьма желательно, чтобы Ваша информация по этим вопросам поступала к нам регулярно и своевременно, что даст нам возможность быстро реагировать на выдвигаемые Вами предложения.

С товарищеским приветом.

(Карахан)

7 экз. 8.

1 — адресату,

1 — т. Литвинову,

1 — т. Крестинскому,

1 — т. Карахану,

1 — т. Сурину,

1 — дпо,

1 — в дело.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА К. ХАКИМОВУ
---

21 Декабря 1930

Джедда.

Уважаемый тов. Хакимов,

Только что у меня был доктор Салих Хосроу, о котором я писал в своем основном письме. Считаю необходимым добавить след, информацию об

ассирских делах:

д-р Салих в качестве инспектора Ибн Сауда в Ассире получил от своего короля секретную инструкцию произвести обследование настроения населения, проживающего по ту сторону границы (т. е. Еменцев) и выяснить, кто из еменцев сочувствует Ибн Сауду и т. д. По его мнению, нужно ожидать назревания конфликта между Санаа и Меккой. Минфин Абдулла Сулейман д-ру Салиху говорил о том, что король совсем не собирается вступать в конфликт с Санаа. Но на самом деле события идут к конфликту. По его оценке все это дело рук Филби.

Салих, конечно, не обо всем говорит откровенно. Его близость к Недиму известна. Например, он ничего не говорит о целях своих переговоров с губернатором Ходейды. Может быть, ты что-либо знаешь об этом факте? Что говорят в Емене относительно доктора Салиха?

Салих говорит, что он требовал только 500 солдат из Мекки. Повидимому, — говорит он, — отправляется гораздо больше.

Сведения Салиха надо принять с известным коррективом. Тем не менее полезно учитывать и такие сведения.

В ближайшие дни Салих зайдет к нам, я его сведу с Туйметовым (если он встанет к тому времени с постели) и намереваюсь выжать из него больше и, в частности, установить современную линию границы между Йеменом и Геджасом. Прошу обменяться со мной всеми материалами на эти темы.

С товарищеским приветом: Н. Тюрякулов

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА ЗАВЕДУЮЩЕМУ

І ВОСТОЧНЫМ ОТДЕЛОМ НКВД С. К. ПАСТУХОВУ

Секретно

Джедда 12/1-31 г.

Зав. Г Восточным Отделом НКВД

т. Пастухову

Многоуважаемый Сергей Константинович!

Пользуясь оказией, сегодня мы получили сообщение о том, что завтра сюда прибывает пароход «Зырянин», который ведет капитан Никитин, для того чтобы сообщить вам хотя бы кратко о положении в Геджасе.

1. Политическая ситуация в Геджасе

Никаких изменений в составе местного правительства, если не считать ухода Нас Аль-Адма с поста командующего регулярной армией Геджаса, не произошло. Этот факт, судя по всему, напоминает отставку заместителя генерального наместника Халида Каркани, о которой вам известно из моих предыдущих сообщений. Аль-Адма пытался реорганизовать местные временные силы и представил королю ряд проектов. Политически же он вел себя слишком самостоятельно и независимо от доминирующей сейчас в Мекке группы Фуада-Филби. Повидимому, это обстоятельство привело его, как и Халида, к отставке. Наби уехал в Египет, Халид же оставался в Джедде и занялся торговой деятельностью в компании с Де-Хаазом, консульским агентом Германии в Джедде. На место Наби назначен, как он сам мне говорил, сириец Фаузи Каукджи. По словам Махмуда Надима Каукджи участвовал в нескольких восстаниях в Сирии, а в последние годы жил в Ангоре, где он пользуется якобы некоторым доверием.

У меня от встречи с Каукджи (на коронационных торжествах 8 января) сложилось о нем самое отрицательное впечатление. Достаточно сказать, что, познакомившись со мной, он сразу заявил, что СССР недостаточно внимательно относится к арабским делам и недостаточно глубоко интересуется арабскими странами. Смысл этого заявления был ясен. Я уклонился от этого разговора. Он хвастливо заявил об особой культурной миссии сирийцев в арабских странах и об их успехах, в качестве примера он указал на Геджас, где «каждое передовое начинание связано с инициативой сирийцев». «Я взял на себя армию, и вы скоро увидите результаты моей деятельности», — сказал он. Я пожелал ему всяких успехов и перевел разговор на другие темы. 10 января посетил меня начальник политической полиции Мухсин Таииб, который, между прочим, интересовался моим мнением на счет сирийцев. Я указал, что в Геджасе, о котором в течение ряда столетий никто не заботился, сирийцы и другие передовые арабы играют и должны играть роль культуртрегеров. Физиономия Каукджи подлежит еще изучению, но уже сейчас можно было бы сказать, что он принадлежит к темным элементам сирийской эмиграции. Как видите, прилив в Геджас таких элементов говорит о росте внутренней болезни, способствующей усилению иностранного влияния на страну. Что касается организационной формы геджаспра, то в этом отношении имеются следующие изменения: Управление иностранными делами геджаспра (мюдирия) переформировано в Министерство иностранных дел с назначением на пост мининдела Фейсала (за ним сохранено генеральное

наместничество) и Фуада Хамзы уполномоченным мининдела (уакиль уазир). Этот акт короля закрепляет контроль Филби-Фуада над деятельностью бездейтельного Фейсала. Сам король в конце декабря в сопровождении Филби выехал в Риад, откуда вернется к концу Рамадана (в середине февраля). Среди населения циркулируют самые дикие слухи о новом восстании в Неджде, об убийстве эмира Сауда братом Ибн Сауда, об освобождении Девиша из заключения и т. д. В осведомленных кругах предполагают, что отъезд короля в Риад связан с возможностью созыва на побережье Персидского залива, примерно около Кувейта, конференции с участием иракского короля Фейсала и представителей Бахрейна, Кувейта, Моската и др. На этой конференции будет поставлен, по мнению этих кругов, вопрос об образовании арабской федерации с одним из иракских или недждийских принцев во главе.

2. Об Ассире

Крупнейшим событием последнего времени является фактическая ликвидация ассирского эмирата и его иллюзорной независимости, которой он пользовался до сих пор в отношении местных дел. Все материалы по этому вопросу, опубликованные местным правительством, своевременно вам были направлены в переводе на русский язык. Арабская пресса уделяет этому событию очень много внимания. Комментарии арабских газет по поводу Ассира вам известны из наших сводок. Наша точка зрения вам будет видна из моего письма т. Хакимову, копию которого прилагаю к настоящему сообщению.

Здесь я остановился на этом вопросе главным образом для того, чтобы наряду с составом местного правительства охарактеризовать политику местного правительства, которая не может не вызывать с нашей стороны известных опасений насчет судьбы геджасско-йеменских отношений. О наличии же попыток направить энергию Сауда на юг, в сторону Йемена, сигнализирует книга Филби об Аравии.

Все материалы касающиеся этого вопроса направлены нами также Хакимову.

3. Наши отношения с Геджасом

Ввиду отсутствия короля и болезни Фуада наши переговоры могут быть возобновлены примерно через месяц. Ваши директивы по этому вопросу предусматривают несколько вариантов и, предоставляя нам свободу в выборе того или иного варианта в зависимости от обстановки, устраивают нас вполне.

4. Паломничество в 1931 году

Как следствие экономического кризиса, господствующего сейчас в колониальных странах, хадж в текущем году обещает быть наименее благоприятным. Через неделю наступает рамадан. К началу этого месяца обычно прибывало значительное количество паломников (от 1/3 до 1/2). В этом году прибыло всего около 12 000 человек. По сведениям заинтересованных кругов, нет надежд на прибытие более или менее значительного количества паломников даже из таких стран, как Египет, Ява и Индия, которые являются основными поставщиками паломников. Ява в этом году, как полагают, даст не больше 12–15 тысяч вместо 30–40 тысяч. Совершенно не поддается даже приблизительному определению размер паломничества из Египта и Индии, внутреннее положение которых осложнено не только экономическим кризисом, но и политическими событиями. Эти страны, очевидно, дадут еще большее снижение паломничества, чем Ява. Неблагоприятное положение с явайским паломничеством видно хотя бы из того факта, что мутаавифы, выехавшие, например, на Яву для вербовки паломников, в связи с кризисом вынуждены брать на себя явно невыполнимые обязательства (доставка и возвращение паломника, обеспечение его средствами передвижения в Геджасе), несмотря на то, что средств, собираемых ими с паломника, совершенно недостаточно для указанной цели. Паломнический кризис бьет по всем слоям населения, положение которого усугубляется еще тем, что правительство, нуждаясь в средствах, прибегает усиленно к помощи своего фискального аппарата. По сравнению с прошлыми годами непомерно увеличились всякие налоги и сборы. В целях увеличения своих доходов правительство в этом году прибегло к запрещению передвижения паломников на верблюдах. Паломники обязаны пользоваться только автотранспортом. Но весьма сомнительно, чтобы этим способом правительство смогло бы покрыть тот ущерб, который будет нанесен казначейству неизбежным в этом году резким падением паломничества. В этих условиях мероприятия Совторгфлота по активизации паломников в Зап. Китае и Персии, если они оправдаются, дадут известное положительное значение.

Кстати, должен разъяснить, что газетные сообщения о подготовке перевозки перспаломников через Неджд не соответствуют действительности. Разведка путей действительно производилась во всех направлениях между Риадом и побережьем Персзалива. Но, как заявил мне король, осуществление этой идеи натолкнулось на непреодолимые

препятствия, как, например, барханы.

5. Торговля

Сообщаю вкратце результаты торговой деятельности Лазарини. Представитель Лазарини вел переговоры с Минфином Абдуллой Сулейманом по поводу бензина. По многим моментам условий выдвигавшихся Абдуллой Сулейманом, Лазарини дал положительные ответы. Оставалось договориться окончательно о цене, что так же, как будто не представляло больших затруднений. Однако сделка не состоялась. Абдулла Сулейман за все время переговоров добивался максимума уступок, как для правительства, так и для себя. Необходимость этого мотивировал тем, что 1) хранение доставляемого одновременно большого количества горючего представляет большой риск, у представительства же Шелла он берется только по мере надобности; 2) советский бензин, выгодный по цене, не совсем устраивает геджаспра в финансовом отношении, ибо приходится платить золотом, в то время как представительство Шелла свои расчеты производит через таможеню (пошлины за ввозимый им товар). В последний же момент он заявил, что он должен ждать истечения срока договора с агентом Шелла, что произойдет через 6 месяцев. Хотя он окончательно не отказался и все еще продолжает вести переговоры насчет цены бензина, все же к настоящему времени интерес к нашему бензину, несмотря на очевидную выгодность его, как в отношении цены, так и условий кредита, ослабел. Не приходится говорить, что если эта сделка не состоится, то это произойдет не по тем причинам, о которых говорит Сулейман.

Лазарини, хотя и имеет большие деловые связи среди местного купечества, до сих пор реализовал (сыну Абдуллы Фадла) только 100 тонн цемента, доставленного на пароходе «Самоед». Лазарини очень заинтересован в реализации и наших товаров. Его представитель в Джедде известен нам давно, как энергичный человек. Поэтому мы не имеем основания усматривать в столь незначительных результатах его деятельности отсутствие интереса и внимания к торговле нашими товарами. Причиной этого является главным образом торговый застой и отсутствие спроса со стороны купцов. С приближением хаджа можно ожидать некоторого оживления, по крайней мере на продовольственном рынке. Было бы очень желательно, чтобы Востгосторг шел по возможности навстречу Лазарини. Между прочим, во время переговоров с Сулейманом предметом особых разговоров было качество нашего бензина и тара. Действительно, неизвестность нашего бензина до некоторой степени

ослабляет позиции Лазарини. Последний нам говорил о своем желании, если это окажется возможным, получить в качестве пробной партии 2–3 тыс. ящ. бензина. Мы указывали на затруднительность транспортировки такого небольшого количества бензина. Было бы желательно, чтобы Востгосторг рассмотрел этот вопрос и при возможности осуществления этого пожелания Лазарини вступил бы с ним в переговоры.

6. Об Ибрагимовых

10 января после своего 10-месячного пребывания в Геджасе известный в СССР панисламистский деятель Абду-Рашид Ибрагимов выехал в Стамбул. За время своего пребывания он несколько раз сообщал нам интересные сведения из общественной и политической жизни Геджаса. По его словам, он устно и письменно обращался к королю с просьбой об аудиенции. Несмотря на данное обещание, король уклонился от встречи с ним. Сам Ибрагимов объясняет свою неудачу влиянием Филби. Перед своим отъездом из Геджаса Ибрагимов виделся в Джедде с влиятельными людьми (Мухамед Насиф, Абдулла Булейхит) и говорил им в резкой форме об угрожающей стране опасности со стороны иностранцев и в частности о роли Филби. В беседе со мной он рассказал мне об одном интересном случае в Мекке. При Каабе имелся специальный человек (по имени Фейсал Мубарак), назначенный правительством в целях ваххабитской пропаганды.

Недели две тому назад, этот пропагандист выступил перед огромной толпой слушателей, состоявших исключительно из недждийцев и явайцев (среди слушателей находился и Ибрагимов) с большой речью, в которой он обрушился с резкой критикой на правительство. «Мы пришли в Геджас чистыми. Бог нам помогал. Теперь бог разгневался на нас, т. к. мы испортились. Наше правительство превратилось в грабительскую организацию под руководством Абдуллы Сулеймана, Юсуфа Ясина и др.», — говорил он. Аудитория слушала его с явным одобрением. По словам мекканцев, Мубарак выступал с подобными лекциями ежедневно у Каабы в течение 10 дней. Духовное звание и личное положение Мубарака спасали его от каких бы то ни было репрессий со стороны правительства. По последним сведениям, Мубарак назначен главным инспектором в район Медины и таким способом он удален из столицы, где его выступления могли бы иметь большое влияние на паломников.

7. Наша связь с Санаа

Наша связь с Санаа, особенно почтовая, совершенно неудовлетворительная. Между тем систематический обмен хотя бы

информацией между Джеддой и Ходейдой совершенно необходим, особенно если принять во внимание, что геджасско-йеменские отношения вступают, повидимому, в новую полосу, чреватую всякими неожиданностями. Поэтому частый заход наших пароходов в Джедду, где часто можно будет находить для них пассажиров, мы приветствуем.

8. Распределение наших работ

После приезда Матюшкина нашу работу мы распределили следующим образом: т. Туйметов, неся свои обязанности, по-прежнему постепенно вводит т. Матюшкина в курс своей работы, подготавливая его к полному охвату всех его функций, которые он нес (консульские функции, счетоводство, хозчасть и пр.).

Тюрякулов по-прежнему ведет его политическую работу, наряду с этим подготавливая т. Матюшкина по составлению сводок. Матюшкин назначен секретарем полпредства с окладом переводчика, поскольку наши местные возможности не позволяют нам решить этот вопрос иначе. Туйметов предполагает выехать в апреле месяце исходя из того, что, во-первых, он не может после долгого пребывания в жаркой стране зимой вернуться в СССР и, во-вторых, потому, что полпредство в настоящее время в нем нуждается. Поэтому мы решили перевести т. Матюшкина на оклад секретаря после отъезда т. Туйметова. Но т. Матюшкин сейчас выдвигает требование о назначении ему оклада секретаря, основываясь на приказе о его зачислении и назначении по управлению делами. Прошу рассмотреть этот вопрос и дать нам твердые указания. Тюрякулов не в состоянии использовать предоставленного ему отпуска в январе месяце, т. к. 1) зимою перед хаджем, когда общественно-политическая жизнь страны оживляется и 2) возвращаться зимой в СССР для отдыха и лечения бессмысленно. Поэтому т. Тюрякулов свой отпуск откладывает до лета, когда жизнь в стране замирает (даже войны в это время прекращаются) и имеется возможность в СССР как отдохнуть, так и пройти известный курс лечения. Просьба подтвердить согласие НКВД.

В связи с этим НКВД надлежит озаботиться о присылке нового соответствующего сотрудника к апрелю м-цу, чтобы отъезд Туйметова и Тюрякулова не оголил полпредство.

9. О просьбе Фуада Хамзы

Фуад Хамза обратился ко мне с просьбой выписать для него из СССР несколько кусков тонкого бельевого полотна за его счет. Повидимому, он говорит о счете только из скромности. Я ему ответил, что по известным ему

обстоятельствам наши пароходы редко заходят в Джедду и что поэтому очень трудно бывает и нам самим выписать из СССР необходимые вещи. Передаю этот вопрос на ваше усмотрение.

10. О наших финансах

Из слов т. Матюшкина явствует, что финчасти НКВД хорошо известно, что наших финансовых средств хватает только до января м-ца. Между тем до сего времени не получили никаких сведений о переводе нам финчастью НКВД наших сметных ассигнований. Во избежание повторения прошлогоднего положения, при котором нам приходилось прибегать к частным займам, мы убедительно просим отдел Ближнего Востока обратить серьезное внимание Финчасти на ускорение перевода нам наших сметных средств.

Полпред СССР в Джедде: Н. Тюрякулов

Отпечатано 2 экз.

1 — отдел 1 В. О. т. Пастухову,

1 — Архив полпредства СССР в Джедде.

С. М.

Приложение:

1) Копия писемат. Тюрякулова кт. Хакимову. 1 экз.;

2) Переписка с геджаспра о переформировании Управления иностранными делами в Министерство Иностранных дел. 2 экз.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА Е. ПОЛЯКОВУ

Джедда, 17-11-1931.

Уважаемый товарищ Поляков,

1. С этой почтой я почти ничего не посылаю. Без специального благословления центра я воздерживаюсь посылать нашу почту с капитанами н/пароходов.

2. Посылаю письмо с копией на имя СТФ, в котором я сообщаю точную дату хаджа. Мой предварительный ответ на В/запрос являлся приблизительным, выведенным из календарных указаний. Вы знаете, что начало рамадана и его конец определяются луной, которая не всегда показывается в положенные календарем вечера. Отсюда вытекает

приблизительность календ, сроков. Теперь уже на основании циркуляра мининдела Мекки необходимо информировать организации и агентов СТФ, занятых приемкой и перевозкой хаджей, об этом и просить их уточнить расписание отходов н/пароходов из Одессы.

3. Король вернулся из Риада. Его помимо свиты сопровождал Абдулла Филби. Говорят (новая версия), что поездка в Риад была вызвана необходимостью улажения трений между братом Ибн Сауда эмиром Мухаммадом и наместником Неджда старшим сыном короля эмиром Саудом. Брат же короля всегда недоволен своим положением «не у дел».

4. В Ассире пока спокойно. Письмо Хакимова из Санаа вносит некоторое успокоение в н/умы. По оценке Сени-бея, имам Яхья непрочен в Йемене и привязан к южным делам и поэтому не приход, ждать развития или, вернее, возникновения конфликта на ассирской границе. Но все это не должно ослаблять н/внимание к этим делам.

5. Возникла и развивается новая опасность, о которой я писал многократно: экономический кризис. Местные деньги падают с неудержимой быстротой. В торговле полный застой. Вызовы саррафов для «бесед» и объяснений в Мекке. Количество прибывших хаджей ничтожно. Несмотря на начавшийся сезон в правительств, также пусто. Чиновники уже 3–4 мес. не получают жалованья. Трудно представить себе, как гепра выйдет из положения после сезона. Таможенные ставки повышены (со сводкой получите). Ситуация весьма неблагоприятная.

5. Мошковского после хаджа удерживать не будем, вернее, не сможем! Если хотите сократить преемственность, его заместителя пришлите своевременно (хотя бы к маю). Обратите внимание на это дело. Писать особо еще раз не будем. Мошковский много нервничает из-за квартирных неурядиц в Москве. Необходимо оказать семье (сестре) самое активное содействие по охране его прав. Было бы желательно получить от Вас две успокоительные строчки на этот счет!

6. Я сделал вывод, что Мошковский должен развивать контакты с гепра по своей линии. В осуществлении этого Мошковский в этом году снова примется за «холеру». Он ставит (для себя) задачу попутного исследования источников воды, которые, по его предположению, могут давать холероподобные вибрионы. Но это чисто научная задача. Несмотря на все [неблагоприятные условия [для] Мошковского, мы сумели протолкнуть его вперед, мирно завоевать известное положение, заставить признать свой авторитет. Он недавно стал лечить эмира Фейсала (малярия). Иностранцы живо интересуются, когда Мошковский уедет. По отношению к иностр, представителям я вел себя лойяльно: по моей просьбе и в моем

присутствии в н/полпредстве Мошковский давал объяснения научного характера англ, поел. Риану, итальянцам, ставя об этом в известность гепра. Результатом его работы гепра довольно. В первое время относились с опаской. Корректное отношение показало, что мы не собираемся подвести геджасцев. В этом году думаю, что будет лучше, более тесный контакт. Обратите внимание на исполнение его заказов в НКЗдр. Мы ничего не получили до сих пор от НКЗдр в смысле информации о результатах Парижской конференции по паломничеству.

В отпуск собираюсь в июне-июле. Возражений нет?

Привет всем тт. Как Лахути?

Ваш Н. Тюрякулов

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Н. ТЮРЯКУЛОВА Л. КАРАХАНУ

1.

Сов. секретно

Джедда, 4 марта 1931 г.

Уважаемый Товарищ!

Встреча с Юсуф Ясином, который ввиду болезни Фуад Хамзы исполняет должность советника Министерства иностранных дел (векиль везира), касалась двух вопросов: 1) советско-геджасских переговоров и 2) общих вопросов.

Советско-геджасские переговоры. Я изложил ему историю наших переговоров с Фуадом по плану: в свое время Хакимов, а после него я, не раз заявляли о желательности оформления и всяческого укрепления советско-геджасских отношений. Совпра всегда было готово начать переговоры с указанной целью. Летом 1929 года король заявил о своей готовности к переговорам и уполномочил Фуада. Переговоры начались с обсуждения вопросов договора о дружбе. По предложению Фуада я представил гепра проект договора. 14 декабря 1929 года Фуад заявил, что наш проект встречен сочувственно, что исключительный режим, созданный для совторговли в Геджасе, ликвидируется и что гепра готово повести с нами переговоры и по вопросам торгового договора. По предложению

Фуада мною было сформулировано наше предложение по торговому вопросу. В связи с поездкой Фуада на свидание Ибн Сауда с Фейсалом (февраль 1930 года) переговоры фактически прервались. После перерыва, не давая ответа гедра на наше предложение, Фуад выставил ряд требований, которыми обуславливалось разрешение всех вопросов советско-геджасских отношений. В последнее время в связи с болезнью Фуада и его отъездом в Египет наши переговоры подверглись новому перерыву. Сейчас я могу представить гедра наш ответ и наши предложения. Успех переговоров всегда связан с готовностью обеих сторон к соглашению. Прежде чем ознакомить гедра с нашим взглядом и нашими предложениями, я ставлю вопрос: Каково отношение короля к возобновлению и завершению наших переговоров. Готов ли король по-прежнему к оформлению наших отношений? Если да, то как он мыслит объем переговоров, которые будут возобновлены? Ставлю второй вопрос: Кого геджасская сторона уполномачивает вместо Фуада?

Юсуф Ясин записал для себя мои вопросы и спросил меня, что он должен передать королю о советском ответе на геджасские предложения. «Король, — сказал он, — несомненно спросит меня об ответе совпра. Я должен буду сказать ему по крайней мере — приняты ли геджасские пожелания полностью или частично». Я ответил, что вопрос весьма серьезный, и я предпочел бы изложить ответ совпра в письменной форме и обстоятельно ознакомить гедпра с нашей точкой зрения. Ясин обещал доложить королю и дать мне ответ в течение ближайших трех-четырех дней.

Затем беседа перешла на общеполитические вопросы.

Н. Тюрякулов Отпечатано 4 экз.

1 — в дело,

1 — I В. О.,

1 — Карахану,

1 — Секретариат Коллегии,

С. М.

2.

Сов. секретно

Джедда 4 марта 1931 г.

8 час. вечера бейт. Хариджи

Продолжение

Беседа с Юсуфом Ясином. По окончании деловой части беседы относительно советско-геджасских переговоров мы перешли на общие

вопросы. Я спросил: «Чем вызвано неожиданное решение иракского премьера Нури-паши отложить свой приезд в Мекку после того, [как] сам же иракский король форсировал это дело и Ибн Сауд ответил готовностью урегулировать все вопросы отношений Мекки с Багдадом». Ясин ответил в том смысле, что шерифы, как Фейсал так и Абдалла (Трансиорданский эмир), никогда не сдерживали свои обещания. Они всегда давали слово с тем, чтобы его сейчас нарушить. Мой вопрос: «Пресса много пишет об арабской федерации. Как представляете себе это дело?» Ответ Юсуф Ясина: «Мы, как арабы, принципиально всегда были сторонниками единения арабов. Мы понятие единства понимаем шире, чем федерация. Если бы дело зависело только от нас, мы хотели бы слияния всех арабских стран — и Ирака, и Трансиордании, и Йемена и т. д. Но это область теории и пожеланий. Практически же, реализация этой идеи связана исключительно с состоянием, с уровнем развития («такауун») самих арабов. Необходимо, чтобы эта идея исходила из недр самого арабского общества. Одним подписанием бумаги, конечно, не может быть создана действительная федерация. Все это исключительно моя точка зрения. Никаких решений по этому вопросу у нас не имеется. Клянусь, мы никаких предложений по вопросу о федерации не получали. Между тем в газетах расписано заявление Нури о федерации и создано впечатление, что вопрос вступил в фазу обсуждения между соответствующими правительствами».

В заключение я провел параллель между СССР и Геджасом в отношении враждебной кампании, которая постоянно ведется против этих двух стран, и разъяснил смысл антисоветской лжи.

Н. Тюрякулов

Отпечатано 4 экзмп.

1 — в дело,

1 — Карахану,

1 — Секретариат Коллегии,

1 — 1 Восточный Отдел. С. М.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА С ДОКТОРОМ САЛИХОМ

Сов. секретно

Джедда 12 марта 1931 года.

№ 43

БЕСЕДА С ДОКТОРОМ САЛИХОМ

Доктор Салих имеет около 55 лет, черкес, бывший сотрудник Махмуда Недима по Йемену. Прожил в Аравии более 25 лет. Участвовал в мировой войне в осаде Адена. В настоящее время работает в министерстве финансов, при Минфине Абдулле Сулеймане. По поручению Мекки ездил в Ассирию по подготовке мер к присоединению Ассирии к Саудовскому государству. Поддерживает с нами постоянную связь. Сущность его прежних сообщений известна Наркомин-делу и Хакимову.

Салих сообщил, что он до этого был убежден в неизбежности скорой войны между Йеменом и Геджасом и что такую уверенность внушал ему характер тех заданий, которые ему были даны Саудом, в период пребывания его в Ассирии. Он должен был выяснить настроение пограничных Ассирии йеменских племен и установить контакт с теми шейхами, которые сочувствуют Сауду. По возвращении его из Ассирии Сауд поручил ему составить карту Ассирии и Техамы и записку о положении и настроениях в Техаме. Судя по отдельным обрывкам фраз короля и Абдуллы Сулеймана, Салих вынес впечатление, что решение вопроса (о позиции Мекки к Санаа в дальнейшем) откладывается на некоторое время — после рамадана.

После рамадана Салих представил королю свои работы на данные ему темы по Ассирии и Техаме. В результате этого его последнего свидания с королем (в присутствии Минфина Абдуллы Сулеймана), на котором подробно обсуждался вопрос об условиях и возможных перспективах геджасско-йеменского столкновения в Ассирии и Техаме, вопрос в целом был снят с дальнейшего обсуждения. Сауд заявил, что он никаких дурных намерений к имаму Яхье не питает и что результатами такого конфликта могут воспользоваться только третьи силы. «С другой стороны, — сказал Сауд — поскольку горы находятся в руках имама Яхьи, думать о захвате и закреплении за собой Техамы было бы совершенно абсурдно».

Салих считает, что финансовое положение страны не может позволять пускаться в какие-либо дорогостоящие авантюры. «Такое заключение правильно, если опустить возможность финансирования со стороны, — сказал Салих, — такого предприятия».

Н. Тюрякулов

Отпечатано 4 экземпляра:

1 — Секретариат Коллегии,

1 — Карахану,

1 — I Восточный Отдел,

1 — в Дело.

С. М.

Вывод: Сауд пока не обостряет положения с Ассиром.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С ТУРЕЦКИМ ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ СЕНИ-БЕЕМ

Сов. секретно 1731

И. V. 1931 г.

Джедда 22 марта 1931 г.

№ 41

БЕСЕДА С ТУРЕЦКИМ ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ СЕНИ-БЕЕМ

Посетил Сени-бея. Беседовал с ним о политической ситуации в Аравии. Я ему рассказал о газетном сообщении (египетская газета «Аль-Зия»), которое говорит, что, по сведениям из Адена, шейхи и население 9 спорных областей Аденского протектората обратились к аденским властям с ходатайством присоединить эти 9 областей к британским владениям и управлять ими через чиновников, назначаемых Англией непосредственно. В Адене полагают, что указанные области никогда, даже в период Оттоманской империи, не имели органической связи с Йеменом и что присоединение их к британским владениям положит конец притязаниям имама Яхьи.

Сени-бей считает, что этот факт следует рассматривать в тесной связи с Ассирским делом. Англичане всеми силами и способами стараются столкнуть Мекку с Санаа, имея в виду одним зарядом убить двух зайцев. Прямо говорить об этом они не могут. Они вынуждены через Филби провести в форме «дружеского совета». «Во имя блага страны» присоединить Ассир к Неджду и ликвидировать его номинальную автономию в расчете, что этот факт вызовет конфликт или по крайней мере трения между Меккой и Санаа. Они, конечно, рассчитывали на большее — войну. Но этого так или иначе не случилось. Сауд предупредил Яхью о своем шаге, чтобы устранить возможность конфликта. Яхья же тоже не пошел на открытый конфликт. К тому же Яхья в силу своего внутреннего положения и наличия аденского фронта не может идти на осложнение своего положения. Вот тогда-то англичане и пошли по этому пути, чтобы в

новой форме закрепить свое положение в Аравии. Шейхи Аденского протектората, повидимому, были подготовлены к такому «волеизъявлению» еще раньше. Объявляют же об этом акте сейчас именно в связи с неудачей в Ассире.

Н. Тюрякулов

Отпечатано 4 экземпляра:

1 — I Восточный Отдел,

1 — Секретариат Коллегии,

1 — Секретариат Карахана,

1 — в Дело,

С. М.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С НАЧАЛЬНИКОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ГЕДЖАСА МУХСИНОМ ТАИИБОМ

Сов. секретно

1728

11. V. 1931 г.

Джедда 23 марта 1931 года

№ 37

БЕСЕДА С МУХСИН ТАИИБ

Нас посетил начальник политической полиции Геджаса Мухсин Таииб, посещающий нас в последнее время каждый раз, когда приезжает в Джедду.

Таииб — 35 лет, уроженец Медины, из семьи алжирского переселенца. Получил свое военное образование в Стамбуле. Во время мировой войны служил в разведывательной части сирийской армии Джемаль-паши. Повидимому, с целью разведки приезжал в 1916—17 гг. в Мекку и Медину. По приказанию Шерифа Хусейна, который, очевидно, знал о его целях, Таииб и его отец были заключены в Мединскую крепость, где они просидели почти до прихода ваххабитов. Имущество его и его отца было конфисковано хусейновскими властями. Участвовал в антихусейновской компании арабской прессы, проведенной в Египте. После занятия страны

ваххабитами он поступил на службу Саудовскому правительству.

Интересовался вопросами — как трактует советская пресса относительно дороги Багдад — Хайфа, проблемой арабской федерации и присоединением Ассира к Неджду. Дал ему соответствующие ответы в рамках того, что было опубликовано в «Известиях» по указанным вопросам. Особо подчеркнул всегда сочувственное отношение советской прессы к Ибн Сауду. Он рассказал следующее: Ибн Сауд имеет много противников. Его положение во всех отношениях, даже в смысле географического положения страны, окруженной английскими владениями весьма трудное. Интригуют и извне и изнутри. При этих условиях он поступает по поговорке: «Если не можешь отрубить руку врага, поцелуй ее». Отсюда его внешне уступчивая политика по отношению к Англии. Например, он знает, что означает для его будущего дорога Багдад — Хайфа и арабская федерация. Он прекрасно понимает подкладку предложения Нури-паши. Никакой федерации между самостоятельным Геджасо-Недждом и зависимым Ираком не может быть. Федерирование Мекки с Багдадом и Амманом означало бы, что первая ставит себя в положение последних, т. е. в положение зависимой от Англии страны. Если бы было решено обязательно вступить в федерацию, то в этом случае было бы более осмысленным и менее вредным актом — федерация непосредственно с самой Англией. Основной вопрос дня — дорога Багдад — Хайфа. Эта дорога предназначена для улучшения независимости полуострова. Сауд, конечно, открыто не поднимет этот вопрос. С другой стороны, и Англия не может говорить, что она стремится задушить полуостров. При этих условиях предметом спора стал вопрос о пограничных укреплениях, о компенсациях за набеги на трансирданской границе, о пастбищах, о колодцах и т. д. и т. п. Центральным иракским укреплением, на которое возложена основная задача на этом участке со стороны Англии, является Аль-Ратба. Теперь построено на трансирданской границе 4 пограничных поста, являющихся в действительности настоящими крепостями. Каждая из них обслуживается небольшим, но хорошо вооруженным гарнизоном и подвижной радиостанцией. Стены этих крепостей построены из цемента и наклонены вовнутрь. Окружающая местность засеяна травой, покров которой маскирует саму крепость. Общее руководство по наблюдению и управлению всем районом возложено на старого знакомого недждийцев мистера Клоба.

Я указал ему, что ирако-недждийский договор уже заключен и после свидания двух королей — Фейсала и Сауда на Персидском заливе (февраль 1930 г.) нет никакой почвы для новых споров между Багдадом и Меккой. К

тому же состоялась недавно трансйорданско-недждийская конференция, которая, как будто, урегулировала спор о набегах и компенсациях. Мухсин Таииб стал горячо возражать против такой оценки положения, указывая, что во-первых, ирако-недждийский договор 1930 года состоит из 9—12 ничего не значащих и ни к чему особенно не обязывающих, а главное, не разрешающих основной вопрос, статей. Во-вторых, этот договор до сих пор не ратифицирован и ничего не известно, когда будет ратифицирован. В-третьих, Амманская конференция была перемирием, которое нельзя рассматривать, как разрешение спора, поскольку продолжается борьба против независимости страны. Сауд маневрирует, уступает, соглашается, но сохраняет свои основные позиции. Вот пример такого маневра. Свидание обоих королей состоялось на палубе английского парохода в присутствии верховного комиссара. После первых обычных приветствий оба короля вместе спустились в кают-компанию для беседы... Сауд говорил так громко, что далеко был слышен его голос. Он говорил о том, что никаких дурных намерений к своим соседям он не питает, что арабские страны и их руководители должны жить в мире и дружбе, что этого требуют интересы этих же стран, что все распри, имевшие раньше место между ними, достойны только сожаления, что его единственным желанием является благоденствие и мир в арабских странах и т. д. Фейсал ответил ему, что он (Фейсал) также стремится к миру и дружбе со своими соседями и что он приехал на это свидание главным образом для того, чтобы посредством такого личного обмена мнениями устранить все споры и разрешить все вопросы. Тогда Сауд пригласил немедленно верховного комиссара в каюту и заявил, что настоящее свидание он (Сауд) рассматривает как личное знакомство, которое в будущем должно способствовать лучшим взаимоотношениям и что обсуждение вопросов надо передать мининделам обеих стран. Поступая таким образом, Сауд хотел не ввязываться в личные беседы и устранить возможность каких-либо обязывающих его заявлений и разъяснений. Вот при каких условиях и обстоятельствах был составлен ирако-недждийский договор, который до сих пор не ратифицирован и вряд ли скоро будет ратифицирован. Сауд при этом опирается на моральную поддержку СССР.

Я спросил его, что означает эта фраза о моральной поддержке СССР. Таииб пояснил свою мысль таким образом: В настоящее время СССР является государством, которое уже встало на обе ноги. Удельный вес СССР теперь возрос настолько, что Европа и в первую очередь Англия не могут не учитывать мнения СССР при своих расчетах. Пример — отношение СССР к дороге Багдад — Хайфа и ее продолжению. Эта дорога

не ограничивается Багдадом-Хайфой. Дорога будет продолжена на Восток и, прорезав юг Персии, должна быть связана с Индией. Это дело будущего, но она уже сейчас мыслится так. Возможность продолжения этой дороги перестанет быть реальностью, как только Москва посоветует персам не позволить Англии проводить дорогу через Персию.

Я сказал, что о таком продолжении Багдадской дороги мне ничего не известно и что если действительно существует такой проект, то его реализация будет зависеть от самих персов. Обновляющаяся Персия достаточно хорошо знает свои интересы.

Мухсин Таииб снова стал возражать, указывая на то, что обновление Персии было возможным только благодаря соседству этой страны с СССР и что дальнейший ее подъем также зависит от Москвы. При этих условиях персы будут всегда внимательно относиться к советскому мнению, особенно в таких важных вопросах. Москва же, безусловно, так или иначе обязательно будет реагировать на такой факт. Сауд все это прекрасно понимает и отлично учитывает СССР, как фактор, который его поддерживает и заинтересован в том, чтобы поддерживать полуостров. К тому же надо сказать, что в иностранных кругах существует убеждение в наличии каких-то особых связей между СССР и Саудом. Внешняя же форма ваших отношений с королем и его деятелями постоянно укрепляет общество в его убеждении, что за спиной Сауда имеется какая-то твердая опора.

Я сказал ему, что мы никогда не скрывали нашего особого дружественного отношения к восточным странам, которые нуждаются в мире и сочувствии для переустройства своей жизни и укрепления своей независимости.

Затем мы перешли на тему о геджасско-еменских отношениях. Он сказал, что все слухи о близком конфликте между Меккой и Санаа из-за Ассира лишены всякого основания. Сауд понимает, что и он, а также и имам Яхья одинаково заинтересованы в мире и дружбе и что Сауд сделал все, чтобы устранить возможность кривотолков в Санаа в связи с реформами в Ассире. Сауд понимает, что он не должен ослаблять имама Яхью, который занят борьбой на аденском участке. При этих условиях столкновение обоих было бы абсурдом.

Затем он спросил меня — кто такой Абдурашид Ибрагимов Дагестанский. По его словам, Ибрагимов представил Ибн Сауду записку, в которой указывал на необходимость создания в Мекке всемусульманского общества, которое помогало бы Ибн Сауду и обсуждало бы все мусульманские вопросы, пользуясь ежегодным хаджем. Я пояснил ему, что

Ибрагимов по происхождению сибиряк, порвавший всякие свои связи с Россией еще до мировой войны. Он принял турецкое подданство, поселился в Турции и участвовал во многих турецких военно-политических предприятиях времен триполитанской, балканской и мировой войн. Никаких связей с СССР он не имеет. Мухсин выразил желание почаще видеться с нами и знакомиться с мнением советской прессы по вопросам арабских стран.

Беседа на этом закончилась. У меня создалось впечатление, что неудача Ибрагимова (Сауд его не принял, несмотря на свое обещание) объясняется его предложением о «всемусульманском центре в Мекке». Возможно, что это предложение отпугнуло его.

Н. Тюрякулов

Отпечатано 4 экземпляра:

1 — Секретариат Коллегии,

1 — Карахану,

1 — I Восточный Отдел,

1 — в Дело.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ ТУРЦИИ В ГЕДЖАСЕ СЕНИ-БЕЕМ

Сов. секретно

№ 52

Джедда 28 марта 1931 года

БЕСЕДА С ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ ТУРЦИИ

В ГЕДЖАСЕ СЕНИ-БЕЕМ

Предметом беседы было сообщение «Уммуль-Кура» о предстоящем приезде в Джедду иракского премьера Нури-паши. Сени-бей считает, что неожиданное решение, принятое в Багдаде на счет поездки Нури, наводит наблюдателя на ряд размышлений. История этих переговоров была такова: Сначала Багдад телеграфировал Мекке о приезде Нури и о желательности скорейшего разрешения всех спорных вопросов между обеими странами, а также вопросов, в которых «заинтересованы все арабы». Вторая фаза: Английский посланник в Джедде Риян сообщает мининделу Геджаса, что Нури занят нефтяными переговорами и сейчас приехать не может. И

последняя фаза: Нури едет в Мекку. Сени считает, что англичане договорились с Меккой по интересующим вопросам, в результате чего англичане сняли запрещение с поездки Нури. Наряду с этим Сени допускает и такое предположение, что в данном случае могло иметь место исправление допущенной ошибки. Приветствуя первое решение Багдада о приезде Нури, Ибн Сауд, возможно, расстроил планы своего партнера и перед общественным мнением выиграл игру. Он показал, что не он является противником мира в арабских странах. В результате всего этого англичане исправляют свою ошибку, решив послать Нури для дачи боя в другой фазе борьбы. Далее Сени-бей сообщил, что имел недавно сведения из достоверных, по его мнению, источников о предстоящем после хаджа столкновении между Йеменом и Геджасом. Ему сообщили, что Ибн Сауд решил сейчас же после хаджа начать военное наступление на Техамму. По его мнению, Ибн Сауд больше всего рассчитывает на симпатию шафиитского населения Техаммы, которое имам Яхья оттолкнул от себя своей зейдитской политикой. В подтверждение мысли, что у Ибн Сауда давно имеются какие-то задние мысли против Санаа, Сени-бей вспомнил следующее: Ибн Сауд в прошлом году два раза говорил ему о том, что йеменское население недоволено имамом Яхьей, и что во всем этом виноваты сами йеменские власти, создавшие в стране беспорядок и произвол. В заключение Сауд заверял Сени-бея в том, что он говорит о йеменских делах, не имея на своей душе что-либо против имама Яхьи. Разбирая различные гипотезы на счет возможности похода в Техамму, Сени-бей высказал ту мысль, что без поддержки извне при теперешнем положении страны поход в Техамму невозможен, но что англичане готовы оказать финансовую поддержку Геджасу для такого предприятия, имея в виду добиться этим желательного для них разрешения вопросов на юге и на севере Аравии (9 спорных областей Аденского протектората, Акаба и др.).

Далее Сени сообщил, что по его сведениям район Акабы, который до последнего времени находился в составе Трансиордании, перечислен в состав Палестины. Этот факт Сени-бей рассматривает в связи также с большими английскими планами по охвату Аравии.

Н. Тюрякулов

Отпечатано в 4 экз.

1 — I Восточный Отдел,

1 — Секретариат Коллегии,

1 — Карахану,

1 — в Дело.

С. М.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА С ПЕРСИДСКИМ

КОНСУЛОМ МУХАМЕДОМ ЛАРИ

Сов. секретно

Джедда 10 апреля 1931 года

№ 48

БЕСЕДА С ЛАРИ О МИССИИ НУРИ САИД-ПАШИ

Бывший персидский консул Мухамед Лари-эфенди рассказал мне о своей беседе с губернатором Джедды. Он спросил губернатора о том, что и в какой мере иракскому премьеру Нури-паша АльСаиду удалось осуществить за время своего пребывания в Мекке. Губернатор отозвался незнанием.

По словам Лари, он и губернатор находятся в очень хороших отношениях. Губернатор всегда делится своими сведениями и новостями с Лари. Кроме того, губернатор, занимая видный пост в местном правительстве, всегда в курсе политических дел. Если по вопросу о миссии Нури он отозвался незнанием, то это объясняется тем, что он этим ответом хотел намекнуть на неудачу Нури. Говорить прямо об этом губернатор счел для себя неудобным, а с другой стороны, не мог говорить Лари неправду. В результате губернатор отозвался незнанием. Так толкует ответ губернатора сам Лари. Очевидно, желая подчеркнуть невозможность при данных условиях искреннего сближения Мекки с Багдадом, губернатор добавил, что Нури и его правительство являются зависимыми людьми и самостоятельно решать вопросы не могут.

Далее беседа перешла на тему о поездках Таха-паша Аль-Хашими в Йемен. Он считает, что со стороны иракцев было бы легкомыслием, если бы они в Санаа стали бы прощупывать настроение или вызывать их в направлении против Мекки. Как указывает опыт прошлого, имам Яхья великолепно понимает, какие силы скрываются за подобными предложениями и выступлениями, преследующими задачу отвлечения его от Аденского участка. Поэтому невозможно, чтобы имам Яхья поддался бы на подобную провокацию. Как только имам Яхья почует или даже заподозрит скрытые планы и намерения Англии, он немедленно и

решительно поворачивает спину. Так случилось с Италией. Опыт покупки у итальянцев оружия показал ему, что итальянское заявление о своей дружбе с Йеменом было частью плана, внушенного и продиктованного итальянцам тем же Аденом. Поездки аденского губернатора в Азмару, имевшие место в тот период, также говорили в пользу мысли, что в данном случае Йемен имеет дело в лице итальянцев с английским планом. После этого имам Яхья решительно отвернулся от итальянцев и пошел на сближение с СССР.

Если иракцы выступают в Санаа с какими-либо предложениями, в которых будет хотя бы намек или признак их английского происхождения, их постигнет неудача.

(Тюрякулов)

Отпечатано в 4 экзempl.

1 — Секретариат Коллегии,

I — Секретариат Карахана,

1 — 1 Восточный Отдел,

1 — Архив,

С. М.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С ДОКТОРОМ САЛИХОМ

Сов. секретно

Джедда 17 апреля 1931 г.

№ 59

БЕСЕДА С ДОКТОРОМ САЛИХОМ

Доктор Салих сообщает, что финансовое положение геджаспра все больше и больше обостряется. Переговоры, которые Минфин Абдулла Сулейман вел с Голландским банком и представителями иностранных фирм, кончились капитуляцией правительства: распоряжение, отданное правительством недавно о запрещении вывоза золота из страны, отменено. Помимо сокращения оклада чиновникам на 10 % правительство прекратило вообще всякую выплату жалованья. Сам Салих, занимавший пост особого чиновника — инспектора при Минфине, не получил свое жалованье за 9 месяцев и вынужден был отказаться от службы. На мой вопрос — чем он намерен заниматься в дальнейшем — он ответил, что поедет в Азмару.

Желая, очевидно, устранить возможные в связи с Азмарой мои подозрения, он стал уверять, что намерен заниматься исключительно частной торговлей или службой в какой-либо частной организации. Он говорит, что профессор Лоренцо, который работал здесь от министерства колоний в Риме, предлагал ему сотрудничать с итальянцами. Но, не желая принимать участие в преступных планах Италии, связанных с Ассиром, Салих от дальнейших встреч с Лоренцо уклонился. В свое время Махмуд Недим, за которым итальянцы сильно ухаживали, сказал итальянцам, что он, Недим, оставаться здесь больше не может и в качестве желательного для итальянцев сотрудника может рекомендовать его, Салиха. Но Салих по вышеуказанной причине отстранился от итальянцев.

Положение в Ассире, по словам Салиха, обострилось. Газетные сообщения о казни, произведенной саудовскими властями над шейхом племени Аль-Мусариха, соответствует действительности. В ответ на эту казнь люди Аль-Мусариха убили недавно 17 человек из саудовских чиновников. На военном совещании в Мекке решено послать в Ассир карательную экспедицию на 80 автомобилях, снабженных пулеметами. Салих думает, что этот конфликт может привести геджасцев к столкновению с йеменскими племенами, которые захотят помочь родственным им племенам в Ассире. Без финансовой поддержки извне Сауд не способен вести войну с Йеменом. Но есть государство, которое особо заинтересовано в Акабинском заливе и в Аденском протекторате и которое охотно окажет поддержку в таком предприятии. Чем бы ни кончилась такая война, это государство выиграет или на севере или на юге, или и там и здесь. Судя по своим беседам с приезжими йеменскими паломниками, Салих считает, что йеменский имам значительно улучшил свои отношения с шафиитским населением Техаммы и сумел создать для себя желательные настроения среди населения. Расчеты, связанные с недовольством техамцев, теперь неправильны.

Возвращаясь к теме о геджасских делах, Салих особо отмечает безрассудность многих расходов, производимых геджасским правительством. Помимо выписывания бесконечного количества автомобилей в кредит и увеличения задолженности правительства иностранцам, геджасскому посланнику в Лондоне Хафизу Вахбе на устройство коронационного банкета 8 января переведено 5000 фунтов. Фуаду Хамзе на лечение переведено 1000 фунтов. Растраты и казнокрадства не наказываются. Минздрав, в отчетности которого выявлена недостача в 4000 фунтов, замазал дело «милостью» короля. Выписано было на 15 000 фунтов медикаментов. Прибыло медикаментов только на 5000

фунтов, остальная часть медикаментов «сгорела». При всем этом сирийцы сумели устроиться: Сауд конфиденциально отдал строжайшее распоряжение о выплате жалованья в первую очередь врачам, законтрактованным геджасским правительством. Геджасское правительство этим путем стремится устранить возможность вмешательства иностранных представителей, к помощи которых могут прибегнуть сирийцы врачи. Но это обстоятельство в то же время вызывает озлобление чиновников из местного населения, не получающих по 4–5 месяцев своего жалованья и считающих себя обойденными.

Отпечатано 4 экземпляра:

1 — Секретариат Коллегии,

1 — Секретариат Карахана,

1 — I Восточный Отдел,

1 — Архив.

С. М.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С ГУБЕРНАТОРОМ ДЖИДДЫ АБДУЛЛОЙ РИЗА

Джедда 21 апреля

БЕСЕДА С ГУБЕРНАТОРОМ ДЖЕДДЫ АБДУЛЛА РИЗА

Посетил губернатора в его доме. Он познакомил меня с хаджи Мустафой из Бейрута. Последний рассказал, что он заключил с Ар-косом договор на нефтепродукты, сделка была весьма выгодна для него, но договор был сорван сирийскими властями, начавшими борьбу против советского ввоза. С губернатором беседовали о политическом положении в Европе. Говорит, что германо-советские отношения постоянно вызывают беспокойство в Европе. Париж не хочет, чтобы германо-советская торговля развивалась. Теперь ко всему прибавилось германо-австрийское таможенное соглашение. Нажим на Германию усилится. Я указал ему, что он, как деловой человек, должен понимать, что теперешний кризис не может быть устранен без экономического сотрудничества народов. Что взаимное сближение народов должны приветствовать все сторонники мира. Германия платит репарации. Она может платить их только посредством развития своей внешней торговли.

Затем беседа перешла на другие темы. Губернатор стал жаловаться на плохие дела, на падение паломничества, на отсутствие паломников из СССР. Я указал ему, что русские мусульмане должны сначала восстановить свое хозяйство, а потом думать о мечети, как говорится в изречении пророка. Со стороны же правительства, как и в Турции, никаких препятствий паломничеству не ставятся. Губернатор стал возражать: «Турция подражает СССР. Восстановление хозяйства не может помешать хаджу. Если бы из СССР приехало 1000 паломников, то это не нанесло бы большего вреда 180 миллионам. Такой факт произвел бы очень хорошее впечатление в мусульманских странах, и не стали бы говорить, что СССР — противник ислама, что в СССР паломничество запрещено. Это мое личное мнение. Этот вопрос должен разбираться независимо от политических и экономических проблем. Что касается теперешнего положения в Геджасе, то знаете, геджасцы недовольны им. Местное правительство до сего времени не изучало ситуацию серьезно. Мы хотели бы, чтобы вы разъяснили королю, что вследствие отсутствия торгового договора между вами и нами геджасцы теряют: пользуясь моментом, англичане продают геджасцам керосин, бензин, лес, муку, сахар и пшеницу по повышенным ценам. При наличии советской торговли этого не могло бы быть. Разрешение советской торговли в Геджасе было бы выгодно геджасцам и негеджасцам. До тех пор, пока на рынке не будет создано нормальное положение на основе свободной конкуренции между всеми, население будет терпеть убыток. СССР же, не имея торговли в Геджасе, ничего существенного не теряет, т. к. объем геджасского рынка по сравнению с мировым рынком, на котором оно [Советское государство] выступает, совершенно незначителен. Нужно разъяснить королю именно эту истину. Нужно как-то растолковать все это королю. Его величество лично не понимает вопросов торговли. Также не разбираются в этих вопросах Фуад Хамза и Юсуф Ясин. Отсутствие же торгового договора объясняется именно тем, что они не понимают ничего в вопросах торговли.

В частном порядке я могу взять на себя представительство ваших фирм. Вначале я возьму немного, примерно в следующих количествах: ежемесячно сахару от 500 до 1000 мешков, керосину от 2000 до 3000 ящиков, бензина от 2000 до 3000 ящиков.

Товары должны прибывать на советских пароходах на мое имя. Могу также покупать и для себя, если это будет выгодным для меня. Сообщите мне ваше решение. Я имею в виду лично обратиться к королю и добиться его разрешения на торговлю советскими товарами».

Беседа велась посредством переписки на арабском языке, потому что

губернатор плохо слышит. Устная же беседа велась на персидском языке, которого окружающие люди не понимают. Настоящая беседа записана по записям, написанным в записной книжке губернатора.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С МУСТАФОЙ ЧУБУКЧИ

22 апреля 1931 года

Утром нас посетил местный уроженец, турок по происхождению Мустафа Чубукчи. Купец, лет 50-ти, глава торгового дома Чубукчи, который до войны считался крупнейшим оптовиком Геджаса. Во время восстания Хусейна этот дом потерпел крупнейшие убытки. Участвовал в организации общественного мнения местного населения против Хусейна и сменившего его Али. В настоящее время он не играет значительной роли в местной торговле. Находится в очень близких отношениях с Халид Каркани, а через последнего — с немцами.

Чубукчи рассказал о том, какое впечатление произвело в местном обществе появление советского цемента в Джедде, выписанного домом Абдуллы Фадла. По его словам, узнав о прибытии советского цемента в Джедду, Халид Каркани — компаньон немецкого консула Де Хааса, заявил королю, что создается невозможное положение на рынке: с одной стороны, когда он (Каркани) намеревался торговать советскими товарами, ему сказали, что для этого еще не наступило время. С другой стороны, Абдулла Фадл открыто выписывает цемент из СССР. Сам Абдулла Фадл объяснил, что он этот товар купил в Египте. Инцидент был ликвидирован тем, что Абдулла Фадл дал обязательство больше не выписывать советских товаров. По мнению Чубукчи, все это не устраивает геджасцев: 1) правительство защищает своих недждийцев (Абдулла Фадл — недждиец) и обязательство, данное Фадлом, является лишь маневром, рассчитанным на успокоение других купцов. 2) Абдулла Фадл уже заработал на советском цементе. 3) Советский цемент уже проник на геджасский рынок, и этим самым исключительный режим, созданный для советской торговли, нарушен.

Мало того, советские товары, несмотря на все преграды, все-таки проникают на склады. По его сведениям, одна английская фирма закупила крупную партию советского сахара по 6,5 фунтов за тонну сиф Бомбей, в то

время как мировая цена — 9 фунтов. Этот сахар отдельными партиями будет перевозиться из Индии в Геджас и продаваться по мировым ценам. Ясно, что разница в цене останется в Индии. Поскольку Геджас является лишь потребителем, то поэтому при теперешнем, тяжелом положении Геджаса самым правильным шагом со стороны местного правительства было бы открытие рынка для советской торговли и допущение конкуренции для нормализации цен. Я пришел к вам просить использовать мои связи и мой опыт, когда вопрос о советской торговле в Геджасе будет улажен, и советские торговые организации начнут работать. Я предлагаю свои услуги в качестве комиссионера. Надеюсь, что, зная меня как главу торгового дома с незапятнанной репутацией, вы предпочтете меня перед остальными. Я ответил ему в том смысле, что если советская торговля с точки зрения деловых людей Геджаса выгодна для них и для населения, то они сами должны проявить перед местным правительством инициативу и разъяснить кому следует все выгоды этого дела. Коммерческую сторону вопроса разработают наши торговые организации, которые и привлекут кого-либо из местных купцов для сотрудничества на комиссионных или иных условиях. При решении вопроса о том, кого пригласить к сотрудничеству, советские торговые организации, по всей вероятности, учтут прежде всего роль и значение этого человека в разрешении вопроса местным правительством в желательном для нас и для вас смысле.

ЗАПИСЬ БЕСВДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С ФУАДОМ ХАМЗОЙ

22 апреля 1931 года

В 3 часа пополудни я посетил Фуада Хамзу в его доме. У него застал английского посланника Рояна и помощника (ассистента) аденского губернатора Чемпиона. Последний, по словам Фуада, приехал в Джедду к Рояну.

Я сказал Фуаду Хамзе, что в период его болезни я запросил Юсуфа Ясина относительно дальнейших судеб геджасско-советских переговоров и что Ясин, переговорив с королем, ответил мне в том смысле, что продолжение наших переговоров считается желательным и что геджасскую сторону в этих переговорах будет по-прежнему представлять он, Фуад

Хамза.

Фуад ответил, что после своего возвращения из-за границы он также узнавал мнение короля и что продолжение переговоров между нами является задачей ближайших дней после хаджа.

Мы условились, что непосредственно после хаджа — в конце апреля и в первых числах мая — мы возобновляем с ним в Джедде наши работы по геджасско-советским переговорам.

Фуад стал жаловаться на ненормальное положение на рынке, на дороговизну нефтепродуктов. Я указал ему, что ненормальное положение, которое действительно существует на рынке, является результатом исключительного режима, созданного местным правительством для советской торговли. Другими словами, это положение может быть устранено лишь ликвидацией исключительного режима. Далее я отметил, что это положение, по моему мнению, будет обостряться тем больше, чем дольше будет сохраняться исключительный режим в отношении нашей торговли. К тому же этот режим все равно не оправдывает себя хотя бы потому, что советские товары все-таки проникают в Геджас. Купец будет покупать там, где ему будет выгоднее. Но проникновение советских товаров через Египет или через Индию невыгодно прежде всего для самих геджасцев, т. к. разница в ценах при этом будет оставаться у посредников. Геджаспра лучше понимает свои интересы, а моя обязанность — высказать мое мнение. Фуад заявил, что, ставя в начале геджасско-советских переговоров вопрос о компенсации, геджасское правительство хотело получить материальные *выгоды*. Вопрос о том, в какой форме могли быть даны эти выгоды, должен быть обдуман советской стороной. Я ему ответил в том смысле, что вопрос о компенсациях я предлагал ему поставить не до переговоров, а в процессе переговоров. Таким образом, я никогда не уклонялся от совместного с ним обсуждения любого конкретного предложения геджасской стороны, чтобы завершить наши переговоры. Я полагаю, что геджасское правительство, ликвидировав исключительный режим и заключив с нами соответствующее соглашение, могло бы обеспечить себе весьма значительные выгоды. По целому ряду товаров, в которых геджасское правительство нуждается, могли бы быть заключены наивыгодные для геджасцев сделки с нами. Выгодность сделок с нашими торговыми организациями видна хотя бы из того факта, что при наличии исключительного режима советник наместника Абдулла Фадл выписал партию советского цемента. Если бы геджасское правительство пожелало заключить с нами сделки, то ему могли бы быть предоставлены наилучшие условия.

Фуад стал интересоваться ценами на наши нефтепродукты. Он говорит, что геджасское правительство хочет закупить для себя примерно 20 000 ящиков бензина. Я обещал дать ему справку по этому предмету (через несколько дней я думаю ему сообщить, что наши нефтепродукты, как правило, предлагаются по мировым ценам, но что если советские торговые организации получают серьезное предложение со стороны гедпра или же если будут они допущены к торгам на равных с другими основаниях, тогда соответственно обстановке наши организации смогут сообщить соответствующие цены и условия. Этот ответ будет дан ему как ответ генерального представителя Ближвостгосторга на Красном море т. Хакимова). Фуад подчеркнул, что предметом он интересуется в частном порядке и просит этот запрос не считать обязующим его чем-либо.

Я спросил его на счет приезда Нури-паши в Мекку и возможности арабской федерации. Он ответил: Соглашение по выдаче преступников составлено и подписано в Мекке. Кроме того, новым является то, что стороны согласились приступить вскоре к переговорам относительно геджасских вакуфов в Ираке, таможенных тарифов, визовых вопросов. Остальное — договор о добрососедских отношениях, протокол об арбитраже — является продуктом прошлогодних встреч с иракцами на Персидском заливе и в Багдаде (март 30 г.). Что касается культурно-технического сотрудничества обеих стран, что будут обсуждать стороны в предстоящих переговорах, Фуад ничего не знает. Переговоры велись Юсуфом Ясином и Нури-пашой, а Фуад был за границей. Какое содержание вкладывается в понятие культурно-техническое сотрудничество, знает Ясин.

Федерация невозможна, т. к. Ирак не самостоятелен и по ряду вопросов Ирак связан обязательствами перед Англией. При этих условиях федерирование обеих стран поставило бы Геджас-Неджд в зависимое от Англии положение. Я спросил его относительно их отношений с французами. Он ответил: Срок старого договора истек. Мы ведем переговоры и в скором времени надеемся заключить новый договор. Условия этого договора по ряду вопросов будут иные, чем в старом. (Он так ответил в связи с моим сообщением, что по распоряжению верховного комиссара Франции в Сирии геджасско-подданные в Сирии в связи с истечением срока договора подлежат юрисдикции не смешанных судов, как было до того, а местных.)

Фуад конфиденциально сообщил мне, что геджасское правительство собирается в скором будущем ввести монополию на нефтепродукты.

Затем он стал намекать относительно бельевого полотна, которое он

хотел бы купить для нужд своего дома. Я ответил, что об этом написано и отправлено мною письмо в Москву, но что все это задерживается тем обстоятельством, что наши пароходы, идущие прямо из Одессы, сюда не заходят. Он снова просил помочь ему в этом деле (речь идет о его желании получить от нас подарок в виде бельевого полотна).

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С ГРАЖДАНИНОМ ГОРОДА КОКАНДА

МИЯНОМ КУДРАТОМ

БЕСЕДА С МИЯН-КУДРАТ (Миян Кудратт-уль Ла)

23 апреля ко мне явился лично мне известный гражданин г. Коканда Ферганской области Узбекской ССР Миян Кудрат-уль Ла. Возраст — 35–40 лет. Происходит из известнейшей в Средней Азии духовной семьи Миянов. Члены этой семьи имеются кроме нашей Средней Азии также и в Афганистане, Геджасе и др. странах. До революции они владели огромными земельными богатствами и постоянно получали от своих арендаторов и бесчисленных мюридов доходы. Среднеазиатский дом Миянов возглавляется в настоящее время указанным Мияном Кудратом. Большинство их владений и мюридов находилось в богатой хлопком Ферганской области. Мияны, опираясь на старый свой авторитет, благословили, поддержали и в течение первого периода гражданской войны в Фергане помогали басмаческому движению. Первые басмаческие курбаши Эргаш (район Коканда) были исключительно мияновским творением (1918 г.). Тогда во главе дома Миянов был старик Миян Хазрет — непримиримый противник Советской власти. Я был тогда членом Кокандского исполкома и комиссаром просвещения. Уезд находился полностью во власти басмачей. Тогда и произошло мое первое знакомство с Миянами. Я потребовал от Мияна Хазрета распоряжения об освобождении моего отца, уведенного (а потом зарезанного) басмачами. Миян Хазрет отказался это сделать, заявив, что басмачи ему не подчиняются. После смерти старика Мияна Хазрета во главе дома Миянов встал неустойчивый молодой Миян Кудрат, который сначала мною, а потом и нашими организациями использовался в борьбе против басмачества. Органы ОГПУ

Средней Азии должны его хорошо знать. Как он работал в последнее время, конечно, не знаю и не могу знать. Но в период 1921—22 годов он оказал нам много услуг. Характер его услуг может быть понятен, если учесть, что они оплачивались нами и, во-вторых, он не всегда, повидимому, понимал истинный смысл нашей тактики по отношению в нему. Отсюда для меня совершенно ясно, почему он теперь очутился в Геджасе.

Миян Кудрат рассказал следующее. Его земли отняты. Бельский (или Беляев) руководитель ОГПУ Средней Азии обещался содействовать ему в получении через органы Наркомзема участка земли для обеспечения его семьи. Бельский так поступил потому, что он учитывал и оценивал услуги Мияна Кудрата. Но, к сожалению, это обещание выполнено не было. Кроме того, Кокандский ОГПУ стал подозревать Мияна Кудрата в связи и поддержке курбаши Насыр-Хан-Тюря. В последнее время Миян Кудрат по распоряжению Кокандского ОГПУ был в Наманганском уезде на антибасмаческой работе. Его целью была ловля Насыр-Хан-Тюря. Однако Мияну Кудрату напасть на след Насыр-Хан-Тюря не удалось. Зато он представил наманганским властям другую шайку басмачей. Кокандский ОГПУ вместо благодарности обвинило его в тайной связи с Насыр-Хан-Тюря. Жить стало трудно. Все это произошло год тому назад. В результате он ушел за границу. Границу перешел у афганского города Андхой. Ему помогли перейти границу контрабандисты туркмены. Вместе с ним границу перешли 13 Туркестанцев, которые афганцами были сданы советским пограничникам. (Почему афганцы приняли Мияна Кудрата — неизвестно. Повидимому, он использовал свои афганские связи). Из Андхоя через Мазар Шериф проехал в Кабул. Лично знаком с министром юстиции афганского правительства. Минюст представил его Надир-шаху, который отнесся к нему очень милостиво и подарил ему 1000 рупий. Внутреннее положение Афганистана, по его оценке, неустойчиво. Надир-шах пользуется поддержкой лишь консервативных элементов и духовенства. Большая часть купечества, крестьянства, молодежи и племен, в том числе и крупнейшего племени Дурани, к которому принадлежит дом Амануллы, симпатизируют Аманулле. В афганском Туркестане против Надир-шаха ведет упорную борьбу Ибрагим-бек (Лакаец из восточной Бухары, бывший союзник Энвер-паши). Ибрагим-бек пользуется симпатией населения. Ибрагим-бек защищал население от набегов, которые производились с советской стороны. В результате затянувшихся неурядиц в стране в северных провинциях, населенных тюркскими племенами, зародилась и крепнет идея отделения от остального Афганистана и образования

самостоятельного государства афганского Туркестана. Из Кабула высылаются систематически отряды для борьбы с Ибрагим-беком. Кабул совершенно беспомощен: население поддерживает Ибрагим-бека. В народе говорят, что Ибрагим-бек воюет для Амануллы. Влияние Ибрагим-бека простирается в общем до Кандагара. Надир-шаху совершенно не удалось разоружить население. То тут, то там вспыхивают беспорядки и волнения. Беспрерывно растет налоговое бремя, которое вызывает недовольство широких слоев населения. Афганская рупия также все время падает. Между Надир-шахом и англичанами имеется секретное соглашение. Англичане поддерживают Надир-шаха: последний недавно получил много серебра, 4000 палаток и 80 000 винтовок. В пограничной области англичанам удалось установление нейтральной зоны, чего, как говорят там в народе, при Аманулле не было и не могло быть.

Из Афганистана он выехал в Пешавер-Карачи, а оттуда в Геджас. В Индии он был свидетелем массовых выступлений против национального конгресса, обвиняемого массами в соглашательстве. Отношения между индусами и мусульманами весьма дружественны. Мысль о необходимости сотрудничества этих двух элементов весьма популярна. Он слушал речь члена национального конгресса Абдул Гафар хана, призывавшего мусульман к единению с индусами. С такими же речами среди индусов выступает Махатма Ганди. Везде, где был Миян Кудрат, как индусы, так и мусульмане открыто высказывали свои симпатии к СССР.

Миян Кудрат высказывает свои опасения относительно судьбы своей семьи, которая осталась в Коканде. Я постарался успокоить его. Недели через 2–3 Миян Кудрат хочет повидаться со мной. В Мекке он остановится у своего родственника.

Тюрякулов.

Отпечатано в 4 экз:

1 — Секретариат Коллегии,

1 — I Восточный Отдел,

1 — Секретариат Карахана,

1 — Архив.

С. М.

ЗАПISКА Н. ТЮРЯКУЛОВА

О СОВЕТСКО-ГЕДЖАССКИХ ОТНОШЕНИЯХ ЗА 1931 ГОД

В отношениях между нами и геджасским правительством за 1931 год никаких сдвигов не произошло. Мы сейчас стоим на той же мертвой точке, на которой остановились. Переговоры, которые мы вели с Фуадом Хамзой (и стоящим за ним Абдуллой Филби), оттягиваются. Геджасское правительство не только не выполнило свое декабрьское заявление о ликвидации исключительного режима, созданного им для нашей торговли, но оно и не спешит с завершением наших переговоров. Таким образом, наша основная задача, которая заключалась в закреплении нашего положения в Геджасе посредством дружественного и торгового договоров, все еще не разрешена. Группа Фуада-Филби по-прежнему сохраняет за собой положение доминирующей силы при дворе (в связи с принятием Филби ислама, эта группа закрепилась на своих позициях) и продолжает ставить рога геджасско-советским отношениям. Король же «ссориться» из-за нас с Филби сейчас не хочет. При этих условиях борьба против исключительного режима, за свободную торговлю, за торговый договор мыслилась нами при активной поддержке заинтересованных в нашей торговле слоев геджасского купечества. Этот путь также не дал пока ощутительных результатов: не только наш старый контрагент шериф Моханна родственник б. короля Хусейна (к которому в правительственных кругах относятся весьма отрицательно), но и советник генерального наместника и заместитель эмира Фейсала в Государственном Совете («Меджлис Шура») Абдулла Фадл оказался слишком слабым, чтобы прорвать плотину. Партия советского цемента, которую Абдулла Фадл в этом году выписал через Лазарини-Госторг, оказалась весьма выгодным делом, и Фадл выразил желание выписать более значительную партию этого товара. Единственным при этом условием, выставленным им, было следующее: советский цемент должен быть показан в документах, как цемент из Триеста. Такое «условие» лишало сделку той ценности, которой мы добивались. С другой стороны, оно говорило о незначительности удельного веса Фадла в местном правительстве. Однако, несмотря на все, эта сделка имела свою и положительную роль: факт открытого привоза советского цемента в Джедду остался фактом, необъяснимым при наличии исключительного режима для наших товаров. Форма использования нами этого факта видна из моей беседы с Фуадом Хамзой. Явная выгода нашей торговли для Геджаса и моральное поражение официальной политики оказались налицо. Кроме того, усилился интерес к нашим товарам.

Предложение Мустафы Чубукчи и джеддинского губернатора Абдуллы Риза являются результатом того интереса, который имеется среди купечества к нашим товарам. Здесь я считаю полезным остановиться на предложении губернатора. Абдулла Риза является крупнейшим импортером Геджаса и одним из влиятельнейших чиновников правительства. Года 2–3 тому назад он был противником нашей торговли и активно выступал в качестве организатора и руководителя бойкота советских товаров. С тех пор рыночная ситуация вообще и торговые связи Абдуллы Риза в частности сильно изменились. Изучение нами его торговых связей с Индией показало, что он все больше и больше отрывается от индийского рынка и завязывает новые связи с европейскими странами. От успокоения, якобы наступающего в Индии, до восстановления там нормального положения на рынке, повидимому, требуется много времени, а между тем по теперешним условиям геджасского рынка Абдулла Риза должен искать в стороне более выгодные товары. Исходя из этих соображений, я считаю его предложение серьезным. Я думаю поставить перед ним предварительным условием наших переговоров, вопрос об оформлении этого дела геджасским правительством. Весьма вероятно, что, добившись от правительства такого оформления, он будет ставить перед нами (для коммерческой стороны дела должен будет приехать т. Хакимов) весьма тяжелые условия. Но этого опасаться не следует, т. к. дальше принятие или непринятие его предложений будет зависеть от нас самих. Независимо же от результата воздвигнутая против нас стена будет потрясена еще раз. Вот почему было бы весьма желательным использовать этот случай в теперешней обстановке обострения противоречий между геджасцами и спекулирующими иностранцами. Кроме того, форсирование нами этого дела сейчас желательно еще потому, что предстоит возобновление переговоров между нами и геджаспра. Перспективы наших переговоров с геджаспра совершенно неясны. Во всяком случае, при наличии группы Фуада-Филби надеяться на скорое и благожелательное завершение их не приходится. При этих условиях выступление Абдуллы Риза было бы для нас серьезным подспорьем. Положение же с нашими переговорами с геджаспра обстоит так: Фуад Хамза находился на излечении в Египте. Пользуясь этим предлогом, я зондирую настроения короля через посредство его советника Юсуфа Ясина. Я выяснил готовность короля к возобновлению наших переговоров и возможности замены Фуада Хамзы другим более приемлемым для нас человеком в качестве представителя короля в наших переговорах. Этот зондаж выяснил, что хотя король и не хочет выявлять свое лицо и продолжает придерживаться старой своей тактики сталкивания

нас с Филби, тем не менее формальная почва для переговоров продолжает существовать. После своего возвращения из Египта Фуад Хамза также подтвердил готовность короля к продолжению переговоров. В то же время этот зондаж по своему результату оказался и напоминанием королю о нас.

После хаджа, приблизительно с середины мая, согласно нашему уговору с Фуадом Хамзой, наши работы по советско-геджасским переговорам должны возобновиться в Джедде. Учитывая предстоящий свой отъезд в июне-июле (в зависимости от нашего парохода), в строгом согласии с последними директивными письмами НКВД. По этим вопросам я внесу наш проект договора полностью. О последующем НКВД будет информирован немедленно.

Н. Тюрякулов

Джедда, 24 апреля 1931.

Отпечатан в 4-х экземплярах:

1 экземпляр — для архива Полпредства СССР в Джедде,

3 экземпляра — для НКВД.

Н.Т.

ВЫПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКА Н. ТЮРЯКУЛОВА

Сов. секретно

№ 65

ДНЕВНИК ПОЛПРЕДА СССР В ДЖЕДДЕ

Т. ТЮРЯКУЛОВА

(За время с 26 апреля по 15 июня 1931 года)

Джедда 26 апреля — 1 мая 1931 г.

Беседа с Мухаммедом Насыфом

Посетил Мухаммеда Насыфа. Он обычно предпочитает беседовать на более или менее аполитичные темы. На этот раз он развязался. Он стал говорить о тяжелом положении и о всеобщей нужде в стране, о падении хилия на рынке и т. д. Спросил мое мнение — что делать? Я ответил ему, что обычно воздерживаюсь от высказывания своих мыслей по поводу геджасских дел. Но сам Насыф знает наше благожелательное отношение к странам Востока и в частности к Геджасу. Кроме того, вопрос поставлен таким уважаемым человеком, как Насыф, и поэтому считаю возможным высказать ему свою мысль в частном порядке. Обычно в подобных случаях

немедленно изымают из обращения падающий денежный знак или его размеры сокращают. Возможно, что гепра так и поступит. Но этого совершенно недостаточно. Геджас ничего не производит и ничего не вывозит. Расходы по содержанию правительственного аппарата и армии незначительны по сравнению с притоком иностранной валюты. Однако правительство не платит жалование своим чиновникам и одалживает у иностранцев. Создается впечатление, что Геджас идет по пути старой Турции и Персии, которые в результате небрежного отношения к ресурсам страны потеряли сначала экономическую, а потом и политическую независимость. Вот почему я хотел бы обратить его внимание прежде всего на эту опасность. Второе — непонятной является такая политика, при которой становится возможной спекуляция на рынке. Нужно было бы открыть двери и допустить свободную конкуренцию для всех. Этого нет. Само правительство для себя закупает там, где дороже и более тяжелые условия оплаты. Наши враги два года тому назад говорили, что мы дезорганизуем рынок. Мы не выступали, однако рынок благодаря такой политике гепра попал в тяжелое положение. Отсюда вытекают два вывода — сократить расходы и открыть двери. В качестве примера может быть взят Йемен, который не испытывает таких затруднений, как Геджас. Это объясняется тем, что у Яхьи лишних расходов нет, иностранцы не имеют свободы действий и рынок функционирует нормально. При том Йемен не имеет преимуществ по сравнению с Геджасом — как хадж, дающий столько ресурсов.

Насыф говорит, что все это верно. Основная беда в недобросовестности королевского окружения. Люди заняты одними личными интересами. Расходы правительства огромны. Начиная с эмира Фейсала и кончая мелкими эмирами (начальниками городов) получают непомерные для страны оклады и производят дикие расходы. Главная статья расходов автомобили, которые съедают все. Теперь пока берут в кредит. Как Геджас потом будет расплачиваться — неизвестно. Постепенно иностранцы занимают доминирующее положение.

Затем в качестве иллюстрации нравов в высших сферах Насыф рассказал следующий случай: Минфин Абдулла Сулейман, в дни анархии на джеддинском рынке в связи с падением галяля, справлялся по телефону — выезжает ли зав. джеддинской таможней Магреби на хадж и если выезжает, то берет ли с собой своих взрослых дочерей. «Что и говорить о Минфине, — говорит Насыф, — если сам король в последний раз сюда приехал, в Джедду, исключительно по двум причинам: для встречи с инженером Твиттчелем (присланным Крейном) и женитьбы на своей

прежней жене из города Анейзе (Неджд). После хаджа король соберет всех видных граждан Джедды, в том числе получу приглашение и я на совещание. Будет поставлен вопрос о том — что делать, чтобы облегчить положение страны. Я много думаю о том, что сказать королю, и тем не менее ничего не могу придумать. Что же могу говорить и советовать, когда само правительство не осознало всю остроту положения и когда руководители правительства думают о своем личном. Говорить же правду — просто бесполезно: не поймут. Только жаль короля — он ничего не понимает в этих делах, его обманывают и разлагают.

Хадж 1931 года. (26 апреля -1 мая)

О хадже сообщают из Мекки, что хадж прошел во всех отношениях благополучно. На Арафате умер всего лишь один человек, что является редким явлением. Имели место случаи мелкого воровства со стороны местных бедуинов и йеменцев.

В самой Мекке эти дни прошли также спокойно. Слухи о волнениях среди населения города, о столкновении между солдатами и населением, о разгроме нескольких лавок и т. д. и т. п. оказались только слухами. Ничего этого не было. От падения хияля действительно сильно пострадала беднота: в Мекке хияля падала до 1200 (1 англофунт) при прежнем, нормальном курсе в 220. Правительство принимает некоторые меры: скупает хияли. Теперешний курс 440. Однако поколебался реал: вместо 10 реалов за 1 англофунт теперь платят 12.

Циркулировал слух, что на Арафате недждийцы пытались разоружить йеменцев (7000–8000), прибывших сюда через Ассирию и потому неизбежно вооруженных. Произошла драка, обошедшаяся без кровопролития. Это также оказалось неправдой.

Афганцы — Аманулла и его свита, а также Мухаммед Садык-хан — Аль-Джаджи для завершения хаджа должны съездить еще в Медину. Официальная же афганская делегация посетила Медину еще до хаджа;

Турки, бывшие на хадже (жена Сени-бея и секретарь Турецкой Миссии Нафиз-бей), рассказывают, что Аманулла на Арафате ходил в сопровождении лишь одного недждийца из гвардии короля. Афганцы — паломники с сочувствием говорили об Аманулле и молились о его возвращении в Афганистан.

Официальные бюллетени Управления здравоохранения Геджаса, разосланные циркулярно, говорят, что на хадже не было констатировано ни одного случая инфекционного или эпидемического заболевания.

Об антиитальянской листовке на хадже пока ничего не слышно.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С ДЖИДДИНСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ РИЗА

29 мая 1931 года

В 5 часов вечера я посетил губернатора и, учитывая предстоящую его поездку в Мекку и встречу с королем, сообщил ему следующее:

28 мая виделся с Фуадом Хамзой и передал ему наш ответ на некоторые требования геджасского правительства, принятием которых было обусловлено разрешение и допущение советской торговли в Геджасе. Большинство требований геджасского правительства нами удовлетворено. Я уверен, что это обстоятельство произведет на короля благоприятное впечатление и значительно облегчит задачу губернатора, добивающегося разрешения короля на сделку с нами. Я считаю его, губернатора, желательным для нас контрагентом. От советской торговли он выгадает много. Теперь он должен действовать решительно. Купец лучше понимает условия рынка и интересы страны, чем другие. Он имеет сейчас все возможности разъяснить королю создавшееся в Геджасе ненормальное положение и добиться благоприятного для себя разрешения вопроса.

Губернатор ответил, что он это обстоятельство учтет в своей беседе с королем и будет добиваться разрешения вступить с нами в деловые связи. Он заявил, что в Мекку он поедет 1 июня или рано утром второго.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С АХМЕДОМ АКБЕРОМ

1 июня 1931 года

Нас посетил племянник джеддинского губернатора Ахмед Ак-бер, бывший в период Русо-Тюрка нашим контрагентом. Хотя он и жалуется на джеддинского губернатора, однако целью его визита, повидимому, было нащупывание наших настроений и выведывание наших действительных

намерений на счет форм нашей торговой работы в будущем. Сначала он стал говорить о застое в торговле и поведении местного правительства. По его мнению, за семь лет хозяйничанья ваххабитов в Геджасе в страну поступило от 14 до 16 миллионов англофунтов. В результате безрассудного отношения правительства к доходам, страна и ее торговля были лишены возможности воспользоваться этими доходами. Теперь правительство дошло до того, что не способно выплачивать оклады своим чиновникам. Паломничество падает вследствие ряда причин и, прежде всего, вследствие экономического кризиса и отхода масс от ислама. Характерно, что подавляющее большинство египетского паломничества приходится на старшее поколение египетской деревни. С другой стороны геджасское правительство, погоняемое нуждой, нажимает на паломников и способствует еще большему падению и компрометации паломничества. Для характеристики безрассудного отношения к доходам достаточно указать ничем не оправдываемые высокие оклады неждийских эмиров (эмир г. Медины — 400 ф., эмир г. Таифа — 300 ф., эмир г. Ямбо — 200 ф. и т. д.). Эти оклады выдаются им на карманные расходы. Все содержание самого эмира, его семьи и занимаемого им дома выдается из местного казначейства. Правительство оплачивает регулярно расходы эмирских жен на предметы роскоши по особым спискам, составляемым женами.

Рыночные цены ненормально высоки. Это вызвано главным образом спекуляцией. Джилятля Ханки и Филби, представляющие «Шелл» и «Стандарт Ойл Компани», находятся в договорных отношениях, и цены на нефтепродукты все время поддерживаются на определенном уровне. Между тем разница в ценах на нефтепродукты в Египте и в Геджасе должна бы заключаться в сборах на Суэцком канале и транспортных расходах от Александрии до Джедды. Геджасское правительство увлечено ложной выгодой высоких пошлин, взимаемых им с нефтепродуктов. Правительство совершенно не учитывает убытков, которые несет страна.

Серьезным средством борьбы против этого явления могла бы явиться советская торговля. Но, к сожалению, причины и обстоятельства, закрывшие в свое время доступ ей в Геджас, продолжают существовать и поныне. Мало того, эти обстоятельства приобрели еще большую силу. Геджас и Йемен в этом отношении представляют собою противоположности. Йемен заинтересован в советской торговле и по политическим соображениям. Кроме того, Йемен чувствует себя гораздо независимее, между тем как Геджас боится и избегает раздражать Англию. Помимо этих общих причин имеются еще частные причины, которые толкнули Геджас на закрытие дверей перед советской торговлей. Я в свое

время, когда находился в деловых связях с обществом Русо-Тюрк, предупреждал и предостерегал ваших предшественников. Я им говорил, что советским торговым организациям самим выступать на геджасском рынке и сразу развивать широкую торговую деятельность не следует. Геджасское купечество и в первую очередь мой дядя, которые весь геджасский импорт держат в своих руках, увидев перед собою мощные советские торговые организации, из страха за свое будущее начнут бороться против советской торговли и используют все свое влияние для того, чтобы закрыть двери. Я им предлагал метод постепенного проникновения через посредство местного же купечества. Этот путь не мог бы вызвать такой паники, какую советская торговля вызвала своим напором. Однако советские представители сочли мои предостережения неосновательными, решив, что при наличии в стране свободной торговли запрещать советскую торговлю не будут. В то же время советские представители, желавшие сами работать, несмотря на свою способность, были мало знакомы с местными условиями. Англичане через своего вице-консула Ихсанулла использовали озлобление купечества для организации бойкота. Во главе бойкота встали мой дядя, тогдашний мининдел Абдулла Дамлюджи, Абдулла Фадл и др. На совещании в Бахре, созванном с целью организации бойкота, принимал участие Ихсанулла. После этого совещания губернатор вызвал меня к себе и предложил прекратить всякие деловые связи с советскими торговыми организациями. Несмотря на это, я решил поехать в Москву и посредством личных бесед разъяснить правлению Русо-Тюрка действительное положение вещей, указать правильный путь и добиться для себя представительства этого общества в Геджасе. В рекомендации и визе советское консульство мне отказало. Тогда я решил все же проехать в Москву через Париж. Персидский посланник Абдулла Фархан оказал мне поддержку и снабдил меня письмом на имя Персидской миссии в Москве. Это письмо хранится у меня и сейчас. Я из Парижа послал подробную телеграмму на имя правления Руссо-Тюрка. Я ждал приглашения со стороны Руссо-Тюрка, не получив ответа от Руссо-Тюрка, я вернулся в Геджас.

Мои соображения, которые я излагал тогда, не потеряли свою силу и сейчас. Учитывая возможность его подсылки губернатором, я заявил, что он во многом прав и что его советы и соображения полностью разделяются и мною. Вызывать панику среди купечества было нерационально. Нужно было вместо этого использовать знание и опыт таких людей, как губернатор. Вообще же следует считать, что все это является следствием недоразумений, т. к. советские торговые организации и тогда не

намеревались лишать кого бы то ни было его положения. Но как бы то ни было, теперь приходится считаться с создавшимся положением вещей. Положение же создавалось такое, что так оно продолжаться без конца не может. Рынок может быть нормализован лишь с открытием дверей для советской торговли. В этом заинтересовано и само геджасское купечество, руководящее импортом. Если возобновится здесь деятельность наших торговых организаций, то ее мыслю я не иначе как в форме сотрудничества с крупным купечеством и использования его в качестве посредника.

Ахмед Акбар говорит: вы после бойкота прибегли к посредничеству турецкоподданного Ходжа Ахрара и родственника короля Хусейна шерифа Мугана. Эти посредники оказались настолько беспомощными, что при запрещении советской торговли они не смогли вам принести существенной пользы.

Вы изменили свою первоначальную тактику и приняли мысль о посредничестве местных людей, применив ее неправильно, без знания людей и условий. Но как бы то ни было, мои первоначальные соображения о способах торгового проникновения в Геджас продолжают сохранять свою силу, хотя обстановка еще больше осложнилась и геджасское правительство еще меньше расположено раздражать иностранцев, чем в тот период.

Ахмед Акбар говорит, что действительные причины созыва съезда в Мекке заключаются не столько в желании выслушать пожелания населения, сколько в стремлении правительства заручиться обязательством и согласием съезда на заключение внешнего займа. Геджасское правительство ищет средств. Эти средства могут быть даны лишь Англией, заинтересованной в Геджасе политически. Правда, я не мыслю, чтобы английское влияние в Геджасе было бы оформлено в виде оккупации страны по примеру Египта. Для этого здесь нет никаких резонных данных. Англия ограничится превращением Геджаса в свою фактическую колонию, связанную своими долговыми обязательствами. Англия ограничится захватом таможен и установлением контроля над политикой и доходами страны. На случай каких-либо возражений против займа у Англии, повидимому, приехал сюда представитель эмира Лютфулла, являющегося подставным лицом. Все это пока относится к области слухов. Во всяком случае, судя по всему, геджасское правительство мечется в поисках средств и готово идти по пути займов. Не лишена элемента реальности также мысль о даче концессии.

Мистер Крейн, говорят, уже обратился к королю с предложением о концессии на нефть в районе Аль-Уадж, недалеко от Акабинского залива.

Затем Ахмед Акбар предлагал нам свои услуги в качестве комиссионера или сотрудника в любом районе между Персидским заливом и Египтом. В частности, он готов работать в Йемене. Я отделался пока полуобещаниями.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА С ЗАВЕДУЮЩИМ

ДЖИДДИНСКИМ КАРАНТИНОМ ДОКТОРОМ СИЮТИ

2 июня 1931 года

Вечером нас посетил д-р Сиюти. Он сообщил мне текст телеграммы, полученной им из Аль-Тора. В телеграмме говорится: «Констатировано 6 случаев носителей холеры. Последующие исследования устанавливают наличие холеры. Хадж считается «подозрительным (сюспект)». Карантин, по правилам международных санитарных конвенций, объявляется лишь в тех случаях, когда хадж объявляется «брют». Тем не менее александрийский карантинный совет уже сейчас ввел чрезвычайные меры и объявил карантин для возвращающихся паломников, начиная с 25 мая. К 7 июня карантин переносится в Суэц.

Большинство паломников уже выехало из страны. В Геджасе еще остается около 5000 паломников (сирийцы, иракцы, персы и др.). Таким образом, чрезвычайные меры александрийского совета захватывают эту группу в 5000 человек. Д-р Сиюти поставил геджасское правительство в известность об этих мерах александрийского совета. Геджасское же правительство в свою очередь распорядилось немедленно начать обследование среди 5000 паломников, которых ждет карантин в Аль-Торе. В Медину и Ямбо, где находятся эти паломники, выехал зав. джеддинским здравоохранением д-р Махасин Сами в сопровождении 3-х врачей, которые будут отбирать из среды паломников больных с подозрительными симптомами и подвергать их материалы лабораторному анализу. Так как во всем Геджасе имеется лишь один бактериолог, находящийся в Джедде, то поэтому в Медине и Ямбо анализы будут производиться на малярию и методом исключения («если не малярия, то холера») устанавливать случаи холеры. Геджасский бактериолог (единственный на страну) д-р Абдуллатиф приступил к бактериологическим исследованиям в Джедде. Результаты этих работ пока неизвестны. Далее д-р Сиюти указывает, что мероприятия

карантинных организаций часто бывают лишены всяких оснований. Так, например, известно, что в Индии ежегодно имеют место случаи холеры и др. эпидемических заболеваний. Там, вследствие приобретенного населением иммунитета, холера часто носит скрытый характер и сами носители этих бактерий, приезжая в Геджас, могут быть причиной отдельных вспышек. Геджас, таким образом, подвергается угрозам занесения эпидемии из Индии и др. стран. Однако индусы-паломники совершенно освобождены от всяких карантинных мытарств и, не заходя в Камаран, уезжают прямо в Индию. По приезду даже туда они не подвергаются никаким карантинным правилам. При этих условиях карантинные строгости в Аль-Торе приобретают несправедливость по отношению к Геджасу.

С другой стороны, и гепра не вполне понимает свои задачи. Вместо того чтобы создать соответствующие солидные организации, по типу Аль-Тора, снабженные всеми необходимыми для этой цели лабораториями и приспособлениями, гепра идет по пути кустарничества и оказывается беспомощным в борьбе против Александрии. Проект создания в Джедде мощной карантинной станции по типу Аль-Тора в течение 5 лет посредством ежегодных затрат 8000 англофунтов (4000 от гепра и 4000 от поступлений джеддинского карантина), составленный им, Сиюти, провален д-ром Махмудом Хамудой (минздрав Геджаса). При этих условиях создать что-либо солидное становится невозможным. Хамуда ничего не смыслит в этих делах. Отношение гепра к международной санитарной концепции также в корне неправильно. Посредством самоизоляции Геджас не сумеет защищать свои интересы. Необходимо, чтобы Геджас присоединился к конвенции. Правда, в конвенции имеются пункты, задевающие интересы Геджаса. Но для этого также есть средство самозащиты. Подписывая конвенцию, Геджас может особо оговорить свою точку зрения и свои условия. По сведениям, гепра уже обратилось в Париж с заявлением о своем желании подписать конвенцию. Говорят, что гепра изложило также свои оговорки. С ним не посоветовались на счет оговорок. Минздрав не понимает абсолютно в этих вещах.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА С СЕНИ-БЕЕМ

11 июня 1931 года

Турецкий поверенный в делах Сени-бей принял своего старого

знакомого известного сирийского деятеля и публициста Эмин Райхани, приехавшего недавно в Джедду. В последнее время Эмин Райхани находился в Америке и выступал там с докладами на арабийские темы. По дороге в Аравию он посетил Лондон. Из беседы с ним Сени-бей вынес впечатление, что он интересуется главным образом исключительно естественными богатствами Геджаса.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА С ЭМИНОМ РАЙХАНИ

13 июня 1931 года

Нас посетил известный сирийский писатель и публицист Эмин Райхани. Райхани говорит, что он лично знаком с т. Хакимовым и что при каждом своем приезде в Джедду он посещал советское представительство. Райхани спрашивал, в какой мере наше пребывание здесь, в Геджасе эффективно. Я ответил ему в том смысле, что наше пребывание, на мой взгляд, недостаточно эффективно. Далее просил меня разъяснить ему цели и значение пятилетки, а также охарактеризовать «мусульманскую долю» пятилетки. Я вкратце изложил ему цели и значение пятилетки и рассказал о ходе строительства в Средней Азии и на Кавказе. Кроме того, провел параллель между нашей современностью в СССР и прошлым из эпохи царизма. Райхани спрашивает об отношении российских мусульман к советскому режиму. Я вкратце изложил историю последних 20–25 лет, охарактеризовав национальную политику царизма, временного правительства и советской власти. Райхани выразил благодарность за сообщения и выразил свое желание в будущем посетить СССР для личного ознакомления с жизнью и строительством в СССР. Я ответил ему уверенностью, что совпра с удовольствием примет арабского писателя.

ОТЧЕТ О ПЕРЕГОВОРАХ С ФУАДОМ ХАМЗОЙ

Сов. секретно

Джедда, 28 мая 1931 г. веч. 20 час.

Наш ответ на последние условия геджасского правительства я изложил в следующей форме:

17 Сафара 1349 г. геджасское правительство письменно изложило свои

условия, связав их принятие нами с вопросом разрешения советской торговли в Геджасе. Теперь, когда геджасско-советские переговоры согласно стремлению сторон возобновлены в прежнем объеме, я могу изложить нашу точку зрения следующим образом:

1. Ни Полпредство СССР, ни Консульство не будут заниматься торговлей. Этого права мы и не добивались, т. к. наши дипломатические и консульские учреждения за границей, как правило, торговой деятельностью не занимаются. Если у геджаса имелись или имеются какие-либо опасения, что Полпредство и Консульство, занимаясь торговлей и пользуясь своими привилегиями, будут уклоняться от подчинения местным законам, то таковые опасения лишены основания. Торговой деятельностью занимаются специальные учреждения.

2. С советской стороны возражений не имеется: ни на какие дипломатические, консульские или торговые привилегии для представителей наших торговых организаций мы не претендуем.

3. Возражений с нашей стороны не имеется. Представители наших торговых организаций и их деятельность подчиняется местным законам. Представители наших торговых организаций представляют не советское государство, а советские торговые организации. По настоящему пункту, наша точка зрения естественно должна совпадать с геджасской точкой зрения, поскольку по пунктам первому и второму между сторонами не было разногласий.

4. Возражений против геджасской точки зрения у нас не имеется: мы при ввозе наших товаров платим те же таможенные пошлины, которые взимаются с товаров других стран.

5. О вакуфах. Вопрос весьма сложный и требует тщательного предварительного изучения материалов. Непосредственно к вопросу о снятии запрещения советской торговли в Геджасе отношения не имеет. От обсуждения этого вопроса мы не уклоняемся, но его необходимо отнести к кругу тех вопросов, которые составляют предмет наших переговоров о торговом договоре.

6. О паломничестве. Обязаться способствовать паломничеству из СССР не можем. В сущности, такое обязательство никем и не практикуется. Что касается транзита паломников через СССР, то в этом отношении Совторгфлот и советские власти оказали Геджасу уже не мало услуг, каковые будут оказываться ими в будущем. Значение транзита паломников через СССР достаточно характеризуется тем фактором, что проезд через СССР сокращает путь кашгарцам на 4–5 месяцев. Но фиксировать это в форме обязательства и связывать его с вопросом о

советской торговле в Геджасе считаем не целесообразным.

7. О въезде граждан. По существу, между нами разногласий не имеется. Мы имеем также ряд вопросов. Однако связывать их с оперативным вопросом о снятии запрещения с советской торговли в Геджасе считаем нецелесообразным. Вследствие этого, в интересах наших переговоров мы считаем более полезным обсуждение пунктов 5, 6 и 7 геджасских требований отнести к переговорам по торговому договору.

Настоящий ответ следует рассматривать лишь как принципиальное изложение нашей точки зрения по вопросам, поставленным геджасским правительством.

В случае, если геджасское правительство пожелало бы иметь настоящий ответ в письменной форме, то я готов вместе с Фуадом Хамзой проработать формулировки нашего ответа и зафиксировать его в форме дипломатической переписки посредством обмена письмами. Условно предлагаю: мининдел в своем письме на мое имя сообщает о снятии запрещения с советской торговли и допущение ее в Геджас с изложением вышеуказанных условий (пп. 1, 2, 3, 4). Я в своем ответе принимаю сообщение мининдела к сведению и выражаю согласие с содержанием его письма в целом.

В вопросы, интересующие геджасское правительство непосредственно в связи со снятием запрещения советской торговли в Геджасе, нами внесена максимальная ясность. Настоящий ответ четко характеризует советскую позицию. Если мы добиваемся чего-либо, то это нашего равноправия с другими. Из дружественных отношений между Геджасом и СССР и наличия в Геджасе свободной торговли мы делаем вывод, что исключительный режим, созданный для советской торговли, должен быть ликвидирован. Теперь мы ждем со стороны геджасского правительства именно такого шага: ликвидации исключительного режима.

Позволю себе особо отметить, что советская торговля никогда не дезорганизовывала геджасский рынок и что это доказано на опыте последних двух лет. Допущение же теперь советской торговли в Геджас при теперешних условиях становится все более и более необходимым шагом в интересах прежде всего самого Геджаса. Огромная разница между ценами в Йемене и в Геджасе, в частности, между ценами на нефтепродукты, в которых геджасское правительство нуждается еще больше, чем еменское, говорит только об одном: геджасский рынок находится в ненормальнейших условиях спекулятивной торговли. И это явление происходит в то время, когда в связи с кризисом цены на мировом рынке падают. Это явление обязано своим происхождением прежде всего запрещению советской

торговли.

Больше того, я могу заверить, что геджасское правительство, если за товарами, нужными ему, обратится к советскому правительству, то оно может рассчитывать на известную поддержку, как в отношении цен, так и в отношении кредита. Советское правительство, как правило, не дает кредита по первостепенным товарам, но в данном случае советское правительство готово сделать для правительства Его Величества исключение. Геджасское правительство в этом может легко убедиться, сделав в этом направлении соответствующие серьезные шаги. Воспользоваться этим обстоятельством в своих интересах — дело геджасского правительства.

Наши переговоры возобновляются в полном объеме. Советское правительство остается верным своей политике — не ставит геджасское правительство в затруднительное положение. Исходя из этого принципа, оно заявляет: «Если геджасское правительство в силу каких-либо обстоятельств и соображений считает для себя настоящий момент преждевременным для заключения с нами торгового договора, то советское правительство не возражает, если переговоры по дружественному договору будут выдвинуты на передний план». Исходя из того, что в свое время геджасское правительство не выдвинуло никаких возражений против представленного мною проекта дружественного договора, я предлагаю завершить нашу работу в этой части в ближайшее время и подписать дружественный договор между обеими странами.

Ввиду того, что наши переговоры затянулись, я прошу ответ геджасской стороны передать мне по возможности в ближайшее время.

Фуад Хамза заявил, что мое заявление будет им передано королю в ближайшие дни и ответ геджасской стороны он надеется вручить мне через неделю в Джедде.

Затем Фуад сообщил следующее: в настоящее время в государственном совете (Меджлис Шура) рассматривается проект организации торгов на поставку правительству нефтепродуктов. Указанный проект разработан специальной комиссией по нефтепродуктам при министерстве финансов геджасского правительства. По одобрении его госсоветом он будет опубликован в газете «Уммуль-Кура» от 5 июня. Продолжительность торгов, в течение которой соревнующиеся организации должны будут вручить свои предложения в закрытых конвертах, установлена в 4 месяца. Этот срок он считает слишком долгим и поэтому он по возвращении в Мекку внесет предложение сократить его до 3 месяцев.

Настоящее сообщение он делает с целью довести об этом до нашего

сведения и указать, что геджасское правительство против участия советских нефтяных организаций в указанных торгах возражений не имеет. На мой соответствующий вопрос Фуад ответил: «...фиксировать в письменной форме право советских нефтяных организаций на участие в указанных торгах он считает излишним». Сообщая в Москву об этих торгах, Полпредство СССР может сослаться на устное официальное заявление Фуада. Собственно говоря, публикация о торгах делается с целью привлечения советских нефтяных организаций. Я решил сейчас этот момент, имеющий принципиальное для нас значение с точки зрения ликвидации исключительного режима, не заострять.

Затем, объявив официальную часть нашей беседы законченной, Фуад предложил продолжить ее в частном порядке. Он заявил, что разрешение всех спорных вопросов советско-геджасских отношений связано с одним моментом: правительство Его Величества нуждается в материальной поддержке. Оно вынуждено ставить вопрос о вакуфах и о паломничестве. Ставя вопрос о компенсации, геджасская сторона имела в виду именно вопрос о материальной помощи со стороны совпра. Для геджасцев форма этой помощи не играет никакой существенной роли. Эта помощь может быть оказана в любом виде и в любой форме. Внешне мы могли бы это оформить под видом вакуфных доходов. Денежная помощь на незначительную сумму, не составляя никакого бремени для советского правительства, в то же время была бы значительной для Геджаса и произвела бы на Его Величество большое впечатление. Мы не возражаем против нашего предложения выделить сейчас вопросы о вакуфах и паломничестве. Мы предлагаем обсудить их особо, вне круга вопросов торгового договора. Но было бы желательно услышать сейчас о принципиальном согласии советской стороны на благоприятное отношение советского правительства к вопросу о вакуфах. Нужно было бы сказать что-либо определенное относительно того, в какой мере советское правительство могло бы оказать геджасской стороне материальную поддержку. В свое время такой же вопрос мы ставили перед Хакимовым, который принципиально против этого не возражал.

Я ответил ему: с историей этого вопроса я не знаком. Но самая постановка вопроса, не связывающая нас какими-либо формами, мне лично кажется реальной. Советское правительство всегда было готово оказать Геджасу ту или другую помощь. Я мыслю при этом материальную помощь. При настоящих условиях эту помощь мы могли бы оказать хотя бы в форме товаров, в которых нуждается геджасская сторона. Я об этом уже говорил вам подробно в официальной части нашей беседы. Вступая с нами в сделку,

правительство Его Величества, во-первых, не попадает в *кабальную от нас зависимость* и во-вторых, сберегает ежегодно огромные средства казны. Я готов еще раз продумать вместе с вами этот вопрос. Однако сейчас я вынужден обратить ваше внимание на одно обстоятельство: распоряжение геджасского правительства о недопущении советской торговли в Геджас в свое время произвело в Москве тяжелое впечатление (Фуад: «Понимаю. Иначе и не могло быть»). Указанное распоряжение вызвало у нас ряд недоумений. Я не могу скрыть от вас, что это впечатление до сих пор не устранено. Ставя вопрос о компенсации, геджасская сторона должна спешить создать в Москве иное впечатление. Тогда со всей откровенностью мы приступим с вами к детальному изучению всех вопросов, интересующих стороны. Пример дружественного отношения СССР к Турции, Йемену и др. восточным странам является гарантией, что совпра с вниманием отнесется к нуждам и пожеланиям Геджаса. Советская политика всегда отличалась и отличается своей искренностью и прямоотой. Мы ждем и с вашей стороны решительных шагов, направленных к устранению недоразумений. Устранение этих недоразумений зависит от вас. От вас же зависит последующая постановка других вопросов, интересующих вас.

Фуад стал переспрашивать, в какой мере геджасцы могут рассчитывать на благоприятное разрешение нами вопроса о материальных компенсациях. При этом он подчеркнул, что, выдвигая вопрос о вакуфах, геджасцы рассчитывают на благоприятное отношение совпра и по политическим соображениям. Положительное разрешение этого вопроса могло бы явиться опорной для гепра точкой в его споре с Ираком, Египтом и др. из-за вакуфных имуществ. Во время моего пребывания в Багдаде король Фейсал заявил, что он не возражает против урегулирования вакуфного вопроса и передачи вакуфных доходов в Мекку в соответствии с вакуфными документами. Теперь мы заключили с иракцами ряд соглашений, в том числе и соглашение о вступлении сторон в ближайшем будущем в переговоры с целью урегулирования вакуфного вопроса. Мы не возражали бы, если бы и между СССР и Геджасом было бы достигнуто соглашение в такой форме.

Я повторил ему снова основные моменты моих вышеизложенных соображений («Сначала устранение недоразумений»). Беседа продолжалась 2,5 часа и в отличие от прошлого года носила дружественный характер. Характерно отметить, что мое прямое заявление относительно абсурдности утверждения о дезорганизаторском характере советской торговли уже не встречала с его стороны возражений, хотя эти утверждения в прошлом

выдвигались им самим.

Вторая встреча 29 мая 7 час. вечера

В начале мы беседовали на разные темы. Я дал ему некоторые разъяснения относительно цели и выполнения пятилетки. В частности, я сообщил ему о выполнении той части пятилетки, которая относится к добыче и эксплуатации советской нефти. Кроме того, я сообщил о нашей победе на торгах в Париже на поставку нефтепродуктов для морского ведомства.

Я выяснил у Фуада порядок получения из джеддинской таможни выписываемых нами вещей. Это было необходимо в связи с недоразумениями, случившимися из-за граммофонных пластинок «Лингофон». Фуад говорит, что согласно полученным им от Минфина указаниям на этот счет, мы обязаны в своих письмах на имя таможенного управления указывать содержание посылок.

Фуад говорит, что ведь в ближайшем будущем осталось завершить некоторые технические моменты и будет подписано с Италией два договора: дружественный и торговый. Вопрос о признании Италией «Присоединенных Областей» давно урегулирован (это обстоятельство я отметил для себя в связи с возможностью нашего сотрудничества с Лазарини).

О подробностях публикации выяснил следующее: количество потребных нефтепродуктов не будет объявлено. Судя же по отдельным фразам, оброненным Фуадам, речь идет о годовой потребности Геджаса в целом (бензин и керосин). По окончании торгов возможны два варианта решения: монополия на нефтепродукты останется в руках правительства, или она будет передана частной торговой организации. Проект публикации был составлен самим Фуадам. Усиленный интерес Фуада к нефтяному вопросу, повидимому, вызван его стремлением заработать около монополии. Срок 4 месяца, в течение которого соревнующиеся организации смогут участвовать в торгах, он собирается сократить до 3 месяцев. В настоящее время он не может дать более подробных разъяснений, так как проект публикации при обсуждении в госсовете может подвергнуться некоторым изменениям.

В беседе с ним я все время подчеркивал, что в данном вопросе моя задача заключается лишь в информации Москвы и что каких-либо советов в пользу участия или неучастия нашего нефтесиндиката в торгах не могу давать. Во всяком случае, решение вопроса об участии нашего нефтесиндиката в торгах, по всей вероятности, потребует некоторого

времени и будет зависеть от дополнительной информации.

Затем Фуад сообщил о созываемом на этих днях в Мекке съезде депутатов от геджасских городов следующее: Съезд созывается королем с целью выяснения пожеланий населения геджасских городов по всем вопросам внутренней жизни страны. Вопросы внешних сношений этот съезд касаться не будет. Ввиду того, что такого рода съезды будут созываться ежегодно в первый месяц мусульманского года (т. е. сейчас после хаджа), то выявляется необходимость легализации этого института посредством особого закона. По своему типу съезд представляет собой госсовет расширенного масштаба. Выборы на съезд производятся по системе двухстепенных выборов. Городское население Геджаса будет представлено депутатами, выбираемыми от двух сословий: от духовенства и купечества.

ЗАПИСИ БЕСЕД Н. ТЮРЯКУЛОВА С АЛЬ-САУДОМ,

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТЕЙ

И ИНОСТРАННЫМИ ДИПЛОМАТАМИ

Беседа с королем

17 июня 1931 года

В Джедду приехал король. Имея в виду его скорый отъезд в Риад, я решил побеседовать с королем относительно интересующих нас вопросов. Желая предоставить мне свободу действий, Фуад Хамза заявил о своем нежелании присутствовать или участвовать в моей беседе с королем. Исходя из известных соображений, я настаивал на том, что он должен присутствовать. На деле же получилось так: Фуад посидел немного и затем покинул нас.

Я поставил перед королем наши основные вопросы — о торгово-политическом договоре и о снятии запрещения с советской торговли. Король ответил уклончиво. Он заявил, что отношения между СССР и Геджасом носят настолько дружественный характер, что они вовсе не нуждаются в особой фиксации. Он прекрасно понимает и ценит дружбу СССР. Эта дружба особенно ценна для него потому, что она не основана на

какой-либо корыстной цели: «Я считаю, — сказал король, — что если наступят тяжелые времена, то СССР будет моим панцирем. Что касается торгового договора, то время для него еще не наступило». Геджас еще ни с кем не заключил торгового договора и в связи с этим он испытывает ряд затруднений. Вообще же все вопросы, которые могут интересовать обе стороны, непременно получают удовлетворительное решение, но для этого нужно выждать некоторое время. Я ответил ему в том смысле, что переговоры по этим вопросам с его правительством мы начали с согласия последнего. Мы всегда полагали, что время для таких переговоров должно быть согласовано с интересами и планами геджасского правительства. Если мы поднимаем вопросы, то нас к тому побуждают интересы сторон. Укрепление дружественных отношений между обеими странами и упрочение международного отношения Геджаса в глазах и врагов и друзей стали бы фактором, который нельзя игнорировать. Во время переговоров встал вопрос о компенсации. Я считаю, что этот вопрос, как и многие другие вопросы советско-геджасских отношений, легко могли бы быть разрешены посредством сближения и дружественного сотрудничества. Если ставлю перед ним эти вопросы, то мною руководит твердое убеждение, что это сотрудничество принесет Геджасу огромную пользу, делу укрепления, экономике и политике этой страны. Совершенно излишне говорить о том преимуществе нашей дружбы для него, которое заключается в отсутствии в ней вредных политических стремлений.

Король поблагодарил, и на этом беседа закончилась.

Встреча с королем в Мекке

28 июня 1931 года

В 4 часа утра я пошел на проводы короля, уезжавшего в Риад. Здание «Гамидие» — резиденция наместника (против Каабы) было полно представителей ведомств и городов. Посетив последний раз Каабу, король пришел к провожавшим. Он был ко мне еще более внимателен, чем обычно. Я воспользовался этим случаем для того, чтобы пожелать ему благополучного путешествия и высказать уверенность, что наши отношения с ним примут еще более дружественный характер, чем они имели до сих пор. Король ответил благодарностью. Он был в курсе наших переговоров о нефтепродуктах.

Король обратился с прощальной речью к сидевшим против нас представителям ведомств, купечества и городов. Начав с указания, что он борется за ислам и за благо своей страны, он закончил свою речь так: «По установившемуся обычаю мы оставляем здесь нашего сына Фейсала в

качестве наместника. Пусть младшие из вас будут ему братьями, а старшие — отцами».

Эта речь была рассчитана, повидимому, на сглаживание известной грани, существующей между завоевателями неждийцами и завоеванными геджасцами. После церемонии прощания король выехал из Мекки.

Встреча с Халидом Каркани

27-29 июня 1931 года

В период нефтяных переговоров в Мекке ко мне явился Халид Каркани — компаньон Де Хааса. Сущность моей беседы с ним свелась к следующему: Халид желает сотрудничать с нами. О наших переговорах с геджасским правительством ему известно от Фуада Хамзы. Халид спрашивал наше мнение относительно возможности установления делового контакта между нами и его компанией.

Повидимому, факт наших переговоров с геджасским правительством навел его на мысль о возможности разрешения вопросов советской торговли в Геджасе в ближайшем будущем. Другими словами, он боялся «опоздать» и упустить случай заполнения от нас представительства по нашим товарам.

Я ответил ему в том смысле, что мое отношение к нему осталось прежнее. Напомнив ему о том, что первый раз инициатива о представительстве исходила от нас в прошлом году и что он, Халид, тогда сам отверг наше предложение, я заявил, что продолжаю считать сотрудничество с ним для нас желательным и что по разрешении вопросов советской торговли в Геджасе сочту своим долгом рекомендовать его вниманию наших торговых органов. При этом я подчеркнул особое значение его услуг, которые он мог бы оказать нам сейчас.

Давая такой ответ, я исходил из того факта, что Халид Каркани, находясь постоянно в свите короля, имеет возможность давать то или иное освещение нашим вопросам.

Далее Халид рассказал о Филби. По его словам, положение Филби при короле значительно пошатнулось. Король прекрасно понимает ту роль, которая возложена на Филби Лондоном, которую [он] пытается осуществлять в Геджасе. Король властолюбив. Филби же пытается влиять на политику короля, чем приводит последнего в бешенство. В результате этого в последнее время наблюдается стремление короля держаться подальше и держать Филби в стороне. Наряду с этим, появление Филби при короле вызвало опасения среди приближенных о возможности потери ими прежнего положения. Последнее обстоятельство также имеет свое значение

в отношении ухудшения положения Филби.

Фильби начал нервничать с появлением Халида при короле. Сам Халид все время держится лояльно по отношению к Филби. Последний, относясь подозрительно к Халиду и расценивая последнего как германофила, усиленно уговаривал Халида принять какой-либо государственный пост. При этом Филби исходил, как полагает сам Халид, из желания столкнуть его, Халида, с остальными руководящими лицами в правительстве или воспользоваться каким-либо его служебным действием для соответствующей акции перед королем. Халид же, отказываясь от какого бы то ни было поста в правительстве, хотел остаться свободным для того, чтобы иметь свободу критики и действий. В то же время Халид заявил королю, что он готов исполнять любое поручение правительства.

Халид уехал вместе с королем в Риад. В письме, оставленном им для меня и переданном мне Ведадом, Халид сообщает о том, что он хотел бы помимо представительства по нашей торговле взять на себя также представительство Совторгфлота.

Полагаю, что представительство Совторгфлота нив коем случае не может быть передано от итальянца Лазарини триполитанцу эмигранту Каркани. Имея же в виду его положение при короле, считал бы рациональным использовать Каркани и его компаньона Де Хааса по линии торговли. Это необходимо проделать по согласованию с геджасским правительством. Инициативу же согласования должен взять на себя Каркани — Де Хаас.

Беседа с Лари-эфенди

30 июня 1931 года

Виделся с б. персидским консулом Лари в Джедде. Он сообщил, что в ночь с 27 на 28 июня после полуночи на мекканской дороге, недалеко от Бахры имело место свидание короля с сэром Рианом. Содержание их беседы ему неизвестно. Короля сопровождал Фуад. По мнению Лари, в последнее время англо-геджасские отношения оставляют желать много лучшего. Англия много проявляет враждебного на трансйорданской границе.

Встреча с Мухсином Таиибом

22 сентября 1931 года

Нас посетил Таииб, он говорит следующее: в последнее время мистер Клоб весьма активизировал свою деятельность, направленную главным образом против Геджаса. Его деятельность выражается главным образом в

том, что помимо постройки укреплений на границе, по типу иракского укрепления, он организовал большой отряд, постоянно курсирующий по линии границы, вступил в связь с некоторыми племенами Геджаса и роздал им значительные средства. Факт этой связи в настоящее время установлен посредством перехвата писем между племенами и Клобом. Одно колено племени Ховеитат, лидер которого давно находится в Омане (Трансиордания), снялось со своих кочевий и небольшими группами по 15–30 палаток ушло в Трансиорданию. Другими словами, Клоб повторяет буквально то, что он проделал в прошлые годы на иракской границе. Методы Клоба достаточно известны геджасскому правительству и последним принят ряд мер предупредительного характера. В качестве одной из этих мер геджасским правительством послано несколько отрядов на север, и район Джофа насыщен войсками Сауда. Пресса подтверждает тревожность положения с сообщением о концентрации английских пограничных отрядов и воздушных сил у трансиорданской границы. Возможность каких-либо событий в Геджасе Таииб отвергает. Девиш и Беджад, восставшие в сердце Неджда и сумевшие увлечь за собою много недждийских племен (общая численность восставших достигала 50 тысяч), имели гораздо больше возможности против Сауда, чем их могут иметь геджасские племена. И по своим военным качествам, и по своей численности, и по своей сплоченности геджасцы сильно уступают недждийцам. Опыт восстания племен Бени Малик и Неджда является достаточным предупреждением для геджасских бедуинов. На ирако-недждийской границе пока что совершенно спокойно. В Неджде же проводится подготовка к походу на область Неджран, лежащую между Йеменом, Геджасом и Недждом. Область Неджран отделена от Неджда пустыней Дохна. Пройти эту пустыню можно только зимой, следуя по линии долины Дауасир. Неджранцы являются мусульманами лишь номинально. Они принадлежат секте, приближающейся по своим верованиям к друзам и измаилитам. Они постоянно занимаются набегами и грабежами в соседних с ними районах. Король Ибн Сауд обращался к ним несколько раз с письмами, в которых он увещевал их не грабить, жить по шариату, принять от него несколько человек в качестве законоучителей и платить закят. Неджранцы отвергли предложение Ибн Сауда. Это относится к времени захвата Ассира Ибн Саудом, когда отряды последнего вошли в соприкосновение с неджранцами. Неджранцы, отвергнув предложение Ибн Сауда насчет законоучителей и закята, в то же время прекратили свои грабежи. Но в последнее время в связи с беспорядками и волнениями в Ассире неджранцы снова зашевелились и возобновили свою разбойничью

деятельность. Говорят о наличии связи и договоренности между восставшими в Ассире племенами и неджранцами. Считают, что Неджран может выставить до 50 000 бойцов. Связь между неджранцами и иностранцами маловероятна, ввиду отдаленности этой области от побережья и фанатичного отношения самих неджранцев к европейцам. Недавняя попытка геджасского правительства послать на юг аэроплан (аэроплан, бывший под управлением пилота Краковского и механика Тальада, упал недалеко от Джедды) имела целью произвести разведку путей между Недждом и Неджраном. В Ассире же происходит следующее: хотя южная граница саудовских владений проходит немного севернее Миди и вся область, лежащая на севере от нее, составляет территорию Сауда, но эта власть Сауда во многих районах Ассира является лишь номинальной властью. Ряд племен Ассира фактически пользуется традиционной автономией, основанной на власти местных шейхов. В этом году среди племен Аль-Мусариха имели место волнения и беспорядки. Возможность связи этих племен с иностранцами (в Ассире заинтересованы главным образом итальянцы) не исключена. В недавнем прошлом наблюдались неоднократные попытки со стороны Массауа установить контакт с ассирицами. Хотя эти волнения не имеют большого военно-политического значения, но, тем не менее, король решил покончить с неопределенным положением своей власти в Ассире.

Что же касается вопроса о геджасо-йеменских отношениях в связи с этими событиями в Неджране и Ассире, то за них опасаться абсолютно не приходится. Как Ибн Сауд, так и, полагаю, имам Яхья прекрасно понимают, что столкновение между ними было бы большим несчастьем для обеих стран. Три-четыре года тому назад Ибн Сауд твердо и ясно заявил приехавшей тогда в Мекку еменской делегации о своем желании поддерживать с Йеменом постоянные дружественные отношения. «Поскольку наш брат имам Яхья, — говорил Ибн Сауд, — защищает еще с большим рвением и преданностью, чем я, дело ислама и независимости своей страны, то мы считаем себя его друзьями». Йеменская делегация отвечала в весьма дружественных тонах. С тех пор Ибн Сауд поддерживает с имамом Яхьей постоянную дружественную связь, осуществляемую через посредство особых курьеров. Курьеры совершают свой маршрут по линии Санаа-Ходейда-Джизан-Мекка. Причем расстояние между Ходейдой и Джизаном они проделывают на самбуках, остальную же часть пути по суше, минуя Массауа. Ибн Сауд считает нерациональным, а во многих отношениях и вредным учреждение в Санаа и в Мекке дипломатических представительств Геджаса и Йемена. Учреждение представительства в

обеих столицах свело бы положение их представителей к обычным дипломатическим представителям, которые, образуя собою средостения между обоими королями, в то же время не были бы в состоянии взять на себя разрешение крупных политических вопросов. Отсюда Ибн Сауд предпочитает непосредственную переписку и прямую связь с имамом Яхьей.

Кризис и безденежье в Геджасе имели свои хорошие последствия. В неждийских руководящих кругах теперь начали понимать все значение экономного обращения со средствами правительства. Это явление считаю значительным шагом вперед в развитии нашей страны. Значительную часть доходов страны король тратил на подарки различным лидерам и руководителям племен. В настоящее время король постепенно начал сокращать эти расходы, ложившиеся тяжелым бременем на казну.

В заключение Таиб говорил о желательности периодического получения материалов советской печати, освещающих политическую жизнь на Ближнем Востоке вообще и на Аравийском полуострове в частности.

Беседа с Салихом

23 сентября 1931 года

По полученным доктором Салихом от приезжих сведениям, положение в Ассире стало за последнее время весьма тяжелым. Восстание вызвано произволом и излишним административным усердием саудовских чиновников. В районе Абу-Ариш произошло убийство на почве неосторожного обращения с оружием. Убийца и убитый — двоюродные братья. Саудовский эмир в Джизане потребовал выдачи убийцы для суда. Родственники убитого возражали, считая все это их внутренним делом, которое можно и должно разрешить посредством «диет» (традиционный выкуп по обычаю). Эмир настоял на своем. Однако невольный убийца по приказанию эмира и без суда и следствия казнен в Абу-Арише. Это событие вызвало восстание местных племен Аль-Масариха, к которому присоединились соседние еменские племена. В некоторых местах саудовские гарнизоны были вырезаны. Эмир Джизана бежал в район Абха. Весь этот район оказался в руках мятежников. Отряды, посланные эмиром Миди (чиновник имама Яхьи) заняли пограничные районы, южнее Абу-Ариша. Поход, подготовляемый Ибн Саудом, преследует две цели: 1) покорить богатую земледелием и садоводством область Неджрана. При теперешнем безденежье и всеобщей нужде, Сауд хочет занять свои племена в Неджде и отвлечь их недовольство в русло внешних столкновений. 2)

Нанести удар восставшим в Ассире племенам с фланга. Завоевать Неджран со стороны Геджаса невозможно. Главным образом благодаря труднопроходимым горным перевалам. Неджран представляет собою плато, окруженное малодоступными горами и открытое со стороны Неджда. Завоевание Неджрана Ибн Саудом неизбежно приведет его к столкновению с имамом Яхьей. Имам Яхья никогда не примирится с тем, чтобы Ибн Сауд, завоевав Неджран, угрожающе навис бы над Саадой. Для защиты Саады имам Яхья вынужден будет помочь неджранцам на линии долины Уади Дауасир. Успех последней операции может привести к разгрому недждийцев, проникших в Неджран со стороны Неджда.

Прямое движение саудовских отрядов с севера на юг по побережью Техаммы, представляющему собой узкий коридор шириной в 40–70 километров между горным хребтом Аль-Сара (этот хребет тянется от Таифа до Бабель Мандебского пролива) и Красным морем, представляло бы большие опасности. Если саудовские отряды двинутся по этому коридору на Ходейду, то они будут сброшены в море или уничтожены набегами горных племен. Вот почему Ибн Сауд предпочел всю эту операцию начать со стороны Неджда. Столкновение между Саудом и Яхьей собеседник считает неизбежным. По его мнению, Сауд стремится во что бы то ни стало захватить еменскую Техамму. Ликвидация независимости Неджрана, как буфера между обеими странами, приведет к их столкновению.

Беседа с Минфином Абдулой Сулейманом

27 сентября 1931 года

В связи с опозданием нашего парохода с бензином в Геджасе создается очень тяжелое положение. За отсутствием бензина почтовые автомобили прекратили движение. Почта перевозится на ослах. Военные перевозки также прекратились и это обстоятельство вызывает серьезную тревогу гепра. Противоречивая информация хозяйственных органов Москвы, ставя нас, с одной стороны, в ложное положение перед местным правительством, сорвала на время начавшиеся переговоры по общим вопросам, с другой. Благоприятная ситуация, начавшаяся заключением второго августа нефтяной сделки, упускается. Помимо неустойки, которую, быть может, нам удастся устранить, создается впечатление несолидности Москвы. Минфин перед этим заявлял о заинтересованности гепра в советских товарах. На его запрос о возможности длительного кредита по ряду товаров мы ответили контрвопросом о том, в какой мере гепра готово урегулировать вопросы торгово-политического договора между СССР и

Геджасом и ликвидации исключительного режима, созданного гепра в отношении советской торговли. Мы дали им понять, что в зависимости от их того или иного ответа Москва даст директиву и свое решение по вопросу о предоставлении нами кредита гепра.

Теперь эти беседы на эти темы прекратились и геджасцы ни о чем не хотят говорить, кроме как о бензине. Геджасцы систематически обращаются к нам с запросом о местонахождении парохода с бензином. В последнее время у нас самих укрепляется недоверчивое отношение к сбивчивым телеграммам Москвы. Телеграммы же Ходорова, отличающиеся своей никчемностью и преследующие единственную цель — застраховать себя на случай расследования этого дела, вызывают негодование спокойного Юрьева. Возможно, что геджасцы в качестве компенсации за их убытки, происшедшие вследствие опоздания парохода, потребуют льгот по части платежей.

Сегодня Минфин потребовал от нас категорического заявления о местонахождении парохода и возможности прохождения им Суэцкого канала. Я объяснил ему причины опоздания парохода, условия его зафрахтования и т. п. В качестве последнего срока я указал на первую неделю октября. Минфин как будто бы успокоился. Я заверил его также в отношении Суэцкого канала.

Далее Минфин рассказал следующее: он представил записку королю с изложением своей точки зрения по вопросам советско-геджасских отношений. В качестве дополнительного материала, подкрепляющего его позицию, он послал королю газетные сообщения о восстановлении франко-советских отношений. Он считает, что в то время, когда великие державы стремятся к установлению нормальных торговых отношений с СССР, малые страны, как Геджас, не могут оставаться в стороне. Он высказывается за установление Геджасом правильных торговых отношений с СССР.

Это говорит за серьезность намерений гепра в отношении нас и еще раз подкрепляет необходимость немедленного использования благоприятной ситуации и четкой работы с нашей стороны.

Далее минфин попросил меня изложить мое мнение о причинах падения фунта стерлинга. Осветив вопрос в духе советской печати и особо отметив колоссальную роль восточных стран — СССР, Индии, Китая, Турции и Персии и промышленное пробуждение этих стран, я закончил свои объяснения указанием на особую тревожность положения в Европе. Я отметил также, как параллельно экономическому кризису возрастает военная опасность, что обязывает все прочие страны быть начеку. Кроме

того, я заявил, что по нашему мнению нельзя рассчитывать на ослабление мирового кризиса в ближайшем будущем и что это обстоятельство обязывает нас всех быть особо экономными.

Минфин поблагодарил меня за эти разъяснения и выразил свое желание поддерживать со мной связь после моего отъезда в Москву через Полпредство СССР в Геддде. Он просил меня оставить у него мой московский адрес. Сегодня — 29 сентября, а пароход с бензином только сегодня подходит к Истамбулу.

Полпред СССР в Геджасе: (Тюрякулов)

Отпечатано в 4 экз.

1 — Секретариат Карахана,

1 — I Восточный Отдел,

1 — т. Хакимову,

1 — Архив Полпредства.

С. М.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА Л. ХАРАХАНУ

О ПЕРЕГОВОРАХ С ХИДЖАЗСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Сов. секретно

Мекка 25-V1-31

Уважаемый товарищ Карахан,

В последние дни я был занят исключительно практической работой. С 22 июня безвыездно нахожусь в Мекке, чтобы использовать последние пребывания короля в Геджасе (король как выяснилось вчера, в Риад выезжает 27 июня). Сегодня или завтра из Ходейды приходит наш пароход, который я намерен использовать для посылки вам наличного материала. Ни время и ни обстановка не позволяет мне большего: я ограничиваюсь изложением основных черт, текущего момента и вопросов практического свойства.

Наши переговоры с гепра

Подробно с ходом наших переговоров с гепра вы познакомитесь по выпискам из дневника, пересылаемым в Москву с этой же почтой. В отличие от прежних, переговоры последнего времени происходили в обстановке серьезных финансовых затруднений геджасского правительства

и беспримерного падения паломничества. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на наши переговоры с геджасским правительством и определило дальнейшее его поведение.

Национальный конгресс, основанный королем, не только отказал ему в займе, но и поставил вопрос о необходимости бюджета и сокращения расходов. Характерно, что конгресс, опасаясь возможности проникновения иностранцев, запретил правительству давать христианам концессии на территории Геджаса. Наряду с этим наблюдается нажим со стороны иностранцев (Джелятли Ханки, голландский банк и Филби). Не желая прямо отказывать в помощи, голландский банк весь свой золотой фонд уже вывез в Амстердам. Между Филби и гепра, как сообщили, начались недоразумения на почве расчетов. Гепра начало метание в поисках выхода. Укрепление денежного рынка посредством обложения купечества не могло считаться решением задачи.

Этот момент я счел наиболее удобным для выступления перед королем с обоюдовыгодным предложением. На настойчивые вопросы Фуада Хамзы по вакуфному вопросу я ответил спокойным указанием на сложность этого вопроса и особое отношение нашего законодательства к этой проблеме. Особенно осложнять наши переговоры этим моментом посредством прямого отказа я считал вредным. Я сделал ударение на другом: по моему расчету, в настоящий момент наше предложение делового сотрудничества должно было дать известные результаты. Я им говорил: геджасское правительство и геджасское население нуждается в товарах. Геджасский рынок нуждается в оздоровлении и изгнании из него элементов спекуляции. При этих условиях допущение советской торговли в Геджасе принесло бы как правительству, так и геджасскому рынку огромную пользу. Так, конкретно может быть решен вопрос о компенсации, который поднимало гепра. С особым вниманием относится совпра ко всякому в этом направлении предложению гепра. Нужные последнему товары могут быть предоставлены на более выгодных условиях, чем это можно ждать от других стран. Но обо всем этом конкретно можно будет говорить лишь после того, как гепра устранил то тяжелое впечатление, которое было вызвано в Москве введением исключительного режима по отношению к советской торговле в Геджасе.

Геджасское правительство робко и нерешительно стало подходить к этому вопросу. Не желая раздражать третьи силы, гепра остановилось на идее организации торгов для правительственных поставок на нефтепродукты. Я свою мысль развил перед королем (17/VI-31). Король дал свой ответ через пять дней, через Фуада Хамзу заявив, что он отменил

проект торгов и что он решил вступить в непосредственные с нами переговоры по поставкам на нефтепродукты. 23 июня Минфин Абдулла Сулейман пригласил меня через Фуада Хамзу к себе на обед, после которого в присутствии наместника Абдуллы Фадла, Фуада Хамзы и Абдурахмана Кусайби изложил желание правительства вступить с нами в прямые переговоры для закупки нужных ему товаров, как-то: нефтепродукты, лес, мука, спички и сахар. Сейчас гепра желает заключить сделку на 50 000 ящиков бензина и 50 000 ящиков керосина, что составляет потребность Геджаса примерно 10 месяцев, остающихся до следующего хаджа. Затем он изложил свои условия и пожелания при заключении сделки, о чем мы вас телеграфно поставили в известность. На их вопросы я ответил с уверенностью, что гепра на опыте этой первой сделки убедится в выгоды для него в постоянных деловых связях с СССР, и что в течение ближайшего времени сумею представить королю ответ Москвы. Ссылаясь на скорый (26/VI-31) отъезд короля в Риад, Минфин просил меня подчеркнуть перед вами особую спешность этого дела, чтобы до отъезда короля он мог доложить ему ответ Москвы. Я обещал сделать все возможное, чтобы удовлетворить его просьбу.

Так, лед как бы тронулся. Сегодня и завтра жду вашу телеграмму, по крайней мере, с ответом нефтесиндиката, по основным моментам поставленных перед нами вопросов. Особо ставлю перед вами вопрос о гарантиях, которые являются обязательным элементом подобных сделок. Без вашего специального указания я счел нерациональным «от себя» ставить перед геджасцами этот вопрос в какой бы то ни было форме. Вопрос сам по себе представляет несколько моментов, над которыми невольно задумываюсь. Прежде всего я ставлю вопрос так: 1. Если гепра дальше этой сделки (или сделок) не желает идти по пути оформления своих отношений с нами, то очевидно, что мы должны потребовать банковскую гарантию. 2. Но если гепра в связи с этими сделками, или же вследствие других причин пожелает заключить с нами торговый договор, то последний считается недостаточной гарантией в подобных делах с Геджасом.

Я считаю своим долгом отметить перед вами необходимость увязывания этих чисто деловых операций с нашими общими задачами — с вопросом дружественного и торгового договоров. Из бесед с королем и его сотрудниками я вынес впечатление, что боязнь раздражать англичан еще весьма сказывается на каждом шагу. Это обстоятельство обязывает нас задачу увязывания наших практических задач с общими проводить весьма осторожно, не создавая впечатления, что мы желаем их в наших интересах «перессорить» со всеми. Деловое сотрудничество, давая им известные

выгоды и приучая их к нам, постоянно, шаг за шагом будет подготавливать почву для разрешения наших общих задач.

При разрешении всех вопросов советско-геджасских отношений нам следует это основное правило учитывать. Конкретно, в процессе моих переговоров по нефтяному делу, я все-таки намерен добиваться полной ликвидации исключительного режима и укрепления наших отношений договорами. В какой мере мне удастся выполнить эту программу-максимум — судить сейчас не берусь. В этот период я нуждаюсь в ваших принципиальных и практических указаниях по некоторым вопросам. Я должен точно знать позицию центра, чтобы, опираясь на ваши директивы, смог избрать ту или иную линию поведения. Наряду с этим считаю полезным сообщить вам следующее заявление: 25 июня в Мекке Фуад Хамза заявил мне в полуофициальной форме, что гепра предполагает заключить с совпра ряд сделок на лес, сахар, муку, мануфактуру и спички в объеме потребностей страны в целом, и что таким способом гепра само через соответствующий свой орган станет торговым посредником между обеими странами. Таким образом, вопрос об исключительном режиме, по мнению Фуада, как бы решается просто. Это означает, что на указанные предметы вводится нечто вроде монополии. Я ему в ответ ничего не сказал, будучи недоволен таким неопределенным оборотом в вопросе об исключительном режиме. Я считаю, что вопрос об исключительном режиме должен быть нами поставлен во всей его полноте и в нашем понимании (не частичная, а полная ликвидация этого режима и принципиальное допущение нашей торговли на равных с другими основаниях) в тот момент, когда чисто деловые оперативные вопросы достигнут известного уровня развития. В какой именно момент — это покажет обстановка. Это заявление Фуада я отмечаю, как момент весьма характерный для теперешних настроений в здешних кругах. Повидимому, и само гепра чувствует неувязку между соответствующими положениями и деловыми его переговорами. Далее хочу отметить как нечто новое — обращение Халида Каркани (триполитанец, турецкоподданный, боролся против итальянцев, энергичный и мужественный человек). В настоящее время работает здесь компаньоном Де Хааса (германский консул). Он пользуется симпатией короля и постоянно вращается в дворцовых кругах. Принадлежит к противникам Филби. Он обратился сегодня в Мекке с просьбой рекомендовать в Москве его фирму Де Хааса и Халид Каркани в качестве кандидата на роль посредника в наших будущих торговых отношениях с Геджасом. Имея ввиду его близость к королю, я решил пока обезвредить его, а в случае необходимости и использовать его в наших

целях. Я считаю его в этих условиях ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ДЛЯ НАС фактором. По существу же, я считал бы полезным рекомендовать его в качестве нашего посредника, если бы в будущем возникла необходимость в посредничестве кого-либо из местных людей, пользующихся известным влиянием при дворе. Сейчас он по приглашению короля вместе с ним уезжает в Риад. Его компаньон Де Хаас находится в настоящее время в Москве и, повидимому, добивается представительства Нефтесиндиката и др. организаций. Я считал бы полезным, чтобы наши организации, не решая еще вопроса его посредничества (так как исключительный режим еще не снят полностью), выяснили бы его возможности и не теряли его из виду. Мой ответ Халиду Каркани также сводится к обещанию рекомендовать его Москве в качестве полезного для нас посредника.

При этом кончаю краткое мое деловое сообщение. Отмечу лишь одно важное обстоятельство: обстановка требует решительных действий. Как бы ни был мал сдвиг в этих делах, необходимо энергично его развивать дальше. Лишь при этом условии я смогу надеяться на успех выполнения моих основных, общих задач. Для этого необходим здесь Хакимов, который при его знании геджасской обстановки был бы весьма и весьма полезным для наших планов.

С товарищеским приветом (Тюрякулов)

ОТПЕЧАТАНО в 3 экз.

1 — I Восточный Отдел,

1 — Секретариат Карахана,

1 — Архив Полпредства,

С. М.

ПИСЬМО Л. КАРАХАНА Н. ТЮРЯКУЛОВУ

В СВЯЗИ С АССИРСКИМ ВОПРОСОМ

С/секретно

№ 24 004

18/VI11-31 г.

ПОЛПРЕДУ СССР В ДЖЕДДЕ

тов. ТЮРЯКУЛОВУ

Ваше предложение о желательности нашего демарша перед

правительствами Геджаса и Йемена, в связи с ассирским вопросом, совпало с целым рядом сведений из Аравии, сводящихся к тому, что обострения в этом вопросе в ближайшее время не предвидится. Правда, сама конфигурация границы и наличие племенных связей между населением по обе стороны границы — могут привести к вооруженному конфликту, не говоря уже о возможности провокации со стороны антагонистов.

Тем не менее, мы считаем нецелесообразным наше выступление по ассирскому вопросу в настоящий момент. Положительные результаты такое выступление едва ли даст, а привести к отрицательным последствиям оно может. Наш демарш заставит предполагать, что мы преследуем в этом случае какие-то собственные свои интересы. Кроме того, обе стороны сделают вывод, что выступление сделано нами по просьбе другой стороны. И та и другая сторона может потребовать от нас гарантии, что ей не угрожает нападение.

Все это приводит нас к мысли, что мы не должны рисковать авторитетом, не изучив самым тщательным образом всех возможных последствий посреднического выступления, которое в настоящей обстановке может иметь только чисто декларативный характер. Мы считаем поэтому более целесообразным держаться в этом вопросе следующей тактики: при удобном случае высказывать наше мнение, что вооруженный конфликт между двумя арабскими государствами повредит им обоим, что он лишь в интересах третьей стороны и что мирное разрешение спора на началах договоренности сторон явилось бы, по нашему мнению, наилучшим выходом из положения.

Мы считаем, что для обеих сторон более важное значение имеют прочные дружественные отношения, чем отдельные территориальные претензии. Если бы при таких разговорах наши собеседники поставили вопрос о нашем совете, Вы могли бы лично от себя высказать мнение, что дружественный просмотр обеими сторонами нынешней границы и, может быть, ее исправление в интересах экономического укрепления прилежащих областей явились бы лучшим способом разрешения этого конфликта.

Полагаю, что дальше этого идти не следует, сохраняя за собой положение страны, не вмешивающейся во внутренние дела других государств и относящейся благожелательно к укреплению и росту независимых государств Аравии.

О последнем состоянии ассирского вопроса не откажите информировать меня несколько более детально.

С товарищеским приветом — (Харахан)

5/ЕП/10.

- 1 — адресату,
- 2 — т. Хакимову,
- 3 — т. Сурицу,
- 4 — т. Харахану,
- 5 — архив 100ГЖ.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА Л. ХАРАХАНУ

ПО ПОВОДУ «БЕНЗИНОВОЙ СДЕЛКИ»

Секретно

№ 74 5. X. 31 г.

Замнаркоминдел тов. Харахану

Первая сделка с бензином, которая означала конец остракизма советской торговли в Геджасе, должна была служить отправной точкой для внедрения советских товаров на этом новом для нас рынке. Директивы НКВД, правильно учитывающие отражение в Геджасе современной международной обстановки, верно отразили наличие благоприятной конъюнктуры для оформления наших политических и торговых отношений с правительством Ибн Сауда. Приезд наших хозяйственных работников прошел под знаком небывалого оживления наших сношений с представителями здешнего правительства. В ряде бесед мы смогли прозондировать отношение главного советника короля Минфина Абдуллы Сулеймана к «нормализации» наших отношений и вынесли твердое убеждение, что в принципе вопрос накануне вполне благоприятного решения. Сделка с бензином показала геджасскому правительству, что оно встретилося с контрагентом, который совершенно по-иному подходит к проблеме взаимоотношений с местным правительством, чем его прежние контрагенты. Сделка с бензином имела все свойства, чтобы стать поворотным пунктом в наших отношениях. Я пишу «имела», ибо нашими организациями было сделано все возможное и даже в обычных условиях невозможное, чтобы эта сделка из положительного фактора превратилась в свою противоположность. До середины сентября со стороны геджасского правительства не подымалось никаких вопросов относительно сроков прибытия бензина. Твердо рассчитывая на наш бензин, оно порвало отношения с английской фирмой, до сих пор снабжавшей Геджас горючим.

Наличным, правда очень ограниченным запасом оно обслуживало почту и гражданские перевозки, откладывая значительные воинские перевозки до прибытия советского товара. Восстание племен в Ассирии, вызвавшее усиленный расход бензина для перевозок, сильно сократило его запасы. Страна стала испытывать голод в горючем. Между тем наш бензин не появлялся. На запросы Минфина мы вынуждены отвечать отговорками — об этом ниже. Останавливается почта. На дороге в Мекку вновь появляются верблюды и ослы, которые должны заменить стоящие без горючего автомобили. Начинают сыпаться ежедневные запросы, устные и письменные, прямо и через посредников, и все с одним вопросом: где бензин и когда будет бензин. Отсутствие бензина срывает стратегические воинские перевозки в сторону Трансиордании, имеющие в данный момент для Геджаса первостепенное значение, как об этом глухо намекает сам Минфин. Наши ответы, неизбежно противоречивые вследствие противоречий в московских сообщениях, начинают возбуждать неопределенные сомнения в умах наших собеседников. Этим пользуются конкуренты, которые распускают слух о том, что пароход с бензином не сможет пройти Суэцкий канал. Между тем нужда становится прямо нестерпимой. Дело доходит до того, что Минфин прямо ставит передо мной вопрос, гарантирую ли я прибытие бензина и какова, наконец, дата его прибытия. Если на первый вопрос я смог ему ответить вполне категорически, то своему ответу на второй я сам не вполне поверил. До того безобразно и безответственно было организовано выполнение по первой партии бензина, до того безответственна была поступавшая к нам информация.

2-го августа, т. е. в день подписания договора, я сообщил Восгосторгу через НКВД о необходимости срочно подготовить первую партию бензина, которая по контракту должна быть сдана в сентябре месяце. Я предупредил о том, что геджпра очень нуждается в горючем и обращается к нам с просьбой, по возможности, доставить первую партию еще в августе. Проходят дни, проходит месяц. Не имея никаких сведений о погрузке парохода я вместе с Юрьевым 7-го сентября посылаю телеграмму Вам и Элиаве с характеристикой положения. 10-го сентября получаю телеграмму от Вас, а 11-го — от Элиавы и Альфи на о том, что пароход зафрахтован и выйдет из Батума не позже 13-го. На основании этих официальных сообщений мы делаем выкладку, когда пароход может прийти в первый геджасский порт, и сообщаем геджасскому правительству наши соображения. После этого мы получаем сообщение, что пароход уйдет из Батума только 17-го. Принимаем бесприкословно эту цифру, хотя

чувствуем, что это запоздание уже начинает тревожить арабов. Следующие сообщения уже говорят об еще большем опоздании. В телеграмме от 28-го сентября тов. Ходоров дает «директиву» принять меры к урегулированию «недоразумений» в связи с нарушением договора. Но самое возмутительное из всего — это то, что ни одной из этих дорогостоящих телеграмм нельзя верить, а следовательно, нельзя пользоваться ими в сношениях с представителями гепра. Один пример. От 28-го сентября получаем две телеграммы — одну от Союзнефти в Москве, другую — от Союзнефти в Стамбуле. В первой говорится, что пароход «Катерина» придет 29-го в Стамбул и останется там двое суток для разгрузки, а вторая сообщает, что «Катерина» придет 29-го в Стамбул и в тот же день пойдет дальше. Какой прикажете верить и какой руководствоваться?

Пора подойти к выводам. Бензиновая сделка, как я выше писал, могла оказаться для нас большим плюсом в переговорах со здешним правительством, на деле же она оказалась помехой. Минфин нам сказал, что до доставки бензина он вообще не сможет говорить на затронутые нами темы. Правительство вынуждено было взять для своих текущих нужд бензин у английской фирмы, и печальный опыт с первой партией может побудить правительство и впредь страховать себя на случай нашей неаккуратности. Этим подрывается возможность заключения монопольного договора на поставку нефтепродуктов. Конъюнктура для общих переговоров ухудшилась ввиду недовольства, вызванного нарушением договора. Если правительство и не поставит требования уплаты неустойки, то все же оно потребует компенсации, быть может, в отношении срока платежей. Одним словом, весь эффект сделки сорван. Я считаю, что мы обязаны требовать расследования обстоятельств дела, приведших к такому обороту, хотя бы лишь для того, чтобы обеспечить аккуратную доставку остальных двух партий; и я формально ставлю перед Вами вопрос о передаче материалов по данному делу в ЦКК РКИ для расследования и привлечения виновных к ответственности.

Полпред СССР в Геджасе

Джедда, 30. 9. 31 (Н. Тюрякулов)

4 экз.

1 — т. Карахану,

1 — Секретариат Коллегии,

1 — 1 Восточный отдел,

1 — Архив Полпредства.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА ЗАМЕСТИТЕЛЮ

НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Л. КАРАХАНУ

Секретно № 81

О НАШИХ ГРАЖДДАНАХ В ГЕДЖАСЕ

Ежегодно в Геджас прибывает через Индию до 10, главным образом граждан Узбекской ССР. По своему социальному происхождению они принадлежат к различным группам. Большей частью это ремесленники, кустики и обиженные торговцы и муллы. Приехав сюда в надежде на свободные капиталистические условия жизни, они быстро разочаровываются и попадают в весьма тяжелую обстановку общего застоя и административного произвола. Не находя возможности для применения своего труда (местные ремесленники буквально умирают с голоду), не имея связи в местной арабской среде, без знания языка и местных обычаев, они оказываются в совершенно безнадежном материальном положении. Попутно отмечу, что сплошь и рядом такое путешествие в Мекку в значительной мере ослабляет и тот религиозный пыл, с которым они едут сюда. Тогда они обращаются к нам, в Полпредство СССР в Джедде с просьбой «простить их» за нелегальный выезд из СССР и отправить их обратно на родину. Тут мы сталкиваемся с рядом формальных моментов, которые нам не позволяют с желательной быстротой разрешать вопрос об этих «возвращениях». Мы до сих пор в подобных случаях обращались «по инстанции» в консульский отдел НКВД и ввиду отсутствия нормальной связи между нами и Москвой, а также вследствие отдаленности, мы вынуждены бывали ждать ответа на протяжении месяцев. Между тем положение дела требовало от нас какого-то иного подхода и более быстрого решения. На почве бесконечных ожиданий многие из них отказывались от мысли вернуться в СССР и примирялись с фактическим отказом в предоставлении им права въезда в СССР.

Для полноты освещения сошлюсь на пример англичан и голландцев. Английская Миссия в Джедде помимо защиты и освобождения рабов (раб или рабыня из Мекки или из другого пункта внутри страны, сумевший добраться до нее, считается свободным и получает поддержку для возвращения на родину, в Судан или Сомали) занимается тем, что оставшихся без средств английских подданных снабжает соответствующими средствами и немедленно отправляет их домой. Голландцы точно так же поступают по отношению к нуждающимся

явайцам. Что касается паспортных правил, которых придерживаются английская и голландская миссии в Джедде, [то они] отличаются большей простотой, позволяющей указанным миссиям под их ответственность быстро разрешать подобные вопросы. Эти примеры я привожу не для того, чтобы обязательно следовать им. Моя цель заключается в том, чтобы обратить ваше внимание на этот вопрос и попросить соответствующие наши инстанции продумать его и установить более разумный порядок. Я считаю, что престиж СССР совершенно не допускает, чтобы мы совершенно не заботились о наших гражданах.

Вопрос разбивается на две части: 1) паспорт и 2) переезд в СССР.

В отношении паспорта необходимо, чтобы Полпредство имело формальную возможность под свою ответственность в необходимых случаях разрешать эти вопросы без специального обращения в Москву. Если этот порядок почему-либо неприемлем, то прошу указать другой, который обеспечивал бы нашу цель.

Полпредство СССР в Джедде не имеет специальных средств для отправки этих граждан и для оплаты их переезда на пароходе и по ж. д., Совторгфлот в этом отношении подходит к вопросу исключительно с коммерческой стороны и ставит препятствие, заводя с ними настоящую бюрократическую переписку. Отсюда возникает необходимость согласования этого вопроса с правлением Совторгфлота в Москве и НКПС.

Существующий порядок, всегда применявшийся нами в прошлом, требовал, чтоб этот возвращенец представил бы нам в Полпредство нотариально-заверенное обязательство кого-либо из своих родственников в Ташкенте или Самарканде о том, чтобы по первому требованию Совторгфлота переезд такого будет оплачен таким-то. Понятно, что такой порядок еще больше удлинял срок ожиданий. Зачастую же мы имеем дело с людьми, которые и понятия не имеют о нотариате и агентах Совторгфлота в Средней Азии. Последние, к тому же, имеются не во всех пунктах Средней Азии.

Такое положение и наталкивает нас на мысль о необходимости постановки вопроса о более упрощенном порядке. Я считаю более разумным, чтобы вопрос об оплате переезда не ставился бы предварительным условием самого переезда и чтобы он ставился каждый раз по приезде этого человека на место постоянного своего жительства. Что же касается вопроса о наказании этих лиц за нелегальный переход границы, то он должен оставаться по-прежнему, и преследование этих лиц в судебном порядке должно продолжаться с прежней силой. О последующем прошу уведомить Полпредство СССР в Джедде.

Полпред СССР в Геджасе (Тюрякулов)

Отпечатано 4 экз.

1 — т. Карахану,

1 — Секретариат Коллегии,

1 — I Восточный Отдел,

1 — Архив.

С. М.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА

С МУХУТДИНОМ 23 МАЯ 1932 ГОДА

Секретно

Король перед отъездом в Таифу созвал совещание купцов и молодежи. В этом совещании участвовали все крупные купцы и знатная молодежь гг. Джедды, Мекки, Медины, Таифы. Данное совещание было вызвано тем, что со стороны молодежи в п. г. было организовано общество, преследующее научные цели, устав которого был послан на утверждение эмира Фейсала, но он не утвердил и оставил до приезда короля. С приездом короля этот вопрос был поднят снова. Одновременно местные купцы перед королем подняли вопрос о таможенной политике. Как известно, джеддинские таможенные сборы значительно возросли, тогда как таможенные сборы в Аль-Хасса ничтожны, товары в глубь страны стали прибывать с последней таможни. Это отразилось на местной торговле. В ответ этому король и созвал совещание. На этом совещании король дал сильный отпор молодежи. Обрушившись на них, он сказал, что не допустит в стране какой бы то ни было организации, всякое поползновение на это им будет разрешаться мечом.

Для такого ответа короля, очевидно, послужило то, что среди молодежи имеется рост недовольства по отношению правительства. Они видят, как пришельцы разбазаривают страну — во-первых. Среди молодежи выявилось наличие связи с Трансиорданией — во-вторых. Некоторые из молодежи посредством англичан были связаны с Северными Государствами. Обрушиваясь на молодежь, с самого начала, король не дал и пикнуть купцам по их вопросу. Король на поднятый купцами вопрос ответил, что на данный период времени не намерен менять таможенную

политику, и кто недоволен этой политикой, могут покинуть страну.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Н. ТЮРЯКУЛОВА С МУХХУТДИНОМ

Беседа с Мухутдином
(секретарь Городского Управ.)
2 июня 1932 г.

В Джедду приехал представитель Аббаса Хильми по вопросу организации Отделения Оттоманского Банка в счет чего он просит компенсировать представлением права концессии по разработке богатства недр и источников.

Одновременно приехал сюда Лютфулла, который тоже мыслит организовать банк. Организация банка мыслится совместно с Филби. Его предложение сводится к тому, чтобы представить банку право выпуска бон на сумму сто тысяч фун., которые будут распределены среди купцов, а последние этим бонами будут иметь возможность приобретать товары через назначенный банк. В обеспечение же этих бон банк вложит 140 т. ф. Тот и другой были у короля в Таиф. Положительного ответа и согласия король не дал.

Лютфулла объясняет свою не договоренность отсутствием Филби и занятостью короля др. вопросами.

Мухутдин говорит, что король занят более неотложным вопросом. Не так давно на северной границе, около Акабинского залива была разгромлена радиостанция племенами, перешедшими границу, под руководством некоего И бен Рифада. Против этого выступления король направил вооруженных солдат. Солдаты имеют пулеметы и орудия. Выступление на севере — есть очередной нажим на Сауда со стороны англичан.

РЕЧЬ М. И. КАЛИНИНА НА ЗАВТРАКЕ 29 МАЯ 1932 ГОДА

29/5/32

Господин наместник и министр иностранных дел,

Я рад приветствовать приезд в Советский Союз высокого представителя дружественного нам государства — Геджаса, Неджда и

присоединенных областей — и приветствовать в Вашем лице его главу — короля Абдульазиз бин Абдуррахман эль Фейсал аль Сауда.

Отношения между нашими двумя странами в течение ряда лет носили весьма дружественный и вполне искренний характер и Ваше посещение Советского Союза несомненно является одним из счастливых проявлений дружбы, связывающей наши обе страны.

Я тем с большим удовольствием приветствую Вас в столице Советского Союза, что в Вашем лице представлено правительство арабского народа, который сумел после мировой войны, благодаря мужественной и дальновидной политике его руководителей, завоевать и укрепить свою полную независимость, являющуюся необходимой предпосылкой для экономического и культурного развития страны.

Правительство и народы Советского Союза весьма внимательно следят за успешным развитием политики правительства, которое Вы представляете, направленной на защиту независимого существования арабского народа и на укрепление его хозяйственного и культурного благополучия.

Выражаю уверенность, что дружба между нашими государствами в полной степени отвечает интересам наших народов и их взаимному благу. Ваш приезд в Советский Союз несомненно будет способствовать дальнейшему укреплению этой дружбы.

Я прошу Вас передать мои наилучшие пожелания здоровья и благополучия королю Абдульазиз бин Абдуррахман эль Фейсал аль Сауду и я горячо приветствую в Вашем лице высокого представителя дружественного нам государства и руководителя его внешней политики.

Я искренне и горячо желаю процветания арабскому народу и дальнейшего развития и укрепления дружественных связей между нашими народами.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ТОВ. КАРАХАНА С ФУАДОМ ХАМЗОЙ

Секретно

N14391

29. VIII

2. VI. 32 г.

(Беседа происходила в филиале Большого театра на представлении оперы «Севильский цирюльник»)

Фуад Хамза старался доказать, что при наличии советских кредитов в Геджасе наши товары будут продвигаться благодаря престижу правительства. Само правительство будет проталкивать советские товары. Геджасцы хотят приобретать у нас хлеб, сахар, керосин, бензин, спички, оружие.

Тов. Карахан отвечал на это, что вопросы кредита было бы удобнее поставить, когда отношения будут нормализованы. В настоящее время трудно убедить правительство, что оно должно пойти навстречу геджасскому правительству в то время, как мы находимся в неравном экономическом и политическом положении. В рассуждениях Фуада Хамзы имеется здоровое зерно, но для проведения в жизнь его наметок необходимо создать благоприятные условия. У нас нет специальных интересов в Геджасе. Мы поддерживаем геджасское правительство, исходя из общих принципов нашей симпатии к независимости восточных стран, — мы рады, что Геджас является независимым государством. Коммерческие интересы наши в Геджасе также невелики. Правительству трудно объяснить, что предоставление кредитов вытекает в данном случае из условий наших взаимоотношений.

Фуад Хамза заявил, что лично он также думает, что политическое соглашение будет полезно, и телеграфировал об этом королю, но это все-таки вопрос времени. Сначала надо развить торговлю, а затем, через несколько месяцев можно будет заключить и политдоговор. Геджасское правительство колеблется перед столь большой переменой формальных отношений, которая может дать отрицательный эффект и создать затруднения для Геджаса. Тов. Карахан должен убедить свое правительство, что надо помочь Геджасу теперь же, а Геджас обяжется в определенный срок урегулировать вопросы, интересующие СССР. Возможно, что король сообщит, что в принципе он согласен на заключение политдоговора. Но это маловероятно хотя бы потому, что в настоящее время королю сообщено лишь о том, что Элиава заявил, что для получения кредитов нужно экономическое соглашение, но Элиава сказал, что это только его личное мнение и что он запросит правительство. Мы ждем решения правительства и хотим знать, является ли обязательным условием получения кредитов предварительное заключение экономического соглашения. Поскольку король ждет от нас решения правительства, он может воздержаться от изложения своей точки зрения им по вопросу о возможности заключения соглашения. Хамза понимает, что трудности имеются большие, но тов. Карахан должен убедить свое правительство.

Тов. Карахан заметил, что соглашение о кредитах есть по существу

политическое соглашение. С точки зрения торговли, мы можем продавать наши товары и в других странах. Правительству мы должны излагать положение таким, каким оно является в действительности. Я буду совершенно откровенен с Вами. Мы — большая страна, у нас много важных дел по линии внутреннего строительства. С точки зрения внешней политики правительство непосредственно интересуется только такими вопросами и странами, где дело идет о безопасности. Аравия находится далеко от нас; непосредственных интересов нет. Имеется симпатия, дружественные отношения. При всем этом нелегко убедить правительство заняться вопросами о Геджасе, поскольку имеется еще неурегулированный вопрос о договоре. Члены правительства могут сказать: подождем с обсуждением этого вопроса, пока не будет разрешен вопрос о договоре.

Фуад Хамза выразил надежду, что вопрос о договоре разрешится благоприятно, т. к. король относится благожелательно к расширению отношений с СССР.

Зафиксировал Е. Поляков

2 экз. ЕП/П

1 — т. Карахану,

2 — архив 100ГЖ

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ТОВ. КАРАХАНА С ФЕЙСАЛОМ

НА СТАДИОНЕ «ДИНАМО»

Секретно 5 июня 1932 г.

(Записано со слов тов. Хакимова)

Тов. Карахан хотел переговорить с Фейсалом без Фуада Хамзы и пригласил Фейсала в комнату администрации. Фуад Хамза оставался в зале и беседовал с тов. Бубновой. Однако через некоторое время Хамза стал расспрашивать, где находится Фейсал, выяснил это и вошел в комнату, где происходила беседа. Присутствовал и переводил беседу т. Хакимов.

Тов. Карахан сообщил Фейсалу, что правительство считает невозможным предоставить кредиты до нормализации отношений, подчеркнув при этом, что советско-геджасские отношения остаются неизменно дружественными. Тов. Карахан просил Фейсала не усматривать в этом какого-либо изменения наших дружественных чувств. Такой вывод

из решения правительства был бы неправильным. Мы вовсе не настаиваем на немедленной нормализации. У всякого правительства могут быть свои затруднения, и мы не хотим, чтобы геджасское правительство предпринимало для нормализации отношений с нами такие действия, которые могли бы повредить его интересам. Но вместе с тем всякие разговоры на тему о кредитах возможны только после нормализации.

Фейсал ответил, что по соображениям политического порядка немедленная нормализация невозможна. Он считает, что экономическая помощь со стороны СССР должна ускорить нормализацию. Но делегация не правомочна решать этот вопрос и доложит королю.

Тов. Карахан дополнительно отметил, что говорить на экономические темы невозможно также и потому, что может создаться впечатление, что мы требуем компенсацию за согласие Геджаса на политический договор.

В этот момент появился Фуад Хамза. Фейсал сообщил ему, что он ведет переговоры, и что ему только что изложили ответ правительства.

Хамза сказал, что делегация пришла к выводу, что мы готовы обсуждать экономические вопросы. Его, Хамзу, свели с Элиавой, и тот дал понять, что кредиты возможны, причем может быть или общее соглашение, или отдельные соглашения. Отвергло ли правительство это предложение Элиавы? Тов. Карахан ответил, что правительство отвергло.

Тогда Хамза задал вопрос — можем ли мы обещать, что дадим кредиты, если делегация согласится на этот договор?

Тов. Карахан ответил, что так нельзя ставить вопрос.

Хамза спросил: если геджасское правительство будет вести переговоры о политдоговоре и подпишет договор, то будет ли советское правительство одновременно вести переговоры о кредитах?

Тов. Карахан ответил, что нормализация — прежде всего.

На это Хамза заметил, что такой ответ является для него слишком неожиданным. Нельзя ли смягчить эту формулировку?

Тов. Карахан заявил, что это невозможно, так как он передает решение правительства, а затем задал вопрос: по такому ли методу велись переговоры с другими странами?

Хамза объяснил, что и с Италией, и с Францией переговоры велись одновременно по политическим и экономическим вопросам. Королю трудно будет понять перемену в позиции советского правительства. Тюрякулов сообщал о желании советского правительства подписать политический и экономический договора, а теперь речь идет только о политическом договоре.

Тов. Карахан ответил, что торговый договор — это одно, а кредиты —

это совсем другой вопрос.

Беседа закончилась просьбой Хамзы изменить позицию советского правительства в вопросе о кредитах.

Во время беседы Хамза все время подчеркивал, что мы начали разговор о кредитах, а тов. Карахан исправлял это утверждение заявлением, что Хамза первый затронул этот вопрос.

После этой беседы Хамза заявил тов. Хакимову, что он попал в неловкое положение. Мы якобы «спровоцировали» его на разговор о кредитах, а затем изменили позицию.

У тов. Хакимова создалось впечатление, что и Хамза и Фейсал боятся, что Сауд будет недоволен. Тов. Хакимов полагает, что Хамза и Фейсал информировали Сауда в слишком оптимистических тонах.

Зафиксировал — (Поляков)

2 экз. ЕП. 8

1 — т. Карахану,

2 — в дело 100 ГЖ.

ПИСЬМО ОСЕТРОВА С. К. ПАСТУХОВУ

О СОВЕТСКО-ХИДЖАЗСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

Секретно

5 сентября 1932 г.

Заведующему I Восточным Отделом НКВД тов. ПАСТУХОВУ

ЗАПИСКА О СОВЕТСКО-ГЕДЖАССКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

После отъезда эмира Фейсала из Москвы т. Тюрякулов сообщил об обращении к нему правительства Геджаса по вопросу о предоставлении нами долгосрочного товарного кредита. Мы уведомили т. Тюрякулова, что этот же вопрос ставился Фейсалом, и что т. Карахан ответил последнему, что неурегулированность наших политических и торговых отношений с Геджасом мешает ему поставить перед правительством вопрос о кредите.

После этого т. Тюрякулов сообщил, что геджасское правительство согласно урегулировать отношения с нами путем заключения политического (дружественного) и торгового договоров, после чего оно рассчитывает на благоприятное разрешение вопроса о кредите.

Мы сообщили т. Тюрякулову, что мы не можем связывать заключение

договоров с вопросом о кредите, и что т. Карахан заявил Фейсалу, что мы не собираемся покупать договоров с Геджасом.

Тогда Тюрякулов сообщил, что геджасское правительство согласно вести переговоры о договорах дружбы и о торговом, а после этого поставить вопрос о долгосрочном товарном кредите. В связи с этим т. Тюрякулов просил прислать ему проект торгового договора.

Мы сообщили т. Тюрякулову, что для нас представляется более целесообразным подписать сначала политический договор, включив в него краткую торговую статью (текст такой статьи был т. Тюрякулову сообщен). После этого мы можем не торопясь вести переговоры о торговом договоре, что даст нам возможность отсрочить также и постановку вопроса о кредите.

В дальнейшем мы запросили т. Тюрякулова, связывают ли геджасцы подписание политического договора с подписанием торгового или согласятся на отдельное подписание политического договора, что мы считали бы более целесообразным. Согласно последнему сообщению т. Тюрякулова, Ибн Сауд подтвердил ему в личной беседе свое согласие на подписание политического и торгового договоров, и что их подписание не связывается с вопросом кредита. Однако здесь же Сауд заявил, что после подписания он рассчитывает получить кредит, и просил вновь поставить перед советским правительством этот вопрос. Тюрякулов напомнил ему, что позиция советского правительства в вопросе о кредите была выявлена в заявлении т. Карахана. Сауд же продолжал настаивать на новом выяснении нашей позиции, подчеркивая, что из соображений внутреннего экономического положения он будет вынужден, если мы ему откажем, искать соответствующих ресурсов в другом направлении.

Таким образом до настоящего времени: 1) мы не имеем четкого ответа т. Тюрякулова, согласятся ли геджасцы подписать отдельно политический договор (с торговой статьей или без нее); 2) геджасское правительство продолжает рассчитывать на получение от нас долгосрочного кредита, связывая этот вопрос не формально, а фактически с завершением с нами переговоров по политическому и торговому договорам.

(Осетров)

ПИСЬМО Л. М. КАРАХАНА Н. ТЮРЯКУЛОВУ О РОЛИ

ФУАДА ХАМЗЫ В СОВЕТСКО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Секретно

С. С. С. Р.

Народный Комиссариат по Иностранным Дела

1 Восточный Отдел «16» ноября 1932 г. N14836/6721

ПОЛПРЕДСТВО СССР В ДЖЕДДЕ.

тов. ТЮРЯКУЛОВУ

Уважаемый товарищ,

У нас давно не было дипломатической почты и в связи с этим мы до сего времени не имеем от Вас сообщения о том, как повлияла на отношение к нам геджасских правительственных кругов поездка Фейсала в СССР. Только с этой почтой мы имеем возможность послать Вам подробные материалы о пребывании Фейсала у нас и тех переговорах, которые здесь вел Фуад Хамза. Вам уже известно, что с самого момента приезда в Москву Хамза заявил нам о том, что переговоры будет вести только он, и что на это он имеет полную санкцию Фейсала и короля. Нам пришлось принять этот порядок, несмотря на то, что мы предпочитали говорить непосредственно с Фейсалом. Фуад Хамза был у тов. Элиавы и вынес впечатление, — или только делал вид, — что мы согласны, при условии урегулирования формально договорных моментов, удовлетворить просьбу геджасского правительства о долгосрочном займе. Здесь следует отметить, что после свидания с тов. Элиавой Хамза упорно добивался от нас представления ему записи беседы, и что мы не удовлетворили этой просьбы. Несмотря на то, что при последующих встречах с Хамзой я совершенно определенно заявил ему о том, что не в наших привычках платить займом за нормализацию политических и экономических отношений и что правительство, несомненно, отнесется отрицательно к подобному предложению, Хамза до последнего момента продолжал добиваться нашего согласия на предоставление займа. Больше того, Хамза заверял меня, что в наших интересах немедленно согласиться на заем и ограничиться одним лишь обещанием геджасцев — в определенный срок заключить политический договор.

Возможно, что упорство Фуада Хамзы проистекало из того факта, что, на основе встреч с тов. Элиавой, он информировал Ибн Сауда о возможности получения займа в СССР в слишком оптимистических тонах. Перед отъездом он заявил тов. Хакимову, что мы сами спровоцировали его на разговоры о займе. Утверждение это не соответствует действительности, так как у т. Элиавы Хамза первый задал вопрос о возможности долгосрочного товарного займа для Геджаса. Так или иначе, — Хамза уехал отсюда чрезвычайно недовольным не только результатами переговоров, но

и нашей тактикой.

У нас создалось впечатление, что Фуад Хамза пытался вести с нами переговоры по всем правилам английской дипломатической школы, совершенно не учитывая при этом, что подобные методы менее всего подходят для восточных дипломатов в переговорах с нами. Мы уверены, что при переговорах непосредственно с Фейсалом нам удалось бы избежать подобного обострения отношений.

Все эти наши замечания действительны при той предпосылке, что Фуад Хамза вел себя лояльно в отношении интересов Ибн Сауда и выполнял директиву последнего о необходимости добиться товарного займа в СССР. Впоследствии нам стало известно, что в Лондоне геджасская делегация ставила тот же вопрос о займе и получила отказ. В этих условиях успех переговоров в СССР мог рассматриваться Фуадом Хамзой как средство для укрепления своего положения в Геджасе. Но возможно и то, что Фуад Хамза действовал у нас здесь как определенный англофилл и умышленно дезинформировал Ибн Сауда для того, чтобы создать в Геджасе неблагоприятное впечатление о возможности реальной помощи СССР Геджасу.

Только получив от Вас детальную информацию о том, что происходило в Геджасе в момент пребывания делегации в Москве, мы сможем составить определенное впечатление о роли Фуада Хамзы в этих переговорах.

Вам известно, что с нашей стороны было сделано все для придания самого дружественного характера встрече геджасской делегации. Хотя арабская пресса скупо информировала своих читателей о деталях пребывания Фейсала в СССР, посещение СССР Фейсалом несомненно содействовало пробуждению интереса к нам во всех арабских странах. Мы хотели бы получить от Вас со следующей почтой возможно более детальную картину резонанса этой поездки как в Геджасе, так и в других арабских странах.

К этому письму я прилагаю записи бесед с Фуадом Хамзой и другие материалы о пребывании арабов у нас.

Наше Персидское Полпредство скупо информировало нас о пребывании Фейсала в Персии, но общее впечатление таково, что встреча Фейсала в Персии носила довольно холодный характер.

С товарищеским приветом — (Карахан)

ЕП/ 1—4 экз.

1 — адресату,

2 — Пол-во в Турции,

3 — тов. Карахану,
4 — в архив 100/ГЖ.

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА Е. ПОЛЯКОВУ

Письмо составлено в 1 экз.

Получено 1/IV-33 г.

Джедда, 25 февраля 1933.

Ув. т. Поляков,

Селям. Завтра идет пар. «Восток», с которым и посылаю настоящую записку (через Агентство НКВД в Одессе).

1. Как я уже писал вам, обстановка достаточно деликатная. Нас осаждают отдельные лица и группы с предложениями о сотрудничестве. Одни из них действительно хотят сотрудничать с нами, другие же стараются выведать и выяснить — нет ли для них опасности пресловутого демпинга. Панические настроения среди купечества привели к ряду совещаний «частного характера», на которых крупные импортеры пытались объединить свои ряды против нависшей над ними «опасности» и наметить пути и способы защиты своих интересов в новых условиях. Вместе с тем они же стараются опередить друг друга и заполучить н/торговлю в свои руки. Пару слов о характере и природе их предложений. Большинство желает, конечно, получить «генеральное представительство по всем советским товарам» на монопольных началах с предоставлением н/торговым органам всяких имущественных, банковских и пр. гарантий и преференций. В случае невозможности осуществления этого они согласны ограничиться группой товаров (нефтепродукты, сахар, мука, мануфактура, спички, лес и т. п.). Те же из них, которые почему-либо не рассчитывают получить эти блага, голосуют за свободу сношений с н/торговыми органами и против монопольного представительства. В последнем случае н/торговые органы, по их мнению, должны работать «на заказ» на определенных коммерческих условиях, приемлемых для обеих сторон. Это предложение исходит нпр. от Юсуфа Зейнель, представляющего торговый дом б. губернатора Джедды. Одни из них обращаются к нам сами, другие — через подставных лиц, а третьи — и тем и другими способом. За спинами многих из них стоят высокопоставленные люди из правительства.

Перед лицом этого «дранг нах Совиетен» со стороны купечества мы пока что заняли позицию успокоения и осторожности. Мы разъясняем им,

что никакого демпинга не было и нет, что советская торговля очень выгодна купечеству и стране и что интересующие их вопросы будут разрешены не нами, а представителями н/торговых органов. При этом подчеркивали, что мы были [бы] весьма рады, если бы работой н/торговых людей были бы довольны местное правительство и купечество.

Понятно, что в настоящий период говорить больше того, что мы говорили им, было бы нерационально. Из сказанного легко выведете заключение о всей деликатности обстановки. Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что если н/торговые организации заинтересованы в геджасском рынке, то они должны поторопиться с разрешением поставленных мной вопросов. Это необходимо потому, что 1) «куй железо, пока горячо», и нам новую обстановку надо использовать для дальнейшего продвижения н/вопросов; и 2) мы находимся сейчас в условиях местного торгового сезона (хадж), и, начиная с мая, сезон пойдет на убыль (последний срок прибытия паломнических пароходов назначен на второе апреля). Король приедет в середине марта, и сцена получит оживление. По этим соображениям в своем предыдущем письме в целях ускорения я предлагал вам наметить кого-либо из близких нам стран и наметить такой путь торговой работы, который более всего отвечал бы обстановке. По этим же соображениям я решил использовать «Восток» и «Самоед», чтобы как можно скорее информировать центр.

С Ассиром покончено. Командующему саудовскими войсками Абдульазизу бин Хусаиду (шаммарец, б. эмир Хаиля) приказано навести порядок в крае и упорядочить управление. Надо полагать, что это есть начало ликвидации протектората. Несколько неопределеннее обстоит дело с Хасан аль-Идриси и Абдульваххабом аль-Идриси. Они в Йемене. Имам ходатайствовал перед Ибн Саудом об амнистировании, ставив при этом в качестве основного условия возвращение их на родину. Судя по «Уммуль-Кура» от 5 февраля, Хусаид уже послал своих представителей для приемки бежавших. В числе лиц, подлежащих сдаче, аль-Идриси не упоминается. По одним сведениям, Идриси находится в Ассире и скрывается у приграничных племен. По другим сведениям (частного характера) Идриси в настоящее время находится в Лехедже (Аденский протекторат).

P. S. Вы интересуетесь новой арабской терминологией (хотя бы неологизмами) в области обществ, наук? Попадаются в иракских газетах интересные в этом отношении материалы, которые могут быть полезны нам, как нпр. перевод речи т. Сталина на пленуме ЦК о пятилетке. Статья богата терминологией. Если интересуетесь — то в каком виде?

Известный триполитанский деятель Сенуси, проживающий в Медине, недавно поражен параличом.

25 февраля умер доктор Салих.

5. По требованию Айноль Молька от имени Тегерана, б. персидский консул Лари выселен из дома и последний продается с аукциона. По словам Айноль Молька, Лари не внес в казну консульские сборы за прошлые годы (около 800 ф.). Лари обвиняет Айноль Молька (неофициально) в желании присвоить его дом под предлогом защиты интересов персидской казны. При выселении Лари с его семьей из дома при помощи полиции, как передают в населении, присутствовал сам Айноль Мольк. Вся история в целом производит достаточно неприятное впечатление. Деталь: Лари пользуется советами египетского консула (б. кади) в качестве юриста.

С международной почтой получите сводку арабской прессы, в частности с откликами на изменение положения советской торговли в Геджасе. Орган египетской правительственной партии «Народ» (аш-шааб) рассматривает это как ответ Ибн Сауда на события Ибн Рифады и аль-Идриси. По частным сведениям, иракская пресса доброжелательно отзовется об этом. Ожидают, что иракцы, сочувствующие сближению с СССР и усилению экономических связей Ирака с нами, получают в этом факте подкрепление своих позиций. Подробно потом.

6. Йемен и Массауа будут нами информированы о положении советской торговли в Геджасе.

7. В Мадрасе образовалась кампания (лимтид) для постройки ж. д. Джедда — Мекка во главе с председателем Абдуль Кадир Гиляни (индус). Переговоры с арабпра закончились положительно. Гиляни выехал в Индию. Детали отдельно.

8. Переговоры представителя Аббаса Хильми (хедив) с арабпра об открытии в Джедде банка с капиталом от б. хедива и арабпра пока не дали никаких результатов. Детали особо. Купечество эту мысль встретило враждебно.

9. Вместе с амер, инженером Твитчеллом сюда приехала Стандарт оф Калифорния. Предполагаются переговоры об эксплуатации естественных богатств страны американцами, в частности нефти в области аль-Хаса. Об этом также особо.

10. Убедительная просьба прислать нам материалы по истории иракской нефти, начиная с адмирала Честера и Тюркиш Компани со всеми перепитиями. Эти материалы необходимы. Подробности после.

11. Напоминаю об английских изданиях для Ф.

12. Как разрешили вопрос о третьем работнике? Прошу вас ускорить разрешение этого вопроса, т. к. в случае отъезда Измайлова в отпуск в мае, я оставаться один, как добрый аллах, не могу. Кроме того, надо иметь в виду необходимость перемены климата и в отношении меня. Свои соображения насчет этого в связи с н/деловыми интересами изложу особо.

13. Автомат-телефон сдан. К сожалению, никаких чертежей в ящиках не оказалось. Минпочт Абдалла Казим-бей очень просит снабдить его письменными инструкциями о правилах установки этого телефона. Необходимо, чтобы эти инструкции были составлены на англ, или турецком языках. Кроме того, нужен чертеж. Со своей стороны я поддерживаю эту просьбу. Мы ведь не заинтересованы в том, чтобы телефон лежал на складе без пользы. Если бы были инструкции хотя бы на русском языке, мы сами как-нибудь помогли разобраться. Шакир кое-что маракует в этом деле.

Документ о приемке подарка прилагаю.

14. Напоминаю о советском препарате от сахарной болезни.

15. Убедительно прошу вас каждый раз подтверждать получение моих писем. Это ведь необходимо.

16. Когда будет курьер?

Butun arkadaslara selam

Н.Т.

Прошу сделать возможное для скорейшего оформления отъезда жены Мерзона.

Джедда, 18 марта 1933.

№ 18 н/п. Огл.

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА Е. ПОЛЯКОВА

В ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ НАРКОМТЯЖПРОМА

11. V 1933 г.

№ 1ВО

В НАРКОМТЯЖПРОМ ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

тов. ЛОРЕНЦУ

Геджасские власти обратились с просьбой к нашему Полпредству

помочь им в определении образцов минералов, обнаруженных на территории Геджаса. Препровождая образцы минералов, просим переслать их для анализа в одно из наших научных учреждений и сообщить о результате.

Приложение: коробка с образцами минералов.

Референт (Поляков)

2 экз. 4

1 — нкtp,

2 — архив 000ГЖ.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА Н. ТЮРЯКУЛОВУ

Полпреду СССР в Джедде тов. ТЮРЯКУЛОВУ

С нетерпением ожидаем мы приезда тов. Измайлова. Его появление в Москве даст нам возможность детально разобраться во всех геджасских делах. В частности, мы рассчитываем, что с тов. Измайловым придут наконец обещанные нам геджасцами образцы геджасских растений и экспортных товаров. Институт растениеводства неоднократно напоминал нам о желательности напомнить Полпредству об этих материалах.

Проф. Жуковский научно заинтересован в Йемене и Геджасе, и мы пытаемся обеспечить приглашение его йеменским правительством для консультации. Если это удастся, он сможет заехать также и в Геджас. Для этого необходимо, чтобы Вы сообщили Ваше предварительное заключение о целесообразности такого заезда.

Посылаем Вам кое-какие американские и английские журналы, а также стенограммы на английском и русском языках процесса инженеров-вредителей. Мы считаем возможным снабдить этой стенограммой Фуада Хамзу, если Вы сочтете это целесообразным.

Мы просили Вас прислать календарь «Уммуль-Кура». Такого рода материалы чрезвычайно важны для нас и значительно облегчают практическую работу. Желательно было бы подобные справочники и календари получать в НКВД немедленно по их появлении.

Не откажите выслать нам точное расписание заходов пассажирских иностранных судов в Джедду и другие порты Красного моря.

Мы очень мало получаем информации об отношении прессы арабских стран к СССР. Может быть, можно было ввести такой порядок, чтобы Вы направляли нам, если не переводы, то хотя бы вырезки наиболее

интересных сообщений.

Нельзя ли будет использовать Ваше знакомство с иракским консулом для того, чтобы выписать из Ирака последний официальный ежегодник-справочник.

1 — 2 экз.

1 — адр.,

2 — в дело.

ВЫПИСКА НКВД ИЗ ДОКЛАДА Н. ТЮРЯКУЛОВА

Секретно

Выписка из доклада т. Тюрякулова от 2/7/33, вх. № 2016 от 21/8-33

Саудо-Советские отношения в 1933 году

Министр Иностр. Дел Саудовск. Правительства Фейсал в своем письме от 16 февраля 1933 года за № 96/1/20 сообщил мне нижеследующее: «В ответ на запрос В. Пр-ва от 7. II. 1933 (13 Шауаля 1351 г.) о положении вашей торговли в стране Его Вел-ва с удовлетворением сообщаю Вам, что ограничения, существовавшие в отношении советской торговли до сего времени, начиная с настоящего числа, отменены. Советская торговля может пользоваться этим (положением) в соответствии с действующим в Арабском Саудовском Государстве законодательством. Примите и пр. «Фейсал».

Наконец после 5-летнего спора устранен пресс исключительного режима, которому была подчинена советская торговля в Саудии и который все время давил на саудо-советские отношения и мешал их нормализации.

Внешне мы вернулись к положению, в котором мы находились до введения исключительного режима в конце 1928 г. — советская торговля свободна, договорная база отсутствует. Анализируя факторы, приведшие Ибн Сауда к отмене исключительного режима в отношении н/торговли, необходимо помнить следующую обстановку: Сауд непрерывно подвергается политическому нажиму и военным ударам со стороны Англии, ее арабских колоний и их агентов. Сауд вынужден идти на чрезвычайные жертвы и расходы. В то же время кризис и связанные с ним падение хаджа и торговли в стране дезорганизовали финансовые планы Сауда и опустошили его казну. В этих условиях Сауд вынужден искать разрешение своих неотложных задач по содержанию армии, аппарата власти и племен посредством предоставления концессии, нажима на

фискальный аппарат (повышение пошлин в т. г.), заключения займов у частных лиц, попыток добиться у нас долгосрочного (на 15 лет) товарного кредита (на 1 млн. англ. фунтов), объявления общего годового мораториума по своим внутренним и внешним долгам и т. д. и т. п.

Тактика Ибн Сауда в отношении нас была проста: не отменяя исключительного режима и оттягивая переговоры по договорам, выставлять на первый план вопрос о товарном кредите. Ибн Сауд убедился в бесполезности такой тактики — особенно после того, как эмиру Фейсалу в Москве (лето 1932 г.) твердо и прямо было заявлено, что совпра не намерено добиваться заключения дружественного и торгового договоров ценой предварительного предоставления ему товарного кредита. Немаловажную роль в дальнейшем сыграл вопрос о нефтяном долге саудовского правительства Союзнефтесиндикату. В результате Ибн Сауд отступил на вторую линию: Ибн Сауд отменил исключительный режим в отношении совторговли в качестве первого пробного шага и снова занял (надолго ли?) выжидательную позицию. Советскую политику Ибн Сауда, которую он начал проводить с начала 1933 года, следует охарактеризовать следующими чертами: продолжать с нами переговоры по договорам и одновременно зондировать почву насчет возможности заключения соглашения о товарном кредите, опираясь на отмену исключительного режима, как на дружественный акт Сауда по отношению к совпра. Перейду к фактам, которые подтверждают мои выводы.

Переговоры по договорам

С предыдущей почтой я послал НКВД проект дружественного договора, который Сауд готов подписать с нами без дальнейшего промедления. Далее, Сауд готов продолжить с нами переговоры с целью заключения и торгового договора. *Подчеркнув, что Сауд имеет в виду по заключении обоих договоров начать с нами переговоры о «Геджасских вакуфах в СССР» и способах окончательного урегулирования этого вопроса на основе компенсирования Геджаса советским правительством за национализированные последним геджасские вакуфы.*

Наше предложение включить в проект дружественного договора статью о недискриминации советской торговли и ее равноправии с торговлей третьих стран не встретило со стороны Сауда принципиальных возражений. Фуад Хамза по этому поводу заявил мне, что его правительство, считая советское предложение принципиально приемлемым, в то же время находит более рациональным ввести эту статью не в дружественный, а в торговый договор. Он мотивирует это тем, что статья трактует торговый вопрос. Что же касается торгового договора, то

первая статья его проекта вполне покрывает советское предложение. Если советское правительство считает формулировку первой статьи проекта торгового договора не вполне удовлетворительной, то саудовское правительство готово пойти навстречу совпра и внести в нее необходимые изменения и добавления.

Такова теперешняя позиция саудовского правительства по вопросу о договорах и дальнейшем развитии саудо-советских отношений.

Фуад Хамза ссылается на «проект торгового договора». Речь идет о проекте торгового договора, который во время моих прошлогодних переговоров с Ю. Ясином я начал было выработать совместно с ним. Выработка этого проекта ограничилась составлением двух статей. Наши переговоры прервались тогда, во-первых, из-за крупных разногласий между нами по вопросу о торгпредстве и, во-вторых, упорного стремления арабов поставить параллельный вопрос о товарном кредите. Напомню содержание этих 2 статей. 1) Исходя из дружественных отношений между правительствами Геджаса, Неджда и присоед. Областей и Правительством СССР, правительство Геджаса, Неджда и присоед. обл. заявляет, что советская торговля на его территории свободна и пользуется положением в соответствии с законами Геджаса и Неджда на основе ее равноправия с торговлей других стран. Также и геджасо-недждийская торговля на территории СССР пользуется аналогичным положением. 2) Советские торговые организации обязаны, если пожелают, заняться торговой деятельностью в Геджасе, Неджде и прис. обл. — зарегистрироваться у местных властей в соответствии с законом о регистрации (торговых) обществ и подчиняться местным законам и распоряжениям.

Теперь перейду к моей основной беседе с Ибн Саудом, имевшей место в июне в его мекканском дворце.

Ибн Сауд заявил мне, что он чувствует наличие каких-то колебаний в арабской политике совпра, и это он усматривает в том обстоятельстве, что Фейсалу во время его пребывания в Москве не дали сразу ответа по вопросу о кредите, и что передача этого вопроса сначала Полпреду в Анкаре, а потом Полпреду в Джедде могла произойти вследствие каких-либо неясностей. При этом он подчеркнул, что все это только его впечатление.

Я ответил ему, что н/точка зрения по поставленному им вопросу ему известна и что советская политика дружбы в отношении Аравии не подвергалась принципиальным изменениям, которые могли бы вызвать какие-либо колебания у руководителей советского государства. Мы хотим нормализации, укрепления наших отношений с Аравией посредством

заключения договоров. Путь, избранный нами для достижения н/основной цели вполне приемлем для обеих сторон и соответствует их интересам. Опыт 5 лет показал, что геджасский рынок не мог быть дезорганизован советской торговлей, которая была под запретом, и тем не менее исключительный режим существовал столько времени и обосновывался именно дезорганизаторским характером совторговли. Геджас и его правительство только проиграли. Что касается передачи вопроса в Анкару и в Джедду, то я не в курсе обстоятельств, вызвавших такой оборот дел. Во всяком случае было [бы] весьма желательно, чтобы отмена исключительного режима произошла не в начале 1933 г., как это случилось, а перед поездкой Фейсала в Москву.

Ибн Сауд ответил, что он вполне удовлетворен этим ответом и вполне понимает справедливость н/соображений. Далее Ибн Сауд поставил вопрос об основных намерениях совпра в Центральной Аравии — желает ли совпра ограничиться здесь торговой деятельностью или оно имеет здесь более широкие планы. Если совпра выбрало себе первый путь, то тогда устанавливается одно положение. Двери открыты, препятствий не имеется, советские торговые общества могут заниматься торговой работой. Если совпра выбрало себе второй путь, то пусть оно мне это скажет прямо и откровенно, тогда создается другое положение. Прошу вас мой вопрос передать в/п прав ител ьству.

Затем Ибн Сауд стал говорить о своем стесненном политическом положении и о своих надеждах «сначала на аллаха, а затем на СССР, Турцию и Персию». Затем он стал оценивать каждое из этих государств. О Турции он отзывался похвально: турки много пережили, имеют опыт и силу, друзья СССР, но нуждаются в помощи крупной державы, как СССР. Персия, по его мнению, еще не установилась и не созрела для дела. Основой основ является СССР. Развивая дальше свою мысль, Ибн Сауд так сформулировал свои пожелания и намерения: «Я нуждаюсь в советской помощи. Я хочу иметь поддержку СССР в военно-политических вопросах. Пусть Советы руководят мной. Я, а за мной и моя сила будет идти за Советами. Советы могут распоряжаться мной как угодно в интересах СССР и арабов». Затем он вызвал Абдуллу Сулеймана, предварительно предложив ему н/ответ передать ему, в Риад, через Минфина. А. Сулейману он приказал быть посредником при получении н/ответа. Анализ и оценку саудовского вопроса должны произвести НКИД. Прошу дать мне необходимые директивы по этому вопросу. Добавлю, что в детали этого вопроса до получения в/директив я считал для себя [вдаваться] невозможным, хотя по ходу мысли Сауда ясно было видно, что Минфин уполномочивает

детализировать передо мной этот вопрос. Но из «частной» беседы с Мухсин Таиибом (агент Минфина), приехавшим за мной в Джедду, мне стало ясно, что саудовское правительство желает поставить перед нами снова вопрос о товарном кредите, прибавив к нему еще — если возможно, — вопрос о приобретении им в СССР оружия всех видов. Выбор контингента товаров, которые могут быть предложены нами им (собственно оружие или такие товары, как цемент, железо, лес и т. п.) на основе кредита, предоставляется нам.

Вопрос Ибн Сауда приобретает для нас особую остроту, если отметим, что Сауд сознательно ставит нам этот вопрос в период ухудшения англо-советских отношений.

Оценивая отдельные этапы советской политики Сауда, приходится констатировать, что он идет на те или иные уступки нам и проявляет готовность к сближению с нами по мере того, как ухудшается его положение.

О нефтяном долге

Предложение Минфина А. Сулеймана по урегулированию нефтяного долга Саудовского правительства Союзнефтесиндикату известно вам и повторять его считаю излишним.

Охарактеризую лишь положение вопроса. Нами здесь был произведен колоссальный нажим на Минфина. Предложение Минфина было результатом нашего давления. Я с этим вопросом лично обращался к Ибн Сауду. Последний заявил мне, что он лично сам гарантирует права Союзнефтесиндиката, но ввиду тяжелого финансового положения его правительства просит совпра помочь ему разрешить этот вопрос посредством облегчения условий покрытия долга. Я беседовал с королем подробно на эту тему. Король выразил готовность своею подписью гарантировать и подкрепить то соглашение о нефт. долге, которое мы заключили бы с Минфином.

Принимая во внимание всю обстановку в целом, я просил бы Москву предоставить мне в этом вопросе для урегулирования его полностью и скорее в общих н/интересах. Условия Минфина не считаю идеальными, но лучших добиться в этих условиях почти невозможно. К тому же обратите внимание на такой невыгодный для нас момент, как отсутствие н/торговли в Геджасе. Это обстоятельство имеет то отрицательное значение, что у нас нет реального рычага давления, кроме голого требования к саудовскому правительству покрыть нефтяной долг.

Н. Тюрякулов.

Джедда, 1 июля 1933 г.

2 экз. ЕП/ОФ.
1 — 113ГЖ,
2-211ГЖ.
Н. П. О. «26» июня 1933 года.

ПИСЬМО Е. ПОЛЯКОВА Н. ТЮРЯКУЛОВУ

Личное

Тов. ТЮРЯКУЛОВУ

ГЕДЖАС

Уважаемый шейх Назир бин Тюрякул аль-Тюрякул.

За последнее время пароходные перебои отразились на интенсивности нашей связи с Джеддой. Мне представляется, что Вы все откладывали для тов. Измайлова, который привезет нам не только себя самого, но и все те мысли и чувства, которые накопились у Вас за последнее время. Ждем, ждем...

Пастухов должен быть уже в Тегеране. На его место прибудет месяца через два тов. Цукерман. Остальное все без изменений.

Туймет поедет в Йемен, — это почти решено.

Керим грызет так, что у него растут новые зубы! Счастливый человек!

Лето у нас дождливое и холодное. Обстоятельный доклад сделает Вам д-р Жуков, который, в особенности его жена, с большим интересом взялся за изучение арабского языка.

Привет Вашей ханyme.

Поляков

ПИСЬМО Н. ТЮРЯКУЛОВА Е. ПОЛЯКОВУ

Конфиденциально

Джедда, 27 августа 1933 г.

УВАЖАЕМЫЙ тов. ПОЛЯКОВ!

Selam. Пишу с «Самоедом» (капитан Никитин). Кстати, о пароходах Совторгфлота. Среди наших моряков циркулируют слухи, что в течение ближайших 3–4 месяцев наши пароходы не будут совершать рейс Одесса — Басра и обратно. Если это так, то создается весьма печальное

положение, наша и без того слабая связь с СССР «совсем» замрет.

Хочется верить, что это только слухи. Буду ждать более точных сведений от Вас.

Перейду к нашим внутренним вопросам. Начну с медчасти.

1. Организация медчасти Полпредства

15 июля приехал д-р Жуков-Хованский. 16-го он приступил к работе, которая вначале неизбежно сводилась к приведению амбулатории в порядок и выявлению ее наличных материальных возможностей. Нужно сказать, что еще до приезда д-ра Г. Д. Жукова-Хованского нами были проведены «субботники» с той же целью. Однако этого было далеко и далеко не достаточно, чтобы успокоиться насчет амбулатории. Основную работу по чистке «авгиевых конюшен» провел и проводит д-р Жуков. Эта работа не закончена до сего времени. Об этом лучше всего прочтете в характеристике амбулатории, которую дает сам доктор Жуков. Из всего этого легко можно заключить, в каком состоянии амбулатория была оставлена Виленским. Эта работа необходима прежде всего потому, что я должен точно знать, чем и в какой мере помочь амбулатории (в отношении медикаментов, оборудования, материалов). Уже в процессе этой работы выяснилось, что, несмотря на незаконный увоз Виленским части патентованных средств амбулатории (это устанавливается — сообщим через пароходных работников), мы в отношении некоторых медикаментов достаточно обеспечены. Правда, имеется ряд медикаментов, в которых амбулатория нуждается как в воздухе. Обо всем этом конкретно можно говорить лишь после полной инвентаризации всей материальной части амбулатории. Это первая задача, которая получит свое разрешение, как надеемся, в сентябре.

Вторая задача заключается в организации нашей собственной лаборатории. Основное — микроскопы и знания — есть. Небольшая помощь с нашей стороны и лаборатория будет готова. Этот вопрос имеет то громадное значение, что амбулаторная работа, организованная по-настоящему, ежечасно (особенно в условиях Джедды) нуждается в помощи лаборатории.

Между тем лабораторная работа монополизирована здесь голландским и ничего не понимающим в этом деле англоиндусским врачом. Зависеть нам от них, хотя бы в косвенной форме, не следует. Геджасские здравоохранительные организации еще не в состоянии поставить свою лабораторию. В этих условиях понятно то значение, которое я придаю организации лаборатории.

Третья задача — выработка положения о работе медчасти

Полпредства...

Далее о практической работе. Само собой разумеется, что уже через неделю после своего приезда д-р Жуков начал прием больных. Работает с 8 утра до 1 ч. 30 м. п. п. Учитывая бытовые особенности местного населения, мы установили такой порядок: один день принимаем мужчин, другой день — женщин. Прием производится по билетам (очередь). Дети принимаются вне всякой очереди. Ежедневно принимаем теперь 30–40 человек. За истекшее время доктором Жуковым принято около 710 человек. Как новое явление отмечу — наша амбулатория обслуживает почти весь местный гарнизон (главным образом недждийцы). Недждийцы-солдаты и о нашем докторе говорят: «doxtur albalshefik zayin» и на предложение обратиться к своему правительственному «дохтуру» отрицательно цокают.

Большинство страдает от малярии, трахомы (дети), женских, венерических и т. д. болезней. Социальный состав больных — городская беднота, купечество, солдаты, полицейские, чиновники и иностранцы. Платность вводится постепенно. Стараемся хотя бы незначительно, но все-таки почти всегда взыскивать стоимость медикаментов. Богатые пациенты платят по повышенным индивидуальным ставкам. Визит на дом — 1 фунт.

Вопрос о доме доктора с доходов по визитам будет учтен в положении, которое будет своевременно послано в отдел. Пока доходы амбулатории мизерны. Без нашей помощи поставить ее на ноги невозможно. Если формально амбулатория подчиняется НКЗдраву, то это мне не мешает смотреть на нее, как на часть нашего организма, выполняющую определенную функцию. Ввиду этого во многом за счет моей внутренней полпредской экономии были немедленно произведены все срочные и необходимые работы по улучшению условий работы в амбулатории (побелка, новые полки на складе, мебель, умывальники и, кроме того, тем же способом нанял для амбулатории (формально для полпредства) служащего араба (очень толковый и инициативный человек). В Мекке у знакомого турка-фармацевта *Sokasun* за бесценок приобрел новую аптекарскую посуду. Мало этого, я заявил доктору Жукову, что в меру моих возможностей я всегда окажу ему помощь, чтобы амбулатория была организована как следует, и чтобы он мог показать все свои знания. Доктор Жуков очень доволен и обстановкой и условиями работы. Я считаю, что мы обязаны помогать ему, затем требовать с него и подольше удерживать его на этой работе. Гастролеры на год вредны. Пробыв же на работе более продолжительный срок времени, доктор изучает и язык, и людей, и быт, и т. д., и т. п. Исходя из этого, я стараюсь максимально удовлетворять требования Жукова, чтобы прикрепить к нам на продолжительное время.

2. Есть еще один важный практический вопрос: о жаловании доктора Жукова.

По договору доктору Жукову определен оклад в 190 американских долларов. В связи с падением доллара доктор Жуков теряет ежемесячно до 100 золотых рублей. При уровне его оклада и местной дороговизне (едим и пьем почти всегда привозное) это является серьезным для него убытком. Необходимо самым настойчивым образом добиться изменения этого положения. По этому поводу доктор Жуков пишет заявление (копия — вам).

Убедительно прошу отдел и Вас поддержать ходатайство доктора Жукова.

О медчасти пока достаточно.

3. Об Измайлове. Повторяю свою просьбу не задерживать Измайлова, т. к. без помощника мне обойтись трудно и тяжело. Не позже чем в сентябре посадите его на пароход. Если долго не будет нашего парохода, то он может приехать через Неаполь — Массая. Убедительно прошу и Вас и Измайлова «не подводить» меня. К октябрю жара спадет: он может не пугаться климата.

Уезжая отсюда, он обещал вернуться вовремя... Интересы дела также требуют скорейшего приезда секретаря (консула и помощника), чтобы машина работала исправно. Отдел должен обратить внимание на создавшееся положение и скорее урегулировать его. Измайлов не хуже меня знает ситуацию. Отсюда моя повторная просьба к отделу, Вам и Измайлову, отнеситесь серьезно к вопросу.

4. О долге саудовского правительства Нефтесиндикату

В моей записке, посланной с Измайловым, имеются наши соображения о способе урегулирования этого вопроса. По этому поводу Москва молчит.

Между тем время проходит. Я считаю, что контакта с саудовским правительством нельзя терять. Плохо или хорошо, но нужно продолжать переговоры и добиться того или иного решения задачи. Если бы я обладал некоторым образом *carte blanche*, то вопрос был бы урегулирован скорее; устранив этот камень, мы могли бы развить остальные вопросы. Всех остальных вопросов касаться в этом письме невозможно. Коснусь только вопроса о практической торговой работе.

Дело в том, что к нам продолжают обращаться купцы с просьбой о

даче им справок о наших ценах, о предоставлении им представительства по нашим товарам, о предоставлении им образцов наших товаров и т. д. и т. п. Это с одной стороны. С другой же растет недоумение среди населения и в правительственных кругах по поводу нашей пассивности после того, как в феврале исключительный режим в отношении совторговли был ликвидирован. У многих в правительственных кругах создается впечатление, что мы сознательно пассивны из-за неурегулированности вопроса о долге Саудовского правительства Нефтесиндикату. Другие объясняют это нашим недоверием к заявлению саудовского правительства о свободе совторговли.

Во всяком случае слухи вокруг этого вопроса растут и множатся. Самое же главное, Полпредство также не осведомлено о решении Центра по этому вопросу. В то же время Ходейда (Кондрашев) уже связалась с Джеддой.

Недавно мне пришлось проводить здесь одну коммерческую сделку (на наши спички) по просьбе Кондрашева (сдача товара, взыскание и перевод денег). Учтите, что это меня поставило в затруднительное положение.

Другой, например, момент: местный купец Фазиль Араб связался с Лесоэкспортом. Ф. Араб добивается представительства по сбыту нашего леса. Условия хорошие (наличный расчет). Лесоэкспорт ответил ему хорошим, вежливым письмом, в котором удовлетворение ходатайства Ф. Араба поставил в зависимость от заключения «нашего представителя в Джедде *Mr. Turakoulova*».

Есть ряд других купцов, которые обращаются к нашим торговым агентам в Ходейду, Массауа, Стамбул и т. д. Некоторые пишут в НКВТ в Москву.

Вывод: если наша пассивность вытекает из принципиальных решений Центра, то необходимо проводить их в жизнь сообща, вместе. Иначе отдельные люди и организации прорвут плотину. Если же такие решения не имеются, если НКВТ желает работать здесь, то в соответствии с изложенным мною вам планом необходимо прислать представителей наших торговых организаций, чтобы вместе с нами наметить линию нашего поведения. Атак (представить события силе стихии) не годится.

Такое положение вещей я считаю не только неправильным, но и вредным для наших интересов. Сейчас я дезориентирован.

Резюме: я прошу поставить меня в известность о дальнейших видах

НКВТ насчет работы в Геджасе. Мне ставят вопрос — в какой мере «всерьез и надолго» можно рассчитывать на решение саудовского правительства о свободе сотворговли.

Отвечу: это зависит в значительной мере от нас самих. Нужно начать работать таким образом, чтобы достигнутое положение укрепилось. Выход следует искать в движении. Нужно поставить работу так, чтобы избегнуты были наши старые ошибки, и чтобы она дала искомое (и укрепление позиции, и юридическую базу, и т. д. и т. п.). Стоять на месте и ждать результатов — не годится. Пусть НКВТ начнет хотя бы с изучения рынка и ознакомления с условиями работы. Пусть представитель НКВТ войдет в контакт с купечеством и выслушает его домогательства. И этот сдвиг можно будет использовать.

Вот те главные вопросы, которые я мог коснуться в рамках настоящего письма.

Жду Вашего сообщения о судьбе недждийских образцов (кожа, шерсть) и др.

Подтвердите — что получили. Остальное (книги, сводку, календари) получите с международной почтой.

С товарищеским приветом Н. Тюрякулов

P. S. Buiun arkaddgbara selam ve hurmetler

СПРАВКА Н. ТЮРЯКУЛОВА ДЛЯ КОЛЛЕГИИ И XVII СЪЕЗДА

РКП(Б) ОБ АРАБСКОМ САУДОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
--

Секретно

Полпред СССР в Аравии

Н. Тюрякулов

Справка для Коллегии и съезда

Проект

№ 11930

31/X11-33 г.

АРАБСКОЕ САУДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО (САУДИЯ)

(Так с ноября 1932 г. официально именуется государство Геджас, Неджд и присоединенные области).

За период, истекший со времени XVI съезда ВКП(б), необходимо

отметить следующие моменты: в мае 1931 г. правительство Саудии пригласило советские организации участвовать в торгах на поставку нефтепродуктов для нужд правительства, информировав одновременно, что запрещение советской торговли в Геджасе не будет распространяться на правительственные заказы. 2 августа 1931 г. в Джедде представитель Востгосторга заключил договор на поставку правительству Саудии нефтепродуктов на общую сумму около 150 тыс. долларов. Вследствие финансовых затруднений правительство Саудии несколько раз просило отсрочки платежей по этому заказу. Отчасти требование об отсрочке правительство мотивировало нарушением нашими торговыми организациями сроков поставок, что действительно имело место. Фактически до сих пор правительство Саудии не внесло ни одного из причитающихся платежей.

29 мая 1932 г. в Москву прибыла чрезвычайная дипломатическая миссия королевства Саудии, возглавляемая сыном короля Абдулазиза Ибн Сауда — эмиром Фейсалом. В письме, доставленном миссией и адресованном т. Калинину, король Саудии писал, что миссия направляется в СССР, чтобы выразить непреложное намерение укрепить и усилить дружественные отношения и выразить советскому правительству чувства преданности и искренней дружбы. Миссия посетила Ленинград и 7 июня выехала в Турцию. При переговорах, имевших место во время пребывания миссии в Москве, миссия поставила перед правительством СССР вопрос о предоставлении правительству Саудии товарных кредитов на общую сумму в миллион фунтов стерлингов сроком на 10 лет. Миссии был дан ответ в том смысле, что до урегулирования договорных отношений (до заключения договоров о дружбе и торговле) правительство СССР не считает удобным обсуждение этого вопроса.

В результате этого посещения полпредство в Джедде смогло активизировать переговоры о договоре дружбы, но до настоящего времени переговоры эти не дали результатов.

В качестве компенсации за задержку платежей по поставке нефтепродуктов, правительство Саудии 16.11.1933 г. полностью отменило ограничения, существовавшие в отношении советской торговли, но до сего времени наши торговые организации не использовали этого для развертывания своей работы.

В июне 1933 г. король Абдул Азиз заявил нашему полпреду, что он чувствует наличие каких-то колебаний в политике советского правительства и это он усматривает, в частности, в позиции СССР по вопросу о кредитах. Абдул Азиз заявил: «Я нуждаюсь в советской помощи,

я хочу иметь поддержку СССР в военно-политических вопросах. Советы могут распоряжаться мной как угодно в интересах СССР и арабов».

Полпред СССР комментирует это заявление главы государства в том смысле, что правительство Саудии снова ставит перед нами вопрос о товарном кредите, намереваясь возбудить вопрос о приобретении им в СССР оружия всех видов.

Правительство Саудии не детализировало своего предложения о новых кредитах, и нами не было дано какого-либо ответа по существу упомянутого предложения.

2 экз. ЕВ

25. XI. 33

1/XII-33 г.

ПИСЬМО ОСЕТРОВА Н. ТЮРЯКУЛОВУ И ПОЛПРЕДУ В ЙЕМЕНЕ

ДУБСОНУ О ПРОБЛЕМАХ «КРАСНОМОРСКОЙ» ТОРГОВЛИ

Полпреду СССР в Геджасе тов. Тюрякулову

тов. Дубсону — Санаа

По-прежнему мы имеем крайне неустойчивые, а порою и отрицательные настроения в наших торговых кругах по всем вопросам, связанным с дальнейшим развитием торговой работы в бассейне Красного моря. Торговые осложнения в других странах и связанные с этими осложнениями большие вопросы занимают все внимание торговых кругов и красноморские вопросы отходят на последний план.

Задерживаются или откладываются с недели на неделю решения по срочным оперативным вопросам торговли на Красном море. Настойчивость отдельных торговых работников, защищающих интересы красноморской торговли, не дает никакого результата, а порою дает отрицательный результат. Некоторые руководящие торговые работники высказывают сомнение в рентабельности торговли в Вашем районе и заявляют, что сначала необходимо поручить авторитетным комиссиям в центре дать заключение о рентабельности торговли и необходимости продолжать ее.

Положение осложняется фактическим прекращением торговли на юге Персии, что приводит Совторгфлот к мысли о необходимости ликвидации персидской линии. Грузы для стран красноморского бассейна считаются

недостаточными, чтобы из-за них стоило поддерживать рейсы. Позиция Совторгфлота ухудшает общее положение и усиливает позицию ликвидаторски настроенных торговых кругов.

Выпадение из торгового оборота Геджаса, застойное положение в Эритрее после отъезда тов. Ступака, отсутствие до сего времени каких-либо решений в отношении абиссинских предложений, а также отсутствие заинтересованности Союзнефтеэкспорта и торговых кругов в дальнейшем развитии торговли нефтепродуктами в Йемене — все это создало и усилило ликвидаторские настроения, корни которых таятся, с одной стороны, в крупных изменениях в общем положении нашей торговли на иностранных рынках, происшедших за последнее время, а с другой — в недостатке экспортных товаров.

Особо следует отметить отрицательное влияние на подход к вопросам красноморской торговли некоторого ослабления активности наших торговых работников в Йемене. Торговые круги, заинтересованные в развитии красноморской торговли, отмечают, что за последнее время совершенно прекратились информационные сообщения о йеменском рынке, не поступает каких-либо конкретных заказов объединениям, а из Геджаса не получается ответов на многочисленные запросы торговых организаций относительно положения с выставкой. Эта пассивность значительно усиливает позицию ликвидаторских кругов.

Отрицательное настроение торговых объединений и торговых кругов усиливается благодаря тому, что затянулись расчеты по прежним поставкам. Таково общее положение по торговой линии.

(Осетров)

ЕП/1-2 экз.

1 — адр.,

2 — в дело.

Снято 1 экз. копий

ПИСЬМО Л. М. КАРАХАНА Н. ТЮРЯКУЛОВУ
--

Н. К. И. Д.

«13» апреля 1934 г. № 11456

Полномочному представителю СССР в Геджасе —

тов. Тюрякулову

Подготовка настоящей почты была крайне затруднена тем

обстоятельством, что за последнее время Вы совершенно не отвечаете на наши телеграммы. Из Вашей телеграфной переписки с торговыми организациями видно, что полпредство продолжает функционировать. Совершенно необъяснимым для нас является ваше упорное молчание. В частности, мы запрашивали Вас относительно того, какие вопросы следовало бы осветить для Вас настоящей почтой. На эту телеграмму, как и на другие, мы также ответа не получили. Ваше молчание крайне отрицательно отражается на отношении к геджасским делам всех наших организаций, в особенности торговых. Создается впечатление, что в Геджасе ничего нового не происходит, и теряется интерес к нашей работе в этом районе. Прошу Вас дать разъяснения о причинах Вашего упорного молчания.

Основным вопросом нашей работы в Геджасе на ближайший период является вопрос о геджасской задолженности. В прошлых письмах Вы говорили о необходимости предоставления Вам карт бланша для разрешения этого вопроса о долге. Такая постановка неприемлема для наших торговых организаций.

Но в то же время мы считаем, что наши торговые организации могли бы пойти на такой модус расчетов по долгам, который был бы и для нас приемлем, и для геджасцев. Для этого нужно только активно и детально информировать нас о всех возможностях урегулирования долгового вопроса.

Остальные вопросы, как вопрос о договоре, имеют значение, но задержка в получении от геджасцев долга является основной причиной потери интереса у наших торговых организаций ко всем геджасским делам. Настоящей почтой мы направляем Вам модус урегулирования долгового вопроса, выработанный НКВТ. Надо иметь в виду, что только на месте Вы сможете ориентироваться в методах проведения этой директивы. Необходимо подчеркнуть, что для нас чрезвычайно важно столкнуть это дело с мертвой точки и добиться начала платежей со стороны геджасцев. Для нас важно обеспечить не только согласие геджасцев на уплату долга через какой-то срок, а именно обеспечить в ближайшее же время первый взнос со стороны геджасцев. Имейте также в виду, что дело это настолько серьезно, что нельзя из соображений экономии телеграфных расходов задерживать существенную информацию по этому вопросу.

Что касается договора о дружбе, то Вы писали нам в предыдущих докладах о готовности геджасцев подписать без промедления договор о дружбе с общей торговой статьей, но при условии нашего согласия на переговоры о вакуфах. Переговоров о вакуфах геджасцы добиваются с

целью получения материальной компенсации. Между тем в настоящее время о какой-либо материальной компенсации говорить не приходится. Но главное заключается в том, что мы не можем согласиться на формальные переговоры о вакуфах, поскольку это связано с национализацией этих имуществ. Таким образом, предложение геджасцев о подписании договора о дружбе, обусловленное нашим согласием на переговоры о вакуфах, для нас неприемлемо. Задачей нашей в отношении договора о дружбе является добиваться подписания этого договора без каких-либо обещаний с нашей стороны в отношении вакуфов.

Мы считаем, что подписание договора о дружбе является актом, не требующим каких-либо компенсаций с нашей стороны. Заключение договора имеет свои выгоды и для геджасцев и для нас. Исходя из этой позиции, Вам нужно будет продолжать осторожно проталкивать этот вопрос и стремиться создать такое положение, при котором геджасцы сами предложили бы нам заключить договор о дружбе без всяких оговорок.

Что касается торгового договора, то в настоящее время мы не заинтересованы непосредственно в его заключении. Общая торговая статья в договоре о дружбе вполне удовлетворила бы нас.

Не следует проявлять слишком большой активности и создавать у геджасцев впечатление, что мы крайне заинтересованы в заключении договора. Мы заинтересованы в договоре с геджасцами так же, как и в договорах с другими странами, но мы не считаем, что это является таким важным для нас актом, из-за которого мы должны были бы думать о какой-то компенсации и жертвах. Договор выгоден и геджасцам. Он сам по себе является выгодным делом для обеих сторон. В отношении вакуфов геджасцам надо будет прямо заявить, что этот вопрос упирается в наши конституционные нормы и это лишает нас возможности обсуждать далее возможность переговоров о вакуфах.

Что касается июньского предложения Ибн Сауда, то геджасцы, повидимому, сами поняли нереальность всего этого дела. Вы писали нам, что министру финансов было поручено выработать с Вами детали геджасского предложения. Между тем от Вас не поступило никаких сообщений по этому вопросу. Так или иначе, обстановка такова, что рассчитывать на серьезное обсуждение у нас предложения Ибн Сауда о предоставлении торговых да еще военных кредитов не приходится. Это дело необходимо тактично замолчать, а если саудовцы будут снова возвращаться к нему, то им нужно будет сказать, что задержка в урегулировании нефтяного долга создала крайне неблагоприятную обстановку, и правительство этого вопроса не обсуждало.

Этот же самый аргумент необходимо применить для объяснения задержки развертывания нашей торговли. Возобновление торговли было сорвано тем, что первые же серьезные поставки остались неоплаченными со стороны геджасцев.

О позиции наших торговых кругов в отношении красноморской торговли Вам пишет тов. Цукерман. Я еще раз обращаю Ваше внимание на необходимость более подробно и четко информировать НКВД о положении с геджасской задолженностью. Необходимо ввести регулярную посылку шифрограмм почтой, а самое необходимое сообщать по телеграфу. На ближайшее время Ваша основная задача заключается в самом энергичном проталкивании вопроса о долге. Вопрос о договоре имеет меньшее значение, но эту работу также следует продолжать. Кроме того, Вы должны информировать нас об основных моментах политической и хозяйственной жизни Геджаса.

(Карахан) ЕП. З. МД

1 — адресату,

2 — т. Карахану,

3 — в дело.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СВОДКА О ПЕРЕГОВОРАХ С САУДИЕЙ

ПО ОФОРМЛЕНИЮ ДРУЖЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Секретно

14/IV — 1926 года

Составлен проект политического и торгового договора т. Хакимовым и направлен в НКВД.

11/11 — 1927 года

Проект 1926 года переработан и представлен на рассмотрение коллегии. «Формально проект договора на утверждение СНК не вносился. По вопросу заключения договора все же за этот промежуток времени вплотную не подошли», — пишет т. Поляков в своей сводке.

1928 год

Вопрос о заключении договора не ставился в связи с обострением отношений Ибн Сауда с Англией.

1929 год

Составлен проект политдоговора и объяснительная записка для каждой из статей, согласован с заинтересованными ведомствами.

21/V-29г.

т. Тюрякулову препровожден проект договора, а объяснительная записка в СНК СССР. На данном этапе ставится, как основной вопрос, возобновление нашей торговли, которая могла бы послужить основной предпосылкой к дальнейшим переговорам.

В октябре 1929 года т. Тюрякулов передал мининделу Сауда наш проект договора кроме статей 3, 5, 8 и 11. Мининдел заявил, что он намерен включить в договор ст. о вакуфах и о нашем содействии транзиту паломников через СССР.

1930 год

19/IV-30 г.

НКВД направил указание т. Тюрякулову о необходимости дополнить договор торговой статьей и о принципиальной нежелательности включить в договор статьи о паломничестве и о вакуфах.

1 декабря 1930 года

НКВД послал т. Тюрякулову подробные директивы (из 7-й пунк.) по поводу условий, выдвинутых Хамзой во время переговоров.

31 декабря

Хамза заявил т. Тюрякулову, что переданный ему проект договора и торговый вопрос не встречает принципиальных возражений, но он просит сформулировать ст. о вакуфах и ст. о торговле.

22/IV-31 года

т. Тюрякулов встретился с мининделом, который заявил, что хиджазское правительство хотело бы получить материальные выгоды, которые следовало бы обсудить советскому прав-ву; т. Тюрякулов ответил, что этот вопрос лучше обсудить в процессе переговоров.

2/VIII-31 г.

был заключен договор с хиджпра вызванным для этого в Джедду торговым представителем в Ходейде по поставке керосина и бензина.

(за 1931 год, о ходе дальнейших переговоров сведений не имею).

1932 год

Ибн Сауд согласился заключить дружественный договор, при условии, что после оформления дружественного договора [необходимо] отдельно

заклучить соглашение о вакуфах.

1 ноября 1932 г.

Правительство Ибн Сауда выработало проект дружественного и торгового договора и передало т. Тюрякулову.

ПРИЕЗД ФЕЙСАЛА И ХАМЗЫ.

Хиджазцы с приездом в Москву поставили вопрос о товарном кредите.

НАШ ОТВЕТ без нормализации отношений разговор о кредите не может иметь место.

22 июля 1932 г.

Переговоры т. Тюрякулова с Ясиным (советник короля), Ясин предложил т. Тюрякулову вести переговоры одновременно о договоре дружбы, торговли и займе (размер товарного кредита 1 млн. англ. фун., срок сдачи 3-х лет, уплата в теч. 15 лет).

И хиджазцы все еще не отказались от вопроса о вакуфах.

ОТВЕТЫ т. ТЮРЯКУЛОВА: «Мы готовы обсудить эти вопросы лишь после заключения договоров дружбы и торговли. Если Вы находите момент не подходящим для заключения торгового договора, то мы готовы пока ограничиться подписанием договора дружбы».

(больше свед. 1932 г. не им.)

1933 год

7/II-33 года.

т. Тюрякулов запросил мининдела Сауда о положении советской торговли в Саудии.

23/11-33 г.

Получил ответ: «Советская торговля будет пользоваться равными правами с другими странами, но зафиксировано это будет только в торговом договоре».

25/11-33 г.

НКИД дал т. Тюрякулову директиву, что мы готовы по-прежнему заключить соглашение в любой приемлемой для Сауда форме, но более заинтересованы в заключении политдоговора с общей торговой статьей.

21/11-33 г.

НКИД послал т. Тюрякулову проект торгово-политической статьи, согласов. с НКВТ

9/VI-33 сообщение т. Тюрякулова о том, что Ибн Сауд ему заявил о своем согласии заключить договор о дружбе и торговле (до конца года сообщений от т. Тюрякулова не было, повидимому, это объясн. началом воен. действ. и восст.).

1934 год.

16/VIII-34 г.

Тов. Тюрякулову Ясин заявил, что король согласен подписать дружественный договор в известном нам тексте. Тов. Тюрякулов ответил, что мы не согласны на упоминание в договоре о вакуфах.

16/VIII-33 г.

Тов. Тюрякулову дан ответ, где запрашивается, согласен ли Ибн Сауд подписать договор по нашему тексту.

15 сентября 34 года.

Тов. Измайлов сообщает, что Сауд настаивает на заключении политдоговора, не связывая с вопросом о вакуфах.

14 сентября 34 года телеграфно запрошен нами относительно того, какой именно текст договора Тюрякулов имеет в виду в своих телеграммах.

1 — во НКВД. 1

Архив — 1

ПИСЬМО НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М. М. ЛИТВИНОВА

НАРКОМУ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Секретно экз. № 16

I Восточный

«28» октября 1934 года

№ 12108

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ

ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

тов. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Наш полпред в Джедде (арабско-саудовское государство) тов. Тюрякулов прислал мне адресованное ему письмо короля Ибн Сауда, выражающее благодарность советскому правительству за посылку нами в подарок Ибн Сауду автоматической телефонной станции и за ее установку в г. Таифе. Эта автоматическая телефонная станция, специально изготовленная Ленинградским заводом «Красная Заря», была подарена

нами геджасскому правительству при посещении Москвы эмиром Фейсалом летом 1932 года. По просьбе правительства саудовского государства в этом году в Джедду был направлен инженер завода «Красная Заря» тов. Шитов, который успешно справился с установкой автоматической телефонной станции в Таифе и провел курсы подготовки кадров для обслуживания этой станции из местного арабского населения, за что получил благодарность Ибн Сауда.

Направляя Вам копию упомянутого письма, я полагаю, что хорошая работа завода «Красная Заря» по изготовлению нашего подарка саудовскому государству, а главным образом хорошая работа инженера Шитова по ее установке и подготовке местных кадров для обслуживания станции, заслуживают того, чтобы быть отмеченными в приказе или другим способом по Вашему усмотрению, поскольку эта работа показала за границей высокие успехи советской техники.

Народный комиссар
по иностранным делам (Литвинов)

ПИСЬМО К. А. ХАКИМОВА ЗАВЕДУЮЩЕМУ ПЕРВЫМ

ВОСТОЧНЫМ ОТДЕЛОМ НКВД В. М. ЦУКЕРМАНУ

Секретно

1 января 1936 г., Париж.

Заведующему I Восточным Отделом т. ЦУКЕРМАНУ.

Уважаемый Владимир Моисеевич,

1. У т. Потемкина стенографистки не оказалось. Последние дни моего пребывания в Париже совпали с почтовыми днями. Все это не дало возможности детально зафиксировать мои беседы с тов. Тюрякуловым, а также сообщить Вам подробно о положении, обрисованном т. Тюрякуловым. Запись беседы носит краткий и лишь общий характер.

Я поставил перед т. Тюрякуловым все вопросы, которые интересовали как Вас, так и лично меня. Общее впечатление созданное беседой с т. Т. таково; что он достаточно деятельно принимал участие в местной жизни, особенно в смысле наблюдения за всеми приезжающими и уезжающими, которые так или иначе имели интерес с точки зрения их деятельности в районах, интересующих нас: разъезды синзянцев, эмигрантов из Средней

Азии, турецких эмигрантов и т. д., совершающих довольно частые путешествия между Меккой, Индией и Синзяном.

Характеристика международного положения Саудии, ее внутреннего положения, данная т. Т., показывает/что он достаточно осведомлен о происходящем как в области международных отношений, так и внутреннего положения Саудии.

Я задавал неоднократно один и тот же вопрос: чем объяснить то, что он, ведя наблюдения за происходящим и будучи достаточно осведомленным, не поставил Москву в известность и даже не отвечал на неоднократные ее запросы. Но удовлетворительного ответа не получил, правда, я по известным соображениям большой настойчивости не проявил. Полагаю, что для меня важнее было получить от него все, что только он мог дать мне из своего 8-летнего опыта.

Известные опасения, которые выражались в Москве нашими работниками, можно теперь сказать с уверенностью, оснований не имели. Приехал он больной, почти совсем оглохший и сейчас лечится у местных знаменитостей, чтобы использовать свое пребывание в Париже для восстановления здоровья. В 20-х числах января выезжает в Берлин, где пробудет неделю, а затем поедет дальше в Москву. Его тяжелый багаж, полученный в Берлине, тов. Беляевым уже отправлен в московскую таможню.

Мне он передавал, что с т. Измайловым встретились хорошо. Он оказал последнему всякое содействие, направленное к облегчению исполнения обязанностей, возложенных на него до моего приезда. В частности, как он говорит, он и для меня сделал кое-какую подготовительную работу, как-то: циркулярные письма, которые я разошлю по приезде, и т. п.

По пути из Джебды в Париж составил для меня характеристику политических деятелей, имеющих то или иное отношение к Саудии.

Теперь мне остается на месте еще раз изучить обстановку, проверить сообщенные мне т. Тюрякуловым сведения ист. Измайловым дать Вам самую подробную информацию.

2) Выяснилось, что в Саудии существует циркуляр Мининдела, согласно которому речи при вручении верительных грамот обязательны. Поэтому я составил проект этой речи, перевел ее при помощи парижских товарищей на франц. язык и посылаю Вам как русский текст, так и перевод. Прошу утвердить речь и сообщить мне по телеграфу к моему приезду.

3) В беседе с т. Тюрякуловым выяснил, что турецкий поверенный в делах обратился с просьбой помочь ему, чтобы Анкара пошла бы на

возведение его в ранг посланника. Тов. Тюрякулов, в свою очередь, жаловался на нечуткость Москвы, т. к. он из Москвы ответа по этому поводу долгие месяцы ждал, но не дождался. Тут встретился со Львом Михайловичем и рассказал ему о просьбе турка. Л. М. обещал поставить вопрос перед Рюштю и разрешил мне, при надобности, сказать об этом турку.

4) Сегодня, в 7 час. вечера, выезжаем в Марсель, завтра в 11 час. дня садимся на пароход и 19-го будем в Порт-Судане. Когда будем в Джедде, этого выяснить не удалось, во всяком случае, не позже 25-го января будем уже на месте.

5) Прошу не отказывать в принятии соответствующих мер к скорейшей отправке врача. Тов. Т говорил, что продолжительное отсутствие врача становится неудобным, что население проявляет известного рода нетерпение, ибо, как известно, наши врачи по праву завоевали всеобщую симпатию местного населения.

С коммунистическим приветом (Хакимов)

2 экз. кя/кх

1 — адресату,

2 — у т. Хакимова.

ПИСЬМО АЛЬ-САУДА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦИК СССР

Перевод с арабского

Во имя Бога Милосердного, Милостивого,
от Абдул-Азиза Бин Абдул Рахман Альфейсал Аль Сауда короля Арабского Саудовского государства.

Его Превосходительству Председателю ЦИК СССР

Ваше Превосходительство,

Мы с удовлетворением получили письмо Вашего Превосходительства, в котором соизволили сообщить нам о переводе Его Превосходительства Назира Тюрякулова на другую работу; и в той связи выражаем Вашему Превосходительству наше удовлетворение тем усилиям, которые были приложены указанным Вашим Полномочным Министром для развития дружественных связей и добрых отношений, которые к нашему общему удовлетворению существуют между обеими нашими странами. Его деятельность оставила хорошие результаты.

Пользуемся этим случаем для того, чтобы выразить Вам наши

искренние пожелания личного благополучия и благоденствия Вашего правительства и Вашего народа.

Учинено в нашем дворце в Мекке 15 Зильгиджа 1354 года Хиджры.

(Подпись) Абдул Азиз Аль Сауда

Перевел Н. Т. (Назир Тюркулов)

С. С. С. Р.

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК

ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА

Народного Комиссариата по Иностранным Дела.

Город Москва губерния, область ..... уезд, округ .....
Учреждение Варкашидзе ..... Должность Генер. Консул СССР в Тегеране

А.

ВОПРОСЫ.	ОТВЕТЫ.
1. Фамилия, имя, отчество и настоящие (или мужские, также и девичьи фамилии).	<u>Тюркханов Назир Тюркханович</u>
2. Время (число, месяц и год) и место рождения.	<u>1892 г.</u>
3. Национальность.	<u>Казах</u>
4. а) Были ли русскими подданными до 1917 г. б) Состоите ли теперь в подданстве СССР.	<u>Нет</u> <u>Да</u>
5. Родной язык.	<u>узбекский</u>
6. а) Какие иностранные языки знаете (говорите, читаете, пишете, литературно владеете). б) Где, когда и на каких должностях приходилось вести работу на иностранных языках и сколько времени.	<u>Персидский</u> <u>персидским: Иранцы и туркмены</u> <u>и армяно-татары</u>
7. Какие местности СССР хорошо знаете по работе.	<u>Средняя Азия</u>
8. Были ли за границей: когда, где, как долго, чем там занимались, когда вернулись и почему.	<u>да Нет</u>
9. Точно указать сословие или происхождение до революции (из крестьян, рабочих, дворян, купцов, проч. гражд., дух. звания, военного сословия и т. д.).	<u>из крестьян (кошарманов)</u>
10. а) Основная профессия. б) как долго, с какого времени ею занимались, когда перестали заниматься.	<u>мужиком, контор</u> <u>с 1916 г. Занимался с корабельной работой</u>

ВОПРОСЫ

ОТВЕТЫ

11. Семейное положение (холост, женат, вдов)
  - а) Перечислить членов семьи и проживающих на жилищной с точным указанием: имени, отчества, фамилии, возраста, общественного положения и из точный адрес, как в России, так и за границей.
  - б) Перечислить членов семьи и ближайших родственников, не проживающих на жилищной, с точным указанием: имени, отчества и фамилии, возраста, общественного положения и адрес (отца, матери, сестер, мужа, жены и т. д.) как в России, так и за границей.
12. Образование (точно перечислить все учебные заведения, где Вы учились, с указанием объема пройденного Вами в них курса и времени пребывания в них. Если не окончили полного курса, то почему).
  - а) Общее.
  - б) Специальное.
13. Служили ли в армии (какой, когда, род оружия, чин, звание, должность, и т. д.; участие в военных действиях, когда демобилизованы).
14. Часть войск, последний бывший чин и зачислены ли в старую армию.
15. Служили ли в Красной армии, когда, где и на каких должностях.
16. Какие отношения к военной организации в настоящее время.
  - а) когда и где приняты на учет (указ, приказ, или Кодекс).
  - б) № учетного документа.
17. К какой партии принадлежите и с какой времени.
18. К какой партии принадлежали в прошлом (с какого времени, какой организации, когда приняты).
19. Ваше участие в революционной и общественной работе и в чем оно выразилось:
  - а) до 1917 года.
  - б) после 1917 года.
20. Привлекались ли к суду (когда, за что, чем, приговор).
21. а) Состояние Вашего здоровья.
б) Финансовые недостатки.
22. а) Когда впервые стали членом Профсоюза (какого).
б) членом какого Союза и с каких пор состоите, № членского билета.
23. Не состоите ли в настоящее время на какой либо другой службе, на какой именно, где

Женат. Жена Елена Александровна
Левашова-Моржасурова - 32 л. студентка
Медик. фак. II М.Т.У. 2) Мария М.
Моржасурова - 27 л. студентка мед. ф. II М.Т.У.
3) дочь Анна Моржасурова - 3 1/2 года
4) брат Кадир Моржасуров - 27 л. - сов.
работник (не на воен. службе) т. Кокаев

1) Наринжав мусульманск. школы 1-3;
2) Руско-Вузские Училища - 3 года
3) 8 классов. Коммерск. Училища - 8 лет
4) 3 курса Московск. Коммерс. Училища - 1 год

с Красн. Армии - ? - 12 лет
не служил

г.г. Революционной Туркестанской
Туркестанской
политработником

Как Советский гражданин не по-
лучил(?) отбывания тюрем. повинн.
(по до-рево. традиции)

г.г. ВКПб. с 1918 г.

г. Наринжав Левашова - 32 года

до 1917 г. в национал. револ. органе
Средн. Азии - после 1917 г. в
Средн. Азии ВКПб.

нет

здоров

г.г. Союза Рабочих

нет

13. Имел ли ученые звания и звание (какие и в каком порядке присвоены) О. Ф. Боровицкий
Сибирь Кавказского Лесного - сдано в 1926 г.

14. Имел ли ученые звания (иностранные и в СССР) звание доктора наук, педагогический, философский, юридический и педагогический

15. В каких выборах партийных органов (районных, окружных, губернских, областных, краевых, республиканских, союзных) состоял, состоит, когда, где
в 1921-22 гг. Члены Краевого Комитета КСР Туркестана, Члены Центрального КСР КСР (С)

16. Какие имеет награды союзного и республиканского значения (за что, кем и когда выданы) нет

17. Состоял ли в братских организациях (какие, когда, где) нет

18. Состоял ли в ВКП(б) (какие, когда, где, почему выбыл) нет

19. Состоял ли в других партиях (какие, когда, где) с 1921-22 гг. в ЧКР Туркестана, Члены Краевого Комитета КСР Туркестана

20. Участвовал ли в основании и антипартийных группировках (какие, когда, где) нет

21. Служил ли в армии и отрядах, борющихся против советской власти (какие, когда, где и в качестве чего) нет

22. Привлекался ли к уголовной ответственности органами соввласти (за что, кем и когда) нет

23. Имел ли партийные звания (какие, за что, когда и кем присвоены)
в конце 1926 г. член-корреспондент ЧКР Туркестана в течение 4 месяцев
член-корреспондент ЧКР Туркестана в течение 4 месяцев в 1927 г. Член ВКП(б) в течение 4 месяцев
в 1928 г. Член ВКП(б) в течение 4 месяцев

Подпись члена ВКП(б) О. Ф. Боровицкий Подпись ответственного Б. А. Лысый
 Какое отделение 15 апрель 1928 г.

ЦИ ВВП(б)
ОТДЕЛ РУКОВОДЯЩИХ
ПАРТОРГАНОВ
ОБЩИН ПАРТДОКУМЕНТОВ
1930 г.

Регистрационный бланк
члена ВВП(б)

Примечание: Имя, отчество, фамилия

Партибил № 1279025

Партибил № 0607113

Законченное секретари райкома, горкома
выдаче партибиле того же образца

Первичный парторган
Райком, горком
Область, край, республика

Кингд негиданет
Г. Тимонин
Г. А. П. А. (1) 1930 г.

1. Фамилия
Имя
Отчество

Секретарь РК, ГР

2. Место рождения
3. Год рождения
4. Национальность

1930 г.

5. Родовая книга
6. Социальное положение

1930 г.

7. Занятие
а) до 1917 г.
б) после 1917 г.

1930 г.

8. Время вступления
в ВВП(б)

1930 г.

9. Пребывание в ВЛКСМ

1930 г.

10. Образование

1930 г.

11. Основное образование

1930 г.

12. Род занятий с начала трудовой деятельности

1930 г.

С. 1917 г.	С. 1917 г.	Полное наименование	Полное наименование	Род занятий или должности
И-1917	И-1917	2. Писка	Исходный пункт	Исходный пункт
В-1917	В-1917	1. Коканд-Туркестан	Коканд-Туркестан	Коканд-Туркестан
В-1917	В-1917	1. Оренбург	Оренбург	Оренбург
В-1918	В-1918	1. Коканд	Коканд	Коканд
В-1918	В-1918	1. Коканд-Туркестан	Коканд-Туркестан	Коканд-Туркестан
В-1919	В-1919	1. Пашкент	Пашкент	Пашкент
В-1919	В-1919	1. Пашкент	Пашкент	Пашкент
В-1920	В-1920	1. Пашкент	Пашкент	Пашкент
В-1920	В-1920	1. Пашкент	Пашкент	Пашкент
В-1921	В-1921	1. Пашкент	Пашкент	Пашкент
В-1922	В-1922	1. Москва	Москва	Москва
В-1928	В-1928	1. Оренбург (аравит)	Оренбург (аравит)	Оренбург (аравит)

ОТДЕЛ РУКОВОДЯЩИХ
ПАРТОРГАНОВ
ОБМЕН ПАРТДОКУМЕНТОВ
1936 г.

Регистрационный бланк члена ВКП(б)

Верхний лист № 1279025.

Партийный билет № 0607113

Заключение секретари района, гор-
о выдачи партбилета нового образца:

Первичная парторганизация / Дома Агеев

Райком, горком

Область, край, республика

1. Фамилия Мирзюков
имя Хазир отчество Мирзюкович

Секретарь РК, ГК

2. Пол 3. Год рождения 4. Национальность

5. Родной язык 6. Социальное положение

7. Завязка { а) до 1917 г. б) после 1917 г.

8. Время вступления в ВКП(б) { а) в кандидаты б) в члены ВКП(б)

9. Пробы в ВЛКСМ с по 10. Образование — в каких учебных заведениях учился, где и когда, окончил ли

11. Основная профессия и специальность { а) по образованию б) по опыту работы

12. Род занятий с начала трудовой деятельности:

С какого времени (М-г, год)	По какое время (М-г, год)	Название местности (уезд, город, район, обл., край, республика)	Название предприятия, учреждения	Род занятий или должность
11-1935	11-1936	г Москва	НКВД	в резерве
11-1936	1-1937	г Москва	УМВД	в резерве

[illegible]

14. Какими языками (иностранными и родным СССР) свободно владеет Матвейчик, Абрам Яковлевич русским, казахским, французским

15. В каких избирательных органах (районных, окружных, губернских, областных, краевых, республиканских, союзных) состоял, состоят, был(а), где

17-1920-r-1921,

16. Каким имеет награды сохранившего и республиканского значения (за что, кем и когда выданы)

17. Состоит ли в братских компаниях (какие, когда, где)

18. Состоял ли в ВКЛ(б) раньше (когда, где, какими выборами)

19. Состояли ли в других партиях (назови, когда, где)

РСССР за 1917 и 1918. с. 27. Коканге

21. Служба не в армянском отряде, борющийся против советской власти (какая, нога, где и в качестве кого)

22. Привлекался ли к уголовной ответственности органами совбеза (когда, на что, и чему приговорен)

23. ПУКОТ АН ЗАПИСОВАНАТА (КАКВО, ЗА КТО, КОГА И КЪМ КАКОВИНА) *1967 година за Калачинска*
отношение к одржанието слага наредбата
 мина, *15/11-1927* *УКК*

15/11-1927 YKK

Тетрагидрохлорид

Подпись члена ВКЛЮ: *Н. Тюрин*

Подпись регистратора..... *Зюки*

к делу № 10581

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

Правительство СССР
Служба безопасности
Секретариат
17.11.1937

1. Фамилия Тюрякулов МЯСНИКОВА
2. Имя и отчество Назир Тюрякулович
3. Дата рождения: число 1 месяц Октябрь 1895 год
4. Место рождения г. Коканд, Ферганск. области, Узбекистан
5. Место жительства (адрес) Москва, I Дом Правительства, под. 16 кв. 309.
6. Профессия и специальность журналист
7. Место службы и должность или род занятий Центр. Научно-Исследовательск. Институт Языка и Письменности при Совете Национальностей СССР.
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)
8. Паспорт _____
(номер и каковы орган выдан, номер и категория, где прописан)
9. Социальное происхождение отец - домовладелец и комиссионер, убит басмачами под Кокандом в 1918 году; мать - дом. хозяйка
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение сов. служащий
(род занятий и имущественное положение арестованного)
  - а) до революции ученик
  - б) после революции сов. служащий
11. Образование (общее и специальное) окончил 8 класс Кокандск. Коммер. Тескее Училище в 1914; учился с Тукреем Б. Московского Коммерческого Института (Экономическ. Отд.)

12. Партийность (в прошлом и в настоящем) Май - июль 1918 г. Там торг
лев. К-Эрв; с Октя 1918 года по настоящее время - член В

13. Национальность и гражданство (подданство) кизас, гражд. СССР

14. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете не служит

15. Служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против Сов-
власти (когда и в качестве кого) КСР

16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда,
каким органом и за что) КСР

17. Состав семьи жена Нина Александровна Тюрягулова,
(близкие родственники, их имена, фамилии, возраст и род занятий)
ее мать Клавдия Артемьевна Салмина, брат жены
Павел Александрович Салмин. Жена Н.А. Тюрягулова - член
КСР, враг, работает в Центр. Территориальной Инспекции
ее брат - Павел Алекс. Салмин - студент Рязанского
матери жены - дом. хозяйка

Подпись арестованного

Н. Тюрягулов

1. Особые внешние приметы _____

2. Кем и когда арестован _____

3. Где содержится под стражей _____

4. Особые замечания _____

Подпись сотрудника, заполнившего анкету _____

193 г.

Примечание. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного
и проверяется по документам.

Дело №

1487

1487

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего - Корпусендриста т. МАТУШЕНА

Членов: Бригадендристов т. т. ЗАРЯНОВА и
СТЕЛЬМАХОВИЧА

При секретаре - Заместитель секретаря 1 ранга А. Ф. И. Д. Д. Д.

В закрытом судебном заседании, в городе Москве

"3" ноября 1937 года

, рассмотрела дело
по обвинению: ТЮРКУЛОВА Назира Тюркуловича, 1893 г.р., быв. ст. на-
учного сотрудника ин-та языка и письменности при Совете Нацко-
мандности ЦИК СССР, - в преступлениях, предусмотренных ст. ст.
58-1а, 58-2, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что
Тюркулов с 1931 года являлся активным участ-
ником антимосковской контрреволюционной диверсионно-
террористической организации, служившей целям сверже-
ния Советской власти. В связи с изобличением

В.р. директор Кавказского Тюркского общества
на быт связи с представителями др. организаций
Роскудовым, по совету которого в 1936 году
наши связи с турецким правительством
в правительстве и все исполнители касаются
Тюркского В.и. К.р. канцелярии
и призыва к турецким властям
с турецким правительством
Приказом Тюркского В.и. К.р.
канцелярии, предметом от. от. 58-12,
58-8 и 58-11 УК РСФСР Военная
Верховного Суда СССР
Тюркского Канцелярии
наше членство канцелярии - в СССР
финансирование канцелярии
Тюркского канцелярии, канцелярии
в связи канцелярии
1934. канцелярии канцелярии.

Правительство

Ар. Канцелярия

Январь { Приказом Канцелярии
Средств Канцелярии

II. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ Т. А. МАНСУРОВА, ПОСВЯЩЕННЫХ НАЗИРУ ТЮРЯКУЛОВУ

ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ. ЭТА КНИГА ЗАМАНИВАЕТ В ИСТОРИЮ

ДУБАЙ, 16 апреля

В аравийских столицах с огромным интересом встречена книга до недавнего времени занимавшего пост посла Казахстана в России Таира Мансурова «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова». Яркий саудовский эпизод жизни казаха из Коканда от вручения советских верительных грамот в Мекке в «ночь предопределения» месяца рамадан до установки московскими специалистами во дворце короля Абдель Азиза первой автоматической телефонной станции ленинградского завода «Красная заря» читается, действительно, как увлекательная эпопея.

Издание, выпущенное в Москве на русском, казахском, английском и арабском языках, дышит подлинной, осязаемой историей. Арабский читатель узнает мир тех лет. Он проникнет в хронику дней, когда на иракско-саудовской и саудовско-трансирданской границах интриговали британские колонизаторы, а в Джидде — их дипломаты, молодое саудовское государство искало опоры на внешней арене, Эр-Рияд оставался глиняной, никому не известной крепостью, а Красная Москва стремилась утвердиться возле теплых аравийских морей.

Используя подлинные документы советских архивов, автор, имеющий степень доктора политических наук, зримо показывает ставшие частью истории события. Благодаря исследователю наш современник может пересчитать на пальцах число дипломатов при искушенном в восточных хитростях короле и подивиться тому, что представитель безбожного режима, поставившего с ног на голову весь мир, был среди них дуайеном. Книга рисует реальную жизнь молодого королевства, в котором одному из вельмож нужно было «подарить дюжину фарфоровых чашек», а престарелому губернатору Джидды «прислать из Москвы слуховой аппарат». Это вовсе не весь подарочный фонд советского дипломата-казаха

в одной из двух независимых в тот период арабских стран. У его завхоза припасены еще «перочинные ножики, часики и ткани на рубашки детям».

Названный автором «одним из виднейших советских дипломатов первой волны» Назир Тюрякулов готовил визит будущего саудовского короля Фейсала в Москву и Ленинград, обеспечивал первые автомобили саудовцев бензином, а их шатры — керосином, боролся за снабжение кочевников сахаром, спичками и мануфактурой, готовил предоставление товарного кредита на сумму в один миллион фунтов стерлингов и обговаривал вопросы поставок в Джидду советского оружия — трехлинейных винтовок из царских пакгаузов.

Из книги, изданной в яркой обложке и дополненной копиями архивных документов, арабский читатель узнает, что один из самых выдающихся сыновей короля Абдель Азиза — принц Фейсал слушал в Москве оперу «Севильский цирюльник» и любовался коротковолосыми комсомолками на стадионе «Динамо». Особый интерес арабских счастливиц, которым удалось достать книгу, вызывает сделанная в Ленинграде фотография принца рядом с российской, расчесанной на пробор красавицей и «первым красным офицером» Климом Ворошиловым.

В революционной столице было еще посещение ипподрома и даже атеистически крамольного Смольного. Это видно из копий архивных документов, среди которых и программа визита, и постановления Политбюро, и дипломатическая переписка, и записи самого Тюрякулова.

Проработав в Саудовской Аравии почти восемь лет, начиная с 1928 года, казах Назир Тюрякулов проявил природный талант степного мусульманского самородка и оставил в королевстве яркий московский след. Благодаря книге Таира Мансурова этот след не потеряется. Более того, заинтересованного читателя и исследователя он заманивает в интригующую, запечатленную в черно-белых фотокартинах историю.

БЛИЖВОСТОК — КАЗАХСТАН — РОССИЯ

ИТАР-ТАСС 16.04.2003 г.

БЕСЕДА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА РЕДАКТОРОВ ЖУРНАЛА «ТАН-ШОЛПАН» АБДИЖАМИЛА НУРПЕЙСОВА С ДОКТОРОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК ТАИРОМ МАНСУРОВЫМ

А. Н. У нас с Вами давние дружеские отношения. Но не только поэтому я с интересом ознакомился с изданной на четырех языках

(казахском, русском, арабском и английском) Вашей книгой «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова». Предомной предстала действительно яркая и многогранная фигура первого советского полпреда — казаха, деятельность которого протекала в условиях сложнейших международных коллизий 20-30-х годов.

Н. Тюрякулов успешно в течение восьми лет возглавлял дипломатическую миссию СССР в Королевстве Саудовская Аравия, чему во многом способствовал его опыт государственного и общественного деятеля в постреволюционный период в качестве председателя ТуркЦИКа и на других ответственных постах в Туркестане и Москве.

Как Вы пришли к идее изучения дипломатической деятельности И. Тюрякулова, что Вас подвигло к этому, тем более в самый разгар напряженной и сложной работы в качестве посла Казахстана в России?

Т. М. Мне кажется, что сейчас, в период становления и укрепления казахстанской государственности, чрезвычайно важным является раскрытие все еще существующих «белых пятен» в нашей истории, восстановление из небытия имен славных представителей нации, пользовавшихся признанным авторитетом не только в своем отечестве, но и далеко за его пределами. В свое время, работая послом в Москве, я узнал, что в 20—30-х годах прошлого столетия в Королевстве Саудовская Аравия Советский Союз представлял казах — полпред Назир Тюрякулов. Через руководство российского МИДа я добился доступа к материалам, хранящимся в Архиве внешней политики РФ. И по мере их изучения предомной представал образ неудержимого в достижении поставленных целей во имя своего государства талантливый дипломат и искусный мастер пера. Более тысячи страниц переписки полпреда с Центром в виде политотчетов, политписем, записей бесед, докладных записок и т. п. дают всеобъемлющее представление о том, что наш соотечественник являлся поистине ярким представителем первой плеяды советских дипломатов. Я имею в виду не только безграничный диапазон деятельности и интересов полпреда Н. Тюрякулова, но и тот масштабный, по-настоящему государственный подход его в решении актуальных на тот момент вопросов советско-саудовского сотрудничества и политики СССР на ближневосточном направлении в целом.

А. Н. В телепередаче «Хабара» Вы упомянули о том, что завершили предназначенное для широкой общественности биографическое повествование о Н. Тюрякулове. Как я понял, это будет издание в формате ЖЗЛ. Что ж, поздравляю Вас. Несомненно, Вы сделали полезную работу, а главное, большой круг читателей наконец узнает о дипломатическом

периоде жизни нашего замечательного соотечественника. Расскажите немного об этой книге.

Т. М. Назир Тюрякулов — главный персонаж этой книги — с полным основанием может быть причислен к творцам советской истории, во всяком случае — истории советской дипломатии. В свое время мне удалось опубликовать материалы из Архива внешней политики РФ и других центральных российских архивов в двух сборниках — «Назир Тюрякулов — полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия» и упомянутой Вами «Аравийской эпопее Назира Тюрякулова». Эти работы по большому счету были адресованы профессиональным дипломатам и специалистам международникам, и я пришел к выводу, что за их обложкой осталась значительная часть повседневной жизни Тюрякулова на аравийской земле, его устремления и переживания, безусловные победы и редкие неудачи. Мне захотелось представить в виде биографического повествования читателю то, что до сего времени было скрыто за сухими строчками отчетов и записок, отправлявшихся полпредом в Центр, за протокольными фразами речей и посланий саудовского монарха, за бесстрастными свидетельствами репрессий 30-х годов — документами НКВД, протоколами ареста, справками о расстреле и последующей реабилитации.

Насколько мне это удалось — судить читателю. И все же смею надеяться, что впечатляющая деятельность Назира Тюрякулова в Саудовской Аравии, как и сама личность полпреда, будут еще долго оставаться достойным примером для новых поколений дипломатов, а мы воздаем ему должное как политику, дипломату и гражданину, имя которого навсегда останется в народной памяти.

«Тан-Шолпан». № 1, 2003

БОЛЬШЕВИК В КОРОЛЕВСТВЕ

Аравийская миссия Назира Тюрякулова

Что знает наш читатель о дипломате и публицисте Назире Тюрякулове? Между тем этот человек, чье 110-летие со дня рождения мы отмечаем, — видный деятель советского государства, известный дипломат и публицист с необычной судьбой. С 1928 по 1936 год он представлял СССР в качестве полпреда в Королевстве Саудовская Аравия,

активно содействовал развитию политических и торгово-экономических связей между двумя странами. В течение долгих лет его имя было известно лишь узкому кругу специалистов-международников.

Дипломатической деятельности Назира Тюрякулова — первого полпреда-казаха — посвящена изданная в Москве на четырех языках (русском, казахском, английском и арабском) книга доктора политических наук Таира Мансурова «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова». Мы попросили автора рассказать о своем герое и причинах, побудивших его написать книгу.

— Эпоха тридцатых тесно связана с современностью, — говорит Таир Аймухаметович. — Вот пример такой связи: полпреду Тюрякулову приходилось брать на себя основной груз забот по вопросам торгово-экономического сотрудничества. Одним из наиболее ярких его достижений стала так называемая «бензиновая сделка». По личной просьбе короля Саудовской Аравии он организовал поставку туда из СССР нефтепродуктов. К 1931 году — моменту реализации «бензиновой сделки» — в саудовском королевстве, как, впрочем, и на всем Ближнем Востоке, наступала «автомобильная эра». В то время еще не были разведаны богатейшие в мире месторождения саудовской нефти, и поэтому организованная Тюрякуловым «бензиновая сделка» имела важное значение — не только экономическое, но и политическое. В конечном счете она способствовала ослаблению монополии традиционных западных поставщиков. Согласитесь, что об этом важно помнить и сегодня.

— Видимо, Тюрякулов был незаурядной личностью, коль скоро смог добиться таких результатов. Расскажите о его жизненном пути.

— Многочисленные таланты проявлялись у него с юности. Назир родился в 1892 году в семье казахского коммерсанта и по окончании коммерческого училища поступил в Московский коммерческий институт. Здесь перед целеустремленным юношей открылись новые возможности. Кроме экономических дисциплин, стал изучать иностранные языки, тяга к которым у него проявилась с детства. Прекрасно владел русским, разговаривал на турецком, французском и немецком.

Тюрякулова привлекала деятельность революционных кружков. Был в рядах левых эсеров, присоединился к большевикам, вступил в Красную Армию. Занимал ряд видных постов сначала на Турк-фронте, а затем в рядах Среднеазиатского бюро В КП (б). Был председателем ЦИК Туркестана. Занимал ряд должностей в Москве, в том числе заместителя ректора Института народов Востока. И когда встал вопрос о полпреде в

Саудовском государстве, кандидатура Тюрякулова не вызвала возражений.

В записке замнаркома иностранных дел Карахана, адресованной непосредственно Сталину, говорится, что коллегия НКВД «наметила в Геджас кандидатуру тов. Н. Тюрякулова, являющегося одним из крупных знатоков мусульманского мира и мирозозерцания и вполне приспособленного к проведению той сложной и тонкой политики, которая требуется от наших представителей в Геджасе». В этой же записке указывается, что «тов. Н. Тюрякулов сам неоднократно выражал свое желание принять этот пост, который дает возможность обозреть весь мусульманский мир от Марокко до Индонезии».

— *Не возникали ли у него проблемы как у большевика, работающего в государстве, где находятся главные святыни ислама?*

— Представьте, нет. Наоборот, на протяжении восьми лет своего пребывания в Саудовской Аравии Тюрякулов пользовался особым расположением со стороны короля и его окружения. Этому во многом способствовали и его языковые навыки. Советский полпред очень быстро довел до совершенства свой арабский. Как свидетельствовали коллеги, он был настолько красноречив, что мог полемизировать на нем с местными богословами, а также выступать перед королем и его окружением во время торжественных церемоний.

— *Видимо, как уроженец Востока он прекрасно чувствовал все его «тонкости»?*

— Да, оказавшись в самом центре исламского мира, он прекрасно понимал, что огромное число проблем было бы невозможно решить без проявления глубокого понимания религиозной жизни страны и должного уважения к мусульманским обрядам и обычаям. Поэтому неоднократно совершал как большой, так и малый хадж.

— *А каковы в то время были основные стратегические интересы Москвы в Аравии?*

— Москва не без основания претендовала тогда на роль одного из основных друзей Саудовской Аравии. Весьма примечательно, что Тюрякулова не смущал тот факт, что ему приходилось действовать в окружении традиционных партнеров королевства из числа западных стран. Не надо забывать, что весь арабский мир, за исключением Саудовской Аравии и Йемена, в то время находился фактически в полуколониальной зависимости от Англии и Франции. Советский полпред смог не только установить самые тесные, по его собственному утверждению, поистине «братские» отношения с королем Абдель Азизом аль-Саудом, его сыновьями и королевским окружением, но и построил свою работу так, что

с его мнением не могли не считаться представители западных держав, не говоря уж о Турции и Персии.

Перед ним стояла задача — перевести отношения между двумя странами, выражаясь современным языком, в плоскость тесного многопланового сотрудничества. И надо сказать, что это в значительной степени удалось. Чем, как не подлинно дружественным характером отношений, можно объяснить постановку в середине 30-х королем аль-Саудом вопроса о поддержке его со стороны СССР в «военно-политических вопросах» и о приобретении в Советском Союзе оружия «всех видов».

Одним из наиболее ярких достижений Назира Тюрякулова стала организация официального визита в СССР в 1932 году будущего короля принца Фейсала. В результате договорились о снятии всех ограничений во взаимной торговле и подписании соответствующего договора.

— Как сложилась судьба этого видного дипломата?

— К сожалению, как у многих других ярких личностей того времени. В 1936 году Назир Тюрякулов был отозван в Москву, в 1937-м — репрессирован.

Беседу вел Максим МИРОНОВ.

«Труд» 21 декабря 2002года

ПИСЬМО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА ТАИРУ МАНСУРОВУ

Дорогой Таир!

Прочитал «Аравийскую эпопею», как говорят артиллеристы — залпом. Кропотливо собранная, хорошо написанная, любовно изданная. Не думаю, что ты хотел её приурочить к десятилетию казахстанской дипломатии, но так совпало: именно к этому сроку и вышла книга о первом казахе — после, об удивительном человеке Назире Тюрякулове, чья трагически яркая судьба предельно выразила эпоху. Хотел ты этого или нет, но получилась и перекличка с нашим временем. Читаешь о событиях и судьбах первых двух десятилетий после революции и невольно сравниваешь с нашими. Много общего. Даже то, что и у нас первые послы-полпреды почти все из политики — с опытом государственной и общественной работы. Как много в отношениях государств зависит от личности посла, от его деловых и человеческих качеств — тебе это удалось показать, потому что ты писал «не со стороны», сам восемь лет находился

на самом ответственном участке «дипломатического фронта».

Это, как понимаешь, не рецензия, а читательский отклик. Жду продолжения. И книги, и твоей эпопеи.

Братски обнимаю,
твой Олжас Сулейменов.

Париж. 30 июля 2002 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЗИРА ТЮРЯКУЛОВА

1892 — родился в городе Коканде.

1900 — поступил в Кокандскую «ново-методную светскую школу».

1905 — поступил в Кокандское «русско-туземное училище».

1905–1913 — учился в Кокандском 8-классном коммерческом училище, где вступил в кружок под руководством члена РСДРП К. П. Молдавского.

1913–1916 — учился в Московском коммерческом институте.

1916, *апрель* — поступил на службу в Земский союз («Комитет Западного фронта — Минский район и район Барановичей») инструктором по работе с Туркестанцами. В Минске создал тайную организацию «Еркин дала» («Вольная степь»).

1917 — вступил в ряды левых эсеров.

июнь — редактор газеты областного ревкома, город Оренбург.

1918, *июль* — секретарь Совдепа и комиссар просвещения, город Коканд. *сентябрь* — член Президиума областного ревкома, город Скобелево (Туркестан), и заведующий Отделом народного образования.

1918, *октябрь* — примкнул к большевикам. Став членом РКП (б), вступил добровольцем в Красную Армию. Начальник политуправления Конной Армии в Туркестане.

1919, *ноябрь* — преподаватель политкурсов Политуправления Туркестанского фронта, город Ташкент.

1920, *март* — комиссар просвещения, город Ташкент.

июнь — ответственный секретарь ЦК Компартии Туркестана, город Ташкент.

1921, *май* — 1922, *июнь* — председатель ЦИК Туркестанской республики,

член Среднеазиатского ЦК РКП(б), член РВС Туркфронта, город Ташкент.

1922, *июнь* — 1928, *июнь* — председатель правления Центроиздата при ЦИК СССР, город Москва.

1928, *июнь* — 1936, *март* — полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия, город Джидда.

1936–1937 — научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института языка и письменности при Совете Национальностей СССР.

1937, 17 июля — арестован органами НКВД.

3 ноября — расстрелян.

1958, 28 января — приговор в отношении Н. Тюрякулова отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

иллюстрации

Н. М. Горюнов

Брат Назира Тюрякулова — Кадыр. Активный участник Гражданской войны в Туркестане.

Умер в 1960 году в городе Пскенте.

В Училищном Казенном
по проверке и исправлению счетов
Казенно-хозяйственной части Тюремного
Управления
Тюремного Казенного Тюремного
Управления
Автобиография
Составлена в 1922 году в городе Казани
Тюремной частью (составленной) и
Личности Казенного
В данном случае была и была рассмотрена
вспомогательная под руководством инспектора, по
каждому случаю на основании, сего
на основании в старой форме
над не только в настоящее время
иногда в настоящее время
приведен образ записки в
на основании этого случая.
Начальство тюрьмы образовано в
качестве (нов. методика, состав
иногда в настоящее время в Казани (1900.)

Первая страница рукописной автобиографии Н. Тюркулова. 1922 г.

Преподаватели и выпускники Кокандского коммерческого училища. Крайний слева в первом ряду — Н. Тюрякулов.

Коканд, 1914 г.

Мирные переговоры представителей РСФСР и Туркестанской республики с руководителями басмаческого движения. В центре сидят — член Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, зам. наркома иностранных дел А. Иоффе, секретарь ЦК компартии Туркестана Н. Тюрякулов, член ТуркЦИКа Р. Рахимбаев.

Маргеланский уезд Ферганской области, июль 1921 г.

Нарком иностранных дел РСФСР и СССР Г. В. Чичерин (1918–1930).

Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов (1930–1939).

Г. В. Чичерин и Л. М. Карахан в Наркоминделе.

В К Р У Г О В О Д. №. СХ СССР № 234 - 17

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
С О В Е Т А С.С.Р.-

О назначении г. ТЮРЯКУЛОВА Н.Т. Полномочным Представителем
Союза ССР в Хиджазе.-

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза
ССР П О С Т А Н О В Л Я Е Т:

Назначить г. ТЮРЯКУЛОВА, Надия Тиракуловича полномочным
представителем Союза Советских Социалистических Республик в
Хиджазе.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА ССР -

СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА ССР -

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОММУНАРОВ СОВЕТА ССР -

УПРАВЛЯЮЩИЙ СОВЕТА НАРОД-
НЫХ КОММУНАРОВ СОВЕТА ССР и С Т О

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОММУНАРОВ СОВЕТА ССР

Секрет.
18 * XI-1927г.

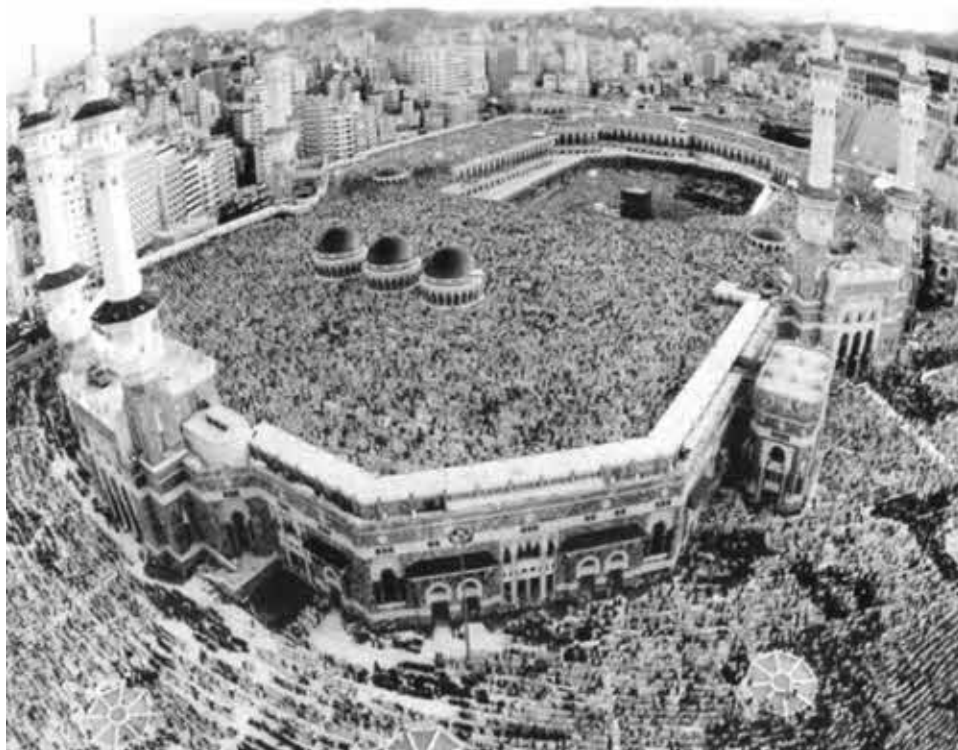
(просьба расписываться на-обороте)

Постановление Президиума ЦИК СССР о назначении Н. Тюрякулова Полномочным представителем СССР в Хиджазе. 1927 г.

Руководители Советского государства: И. В. Сталин, М. И. Калинин, В. М. Молотов.

1929 г.

Святая мечеть в Мекке и Священная Кааба.

Мечеть Пророка в Медине.

Основатель Саудовского государства, король Абдель Азиз бен Абдуррахман аль-Фейсал альСауд.

من عبد العزيز ابن عبد الرحمن اليعنيل ملك الحجاز وحيد ويطحقنا الى صاحب الفخامة رئيس اللجنة التنفيذية
بمركزه لاتحاد الجمهوريات السوفيتية الاشتراكية
يا صاحب الفخامة لقد كان من دواخي سرورنا ان تلقى كتابكم المؤرخ في ايلول ١٩٦٨ والذي يخبرونا به من
ان رغبة حكومتكم الفخيمة في تحسين العلاقات الودية التي لا تزال قائمة بين بلادنا انقضت تعيين سمادة تدبر
توركاوالمعتمد سببا وقهلا حثالا لدنيا انه نظرا لضعفنا في ما حصة ديارنا الاتحاد به فقد تقبل ولدنا وتاثيرنا
في الحجاز (يعنيل) معتمدكم بقبول حسن وتعبان تكونوا على ثقة انه سيلقى منا ومن رجال حكومتنا كرها يتوجه
بجامعة ريفية في تحسين العلاقات الودية الحميمة بين البلدين وانه ليسرنا ان نتمتع هذه الفرصة لعرب لكم من
تتمنا تاني ان تكونوا وسعجب حكومتكم الفخيمة على احسن ما يكون من الرفاه والسعادة

*Послание короля Абдель Азиза альСауда Председателю Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин
по случаю прибытия Н. Тюрякулова в Хиджаз (пер. на русский язык см. в прилож. I).*

Король Сауд бен Абдель Азиз альСауд.

Годы правления: 1952–1964

Аккредитованные в Джидде иностранные дипломаты с сыном короля принцем Фейсалом. Сидят (слева направо): Фауд Хамза — и. о. министра иностранных дел, Лари Эфенди — консул Персии, Шефкет-бей — поверенный в делах Турции, Н. Тюрякулов — полпред СССР, дуайен дипкорпуса в Джидде, саудовский принц Фейсал, Бонд — дипагент и генконсул Великобритании, Мегрэ — дипагент Франции, Солаццо — консул Италии.

Король Фейсал бен Абдель Азиз альСауд.

Годы правления: 1964–1975

بسم الله الرحمن الرحيم

من عبد العزيز بن عبد الرحمن الفيصل آل سعود .

ملك الحجاز ونجد وملحقاتها .

إلى حضرة صاحب الفخامة . كاليينين .

رئيس اللجنة التنفيذية له لاتحاد الجمهوريات الاشتراكية الاغربية .

يا صاحب الفخامة .

ان من دواعي سرورنا وابتهاجنا ان نلقى كتابكم الكريم الذي اطمنونا فيه بتعيينكم للرئيس نذير توره . فوالله لو لم يلفد وزير نفوس ومندوب في العادة تجاه حكومتنا وتنقلا لتعييننا في ديارنا النجدية فقد تقبل ولدنا وناتينا في الحجاز (فبعض) اوراق امتداد المذكور بالسيا به عنا . ونحب ان نكونوا على شفا من ان الوزير النفوس والمندوب في العادة المشار اليه سيلقي منا ومن رجال حكومتنا كروا به وحسن معاظفة . كما انه سيجري ان الرغبة في تعيين العلاني الودية الحبا الغائبة لحسن اخذ بسبيل اليلاد هي رغبته شتركة غايلها بالسرو والابتهاج . وانه ليسرنا ان نعرف لعمامكم من نصيبنا لنا الطيبة لدوام رفاكم ورفنا .

الامسة السوفيتية النبيلة .

حرر في قصرنا في هذا اليوم العاشر من شهر شوال سنة الف وثلاثمائة وثاني

واربعين الموافق لليوم العاشر من شهر مارس سنة - ١٣٤٠
عبد العزيز
الملك

١٠

Послание короля Абдель Азиза альСауда Председателю Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин
по случаю назначения Н. Тюрякулова Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром
СССР (пер. на русский язык см. в прилож. I). 1930 г.

Ночной Эр-Рияд — столица Саудовской Аравии.

Принц Фейсал, и. о. наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинский, и. о. министра иностранных дел Хиджаза, Неджда и присоединенных областей Ф. Хамза, зам. наркома иностранных дел СССР Л. Карахан и другие официальные лица на Белорусском вокзале во время визита саудовской делегации в Москву. 1932 г.

Г. К. Орджоникидзе — нарком тяжелой промышленности СССР

Принц Фейсал в Ленинграде в сопровождении К. Е. Ворошилова и других официальных лиц.

Назир Тюрякулов с дочерью Анелью.

Н. Тюрäкyлов в застенках НКВД. 1937 г.

С. С. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 2891

Июль 15 дня 1937 г.

Выдан _____
_____ Главного
правления Государственной Безопасности НКВД
ов. _____ на производство
_____ ареста и обыска
_____ Тюрякулова
_____ Назыра
адрес ул. Серафимовича 9.2 кв. 309

Место
для
печати

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР
Комиссар
Государственной Безопасности 1-го ранга
Начальник Второго Отдела ГУГБ
Комиссар
Государственной Безопасности 3-го ранга

Правка 82

Ордер на арест Н. Тюрякулова. 1937 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев А. М.* История Саудовской Аравии (1745–1982). М., 1982.
- Васильев А. М., Вобликов Д. Р.* Саудовская Аравия // В кн.: Новейшая история арабских стран Азии. М., 1985.
- Карпов В.* Генералиссимус. М., 2002.
- Лоуренс Аравийский.* Семь столпов мудрости / Пер. с англ. СПб.: Азбука, 2001.
- Мансуров Т.* Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова. М.: Реал-Пресс, 2001.
- Назир Тюрякулов — полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия. М.: Русский Раритет, 2000.
- Троцкий Л.* Предстоящий процесс дипломатов // «Бюллетень оппозиции», № 68, 69, 1938, июль.
- Троцкий Л.* Преданная революция / Пер. с англ. Б. Френкеля. М.: Центр соц. культурных инициатив и программ, 1992. Приложение: «Преданная революция» сегодня.
- Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Lawrence B. B.* Defenders of God: The Fundamentalist Revolt Against the Modern Age. San Francisco: Harper & Row Publishers, 1989.
- Hempher M.* Confession by a British spy. Istanbul, 1992.
- Lewis B.* Islam and the West. New York-Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Pipes D.* The Long Shadow. Culture and Politics in the Middle East. London: A Foreign Policy Research Institute Book, 1989.
- Philby H. St. J. B.* Arabia. New York: C. Scribner's Sons, 1930.
- Philby H. St. J. B.* Arabian days, an autobiography. London: R. Hale, 1948.

INFO

Мансуров Т. А.

М 23 Полпред Назир Тюрякулов / Вступ. ст. Е. М. Примакова. — М.: Молодая гвардия, 2004. - 371 [13]с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып 896).

ISBN 5-235-02687-X

УДК 82–94

ББК 63. 3(2)61

Мансуров Таир Аймухаметович

ПОЛПРЕД НАЗИР ТЮРЯКУЛОВ

Главный редактор *А. В. Петров*

Редактор *И. В. Черников*

Художественный редактор *М. Е. Рябко*

Технический редактор *Н. И. Михайлова*

Корректор *Г. А. Мещерякова*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 19.12.2003. Подписано в печать 11.06.2004. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,22 + 0,84. Тираж 5000 экз. Заказ 43547.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Суцеская ул., 21. Internet: [http:// mg. gvardiya.ru](http://mg.gvardiya.ru)
E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Суцеская ул., 21.